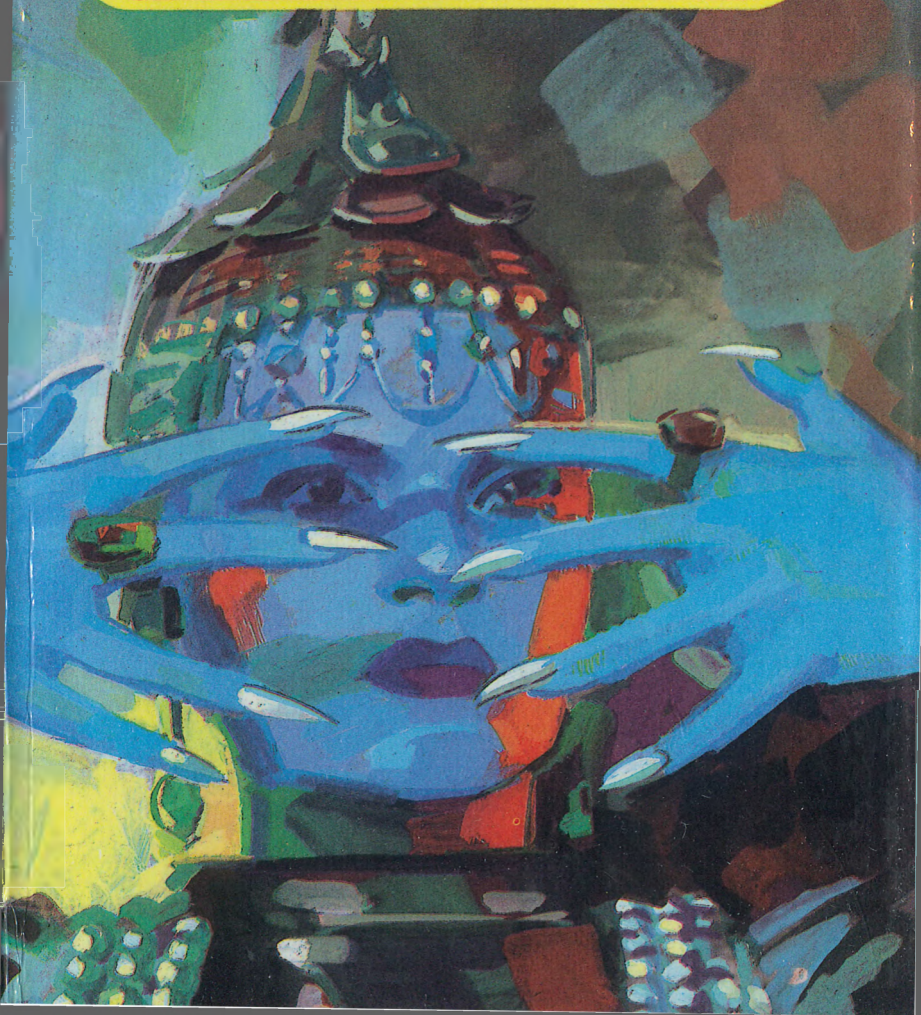

ORION

Р. ЖЕЛАЗНЫ

БОГ СВЕТА
ПОВЕЛИТЕЛЬ СНОВИДЕНИЙ

ORION

Р.ЖЕЛАЗНЫ

**БОГ СВЕТА
•
ПОВЕЛИТЕЛЬ
СНОВИДЕНИЙ**

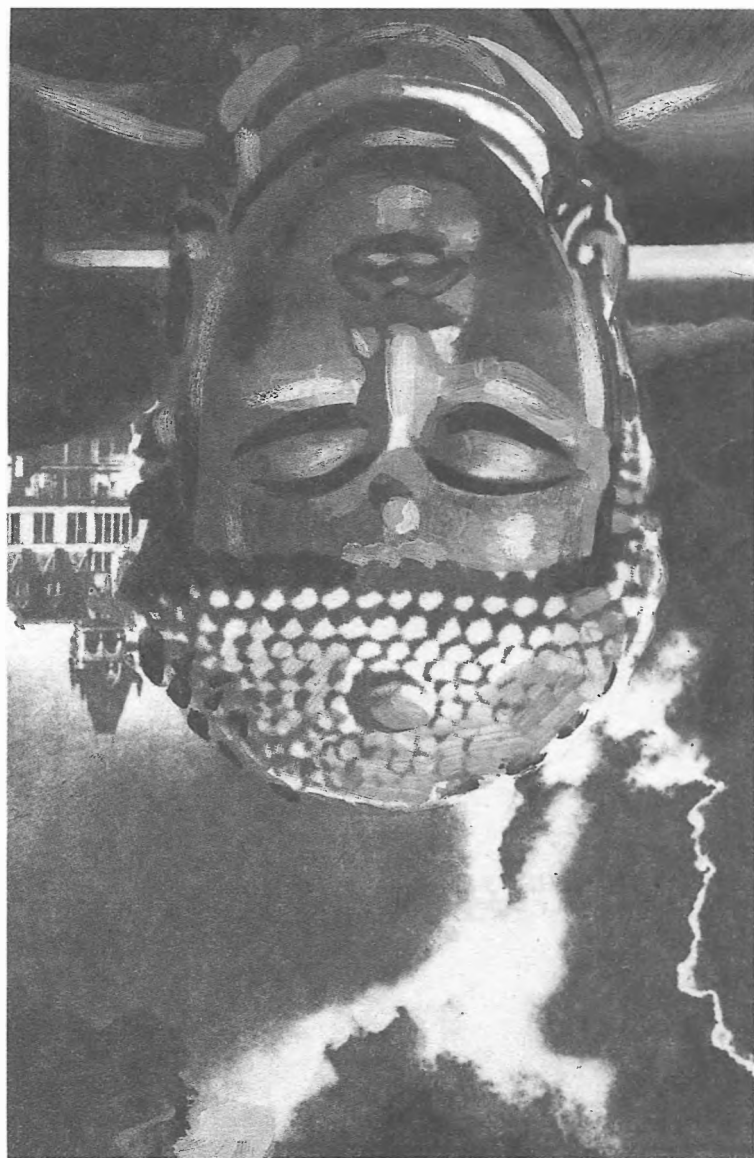
Библиополис
Санкт-Петербург

**Желязны Р. «Бог Света», «Повелитель сновидений»: Пер. с англ.—
С.-Пб.: ИКА «ТАЙМ-АУТ». 1992.—384 с.**

- © Составление ИКА «ТАЙМ-АУТ»;
ФМБ «ПИРАЛ»; Корпорация «НЕВА-СИТИ», 1992
© Л. Епифанов, иллюстрации, оформление, 1992
ISBN 5-85990-045-7

БОГ СВЕТА

Глава 1

Говорят, что спустя пятьдесят три года после Освобождения он вернулся из Золотого Облака, чтобы еще раз бросить вызов Небесам, воспротивиться Порядку Жизни и богам, установившим этот Порядок. Его приверженцы молились о его возвращении, хотя их молитвы были греховными, ибо молитва не должна тревожить того, кто ушел в Нирвану, независимо от обстоятельств, вызвавших его уход. Тем не менее, носители шафрановых одежд молились, чтобы Он, Меч, Манджушри, снова пришел к ним. И Бодхисаттва, говорят, услышал...

У него уничтожены желанья,
и он не привязан к пище,
его удел — освобождение,
свободное от желаний и условий.
Его стезя, как у птиц в небе,
трудна для понимания.*

Дхаммапада (93)

Приверженцы называли его Махасаматман и говорили, что он был Богом. Он, однако, предпочел отбросить Маха- и -атман и называл себя Сэмом. Он никогда не уверял, что он Бог, но никогда и не говорил, что он не Бог. Обстоятельства были таковы, что никакое признание не могло бы принести пользу. А молчание могло.

Поэтому он был окружен тайной.
Это было в сезон дождей...
Это было во время великой сырости...

В дни дождей поднялись их молитвы, и не от перебирания узлов молитвенных шнуров, не от верчения молитвенных ко-

---

* — Перевод В. Н. Топорова

лес, а от большой молитвенной машины в монастыре Ратри, Богини Ночи.

Высокочастотные молитвы были направлены вверх сквозь атмосферу и дальше, в то Золотое Облако, называемое Мостом Богов, которое окружает весь мир, выглядит, как бронзовая радуга в ночи, и где красное солнце становится оранжевым в середине.

Некоторые монахи сомневались в ортодоксальности этих технических молитв, но машина была построена и пущена в ход Ямой-Дхармой, падшим Небесного Города; и, говорили, он много веков назад построил мощную громовую колесницу Бога Шивы: эта машина летала через небо, оставляя за собой стусски огня.

Несмотря на то, что Яма впал в немилость, он все еще считался непревзойденным мастером, хотя Боги Города, без сомнения, уморили бы его реальной смертью, если бы узнали о молитвенной машине. Но нет также никакого сомнения в том, что они уморили бы его реальной смертью и без молитвенной машины, если бы он попал под их опеку. Каким образом он уладит этот вопрос с Богами Кармы — это уж его дело, но никто не сомневался, что он найдет пути, когда настанет время. Он был наполовину так же стар, как и сам Небесный Город, а едва ли десяток Богов помнили, как было основано их жилище. Все знали, что он был мудрее Бога Куберы в областях Мирового Огня. Но это были меньшие его атрибуты. Он был более известен другими аспектами, хотя мало кто из людей говорил о них. Высокий, но не чрезмерно, крупный, но не тяжелый, он двигался медленно и плавно. Он носил красное и говорил мало.

Он ухаживал за молитвенной машиной, и гигантский металлический лотос, который он поставил на крыше монастыря, вертелся и вертелся в своем гнезде.

Легкий дождь падал на здание, на лотос и на джунгли у подножия гор. За шесть дней Яма выпустил много киловатт молитв, но статика уберегала его от того, чтобы их услышали Наверху. Он шепотом взывал к наиболее известным из обширного потока божеств, обращаясь к их наиболее выдающимся атрибутам.

Раскат грома ответил на его просьбы, и маленькая обезьянка, помогающая Яме, хихикнула.

— Твои молитвы и твои проклятия действуют одинаково, Бог Яма, — комментировала она. — Можно сказать, никак.

— Тебе понадобилось семнадцать воплощений, чтобы дойти до этой истины? — сказал Яма. — Тогда понятно, почему ты все еще обезьяна.

— Вовсе нет, — сказала обезьяна, которую звали Тэк. —

Мое падение, хоть и менее эффектное, чем твое, не включало элементов личной злобы со стороны...

— Заткнись! — сказал Яма и повернулся спиной к обезьяне.

Тэк понял, что, видимо, коснулся больного места. В попытке найти другую тему для разговора он подбежал к окну, прыгнул на широкий подоконник и уставился вверх.

— На западе прорыв в облачном покрытии — сообщил он.

Яма проследил по направлению взгляда Тэка, нахмурился и кивнул.

— Да. Оставайся здесь и сообщай мне. — И он подошел к панели управления.

Лотос наверху перестал вращаться, а затем повернулся к пятну чистого неба.

— Прекрасно, — сказал Яма. — Мы что-то получаем.

Под ними, в подземных кельях монастыря, был получен сигнал и тоже начались приготовления к приему гостя.

— Облака снова сомкнулись, — сказал Тэк.

— Теперь это уже неважно! Мы загарпунили нашу рыбу. Она идет из Нирваны в лотос.

Еще один удар грома, и дождь, подобно граду, застучал по лотосу. Змеи голубых молний свивались, шипя, над вершинами гор.

Яма замкнул последнюю цепь.

— Как ты думаешь, он снова воплотится в том же теле? — спросил Тэк.

— Иди, чисти бананы своими лапами!

Тэк решил, что его отпускают, и вышел из комнаты, оставив Яму закрывать машину. Он прошел по коридору и вниз по широкой лестнице. Дойдя до площадки, он остановился, услышав голоса и шарканье сандалий; шли со стороны зала.

Он без колебаний вскарабкался на стену по резьбе, изображающей пантер и слонов. Поднявшись на балку, он отклонился в глубокую тень и застыл в ожидании.

Сквозь арку прошли два монаха в темно-красных накидках.

— Почему она не расчистила им небо? — спросил один.

Второй, постарше, более грузного сложения, пожал плечами.

— Я не настолько мудр, чтобы отвечать на такие вопросы. Она в тревоге, это ясно, иначе никогда не даровала бы им это святилище, а Яме — его использование. Но кто может указать границы Ночи?

— Или настроение женщины, — сказал первый. — Я слышал, что даже жрецы не знали о ее появлении.

— Возможно. Но в любом случае это кажется хорошим предзнаменованием.

— Похоже, так.

Они прошли через другую арку, и Тэк прислушивался к их шагам, пока они не затихли совсем.

Но все еще не оставлял своего наместа.

«Она», о которой упоминали монахи, могла быть только самой Богиней Ратри, почитаемой орденом, которому было дано святилище последователей Сэма Великодушного, Светлейшего. Теперь Ратри тоже была в числе отпавших от Небесного Города и носила смертную плоть. У нее вечно были причины злиться по всякому поводу, и Тэк понимал: если приняли в дарованное святилище, но в соглашение не входило ее личное присутствие. Это могло подвергнуть опасности возможность ее будущего восстановления, если слово об этом дойдет до надлежащих ушей. Тэк вспомнил, как темноволосая красавица с серебряными глазами ехала в лунной колеснице из эбенового дерева и хрома, запряженной черными и белыми жеребцами; ее охрана тоже была черная и белая. Она поднималась по Небесному Проспекту и соперничала в славе с самой Сарасвати. Сердце Тэка заколотилось в волосатой груди. Он снова видел ее. Однажды, очень давно, в счастливые времена и в лучшем теле он танцевал с ней на балконе под звездами. Это длилось всего несколько секунд. Но он вспомнил об этом; тяжелое дело — быть обезьяной и иметь такие воспоминания.

Он спустился с балки.

Из северо-восточного угла монастыря поднималась башня, высокая башня. Там была комната. Ее велено было содержать для пребывания Богини. Комнату ежедневно убирали, меняли постельное белье, курили свежий фимиа, приношения по обету клались прямо под дверь, которую обычно запирали.

Там, конечно, были окна. Вопрос, мог ли человек войти в одно из этих окон, оставаясь незамеченным. Тэк доказал, что обезьяна может.

Взобравшись на монастырскую крышу, он начал подниматься, передвигаясь от одного скользкого камня к другому, от выступа к неровности. Небо по-собачьи рычало над ним. В конце концов он повис на стене как раз над внешним подоконником.

Дождь продолжал лить. Тэк услышал, что в комнате пост-птица, увидел край мокрого синего шарфа, висящего над подоконником. Он ухватился за выступ и подтянулся, чтобы заглянуть внутрь.

Она сидела спиной к нему на маленькой скамеечке в дальнем конце комнаты. На ней было темно-синее сари.

Тэк влез на подоконник и откашлялся.

Она быстро обернулась. На ней была вуаль, так что черты лица нельзя было различить. Она посмотрела на Тэка сквозь нее, затем встала и перешла комнату.

Он был в ужасе. Ее фигура, когда-то гибкая, раздалась в талии; когда-то она ходила, легко покачиваясь, а сейчас шла вперевалку; лицо стало смуглым; нос и подбородок слишком выдавались вперед — это было заметно даже под вуалью.

Он склонил голову.

— Итак, ты потянулась за нами, когда мы шли домой, как птицы к своему гнезду на дереве... — запел он.

Она стояла неподвижно, как статуя в главном холле.

— Охраняй нас от волка и волчицы, охраняй нас от вора, о Ночь, и мы пройдем спокойно.

Она медленно протянула руку над его головой.

— Я благословляю тебя, маленькое существо, — сказала она. — К несчастью, я могу дать тебе только это. Я не могу предложить защиту или дать красоту, потому что мне самой не хватает этого. Как тебя зовут?

— Тэк.

Она коснулась своего лба.

— Когда-то в далекие дни, в далеком месте я знала Тэка...

— Я и есть тот Тэк, мадам.

Она тоже села на подоконник, и он заметил, что она плачет.

— Не плачь, Богиня. Тэк здесь. Помнишь Тэка из Архивов? Блестящее Копье? Он все еще готов выполнить твой любой приказ.

— Тэк... — сказала она. — О Тэк! Ты тоже...? Я и не знала. Я ничего не слышала...

— Еще один оборот колеса, Богиня... и кто знает? Все еще может стать даже лучше, чем было.

Ее плечи задрожали. Тэк протянул было ладонь, но отвел назад. Она повернулась и взяла его за руку.

Очень нескоро она проговорила:

— Обычный ход событий не вернет нас назад и не уладит дела, Тэк Блестящее Копье. Мы должны идти своим собственным путем.

— Что ты хочешь сказать? Значит — Сэм?

Она кивнула.

— Только он. Он — наша надежда против Неба, дорогой Тэк. Если его удастся вызвать, у нас будет шанс жить снова.

— И ты ухватила за этот шанс и потому сидишь в зубах тигра?

— Почему же? Когда нет реальной надежды, приходится придумывать свою. Даже фальшивая монета может пройти.

— Фальшивая? Значит, ты не веришь, что он был Буддой?

Она коротко рассмеялась.

— Сэм был величайшим шарлатаном на памяти Богов и людей. И он был также достойнейшим противником Тримурти. Не гляди на меня с таким возмущением, Архивист! Ты знаешь, что он украл суть своей доктрины, пути и знания, он все похитил из запретных доисторических источников. Это было оружием, и только. Его величайшей силой было лицемерие. Если бы мы смогли вернуть его...

— Богиня, святой он или шарлатан, но он вернулся.

— Не шути со мной, Тэк.

— Богиня и госпожа, я как раз был рядом с господином Ямой, когда он выключил молитвенную машину, недовольный своим успехом.

— Рискованно было выступить против таких мощных сил. Бог Агни сказал однажды, что подобную вещь сделать невозможно.

Тэк встал.

— Богиня Ратри, кто, будь он Бог или человек, или нечто среднее, знает об этих делах больше Ямы?

— Я не могу ответить на этот вопрос, Тэк, потому что ответа нет. Но как ты можешь с уверенностью сказать, что он поймал в сети именно нашу рыбу?

— Ведь он Яма.

— Тогда возьми мою руку, Тэк, и проводи меня, как бывало. Посмотрим на спящего Бодхисаттву.

Тэк повел ее за дверь, вниз по лестнице, в нижние комнаты.

* * *

Свет, но не от факелов, а от заполнявших помещение генераторов Ямы. Ложе, стоявшее на платформе, было ограждено с трех сторон экранами. Большая часть машин тоже была замаскирована экранами и портьерами. Махаи-прислужники в желтом тихо двигались по большой комнате. Яма, мастер-механик, стоял возле ложа.

Когда Ратри и Тэк подошли, несколько хорошо вышколенных, невозмутимых монахов тихо ахнули. Тэк повернулся к женщине, стоявшей рядом с ним... и отступил на шаг; у него захватило дух.

Не было больше унылой маленькой матроны, с которой он только что разговаривал: она снова стала бессмертной Ночью, о которой писали: «Богиня заняла большое пространство, от глубин до высот. Ее излучение вытесняет тьму».

Он увидел ее и тут же зажмурился. Вокруг нее еще был налет отчужденности.

— Богиня... — начал он.

— К спящему, — приказала она. — Он шевелится.

Они подошли к ложу.

Впоследствии на фресках бесчисленных коридоров, на стенах храмов и на потолках многих дворцов было нарисовано или вырезано пробуждение того, кого знали под различными именами: Махасаматман, Калкин, Манджушри, Сиддхарта, Татхагата, Связующий, Майтрея, Просвещенный, Будда и Сэм. Слева от него стояла Богиня Ночи, справа — Смерть; Тэк, обезьяна, скорчился у подножия постели, как извечный намек на сосуществование животного и божества.

Он был в обычном смуглом теле среднего веса и возраста; черты лица правильные, ничем не выделяющиеся. Когда он открыл глаза, они оказались темными.

— Приветствую тебя, Бог Света! — сказала Ратри.

Глаза заморгали. Они еще не сфокусировались. В комнате никто не шевелился.

— Приветствую тебя, Махасаматман-Будда! — сказал Яма.

Глаза смотрели вдаль, не видя.

— Привет, Сэм! — сказал Тэк.

Лоб слегка сморщился, глаза задвигались, взгляд их упал на Тэка, двинулся к другим.

— Где...? — спросил он шепотом.

— В моем монастыре, — ответила Ратри.

Он без выражения смотрел на ее красоту. Затем так плотно закрыл глаза, что в углах их образовались морщины. Блезненная улыбка искривила рот, обнажив стиснутые зубы.

— Ты и вправду тот, кого мы назвали? — спросил Яма.

Он не ответил.

— Ты сражался с Небесной армией на отмелях Ведры?

Губы ослабли.

— Ты любил Богиню Смерти?

Глаза блеснули. Слабая улыбка пробежала по губам.

— Это он, — сказал Яма. — Кто ты, человек?

— Я? Я никто, — ответил тот. — Наверное, лист, попавший в водоворот. Перо на ветру...

— Очень плохо, — сказал Яма, — потому что в мире

хватает листьев и перьев, и я работал так долго не для того, чтобы увеличивать их число. Я хотел иметь человека, который может продолжать войну, прерванную его отсутствием, человека сильного, способного противостоять мощной воле Богов. И я думаю, ты и есть тот человек.

— Я.., — он снова скосил глаза, — Сэм. Я — Сэм. Когда-то, очень давно... я сражался, да? Много раз...

— Ты Великодушный Сэм, Будда. Ты вспоминаешь?

— Может, я и был... — В его глазах медленно зажегся огонь. — Да. — Да, я был им. Самый униженный в гордости, самый гордый в унижении. Я сражался. Я изучал Путь. Я снова сражался, снова изучал, пытался использовать политику, магию, яд... Я бился в великом сражении, таком страшном, что само солнце отвернуло свой лик от резни, бился с людьми и Богами, с животными и демонами, с духами земли и воздуха, огня и воды, с лошадьми, мечами и колесницами...

— И ты проиграл, — сказал Яма.

— Да, я проиграл. Но зато мы показали им, разве нет? Ты, Бог Смерти, вел мою колесницу. Теперь я все вспомнил. Нас взяли в плен, и Боги Кармы были нашими судьями. Ты убежал с помощью энергии смерти и Пути Черного Колеса. А я не смог.

— Правильно. Твое прошлое было выставлено перед нами. Ты был осужден. — Яма взглянул на монахов, которые теперь сидели на полу, склонив головы, и понизил голос. — Уморить тебя реальной смертью означало бы сделать из тебя мученика. Отпустить тебя в мир в каком бы то ни было теле — это оставить дверь открытой для твоего возвращения. И так же, как ты украл свои доктрины у Гаутамы в другом месте и времени, они утаили от людей рассказ о конце этого дня. Судьи решили, что ты заслуживаешь Нирваны. Твой Атман был проецирован, но не в другое тело, а в магнитное облако, окружающее планету. Это было полстолетия назад. Теперь ты официально — воплощение Вишну, чье учение было неверно истолковано некоторыми ревностными его последователями. Ты лично продолжал существовать только в форме самосохраняющихся длинных волн, которые мне и удалось ухватить.

Сэм закрыл глаза.

— И ты ПОСМЕЛ привести меня обратно?

— Правильно.

— Я все время знал о своем состоянии.

— Я так и думал.

Он открыл горящие глаза.

— И ты посмел вызвать меня ОТТУДА?

— Да.

Сэм наклонил голову.

— Правильно тебя называли Богом Смерти, Яма-Дхарма. Ты вырвал у меня решающий опыт. Ты разбил на темном камне своей воли то, что лежит за пределами восприятия и смертной славы. Почему ты не оставил меня там, где я был, в океане бытия?

— Потому что мир нуждается в твоём смирении, в твоей набожности, в твоём великом учении и в твоём макиавеллиевском интриганстве.

— Яма, — сказал Сэм, — я стар. Я так же стар, как и человек в этом мире. Я был одним из Первых, ты же знаешь. Один из самых первых, пришедших сюда строить, селиться. Все остальные теперь уже или мертвы, или стали Богами — Deus ex machine... Удача приходила и ко мне, но я упускал ее. Много раз. Я никогда не хотел быть Богом, Яма. В самом деле. Только позднее, когда я увидел, что они делают, я начал собирать силу, которая могла бы быть моей. Но было уже поздно. Они слишком сильны. И теперь я действительно хочу уснуть на века, снова познать Великий Покой, вечное блаженство, слышать песни звезд на берегах великого океана.

Ратри наклонилась и посмотрела ему в глаза.

— Ты нужен нам, Сэм.

— Знаю, знаю. Это вечно повторяющийся анекдот. У тебя норовистая лошадь — бей ее кнутом еще с милю.

Он улыбнулся, и она поцеловала его в лоб.

Тэк подпрыгнул в воздух и приземлился на ложе.

— Человечество ликует, — заметил Будда.

Яма протянул ему накидку, а Ратри — домашние туфли.

* * *

Отвыкая от мирного существования, в котором не осознавалось время, Сэм спал. Он видел сны и выкликал кого-то или просто кричал. У него не было аппетита, но Яма подобрал ему тело крепкое и очень здоровое, способное вынести психосоматический переход из божественного состояния в человеческое.

Но он мог сидеть час неподвижно, глядя на камешек, семя или листок. И в этих случаях его нельзя было отвлечь.

Яма видел в этом опасность и говорил с Ратри и Тэком.

— Нехорошо, что он сейчас уходит таким образом от мира, — сказал он. — Я говорил с ним, но как будто обращался к ветру. Он не может расстаться с тем, что оставил позади. Сама попытка стоит ему силы.

— Возможно, ты неправильно истолковываешь его усилия, — сказал Тэк.

— Что ты имеешь в виду?

— Видишь, как он смотрит на семя, которое положил рядом с собой? Приглядишься к морщинкам в углах его глаз.

— Ну и что?

— Он косит. У него ослабло зрение?

— Нет.

— Почему же он скашивает глаза?

— Чтобы лучше изучить семя.

— Изучить? Это не тот Путь, которому он учил когда-то. Однако, он ИЗУЧАЕТ. Он смотрит на предмет без размышления, ведущего к высвобождению сути.

— Что же он тогда делает?

— Противоположное.

— То есть?

— Он изучает предмет, обдумывает его возможности, стараясь применить их к себе. Он ищет в этом оправдание жизни. Он пытается снова завернуться в покрывало Майи, иллюзии мира.

— Я уверена, что ты прав, Тэк, — сказала Ратри. — Как мы можем помочь ему в его усилиях?

— Трудно сказать, госпожа.

Яма кивнул. Его темные волосы заблестели в луче солнца, проникшем через узкую галерею.

— Вы ткнули пальцем в то, чего я не видел, — согласился он. — Сэм еще не полностью вернулся, хотя он и в человеческом теле, ходит человеческими ногами, говорит, как мы. Его мысль все еще за пределами нашего кругозора.

— Что же мы будем делать? — спросила Ратри.

— Возьми его в долгую прогулку по окрестностям, — сказал Яма. — Корми его лакомствами. Расшевели его душу поэзией и пением. Найди ему крепкую выпивку — здесь, в монастыре, ее нет. Одень его в яркие шелка. Предоставь ему двух-трех куртизанок. Вытащи его снова в жизнь. Это единственное, что может освободить его от цепей божественности. Дурак я, что не подумал об этом раньше.

— Так оно и есть, Бог Смерти, — заметил Тэк.

Темное пламя метнулось в глазах Ямы, но он улыбнулся.

— Со мной рассчитались за замечания, которые я, вероятно, не подумав, уронил в твои волосатые уши. Я извиняюсь, обезьяна, ты настоящий человек, человек умный и проницательный.

Тэк поклонился. Ратри хихикнула.

— Скажи нам, мудрый Тэк, потому что мы, возможно, слишком долго были Богами и у нас не хватает правильного

угла зрения — как действовать в этом деле очеловечивания Сэма, чтобы он послужил для нужных нам результатов?

Тэк поклонился Яме, потом Ратри.

— Как предложил Яма. Сегодня ты, госпожа, ведешь его на прогулку к холмам. Завтра господин Яма идет с ним к опушке леса. Послезавтра я вожу его среди деревьев, трав, цветов и виноградников. А там посмотрим.

— Да будет так, — сказал Яма.

Так и было.

* * *

Следующую неделю Сэм смотрел на эти прогулки сначала с некоторым ожиданием, затем с умеренным энтузиазмом, и, наконец, со вспыхнувшей жадностью. Он стал уходить без сопровождения на все большие промежутки времени: сначала на несколько часов утром, затем еще и вечером. Позднее он стал уходить на весь день, а иной раз и на сутки.

— Это мне не нравится, — сказал Яма. — Мы не можем оскорблять его, навязывая ему свое общество, раз он того не желает. Но тут кроется опасность, в особенности для рожденного вновь, как он. Нам желательно знать, как он проводит время.

— Но, что бы он ни делал, это помогает ему восстанавливаться, — сказала Ратри, проглотив конфету и слегка помахивая пухлой ручкой. — Он стал менее отчужденным, больше говорит, даже шутит. Он пьет вино, которое мы ему приносим. К нему вернулся аппетит.

— Однако, если он встретится с агентом Тримурти, может произойти окончательная гибель.

Ратри неторопливо прожевала.

— Вряд ли, хотя в прежние времена в этой местности такое могло случиться. Животные будут смотреть на него как на ребенка и не повредят ему, люди же увидят в нем святого отшельника. Демоны боялись его в старину и теперь будут с ним почтительны.

Но Яма покачал головой.

— Богиня, все не так просто. Хотя я демонтировал многие свои машины и спрятал их в сотнях лиг отсюда, такое мощное движение энергии, каким я воспользовался, не может пройти незамеченным. Рано или поздно это место посетят. Я пользовался экраном и отражателями, но общий размах должен проявиться в некоторых местах, как Мировое Пламя пляшет на карте. Скоро нам придется уйти. Я предпочел бы подождать, пока наше оружие полностью не придет в себя, но...

— Разве нет каких-нибудь природных сил, производящих тот же энергетический эффект, что и твои работы?

— Есть, и это случилось поблизости, почему я и сделал нашу базу здесь — как будто все исходит от природных сил. Но все-таки я сомневаюсь. Мои шпионы в деревнях сообщают о необычайной активности. Но в день его возвращения верхом на гребне грозы кто-то сказал, что пронеслась громовая колесница, охотящаяся на небе и в сельской местности. Это было далеко отсюда, но я не уверен, нет ли тут связи.

— Однако, если бы он не вернулся...

— Мы бы не знали об этом. Но я боюсь...

— Тогда давайте уйдем сразу же. Я слишком уважаю твои предчувствия. У тебя больше силы, чем у любого из Падших. Для меня, например, даже принять приятный вид более чем на несколько минут, и то большое напряжение...

— Силы, которыми я обладаю, — сказал Яма, вновь наполняя чайную чашку, — нетронуты, потому что они другого порядка, чем у вас.

Он улыбнулся, показав ряд крупных блестящих зубов. Улыбка захватила край рубца на его левой щеке и потянулась вверх, к углу глаза. Он поморщился и продолжал:

— Мое могущество во многом от знания, которое даже Боги Кармы не смогли вырвать у меня. Могущество же большинства Богов основано на особой психологии, которую они частично теряют, воплощаясь в новое тело. Мозг, в какой-то мере помнящий, через некоторое время изменит любое тело в определенном направлении, породит новый гомеостаз, дающий постепенный возврат могущества. Мое вернулось быстро и теперь полностью со мной. Но даже если бы это было не так, у меня есть мои знания, чтобы пользоваться ими как оружием — а это и есть могущество.

Ратри прихлебывала чай.

— Каковы бы ни были источники твоей силы, если она говорит: идти — мы должны идти. Скоро?

Яма достал кисет с табаком и свертывал сигарету, пока говорил. Ратри заметила, что его темные гибкие пальцы были всегда в движении, напоминающем движения играющего на музыкальном инструменте.

— Я бы сказал, мы остаемся здесь не более чем на неделю или на десять дней. Мы должны отлучить Сэма из этой местности.

Ратри кивнула.

— И куда?

— В какое-нибудь маленькое южное княжество, где мы сможем ходить спокойно.

Он закурил, вдыхая дым.

— У меня лучшая идея, — сказала Ратри. — Знай, что под смертным именем я хозяйка Дворца Камы в Кейпуре.

— Дом свиданий, мадам?

Она нахмурилась.

— Поскольку такое название часто считается пошлым, не присоединяй к нему «мадам» — это пахнет древней насмешкой. Это место отдыха, удовольствия, празднеств и — очень доходное для меня. Там, я чувствую, найдется хорошее тайное место для нашего оружия, пока он занимается своим излечением, а мы — своими планами.

Яма хлопнул себя по бедру.

— Здорово! Кому придет в голову искать Будду в борделе? Отлично! Великолепно! Значит, в Кейпур, дорогая Богиня, в Кейпур, во Дворец Любви!

Ратри встала и стукнула сандалией о плиты пола:

— Я не желаю, чтобы ты говорил о моем заведении в таком тоне!

Он потупился, с трудом сгоняя с лица усмешку, тоже встал и поклонился.

— Извиняюсь, дорогая Ратри, но открытие произошло так неожиданно... — Он поперхнулся и отвел глаза. Когда он снова взглянул на нее, он был полон сдержанности и благопристойности. — Я был захвачен врасплох кажущимся несоответствием, но теперь я вижу мудрость этого. Это идеальное прикрытие, и оно дает тебе не только богатство, но и нечто более важное: источник тайной информации от купцов, воинов и жрецов. Это неотъемлемая часть общества, это дает тебе положение и голос в гражданских делах. Быть Богом — одна из древнейших профессий в мире; так можем ли мы, падшие Боги, бросать тень на другую древнюю и почетную профессию? Я салютую тебе. Я благодарю тебя за твою мудрость и предусмотрительность. Я не стану порочить предприятие благодетеля и союзника-конспиратора. Я готов к визиту туда.

Ратри улыбнулась и снова села.

— Я принимаю твои лживые извинения, о сын змеи. В любом случае, на тебя трудно долго злиться. Налей мне еще немного чаю, пожалуйста.

Они откинулись на сиденьях. Ратри пила чай, Яма курил. Вдалеке гроза затягивала занавесом половину горизонта. Над ними еще сияло солнце, но холодный воздух уже входил в крытую галерею.

— Ты видел железное кольцо, которое он носит? — спросила Ратри, жуя очередную конфету.

— Да.

— Не знаешь, откуда оно у него?

— Нет.

— И я нет. Но я чувствую, что нам надо бы узнать о происхождении кольца.

— Пожалуй.

— Но как за это взяться?

— Я задал работенку Тэку. Он лучше нас ходит по лесу. Сейчас он идет по следу.

Ратри кивнула.

— Хорошо.

— Я слышал, — сказал Яма, — что Боги все еще время от времени посещают наиболее известные Дворцы Камы, рассеянные по стране, обычно под чужой личиной, но часто в полной силе. Это правда?

— Да. Не далее как в прошлом году в Кейпуре был Бог Индра. Года три назад нам нанес визит лже-Кришна. Из всего Небесного отряда Кришна-Неутомимый вызвал наибольшее потрясение среди персонала. Он целый месяц предавался разгулу, результатом чего было множество поломанной мебели и потребовались услуги многих целителей. Он почти опустошил винный погреб и кладовую. Затем он однажды ночью играл на свирели. Вообще-то, слышавший игру старого Кришны мог бы простить ему почти все, но дело в том, что в ту ночь мы слышали не подлинную магию, поскольку истинный Кришна только один — темнокожий и волосатый, с красными горящими глазами. А этот Кришна танцевал на столах, производя страшный беспорядок, и его музыкальный аккомпанемент был явно недостаточен.

— Надеюсь, он заплатил за эти разрушения не только своими песнями?

Ратри засмеялась.

— Брось, Яма. Зачем между нами риторические вопросы?

Он выдохнул дым.

— Сорайя, солнце, будет теперь окружено, — сказала Ратри, глядя вдаль, — и Индра убивает дракона. Вот-вот начнутся дожди.

Серая волна накрыла монастырь. Ветер крепчал, на стенах начался танец воды. Занавес из капель дождя закрыл открытую часть галереи, на которую они смотрели.

Яма налил себе еще чаю. Ратри взяла еще одну конфету.

Тэк шел через лес. Он двигался от дерева к дереву, с ветки на ветку, глядя на след внизу. Мех его был мокрым, потому что листья стряхивали на него маленькие ливни. За спиной Тэка поднимались тучи, но утреннее солнце еще сияло на востоке, и лес был полон красок в его красно-золотом свете. В перепутанных ветвях, лианах, листьях и травах, стеной стоявших по обе стороны следа, пели птицы, жужжали насекомые, иногда слышались рычание или лай. Ветер шевелил листву. След внизу резко свернул к поляне. Тэк прыгнул на землю. По другую сторону поляны он снова пошел по деревьям. Теперь он заметил, что след идет параллельно горам, даже слегка отклоняется к ним. Далекий раскат грома — и через некоторое время новый ветер, холодный. Тэк качнулся вперед, прорываясь сквозь мокрую паутину и пугая птиц. След по-прежнему вел к горам, постепенно удваиваясь обратным следом. Временами след встречался с другими, твердыми следами, расходящимися, пересекающимися, уходящими. В этих случаях Тэк спускался на землю и изучал отмеченную поверхность. Да, Сэм повернул сюда; Сэм остановился у этого озера напиться — здесь, где оранжевые грибы были выше человеческого роста и достаточно широки, чтобы сохранить немного дождевой воды; теперь Сэм пошел по этой тропинке; здесь он остановился завязать сандалию; здесь он прислонился к дереву, в котором угадывалось жилище дриады...

Тэк с полчаса шел за своей дичью. Свет зарниц сиял над горами, против которых Тэк теперь стоял. Еще раскат грома. След шел вверх, к подножию холмов, где лес редел, и Тэк побежал со всех четырех ног среди высоких трав. След вел напрямиком вверх, и обнажения скал становились все более заметными. Но Сэм прошел этим путем, и Тэк следовал за ним.

Над головой пестро окрашенный Мост Богов исчез, когда тучи прочно затянули восток. Сверкнула молния, и гром теперь последовал за ней быстрее. На открытом месте ветер стал сильнее; трава гнулась под ним; температура, казалось, вдруг стала давящей.

Тэк почувствовал первые капли дождя и поспешил укрыться среди камней, идущих слегка наклонной узкой изгородью. Тэк двинулся вдоль ее основания, а вода уже хлестала в полную силу, и мир потерял краски с исчезновением последнего кусочка голубого неба.

Над головой появилось море крутящегося света, и трижды его потоки падали в диком крещендо вниз, на каменный

клык, вырисовывающийся против ветра в четверти мили вверх по склону.

Когда зрение Тэка прояснилось, он увидел кое-что и понял. Каждая световая стрела, падая, словно оставляла часть себя, и эта часть качалась в сером воздухе, пульсируя огнями, несмотря на влагу, падавшую на землю, где стояла эта часть.

Потом Тэк услышал смех — а может, это был призрачный звук, оставшийся в его ушах после недавнего грома?

Нет, это был смех, громкий, нечеловеческий!

Через некоторое время послышался вопль ярости. Новая вспышка, новый грохот.

И снова огненная воронка закачалась рядом с каменным клыком.

Тэк лежал минут пять. Опять вопль, за которыми следовали три вспышки и грохот.

Теперь там было семь огненных столбов.

Рискнуть подойти, обогнуть эти штуки и посмотреть на зубчатый пик с другой стороны?

А если он это сделает, и если — как он чувствовал — тут каким-то образом замешан Сэм, то что может сделать он, Тэк, если сам Просвещенный не управляет ситуацией?

Он не нашел ответа, но все-таки двинулся вперед, низко пригнувшись в высокой траве.

Он прошел полпути, когда это произошло снова и поднялось десять столбов; они отплывали и возвращались, отплывали и возвращались, как будто их основания укоренились в почве.

Мокрый и дрожащий, Тэк скорчился, освидетельствовал свое мужество и нашел, что его и в самом деле маловато. Однако он спешил вперед, держась параллельно странному месту, пока не миновал его.

Он поднялся выше и позади этого места очутился среди множества больших камней. Они защищали его от наблюдения снизу, и он дюйм за дюймом полз вперед, не сводя глаз с пика.

Теперь он увидел, что этот клык — часть впадины. У его основания была сухая темная пещера, и в ней две колснопреклоненные фигуры. Святые люди на молитве? — предположил он.

И тогда это случилось. Ужасающая вспышка, какой Тэк еще не видел, прошла снизу вверх по камням — не сразу, не в одно мгновение, а, возможно, в четверть минуты, словно зверь с огненным языком облизал камень, рыча при этом.

Когда Тэк открыл глаза, он насчитал уже двадцать пылающих башен.

Один из святых людей, жестикулируя, наклонился вперед. Другой захохотал. До Тэка донеслись слова:

— Глаза змеи! Мое теперь!

— Это количество? — спросил первый, и Тэк узнал голос Сэма Великодушного.

— Вдвое или ничего! — проревел второй и тоже наклонился вперед с теми же, что и у Сэма, жестами.

— Нина из Сринагина! — запел он и наклонился, качаясь, и снова зажеликулировал.

— Священное семь, — мягко сказал Сэм.

Второй завопил.

Тэк зажмурился и заткнул уши, предполагая, что может последовать за этим воем. И он не ошибся.

Когда пламя и грохот кончились, он взглянул вниз, на жутко освещенную сцену. Он не трудился считать: было очевидно, что там висело теперь сорок пламенных столбов, отбрасывающих сверхъестественный свет — их число было удвоено.

Ритуал продолжался. Железное кольцо на левой руке Будды пылало собственным бледно-зеленым светом.

Тэк снова услышал слова:

— Вдвое или ничего!

И ответ Будды:

— Священное семь.

На этот раз Тэк подумал, что перед ним разверзлась гора. Ему казалось, что остаточное изображение вспышки отпечаталось на сетчатке глаз даже сквозь закрытые веки. Но он ошибся.

Открыв глаза, он увидел целую армию светящихся грозových столбов. Их блеск вонзался в мозг, и Тэк опустил веки, чтобы посмотреть вниз.

— Хватит, Ралтарики? — спросил Сэм, и яркий изумрудный свет заиграл на его левой руке.

— Еще раз, Сиддхарта. Вдвое или ничего.

Дождь прекратился на минуту, и в великом сиянии воинства на склоне Тэк увидел, что у существа по имени Ралтарики голова водяного буйвола и лишняя пара рук. Он задрожал, закрыл глаза и уши и, стиснув зубы, ждал.

Через минуту это произошло. Рев и пламя поднимались вверх, и Тэк в конце концов потерял сознание.

Когда он пришел в себя, между ним и камнем были только серость и слабый дождь. И у основания камня сидела только одна фигура; она не имела рогов, и рук у нее было не больше обычного.

Тэк не шевелился. Он ждал.

— Это, — сказал Яма, протягивая Тэку аэрозоль, — отпугивает демонов. Я советую тебе на будущее основательно опрыскивать себя, если ты намерен странствовать так далеко от монастыря. Я думал, что этот район свободен от Ракшасов, иначе я дал бы тебе его раньше.

Тэк принял флакон и поставил перед собой на стол.

Они сидели в апартаментах Ямы и ели легкую пищу. Яма откинулся в кресле со стаканчиком вина Будды в левой руке и с полупустым графином в правой.

— Значит, тот, кого называли Ралтарики, и в самом деле демон? — спросил Тэк.

— Да — и нет, — сказал Яма. — Если под «демоном» ты понимаешь злобное сверхъестественное существо, обладающее большим могуществом, воплощающейся жизнью и способностью принимать на время любую видимую форму — тогда нет. Это общепринятое определение, но в одном отношении оно неправильно.

— Да? В каком же?

— Он не сверхъестественное существо.

— А во всем остальном?

— Да.

— Тогда я не понимаю, какая разница — сверхъестественное оно или нет, если оно злобное, обладает большим могуществом, воплощающейся жизнью и способно изменять свою форму по желанию.

— Нет, разница большая. Различие между непознанным и непознаваемым, между наукой и фантазией — вот что существенно. Четыре направления компаса — логика, знание, мудрость и непознанное. Некоторые клонятся в этом направлении. Другие идут дальше. Склониться перед одним — значит потерять из виду три. Я могу покориться непознанному, но не непознаваемому. Человек, склоняющийся в этом последнем направлении, либо святой, либо дурак. Мне не нужны ни тот, ни другой.

Тэк пожал плечами и выпил глоток вина.

— Но демоны...

— Познаваемы. Много лет назад я экспериментировал с ними, и я был одним из Четырех, спускавшихся в Адский Колодец, если ты помнишь, после того как Тарака напал на Бога Агни в Паламайдсу. Ты не Тэк из Архивов?

— Я был им.

— Значит ты читал о самых ранних контактах с Ракшасами?

— Я читал отчеты о днях, когда их связали...

— Тогда ты знаешь, что они коренные жители этого мира, что они были здесь до прибытия человека из исчезнувшей Уратхи.

— Да.

— Они созданы более из энергии, чем из материи. Судя по их традициям, они когда-то имели тела, жили в городах. Однако поиски личного бессмертия повели их по путям, отличным от путей человека. Они нашли способ сохранять себя как стабильные энергетические поля. Они покинули свои тела, чтобы жить вечно как силовые вихри. Но чистого разума у них нет. Они несут в себе полное эго и, рожденные от материи, всегда вожделеют к плоти. Хотя они могут на время принять плотскую внешность, они не могут вернуться в нее сами. Много веков они беспомощно дрейфовали по этому миру. Появление Человека вывело их из состояния покоя. Они принимали формы его кошмаров, чтобы вредить ему. Вот поэтому они были побеждены и связаны задолго до Ратнагарис. Мы не могли уничтожить их совсем, но не могли и позволить им продолжать попытки захватить механизмы воплощения и тела людей. Так что они были пойманы и заключены в большие магнитные бутылки.

— Однако Сэм освободил многих из них, чтобы они творили его волю, — сказал Тэк.

— Да. Он создал и хранит пакт кошмара, и поэтому некоторые еще бродят по планете. Из всех людей они уважают, вероятно, одного только Сиддхарту. А с остальными людьми у них один общий порок: они готовы играть по любым ставкам, и платить игорные долги для них вопрос чести. Так и должно быть, иначе они лишились бы доверия других игроков и потеряли бы свою единственную радость. Могушество их велико, и с ними играли даже принцы, надеясь выиграть их услуги. Так пропадали целые королевства.

— Если, по твоему мнению, Сэм играл с Ралтарики в одну из древних игр, то каковы были ставки?

Яма допил вино и снова наполнил стаканчик.

— Сэм — дурак, — сказал он. — Нет, не дурак. Он игрок. Тут есть разница. Ракшас управлял небольшими группами энерго-существ. Сэм, с помощью своего кольца, отдал новый приказ страже огненных элементарей, которую он выиграл у Ралтарики. Эти элементарии — страшные, безмозглые создания, и у каждого сила громовой стрелы.

Тэк прикончил свое вино.

— Но какие же ставки Сэм мог поставить в игре?

Яма вздохнул.

— Всю мою работу, все наши усилия за полстолетия.

— Ты хочешь сказать — его тело?

Яма кивнул.

— Человеческое тело — лучшая приманка, которую можно предложить демону.

— Зачем Сэму идти на такой риск?

Яма смотрел на Тэка, не видя.

— Возможно, это единственный способ воззвать к собственной жизненной воле, снова связать себя со своей задачей, — рискнуть жизнью, бросить само свое существование вместе с броском игральные кости.

Тэк налил себе еще стаканчик и выпил.

— Это для меня непостижимо.

Но Яма покачал головой.

— Нет, только непонятно. Сэм не полностью святой, но и не дурак.

— Нет, все-таки дурак, — решил Яма и в эту ночь попрыскал репеллентом от демонов вокруг монастыря.

На следующее утро к монастырю подошел невысокий человек и сел перед главным входом, поставив у своих ног чашку для подаяний. На нем было простое изношенное одеяние из грубой коричневой ткани, доходящее до лодыжек. Левый глаз был закрыт черной повязкой. Немногие оставшиеся волосы были темными и очень длинными. Острый нос, маленький подбородок и большие плоские уши придавали его лицу лисье выражение. Туго натянутая кожа сильно обветрена. Единственный зеленый глаз, казалось, никогда не мигал.

Он сидел минут двадцать, прежде чем один из монахов Сэма заметил его и сказал об этом кому-то из ордена Ратри в темной накидке. Тот отыскал жреца и передал информацию ему. Жрец, желая показать Богине Добродетели ее последователей, велел привести нищего, накормить, одеть и предоставить ему келью, в которой тот может жить, сколько пожелает.

Нищий принял еду с вежливостью брамина, но поел только хлеба и фруктов. Он принял также темную одежду ордена Ратри, отбросив свою запыленную рубаху. Затем он осмотрел келью и свежую спальную циновку, положенную для него.

— Благодарю тебя, почтенный жрец, — сказал он красивым, звучным голосом, более сильным, чем вся его особа. — Я благодарю тебя и молю твою Богиню улыбнуться тебе за твою доброту и щедрость, расточаемые ее именем.

Жрец и сам улыбнулся и надеялся, что Ратри пройдет в эту минуту по холлу и будет свидетельницей его доброты и щедрости от ее имени. Увы, она не прошла. Немногие из ее ор-

дена видели ее воочию, даже ночью, когда она набирала свою силу и шла среди них, потому что только те, кто носил шафрановую накидку, ждали пробуждения Сэма и уверенно могли опознать Ратри. Обычно она проходила по монастырю, когда ее приверженцы были на молитве, или после того, как они удалялись на вечер. Днем она в основном спала, а если и шла мимо них, то бывала закутана в плащ. Свои желания и приказы она сообщала непосредственно Гандиджи, главе ордена, которому было девяносто три года этого цикла, и он был больше чем наполовину слеп.

Следовательно, и ее монахи, и монахи в желтом ждали ее появления и мечтали заслужить ее милость. Было сказано, что ее благословение обеспечивает будущее воплощение в брамина. Один только Гандиджи не беспокоился об этом, потому что принял путь реальной смерти.

Поскольку она не прошла через холл, где они стояли, жрец продолжил разговор.

— Я — Баларама, — сказал он. — Могу я узнать твое имя, добрый господин, и, может быть, твое назначение?

— Я — Арам, — ответил нищий, — принявший на себя десятилетний обет бедности и семилетний — молчания. К счастью, семь лет прошли, и я могу теперь высказать благодарность своему благодетелю и ответить на его вопросы. Я направляюсь в горы, чтобы найти себе пещеру, где мог бы предаться медитации и молитве. Я, может быть, приму твое любезное гостеприимство на несколько дней, прежде чем пуститься в путешествие.

— Поистине, — сказал Баларама, — для нас честь, если святой пожелает осчастливить наш монастырь своим присутствием. Мы рады принять тебя. Если ты пожелаешь иметь что-нибудь, и мы способны дать тебе эту вещь — назови ее.

Арам пристально поглядел на него своим здоровым зеленым глазом и сказал:

— Монах, что первым заметил меня, не носил одежды вашего ордена. — Он коснулся темной мантии. — Я уверен, что мой бедный глаз видел мантию другого цвета.

— Да, — сказал Баларама, — сейчас под нашим кровом отдыхают от своих странствий последователи Будды.

— Это и вправду интересно, — сказал Арам, — потому что я хотел бы поговорить с ними и, возможно, узнать побольше об их Пути.

— Ты будешь иметь широкую возможность для этого, если останешься у нас на некоторое время.

— Тогда я так и сделаю. Долго ли они здесь пробудут?

— Не знаю.

Арам кивнул.

— Когда я смогу поговорить с ними?

— Они будут здесь вечером, в час, когда все монахи собираются вместе и разговаривают, о чем хотят, кроме тех, кто дал обет молчания.

— Тогда я проведу время до этого часа в молитве, — сказал Арам. — Спасибо тебе.

Они поклонились друг другу, и Арам вошел в свою комнату.

* * *

Вечером Арам ждал часа сбора монахов. В это время монахи обоих орденов встречались и вели разговоры. Ни Сэм, ни Тэк, ни Яма никогда не присутствовали при этом.

Арам сидел за длинным столом в трапезной напротив нескольких буддийских монахов. Некоторое время он разговаривал с ними о доктрине и практике, о касте и кредо, о погоде и о текущих делах.

— Удивительно, — сказал он через какое-то время, — что люди вашего ордена столь неожиданно и далеко зашли на юг и запад.

— Мы — странствующий орден, — ответил монах. — Мы идем вслед за ветром. Мы идем, куда влечет нас сердце.

— В местность ржавой почвы в сезон гроз? Может быть, здесь поблизости случилось какое-либо откровение, которое могло бы расширить мой дух, если бы я заметил его?

— Весь мир — откровение, — сказал монах. — Все изменится, однако все остается. День следует за ночью... Каждый день отличен от другого, но каждый — день. Очень многое в мире — иллюзия, но формы этой иллюзии следуют образцу, который является частью божественной реальности.

— Да, да, — сказал Арам, — в путях иллюзий и реальности я достаточно сведущ, но под своим вопросом я имел в виду, не возник ли поблизости новый учитель, или, быть может, вернулся старый, или, скажем, божественное проявление, о присутствии которого моей душе полезно было бы знать.

Говоря это, нищий сбросил со стола рыжего жука размером с ноготь, и двинул сандалией, чтобы раздавить его.

— Умоляю тебя, брат, не вреди ему, — сказал монах.

— Но их в избытке, а Учителя Кармы установили, что человек не может вернуться как насекомое, и убийство насекомого — кармически бездейственный акт.

— Тем не менее, — сказал монах, — всякая жизнь есть жизнь; в этом монастыре все следует учению ахимсы и воздерживаются отнимать жизнь у любого существа.

— Однако, — возразил Арам, — Патанджали установил, что намерение определяет более, чем действие. Следовательно, если я убил случайно, а не по злобе, я вроде бы и не убивал. При-знаюсь, что в данном случае присутствовала злоба; значит, если я и не убил, я все равно несу груз вины за такое намерение. Так что я мог бы наступить на жука, и хуже от этого не станет, со-гласно принципам ахимсы. Но, поскольку я гость, я, конечно, уважаю ваши обычаи и не совершу такого поступка. — С этими словами он отодвинул ногу от насекомого, которое оставалось неподвижным, подняв вверх красноватые усики.

— А он действительно ученый, — сказал один из монахов Ратри.

Арам улыбнулся.

— Благодарю тебя, но это не так. Я только смиренный ис-катель истины, и в прошлом мне случайно удалось прослу-шать лекции ученого. Ох, если бы мне так повезло снова! Ес-ли бы поблизости был какой-нибудь великий учитель или ученый, я уверенно пошел бы по горячим углям и сел бы у его ног слушать его слова или следовать примеру. Если бы...

Он замолчал, потому что все глаза вдруг повернулись к двери позади него. Он не повернул головы, но потянулся при-хлопнуть жука, находившегося возле его руки. Из сломанной хитиновой спинки высунулись кончик маленького кристалла и две крошечные проволоочки.

Тогда Арам повернулся. Его зеленый глаз пробежал через ряд монахов, сидевших между ним и дверью, и увидел Яму: на нем были брюки, сапоги, рубашка, пояс, плащ и перчатки — все красное, а голову обвивал тюрбан цвета крови.

— Если бы? — спросил Яма. — Ты сказал «если бы»? Ес-ли бы какой-нибудь мудрец или какое-то воплощение Боже-ства остановилось поблизости, ты хотел бы с ним познако-миться? Ты об этом говорил, незнакомец?

Нищий встал из-за стола и поклонился.

— Я — Арам, искатель и путешественник, товарищ каж-дому, кто желает просвещения.

Яма не ответил на поклон.

— Почему ты назвал свое имя наоборот, Бог Иллюзии, ког-да все твои слова и поступки возвещают прежде тебя самого?

Нищий пожал плечами.

— Я не понял твоих слов. — Он снова улыбнулся. — Я тот, кто ищет Путь и Истину, — добавил он.

— Я думаю, этому трудно поверить, поскольку я был сви-детелем по крайней мере тысячи лет твоей измены.

— Ты говоришь о продолжительности жизни богов.

- К несчастью, да. Ты сделал серьезную ошибку, Мара.
- Какую же?
- Ты предполагал, что тебе позволят уйти отсюда живым.
- Согласен, я предчувствовал, что так будет.
- Ты не учел множества несчастных случаев, которые

могут свалиться на одинокого путешественника в этом диком районе.

— Я много путешествовал один. Несчастные случаи всегда постигали других.

— Ты, видимо уверен, что если твое тело будет уничтожено здесь, твой Атман переместится в другое тело в другом месте. Я понимаю, что кто-то расшифровал мои записи, и фокус теперь возможен.

Брови нищего опустились на четверть дюйма и сдвинулись.

— Яма, — сказал он, — ты глуп, если сравниваешь свою ничтожную, потерянную силу с мощью Мастера Снов.

— Может быть и так, господин Мара, — ответил Яма, — но я слишком долго ждал этого случая, чтобы думать об отсрочке. Помнишь мое обещание в Кинсете? Если ты желаешь продолжить цепь своего существования, ты пройди через эту единственную в комнате дверь, которую я загораживаю. Ничто за пределами этой комнаты не поможет тебе теперь.

Мара поднял руки, и вспыхнули огни.

Все пылало. Пламя вылетало из каменных стен, из столбов, из мантий монахов. По комнате клубился дым. Яма стоял среди пожарища, но не двинулся с места.

— Это лучшее, что ты можешь сделать? — спросил он. — Твое пламя повсюду, но ничто не горит.

Мара хлопнул в ладоши, и пламя исчезло.

Вместо него поднялась кобра почти в два человеческих роста; покачивая головой с развернутым серебряным клубуком, она вытянулась в S-образную боевую позицию.

Яма игнорировал ее; его темный взгляд впивался теперь, как жало черного насекомого, в единственный глаз Мары.

Кобра растаяла на середине броска. Яма шагнул вперед.

Мара отступил на шаг.

Они стояли так в течение трех ударов сердца, затем Яма сделал два шага вперед, а Мара снова отступил. На лбу обоих выступил пот.

Теперь нищий стал выше ростом, волосы его стали гуще, он сделался толще в талии и в плечах. Все его движения стали неуволимо изящными. Он сделал еще один шаг назад.

— Да, Мара, здесь Бог Смерти, — сказал сквозь зубы Яма. — Падший я или нет, но реальная смерть живет в моих

глазах. И тебе придется встретиться с ними. Когда ты дойдешь до стены, тебе некуда будет отступать. Сила уходит из твоих членов. Руки и ноги твои начинают холодеть.

Мара оскалил зубы в усмешке. Шея его раздулась как шар. Бицепсы были величиной с мужское бедро, грудь — бочонок, а ноги как деревья в лесу.

— Холодеют? — спросил он, вытянув руки. — Этими руками я могу переломить гиганта. А ты всего лишь выброшенная падаль. Твой гнев может напугать лишь стариков и калек. Твои глаза могут вогнать в оцепенение животных и людей низшей касты. Я настолько выше тебя, насколько звезда выше дна океана.

Руки Ямы в красных перчатках метнулись, как две кобры, к горлу Мары.

— Тогда пусти в ход свою силу, которой ты так хвалишься, Мастер Снов. Ты создал видимость мощи, воспользуйся же ею! Одолей меня не словами, а делом!

Щеки и лоб Мары стали ярко-алыми, когда руки Ямы крепче сжались на его горле. Глаз готов был выскочить.

Мара упал на колени.

— Хватит, Повелитель Яма! — прохрипел он. — Хочешь убить самого себя?

Он менялся. Черты его расплылись, словно он лежал под текучей водой.

Яма смотрел вниз на свое собственное лицо, на свои красные руки, хватающие свои же запястья.

— Ты впадаешь в отчаяние, Мара, когда жизнь оставляет тебя. Но Яма не ребенок, чтобы бояться разбить зеркало, которым ты стал. Сделай последнюю попытку и умри как человек, конец все равно один.

Но произошло еще одно расплывание и изменение.

На этот раз Яма заколебался, ослабляя свою силу.

На его руки упали ее бронзовые волосы. Тусклые глаза умоляли. Горло обвивало ожерелье из черепков, которые были чуть бледнее ее тела. Ее сари было цвета крови. Ее руки лежали на его руках и почти ласкали их...

— Богиня! — прошептал Яма.

— Не хочешь ли ты убить Кали ..? Друга ..? — Она задыхалась.

— Опять ошибка, Мара, — прошипел Яма. — Разве ты не знаешь, что каждый человек убивает то, что он любил?

Руки его сжались, раздался звук ломающихся костей.

— Десятикратным будет твое осуждение, — сказал он, зажмурившись. — И нового рождения не будет.

Руки его разжались.

Высокий, благородного сложения человек лежал на полу у ног Ямы, голова склонилась к правому плечу. Глаз окончательно закрылся.

Яма перевернул тело носком сапога.

— Устроить погребальный костер и сжечь это тело, — сказал он монахам, не поворачиваясь к ним. — Не жалеть ритуалов. Сегодня умер один из высочайших.

Он отвел глаза от дела своих рук, повернулся на каблуках и покинул комнату.

* * *

В этот вечер по небу метались молнии и дождь сыпал как горох.

Они вчетвером сидели в комнате в высокой башне на северо-восточном углу монастыря.

Яма ходил по комнате и останавливался у окна каждый раз, когда проходил мимо него.

Остальные сидели, смотрели на него и слушали.

— Они подозревают, — говорил он, — но не знают. Они не разрушат монастырь последователей Бога, не выставят перед людьми раскол в своих рядах — пока они не уверены. А они не уверены, и поэтому проверяют. Это означает, что у нас еще есть время.

Они кивнули.

— Брамин, отрекшийся от мира, шел этой дорогой, пострадал от несчастного случая и умер здесь реальной смертью. Тело его сожжено, прах брошен в реку, текущую в море. Вот как это произошло... В это время здесь гостили странствующие монахи Просвещенного. Они ушли вскоре после этого события. Кто знает, где они теперь?

Так выпрямился, насколько мог.

— Повелитель Яма, — сказал он, — эта история продержится неделю, месяц, может быть, больше, и попадет в руки Мастера, который первым делом примется за оставшихся в этом монастыре, идущих Коридорами Кармы. В этих обстоятельствах, я думаю, кое-кто из них может быть преждевременно наказан именно по этой причине. Тогда что?

Яма тщательно скрутил сигарету.

— Я сказал, как это в действительности произошло — так и нужно уладить.

— Возможно ли это? Когда человеческое сознание является предметом кармического возврата, все события, свидете-

лем которых было сознание во время последнего жизненного цикла, кладутся перед судьей и машиной, как свиток.

— Все это правильно, — сказал Яма. — А ты, Тэк из Архивов, никогда не слышал о палимпсесте — свитке, который был использован, затем очищен и использован снова?

— Конечно, слышал, но ведь сознание не свиток.

— Нет? — улыбнулся Яма. — Ну, это было твоё сравнение, а не моё. А что, в сущности, есть истина? Истина такова, какой ты её подашь. — Он закурил. — Монахи были свидетелями странного и страшного дела. Они видели, как я принял свой аспект и владел атрибутом. Они видели, как Мара сделал то же самое — здесь, в этом монастыре, где мы возродили принцип ахимсы. Они знают, что Бог может делать такие вещи, не неся кармического груза, но шок был силен, и впечатление было живым. И будет конечное сожжение. И во время этого сожжения та басня, что я рассказал вам, должна стать истиной в их умах.

— Каким образом? — спросила Ратри.

— Именно в эту ночь, в этот час, — сказал Яма, — когда образ огненного акта тревожит их мысли и сознание, новая истина должна быть выкована и укреплена вместо... Сэм, ты достаточно долго отдыхал. Теперь ты должен сделать это дело. Произнеси им проповедь. Ты должен воззвать к их самым благородным чувствам и высшим качествам духа, которые делают человека предметом божественного вмешательства. Ратри и я объединим силы, и родится новая правда.

Сэм дернулся и опустил глаза.

— Не знаю, смогу ли. Это было так давно...

— Будда всегда Будда, Сэм. Вытащи что-нибудь из своих прежних притч. У тебя есть минут пятнадцать.

Сэм протянул руку.

— Дай мне табак и бумаги. — Он взял кисет и скрутил сигарету. — Огонька... Спасибо. — Он глубоко затянулся и закашлялся. — Я устал врать им, — сказал он наконец. — Наверное, так.

— Врать? — переспросил Яма. — А кто тебя просит врать? Выдай им Нагорную Проповедь, если хочешь, или что-нибудь из «Илиады», мне все равно, что ты скажешь. Просто расшевели их немного, погладь слегка, вот и все, что я прошу.

— А потом что?

— Потом? Потом я займусь спасением их... и нас!

Сэм медленно кивнул.

— Ну, если ты так ставишь вопрос... Только я не вполне в

форме для таких штук. Конечно, я найду парочку истин, подпущу благочестия... Но мне потребуется двадцать минут.

— Ладно, пусть двадцать. А потом будем укладываться. Завтра едем в Кейпур.

— Так рано? — спросил Тэк.

Яма покачал головой.

— Так поздно, — сказал он.

* * *

Монахи сидели на полу в трапезной. Столы были сдвинуты к стенам. Насекомые исчезли. Снаружи продолжался дождь.

Великодушный Сэм, Просвещенный, вошел и сел перед монахами.

Вошла Ратри в одежде буддийской монахини и в вуали.

Яма и Ратри прошли в конец комнаты и сели на пол. Где-то слушал и Тэк.

Сэм несколько минут сидел, закрыв глаза, затем мягко сказал:

— У меня много имен, и ни одно из них не имеет значения. Говорить — это называть имена, но говорить — не существенно. Вдруг случается то, что никогда не случалось раньше. Видя это, человек смотрит на реальность. Он не умеет рассказать другим, что он видел. Однако другие желают знать и спрашивают его: «На что похоже то, что ты видел?» Тогда он пытается объяснить им. Допустим, он видел самый первый в мире огонь. И он говорит: «Он красный, как мак, но сквозь него танцуют другие цвета. У него нет формы, он как вода, текущая отовсюду. Он горячий, вроде летнего солнца, только горячее. Он живет некоторое время на куске дерева, а затем дерево исчезает, будто он его съел, и остается нечто черное, которое может сыпаться как песок. Когда дерево исчезает, он тоже исчезает». Следовательно, слушатели должны думать, что реальность похожа на мак, на воду, на солнце, на то, что едят, и на то, что выделяют. Они думают, что огонь похож на все, как сказал им человек, знавший его. Но они не видели огня. Они не могут реально знать его. Они могут только знать о нем. Но вот огонь снова приходит в мир, и не один раз. Многие смотрят на огонь. И через какое-то время огонь становится таким же обычным, как трава, облака или воздух, которым они дышат. Они видят, что он похож на мак, но не мак, похож на воду, но не вода, похож на солнце, но не солнце, похож на то, что едят, и на то, что выбрасывают, но он не то, он отличается от всего этого, или он — все это вместе. Они смотрят на эту

новую вещь и придумывают новое слово, чтобы назвать ее. И называют ее «огонь».

Если они встретят человека, который еще не видел огня, и заговорят с ним об огне, он не поймет, что они имеют в виду. Тогда они, в свою очередь, станут объяснять ему, на что похож огонь, зная по собственному опыту, что говорят не правду, а лишь часть ее. Они знают, что этот человек так и не поймет реально, даже если бы они использовали все слова, существующие в мире. Он должен сам увидеть огонь, обонять его запах, греть возле руки, глядеть в его сердцевину, или остаться навски невеждой. Следовательно, слово «огонь» не имеет значения, слова «земля», «воздух», «вода» не имеют значения. Никакие слова не важны. Но человек забывает реальность и помнит слова. Чем больше слов он помнит, тем умнее его считают товарищи. Он смотрит на великие трансформации мира, но не видит их, как видит тот, кто смотрит на реальность впервые. Их имена слетают с его губ, и он улыбается и пробует их на вкус, думая, что он знает о вещах по их названиям. То, что никогда не случалось раньше, все-таки случается. Это все еще чудо. Великое горящее цветение, поток, извержение непла мира, и ни одна из этих вещей, которые я назвал, и в то же время все они, и это реальность — Безымянность.

И вот я требую от вас: забудьте ваши имена. забудьте слова. сказанные мною, как только они будут произнесены. Смотрите на Безымянность в себе, которая поднимается, когда я обращаюсь к ней. Она внимает не моим словам, а реальности внутри меня, которая является частью Безымянности. Это Атман, он слышит меня, а не мои слова. Все остальное нереально. Определять — значит терять. Суть всех вещей — Безымянность. Безымянность непознаваема, она сильнее даже Браммы. Вещи уходят, но суть остается. Следовательно, вы сидите среди сна.

Суть сна — это сон формы. Формы проходят, но суть остается, создавая новые сны. Человек называет эти сны и думает, что пленил суть, не зная, что он вызывает нереальность. Эти камни, стены, тела, сидящие рядом с вами, — это маки, вода, солнце. Это сны Безымянности. Они — огонь, если хотите.

Иногда спящий осознает, что он спит. Он может в какой-то мере управлять тканью сна, сгибая ее по своей воле, или может проснуться в великом самопознании. Если он выбирает путь самопознания, слава его велика, и он будет звездой во все времена. Если же он выбирает путь Тантры, объединяющий Сансару и Нирвану, включающий мир и продолжение жизни в нем, этот человек — самый могущественный из мастеров сна. Его мощь может быть направлена и на добро, и на

зло — как посмотреть, хотя эти определения тоже не имеют значения, они по ту сторону наименований Сансары.

Однако жить в Сансаре — значит зависеть от работы могущественных мастеров сна. Если их сила направлена на добро, это золотое время, если же на зло — это время тьмы. Сон может обернуться кошмаром.

Написано, что жить — значит страдать. Так оно и есть, говорят мудрые, потому что человек должен освободиться от бремени Кармы, если достигнет просветления. По этой причине, говорят мудрые, полезно ли человеку во сне бороться со своей участью, с тропой, по которой он должен следовать, чтобы получить освобождение? В свете вечных ценностей, говорят мудрецы, страдание — ничто; в пределах Сансары, говорят мудрые, страдание ведет к добру. Но оправданно ли, что человек борется против тех, чья мощь направлена на зло? — Он сделал паузу и поднял выше голову. — В эту ночь между нами прошел Бог Иллюзии — Мара, могущественнейший из Мастеров Сна, склонный ко злу. Он натолкнулся на другого, на того, кто может работать с тканью снов различными способами. Он встретился с Дхармой, могущей изгнать мастера снов из своего сна. Они сражались, и Бог Мара не существует более. Почему они сражались, Бог Смерти и Бог Иллюзии? Вы знаете, что пути Богов непостижимы. Но это не ответ.

Ответ: оправдание одинаково как для людей, так и для Богов. Добро и зло, говорят мудрые, ничего не значат для тех, кто в Сансаре. Согласитесь с мудрецами, которые учили наш народ с незапамятных времен. Согласитесь, но рассмотрите вещь, о которой мудрецы не говорили. Эта вещь — «красота», которая есть слово — но взгляните за это слово и рассмотрите Путь Безымянности. А что есть Путь Безымянности? Это Путь Сна. Но зачем нужен сон Безымянности? Этого не знает ни один из живущих в Сансаре. Так что лучше спросите, что делает сон Безымянности?

Безымянность, частью которой являемся мы все, дает форму сну. А что есть высший атрибут любой формы? Красота. Значит, Безымянность — артист. Значит, главное — не проблема добра и зла, а проблема эстетики. Бороться с могучими мастерами сна, чья сила направлена на зло или уродство, не значит бороться за то, чему учили нас мудрецы — быть безразличными в границах Сансары или Нирваны, а значит — бороться за симметричное видение сна, в границах ритма и точки, баланса и антитезы, которые делают сон вещью красоты. Об этом мудрые ничего не говорили. Эта истина так проста, что они, вероятно, проглядели ее. По этой причине я вы-

нужден из-за эстетики ситуации обратить на нее ваше внимание. Бороться против мастеров снов, видящих безобразное — будь они люди или боги — можно лишь волей Безымянности. Эта борьба также несет страдания, и кармическое бремя человека тоже будет облегчено, как это было бы при необходимости терпеть безобразное; но это страдание производит более высокий конец в свете вечных ценностей, о которых так часто говорили мудрые.

И вот, я говорю вам, эстетика того, чему вы были свидетелями в этот вечер, была эстетикой высокого порядка. Вы можете спросить меня: «Откуда мне знать, что прекрасно, а что уродливо, и каким образом действовать?», и я скажу: на этот вопрос вы должны ответить сами. Для этого нужно сначала забыть то, что я говорил, потому что я не сказал ничего. Живите теперь в Безымянности.

Он поднял правую руку и склонил голову.

Яма встал, Ратри встала, Тэк прыгнул на стол.

Они ушли вчетвером, зная, что механизм Кармы на этот раз не сработал.

* * *

Они шли в пьяном блеске утра под Мостом Богов. Высокий папоротник, еще мокрый от ночного дождя, искрился по бокам тропы. Вершины деревьев и пики далеких гор рябили за поднимавшимся паром. День был безоблачным. Слабый утренний ветерок еще хранил следы ночного холода. Щелканье, жужжанье и щебет джунглей сопровождали идущих монахов. Монастырь, из которого они ушли, едва виднелся над вершинами деревьев; над ними тянулась изогнутая линия дыма, расписывающая небеса.

Служители Ратри несли ее носилки посредине движущейся толпы монахов, слуг и маленького отряда воинов. Сэм и Яма шли почти первыми. Тэк следовал за ними, невидимкой скользя меж листьев и веток.

— Погребальный костер все еще горит, — сказал Яма.

— Да.

— Жгут тело странника, умершего от сердечного приступа как раз тогда, когда он решил отдохнуть в монастыре.

— Правильно.

— Для экспромта твоя проповедь была просто очаровательна.

— Спасибо.

— Ты действительно веришь в то, что проповедовал?

Сэм засмеялся.

— Я весьма доверчив, когда речь идет о моих словах. Я верю всему, что говорю, хотя и знаю, что я лжец.

Яма фыркнул.

— Жезл Тримурти все еще падает на спины людей. Нирити шевелится в своем темном логове; он тревожит морские пути юга. Не хочешь ли ты потратить еще один срок жизни на удовольствие заняться метафизикой — найти новые оправдания для подавления своих врагов? Твое выступление в прошлую ночь звучало так, словно ты перевернул понятия «почему» и «как».

— Нет, — сказал Сэм, — я хотел испробовать другую линию на присутствующих. Трудно вызвать возмущение тех, для кого все — благо. В их мозгах нет места злу, несмотря на их постоянные страдания. Раб на дыбе, знающий, что он должен родиться снова — может быть, жирным купцом — если будет страдать с готовностью, смотрит на страдания иначе, чем тот, у которого только одна жизнь. Этот раб может вытерпеть все, зная, что, как ни велика сейчас его боль, его будущие радости будут еще больше. Если такой человек не выбирает между добром и злом, тогда, возможно, красота и уродство могут служить одинаково. Меняются только названия.

— Тогда, значит, это новая, официальная партийная линия? — спросил Яма.

— Именно, — ответил Сэм.

Яма провел рукой по невидимой щели в одежде, извлек кинжал и поднял его.

— Салют красоте! — сказал он. — Долой уродство!

Волна тишины прокатилась по джунглям. Прекратились все звуки жизни.

Яма поднял одну руку вверх, а другой вложил кинжал в его потайные ножны.

— Стоп! — крикнул он и посмотрел вверх, шурясь от солнца и склоняя голову набок. — Прочь с тропы! В кусты!

Все двинулись. Тела в шафрановых накидках метнулись с тропы. Носилки Ратри застряли между деревьями, а Ратри стояла теперь рядом с Ямой.

— В чем дело? — спросила она.

— Слушай!

Это спускалось с неба на взрывной волне звука. Оно мелькнуло над пиками гор, пронеслось над монастырем, разметая дым. При его полете грохотали взрывы звука, воздух дрожал, словно это пробивалось сквозь ветер и свет.

Это был крест в виде буквы тау с громадной петлей и с огненным хвостом позади.

— Разрушитель вышел на охоту, — сказал Яма.

— Громовая колесница! — закричал один из наемных воинов, делая рукой знак.

— Шива проходит, — сказал монах, вытаращив глаза от ужаса. — Разрушитель...

— Если бы я своевременно понял, как хорошо я работал, я мог бы вычислить дни его международных состязаний. Иногда я сожалею о своей гениальности.

Крест прошел под Мостом Богов, качнулся над джунглями и ушел к югу. Его рев постепенно уменьшался по мере удаления. Затем наступила тишина.

Коротко чирикнула птица. Ей ответила другая. Затем снова появились все звуки жизни, и путешественники вернулись на тропу.

— Он вернется, — сказал Яма, и это оказалось правдой.

Еще дважды в этот день они покидали тропу, когда громовая колесница проносилась над их головами. В последнем случае она сделала круг над монастырем, возможно, наблюдая за похоронным ритуалом, проводившимся там. Затем она прошла над горами и исчезла.

В эту ночь они разбили лагерь под звездами, и на вторую тоже.

Третий день привел их к реке Дива и к маленькому портовому городку Куна. Здесь они нашли транспорт, как желали, и в тот же вечер двинулись на барке к югу, туда, где Дива соединялась с могучей Ведрой, а затем дальше, и, наконец, к пристаням Кейпура — места их назначения.

Пока они плыли по реке, Сэм слушал ее звуки. Он стоял на палубе, положив руки на перила, и смотрел в воду, где яркое небо поднималось и падало, а звезды склонялись друг к другу. И тогда ночь обратилась к нему голосом Ратри откуда-то вблизи.

— Ты проходил этим путем прежде, Татхагата.

— Много раз, — ответил он.

— Дива прекрасна под звездами в своей ряби.

— Да.

— Теперь мы идем в Кейпур и во Дворец Камы. Что ты станешь делать, когда мы туда прибудем?

— Некоторое время потрачу на медитацию, Богиня.

— О чем будешь размышлять?

— О своих прошлых жизнях и об ошибках, которые содержала каждая из них. Мне нужно заново пересмотреть свою тактику и тактику врага.

— Яма думает, что Золотое Облако изменило тебя.

— Возможно, что так оно и есть.

— Он считает, что оно размягчило тебя, ослабило. Ты всегда изображал из себя мистика, но сейчас, по мнению Ямы, ты и в самом деле стал им — на свою погибель и на нашу.

Сэм покачал головой и повернулся, но не увидел Ратри. То ли она была здесь невидимой, то ли ушла. Он сказал тихо и без выражения:

— Я сорву эти звезды с небес и брошу их в лицо Богам, если понадобится. Я буду богохульствовать во всех храмах страны. Я буду улавливать жизни сетью, как рыбак рыбу, если это будет необходимо. Я снова поднимусь в Небесный Город, даже если каждая ступенька будет пламенем или обнаженным мечом, а путь будут охранять тигры. Настанет день, когда Боги спустятся с Неба и увидят меня на лестнице; я принесу им дар, которого они боятся больше всего.

Но сначала мне надо подумать, — закончил он, отвернувшись и вновь начал разглядывать воду.

Падучая звезда пролетела по небу. Судно шло вперед. Ночь вздохнула над Сэмом.

Сэм смотрел вдаль и вспоминал.

Глава 2

Однажды незначительный раджа мелкого княжества поехал со своей свитой в Махартху, город, который называли Воротами Юга и Столицей Зари, чтобы купить себе новое тело. Это было в те времена, когда угрозу судьбы еще можно было отвести в сторону, когда Боги были менее официальные, демоны еще связаны, а Небесный Город бывал иногда открыт для людей. Это история о том, как принц искушал однорукого исполнителя обрядов перед Храмом и своей самонадеянностью навлек на себя немилость Неба...

Немногие рождаются вновь среди людей;
большинство рождается вновь где-то в другом месте.

Ангуттара-Никайя (1,35)

Принц въехал в Столицу Зари ближе к концу дня, верхом на белой кобыле и поехал по широкой улице Сурья; сотня его вассалов сгрудилась позади, его советник Страк ехал по левую руку от него; кривую саблю в ножнах и часть его богатства в сумках несли вьючные лошади.

Жара была в тюрбаны людей, расплывалась позади и снова поднималась с дороги.

Навстречу медленно ехала колесница; возникший искоса глянул на знамя, которое нес глава слуг; куртизанка стояла у входа в свой шатер и смотрела на уличное движение; свора дворняжек с лаем бежала за лошадьми.

Принц был высок, усы его были цвета дыма. На темных кофейных руках выступали набухшие вены. Но держался он прямо, а глаза его, волнующие, светлые, напоминали глаза древней птицы.

Впереди собралась толпа, глазающая на проходящий отряд. На лошадях ездил только те, кому это было по карману, а столь богатыми были очень немногие. Обычным верховым животным был слизارد — чешуйчатое существо со змеиной шеей, со множеством зубов, с сомнительным происхождением, коротким жизненным циклом и скверным характером; у лошадей, по каким-то причинам, за последние десятилетия повысилось бесплодие.

Принц ехал по Столице Зари, жители наблюдали.

Затем отряд свернул на более узкую улицу и поехал мимо низких торговых зданий, больших магазинов крупных купцов, мимо банков, храмов, гостиниц, борделей. Наконец, они добрались до края делового района и до роскошной гостиницы Хауканы, Самого Лучшего Хозяина. У ворот они натянули поводья, потому что сам Хаукана стоял снаружи, просто одетый, полный, улыбающийся, желая лично провести в ворота белую кобылу.

— Добро пожаловать, господин Сиддхарта! — сказал он громко, чтобы все уши могли узнать о личности гостя. — Добро пожаловать в эту соловьиную округу, ароматные сады и мраморные залы этого скромного заведения! Приветствую также и твоих всадников, которые проехали с тобой немалый путь и, без сомнения, найдут здесь отдых и достойный прием, как и ты сам. У меня ты найдешь все, что тебе нравится, как это бывало много раз в прошлом, когда ты жил в этих залах с другими знатными гостями и благородными посетителями, слишком многочисленными для перечисления...

— И тебе добрый вечер, Хаукана! — крикнул принц, потому что день был жаркий, а речь хозяина могла литься вечно. — Впусти нас поскорее в эти стены, где среди прочих качеств, слишком многочисленных для перечисления, есть также и прохлада.

Хаукана быстро поклонился и, взяв под уздцы белую кобылу, провел ее через ворота во двор; он придержал стремя, пока принц спешивался, а затем передал лошадь конюху и послал мальчишку подмести улицу.

В гостинице гости первым делом вымылись, стоя в мра-

морной ванне, в то время как слуги лили воду им на плечи. Затем они смазали себе кожу, по обычаю касты воинов, надели свежую одежду и прошли в обеденный зал.

Пир тянулся до вечера, до тех пор, пока воины не потеряли счет блюдам. Принц сидел во главе длинного низкого стола. Направо от него три танцора выполняли сложный танец, позванивая гонгами; выражение их лиц точно соответствовало каждому моменту танца, а четыре музыканта под вуалями играли подходящую традиционную музыку. Стол был покрыт богато вытканым гобеленом с изображениями охоты и сражений; всадники на слизардах и на лошадях поражали копьями и стрелами крылатую панду, огненного петуха и растение с драгоценными стручками; зеленые обезьяны боролись на вершинах деревьев; птица Гаруда держала в когтях небесного демона и била его клювом и крыльями; из глубин моря вылезала армия рогатых рыб, зажимавших в соединенных плавниках розовые кораллы и глядевших на строй людей в камзолах и шлемах; те копьями и факелами препятствовали рыбам выйти на берег.

Принц ел очень умеренно. Он слушал музыку, иногда смеялся шуткам своих людей. Он потягивал щербет, кольца его звякали о стекло чаши.

Рядом возник Хаукана.

— Все ли хорошо, господин?

— Да, добрый Хаукана, все хорошо, — ответил принц.

— Ты ешь не так, как твои люди. Тебе не нравится эта пища?

— Пища великолепна и приготовлена отменно, дорогой хозяин. Тут скорее виноват мой аппетит, он плох в последнее время.

— А! — понимающе сказал Хаукана. — У меня есть вещь так вещь! И только ты сможешь правильно оценить ее. Она очень давно стоит на особой полке в моем погребе. Бог Кришна каким-то образом сумел сохранить ее в веках. Он дал мне ее много лет назад, потому что здешний приют не показался ему неприятным. Я сейчас принесу ее тебе.

Он поклонился и вышел.

Вернулся он с бутылкой. Принц, даже не видя этикетки, узнал форму бутылки.

— Бургундское! — воскликнул он.

— Именно, — сказал Хаукана. — Привезено очень давно из исчезнувшей Уратхи. — Он понюхал ее и улыбнулся, затем налил немного в грушевидный стаканчик и поставил перед гостем.

Принц поднял стаканчик и вдохнул букет. Затем сделал медленный глоток и закрыл глаза.

В зале затихли из уважения к удовольствию принца.

Когда он поставил стаканчик, Хаукана снова налил продукт винограда «черный пино», который в этой стране не культивировался.

Принц не дотронулся до стаканчика, а повернулся к Хаукане и спросил:

— Кто старейший музыкант в этом доме?

— Манкара, — ответил хозяин, указывая на седого мужчину, присевшего за служебный стол в углу.

— Стар не телом, а годами, — сказал принц.

— О, тогда это Дель, если его можно считать музыкантом. Он говорит, что когда-то был им.

— Кто это — Дель?

— Мальчик при конюшне.

— А, понятно. Пошли за ним.

Хаукана хлопнул в ладоши и приказал появившемуся слуге сходить на конюшню, привести грума в приличный вид и срочно доставить к обедающим.

— Прошу тебя, не трудись приводить его в приличный вид, пусть просто придет сюда, — сказал принц.

Он откинулся на сидении и ждал, закрыв глаза. Когда грум предстал перед ним, он спросил мальчика:

— Дель, какую музыку ты исполнял?

— Ту, которую больше не хотят слушать брамины, — ответил мальчик.

— Какой инструмент у тебя был?

— Фортепьяно.

— А мог бы ты сыграть на каком-нибудь из этих? — принц показал на инструменты, стоявшие теперь на небольшой платформе у стены.

Мальчик повернул к ним голову.

— Я мог бы, вероятно, сыграть на флейте, если бы она у меня была.

— Ты знаешь какие-нибудь вальсы?

— Да.

— Не сыграешь ли мне «Голубой Дунай»?

Угрюмое выражение лица мальчика исчезло и заменилось смущением. Он бросил быстрый взгляд на Хаукану; тот кивнул.

— Сиддхарта принц среди людей, он из Первых, — констатировал хозяин.

— «Голубой Дунай» на флейте?

— Если можешь.

Мальчик пожал плечами.

— Попробую. Это было страшно давно... Отнесись ко мне терпеливо.

Он подошел к инструментам и прошептал что-то владельцу выбранной им флейты. Человек кивнул. Мальчик поднес флейту к губам. Он дал несколько пробных нот, сделал паузу, и началось трепетное движение вальса. Пока он играл, принц пил свое вино.

Когда мальчик остановился перевести дух, принц сделал ему знак продолжать. И мальчик играл одну запретную мелодию за другой. Лица музыкантов-профессионалов выражали профессиональное презрение, но их ноги под столом постукивали в такт музыке.

Наконец принц допил свое вино. Вечер подступил к городу Махартха. Принц бросил мальчику кошелек, но из-за слез на глазах не видел, как грум вышел из зала. Затем принц встал, прикрывая ладонью зевок:

— Я иду в свои комнаты, — сказал он своим людям. — Не проиграйте тут без меня каждый свое состояние.

Они засмеялись, пожелали ему спокойной ночи и заказали себе крепкой выпивки и соленых бисквитов. Уходя, он услышал стук игральные костей.

* * *

Принц лег рано и встал до зари. Он приказал слуге оставаться весь день у двери и не допускать к нему никого под предлогом его, принца, нездоровья.

Прежде чем первые цветы раскрылись для утренних насекомых, принц вышел из гостиницы, и его уход видел только старый зеленый попугай. Он ушел не в шелках, усыпанных жемчугом, а, как обычно в таких случаях, в лохмотьях. Ему не предшествовали танцовщицы и барабаны, а только тишина, когда он шел по туманным улицам города. Улицы были пусты, разве что иногда возвращались с позднего вызова доктор или проститутка. Когда он проходил деловой район, направляясь к гавани, он заметил, что за ним увязалась бездомная собака.

Он сел на ящик у подножия пирса. Заря снимала с мира тьму; и он смотрел на суда, качающиеся в приливе; на пустые, опутанные веревками паруса, на вырезанных на носу чудовище или девушку. В каждое свое посещение Махартхи он всегда приходил ненадолго в гавань.

Розовый зонт утра раскрылся над спутанными волосами облаков. Холодный ветер пронесся над доками. Хищные птицы хрипло кричали, огибая башни и устремляясь потом через бухту.

Он смотрел на удалявшийся в море корабль, на его парусиновые крылья, поднимающиеся высокими пиками и исчезающие в соленом воздухе. На борту других судов, стоявших на якоре, начиналось движение, команда готовилась грузить или разгружать партии благовоний, кораллов, масла и прочих товаров вроде металла, скота, дерева и пряностей. Он вдыхал запах торговли, слушал ругань матросов и восхищался тем и другим: от первых разило богатством, а вторая объединяла две главные заботы принца: теологию и анатомию.

Через некоторое время он заговорил с иноземным морским капитаном, наблюдавшим за выгрузкой мешков с зерном и теперь отдохавшим в тени ящиков.

— Доброе утро, — сказал принц. — Да минуют вас штормы и кораблекрушения, и Боги даруют вам безопасную гавань и хороший рынок для ваших товаров.

Капитан кивнул, присел на ящик и стал набивать глиняную трубку.

— Спасибо, старик, — сказал он. — Хотя я молюсь Богам храмов по собственному выбору, я принимаю благословение от всех других. Благословение всегда полезно, особенно морякам.

— У тебя было трудное путешествие?

— Менее трудное, чем могло бы быть, — ответил капитан. — Эта дымящаяся морская гора, Пушка Ниррити, снова выпустила свои снаряды в небеса.

— А, ты плыл с юго-запада!

— Да. Чатистан, из Айспера-за-морем. Ветер хорош в это время года, но именно поэтому он и несет пепел Пушки дальше, чем можно думать. Шесть дней падал на нас этот черный снег, запах подземного мира преследовал нас, портил пищу и воду, глаза наши слезились, горло жгло. Мы принесли много благодарственных жертв, когда наконец вышли оттуда. Видишь, какой грязный корпус? А поглядел бы на паруса: черные, как волосы Ратри!

Принц наклонился, чтобы лучше разглядеть судно.

— Но особенного волнения воды не было? — спросил он.

Моряк покачал головой.

— Мы окликнули крейсер возле Соленого Острова и узнали, что на шесть дней опоздали к самому скверному выстрелу Пушки. Тогда горели облака и поднялись страшные волны. Затонули два корабля, а возможно, и третий. — Моряк закурил свою трубку. — Так что, как я говорил, благословение всегда полезно морякам.

— Я ишу одного моряка, — сказал принц. — Капитана.

Зовут его Ян Ольвигт, теперь он, возможно, известен как Ольвигта. Ты не знаешь его?

— Знаю, — сказал моряк, — но прошло много времени с тех пор, как он плавал.

— Да? Что с ним случилось?

Моряк повернул голову, чтобы лучше рассмотреть принца.

— А кто ты такой, чтобы спрашивать?

— Меня зовут Сэм. Ян мой очень давний друг.

— Насколько давний?

— Много, очень много лет назад, в другом месте я знал его, когда он был капитаном корабля, который не заплывал в эти океаны.

Капитан вдруг нагнулся, схватил кусок деревяшки и швырнул в собаку, огибавшую свай с другой стороны пирса. Собака взвизгнула и отскочила под защиту склада. Это была та самая собака, что шла за принцем от гостиницы Хауканы.

— Берегись адских собак, — сказал капитан. — Есть собаки и собаки... и собаки. Три разных сорта, и всех их тянет в этот порт твое присутствие. Твои руки — он указал на них трубкой — недавно носили много колец. Следы еще остались.

Сэм глянул на свои руки и улыбнулся.

— Твои глаза ничего не упустят, моряк, — ответил он, — так что я признаю очевидное. Я недавно носил кольца.

— Стало быть, ты, как и собаки, не тот, кем кажешься, и ты пришел спрашивать насчет Ольвигти, своего самого старинного друга. Тебя зовут, как ты сказал, Сэм. Ты случайно не из Первых?

Сэм не сразу ответил, а вглядывался в моряка, как бы ожидая, не скажет ли тот еще что-нибудь.

Видимо, поняв это, капитан продолжал:

— Ольвигта, я знаю, считался из Первых, хотя сам он никогда этого не говорил. Если ты сам из Первых либо из Мастеров, ты это знаешь, так что я не выдал его, сказав так. Однако, я хочу знать, с кем я говорю — с другом или с врагом.

Сэм нахмурился.

— Ян никогда не умел наживать врагов. А судя по твоим словам, теперь у него есть враги среди тех, кого ты называешь Мастерами.

Моряк продолжал пристально смотреть на него.

— Ты не Мастер, — наконец сказал он, — и ты пришел издалека.

— Ты прав, — сказал Сэм, — но как ты узнал это?

— Во-первых, ты старик. Мастер тоже мог бы иметь старое тело, но он не захочет, так же как не захочет остаться на

долгое время собакой. Слишком силен его страх перед реальной смертью, которая иногда внезапно поражает стариков. Поэтому он не остался бы так долго, чтобы кольца врезались ему в пальцы. Богатые никогда не лишаются своих тел. Если они отказываются от нового рождения, они живут полный виток своих дней. Мастера побоятся поднять оружие среди сторонников такого человека, даже если встретят его одного. Так что такое тело, как у тебя, нельзя получить таким способом. А тело из отбросов общества никогда не имеет отметок на пальцах. Следовательно, я считаю тебя человеком другой значимости, не Мастером. Если ты знал Ольвиугу в давние времена, значит, ты тоже из Первых, как и он. И считаю я тебя человеком издалека как раз из-за сорта информации, какую ты ищешь. Будь ты из Махартхи, ты знал бы о Мастерах, а зная о Мастерах, ты знал бы, почему Ольвиуга не может плавать.

— Ты, похоже, знаешь о делах в Махартхе больше, чем я, о только что прибывший моряк.

— Я тоже издалека, — чуть улыбнувшись, сказал капитан. — Но за двенадцать месяцев я могу посетить в два раза больше портов. Я слышу новости и слухи, и рассказы отовсюду — больше чем из двух дюжин портов. Я слышу о дворцовых интригах и о делах Храма. Я слышу тайны, которые шепчут ночью прекрасные девушки под сахарным тростником Кармы. Я слышу о кампаниях кшатриев и о сделках крупных торговцев насчет будущего урожая зерна, насчет приношений, драгоценных камней и шелка. Я пью с бардами и астрологами, с актерами и слугами, с угольщиками и портными. Иногда я случайно натыкаюсь на порт, где побывали пираты, и узнаю цену тех, за кого они требуют выкуп. Поэтому не удивляйся, что я, прибывший издалека, больше знаю о Махартхе, чем ты, живущий, возможно, за неделю пути отсюда. Иной раз я слышу даже о деяниях Богов.

— Тогда не можешь ли ты рассказать мне о Мастерах, и почему они считаются врагами? — спросил Сэм.

— Кое-что о них я могу рассказать, чтобы ты не ходил непредупрежденным. Основная часть теперь состоит из Мастеров Кармы. Их личные имена держатся в секрете, как принято у Богов, так что они безличны, как Великое Колесо, которое они якобы представляют. Теперь они не просто купцы, они связаны с Храмами. Они тоже измененные, потому что твои родичи, Первые, которые стали теперь Богами, общаются с ними с Неба. Если ты действительно Первый, Сэм, твой путь поведет тебя либо к обожествлению, либо к уничтожению, когда ты встретишься с этими новыми Мастерами Кармы.

— Каким образом?

— Подробности ищи в другом месте, — сказал моряк. — Я не знаю, как делаются эти вещи. Распроси Янаггу, парусного мастера на улице Ткачей.

— Так теперь зовут Яна?

Капитан кивнул.

— И опасайся собак, — сказал он, — или, коль на то пошло, любого живого, кто может скрывать в себе разум.

— Как зовут тебя, капитан?

— В этом порту у меня вообще нет имени, либо фальшивое, а у меня нет причин лгать тебе. Прощай, Сэм.

— Прощай, капитан. Спасибо тебе за твои слова.

Сэм встал и ушел из гавани, направляясь обратно к деловому району и торговым улицам.

* * *

Солнце красным диском поднималось навстречу Мосту Богов. Принц шел по проснувшемуся городу среди палаток мелких ремесленников. Разносчики притираний, пудры, духов и масел двигались вокруг него. Цветочницы махали прохожим своими букетами и корсажами. Виноторговцы молчали, сидя с бурдюками на длинных скамейках, и ожидали постоянных покупателей. Утро пахло смесью еды, мускуса, экскрементов, масел и благовоний, и казалось, будто идешь в невидимом облаке.

Поскольку принц был одет как нищий, было вполне уместно, что он остановился и заговорил с горбуном, державшим чашку для подаяния.

— Привет, брат, — сказал он, — я зашел далеко от своего квартала и заблудился. Не укажешь ли мне дорогу к улице Ткачей?

Горбун кивнул и намекающе покачал чашкой.

Принц извлек из потайного кармана под лохмотьями мелкую монету и бросил ее в чашку. Монета тут же исчезла.

— Туда, — махнул головой горбун. — Пройдешь три улицы и повернешь налево. Пройдешь еще две улицы и увидишь Круг Фонтана перед храмом Варуны. Войди в этот Круг. Улица Ткачей отмечена знаком шила.

Принц кивнул горбуну, похлопал его по горбу и продолжал путь.

Дойдя до Круга Фонтана, он остановился. Несколько десятков людей стояло движущейся линией перед Храмом Варуны, самого строгого и величественного из всех Божеств. Эти люди не собирались войти в Храм, а были приглашены на ка-

кое-то занятие, которое требовало ожидания. Он услышал звон монет и подошел поближе.

Все двигалось мимо большой сверкающей металлической машины.

Человек бросил монету в пасть стального тигра. Машина замурлыкала. Он нажал кнопки в виде животных и демонов. Вспышка света прошла во всю длину Нагов, двух священных змей, огибающих прозрачную панель машины.

Принц подошел еще ближе.

Человек потянул рычаг, напоминающий рыбий хвост.

Священный голубой свет заполнил машину изнутри; змеи вспыхивали красным; в свете и тихой музыке началась молитва, выскочило молитвенное колесо и завертелось со страшной силой.

Лицо человека выражало блаженство. Через несколько минут машина остановилась. Он вложил другую монету и снова потянул за рычаг, что вызвало громкий ропот тех, кто стоял в конце линии; говорили, что это уже седьмая его монета, что день жаркий, что другие тоже хотят принести молитву, и почему бы ему не войти в Храм и не отдать столь большой дар прямо в руки жрецов? Кто-то возразил, что маленькому человеку явно надо загладить слишком многое. Тут же начались рассуждения о возможной природе его грехов. Все это сопровождалось громким смехом.

Увидев в очереди несколько нищих, принц подошел к концу ее и встал. Пока очередь продвигалась, он заметил, что некоторые, проходя перед машиной, нажимают кнопки, а другие просто опускают плоский металлический диск в пасть второго тигра на противоположной стороне шасси. Когда машина останавливалась, диск выпадал в чашу и забирался его владельцем.

Принц рискнул спросить и обратился к стоявшему перед ним:

— Почему у некоторых свои диски?

— Потому что эти люди зарегистрированы, — ответил тот, не оборачиваясь.

— В Храме?

— Да.

— А-а.

Он подождал полминуты и снова спросил:

— А не зарегистрированные, но желающие пользоваться машиной, нажимают кнопки?

— Да, — ответил тот, — написав свое имя, адрес, род занятий.

— А если человек гость здесь, как я, например?

— Добавишь название своего города.

— А если человек неграмотный, как вот я, тогда как?

Человек повернулся к нему.

— Тебе, наверное, лучше заказать молитву по-старому и отдать пожертвование прямо в руки жрецов. А то — зарегистрируйся и получишь диск.

— Понятно, — сказал принц. — Да, ты прав. Я подумаю. Спасибо тебе.

Он вышел из ряда и обогнул фонтан. На столбе висел знак шила. Он пошел по улице Ткачей.

Три раза он спрашивал, где живет Янагга — парусный мастер; в третий раз у невысокой женщины с мощными плечами и с усиками, которая сидела, поджав ноги, и плела коврик в палатке под низким навесом, бывшей, вероятно, когда-то стойлом и до сих пор сохранившей соответствующий запах.

Она осмотрела его сверху донизу удивительно приятными бархатными карими глазами и рыкающим голосом объяснила, куда идти. Он пошел в указанном ею направлении по извилистому переулку и дошел до открытой двери в подвал. Внутри было темно и сыро.

Он постучал в третью дверь налево, и через некоторое время дверь открылась.

Перед ним вырос человек.

— Да?

— Могу я войти? У меня важное дело...

Человек поколебался, затем резко кивнул и отступил в сторону, давая проход.

Принц вошел в комнату. На полу был разостлан большой кусок парусины. Человек сел на табуретку и указал принцу на единственный в комнате стул.

Человек был невысок и широк в плечах; волосы полностью седые, зрачки помутнели от начинающейся катаракты; руки были темные, загрубевшие, с узловатыми пальцами.

— Да? — повторил он.

— Ян Ольвигг, — сказал принц.

Глаза старика расширились, затем сузились до щелочек. Он взвесил в руке ножницы.

— Долог путь до Типперери, — сказал принц.

Человек взгляделся в него и вдруг улыбнулся.

— Долог путь до милой Мэри, — сказал он, кладя ножницы на станок. — Когда это было, Сэм?

— Я потерял счет годам.

— Я тоже. Но наверное, прошло лет сорок или сорок пять, как мы не виделись.

Сэм кивнул.

— По правде сказать, не знаю, с чего начать, — сказал человек.

— Для начала скажи, почему «Янагта»?

— А почему бы и нет? Имя достаточно убедительное. В нем есть нечто от рабочего класса. А как ты? Все еще ходишь в принципах?

— Все еще хожу, — сказал Сэм. — И меня все еще называют Сиддхарттой, когда окликают.

Старик хихикнул.

— И «Связующий Демонов», — процитировал он. — Очень хорошо. Поскольку твой наряд не соответствует твоему богатству, я заключил, что ты, по своей привычке, разыгрываешь спектакль?

Сэм кивнул.

— И я столкнулся со многим, чего не понимаю.

— Угу, — вздохнул Ян. — Угу. Так с чего же мне начать? Расскажу о себе, как... Я набрал слишком много дурной кармы, чтобы быть уверенным в перемещении.

— Что?

— Дурная карма, говорю. Древняя религия не просто религия, а разоблачающая, вынуждающая и пугающе наглядная религия. Но о последней части не говори вслух. Лет двенадцать тому назад Совет разрешил использовать психозонды на тех, кто просил перерождения; это было сразу после акселерационистско-деикратического раскола, когда Святая Коалиция прижала техников и сохранила право на подавление. Простейшее решение, чтобы пережить проблему. Храмовников заставили иметь дело с корпорацией торговцев, клиентам запудрили мозги, акселерационистам отказали в возрождении или... ну, в общем, вроде этого. Так что теперь акселерационистов не слишком много. Но это только начало. Боги быстро поняли, что в этом заключается путь власти. Сканирование наших мозгов перед пересадкой стало стандартной процедурой. Корпорация купцов стала Мастерами Кармы и частью структуры Храма. Они читают твою прошлую жизнь, взвешивают карму и определяют твою последующую жизнь. Это превосходный метод для поддержки кастовой системы и укрепления деикратического контроля. Таким образом большая часть наших старых знакомых получила нимб.

— Бог! — сказал Сэм.

— Во множественном числе, — поправил Ян. — Они всегда считались Богами с их аспектами и атрибутами, но теперь это стало страшно официальным. И любому из тех, кому повезло

быть из Первых, чертовски необходимо твердо знать, желает ли он быстрого обожествления или погребального костра, на который он взойдет в Зале Кармы. Когда у тебя встреча?

— Завтра днем, — ответил Сэм. — Но почему ты все еще ходишь кругом, и у тебя нет ни ореола, ни горсти громовых стрел?

— Потому что у меня есть пара друзей, и оба они намекали мне, что лучше продолжать жить спокойно, чем встретиться с зондом. Я принял к сердцу их мудрый совет и поэтому продолжаю латать паруса и иной раз шумлю в местных кабаках. Кроме того — он поднял узловатую руку и щелкнул пальцами — если не реальная смерть, то, возможно, тело, изъеденное раком, или интересная жизнь кастрированного водяного буйвола, или...

— Собака? — спросил Сэм.

— Именно, — ответил Ян и наполнил два стаканчика спиртным.

— Спасибо.

— Прямо адский огонь.

— Да еще на пустой желудок... Ты сам его делаешь?

— Ну. Перегонный аппарат в соседней комнате.

— Поздравляю. Если бы у меня была плохая карма, все это было бы теперь разобрано.

— Плохая карма — это то, что не нравится нашим друзьям-богам.

— А почему ты думаешь, что у тебя она есть?

— Я хотел начать изучение машин с нашими здешними потомками. Обратился в Совет, получил отказ и надеялся, что об этом забудут. Но акселерационизм теперь так далеко загнан, что не возродится за время моей жизни. Очень жаль. Я хотел бы снова поднять парус и уплыть к другим горизонтам. Или поднять самолет...

— Зонд и в самом деле достаточно чувствителен, чтобы уловить что-то столь же запутанное, как положение акселерациониста?

— Зонд, — ответил Ян, — достаточно чувствителен и скажет, что ты ел на завтрак одиннадцать лет назад, и как ты утром порезался, напевая андоррский национальный гимн.

— Они делали эксперименты, когда мы оставили... дом, — сказал Сэм. — Мы с тобой заложили тогда весьма хорошую основу трансляторов мозговых волн. Когда произошел взрыв?

— Был у меня дальний родственник, — сказал Ян. — Ты помнишь сопливого щенка сомнительного происхождения

третьего поколения по имени Яма? Щенка, который вечно увеличивал мощность генераторов, пока один из них не взорвался, и Яма так обгорел, что получил второе тело — лет на пятьдесят старше — когда ему было всего шестнадцать? Щенка, обожавшего оружие? Парня, который анестезировал и расчленял все, что двигалось, и делал это с таким удовольствием, что мы прозвали его Богом Смерти?

— Да, я помню его. Он все еще жив?

— Да, если хочешь так назвать это. Он теперь и в самом деле Бог Смерти — это уже не прозвище, а титул. Он усовершенствовал зонд сорок лет назад, но деикраты положили его под сукно до недавнего времени. Я слышал, что он придумал еще какое-то маленькое ювелирное изделие для служения воле Богов... что-то вроде механической кобры, способной регистрировать энцефалограммы на расстоянии в милю. Она может ужалить человека в толпе, в каком бы теле он ни был. Противоядия нет. Четыре секунды — и все... Или огненный жезл, который, говорят, может содрать поверхность трех лун, в то время как Бог Агни стоит на берегу, размахивая этим жезлом. И, как я слышал, он проектирует сейчас реактивный джаггернаут для Бога Шивы... что-то вроде этого.

— Ого! — сказал Сэм.

— Ты пройдешь испытание? — спросил Ян.

— Боюсь, что нет. Скажи-ка, я сегодня видел машину, каковую лучше всего назвать молитвенным ковриком — они что, в ходу?

— Да. Они появились года два назад; их придумал молодой Леонардо однажды ночью после стаканчика сомы. Теперь, когда идея кармы стала модной, эти вещи лучше кружки для пожертвований. Когда мистер горожанин предстает лично в клинике Бога церкви, выбранной им в канун своего шестидесятилетия, считается, что его молитва будет рассмотрена с учетом его греха при решении, в какую касту он войдет, а также возраста, пола и здоровья тела, которое он получит. Мило. Ловко придумано.

— Я не пройду испытания, — сказал Сэм, — даже если воздвигну мощный молитвенный счет. Они поймают меня, когда дело коснется греха.

— Какого рода грех?

— Я еще только собираюсь его совершить, но он записан в моем мозгу, поскольку я его обдумывал.

— Хочешь выступить против Богов?

— Да.

— Каким образом?

— Еще не знаю. Начну, однако, с контакта с ними. Кто их глава?

— Не могу назвать ни одного. Правит Тримурти — Брами, Вишну и Шива. Но кто из них главное в данный момент — не могу сказать. Кто-то думает, что Брами...

— Кто они — по-настоящему?

Ян покачал головой.

— Не знаю. У всех у них не те тела, что были тридцать лет назад. И все пользуются именами Богов.

Сэм встал.

— Я вернусь попозже или пришлю за тобой.

— Надеюсь... Выпьешь еще?

Сэм покачал головой.

— Я должен еще раз стать Сиддхартой, разговеться в гостинице Хаукана и объявить о своем намерении посетить Храм. Если наши друзья стали теперь Богами, они наверняка общаются со своими жрецами. Сиддхарта идет молиться.

— Только не упоминай в молитве меня, — сказал Ян, наливая еще стаканчик. — Я не знаю, останусь ли я жив после божественного посещения.

Сэм улыбнулся.

— Они не всемогущи.

— Надеюсь, что нет, но боюсь, что это скоро случится.

— Счастливого плавания, Ян.

— К чертям!

* * *

Принц Сиддхарта остановился на улице Кузнецов на пути к Храму Брами. Через полчаса он вышел из мастерской в сопровождении Страка и трех слуг. Улыбаясь, словно ему было видение того, что произойдет, он прошел через центр Махартхи и, наконец, появился у высокого, обширного Храма Творца.

Не обращая внимания на тех, кто стоял у молитвенной машины, он поднялся по длинной пологой лестнице, чтобы встретиться у входа в Храм с главным жрецом, которого он заранее извещал.

Сиддхарта и его люди вошли в Храм, разоружились и почтительно поклонились центру помещения, прежде чем обратиться к жрецу.

Страк и остальные держались на почтительном расстоянии, когда принц положил тяжелый кошелек в руки жреца и тихо сказал:

— Я бы хотел поговорить с Богом.

Жрец внимательно взгляделся в лицо принца.

— Храм открыт для всех, господин Сиддхарта, и каждый может общаться с Небом, сколько пожелает.

— Я не совсем это имею в виду, — сказал Сиддхарта, — я думал о чем-то более личном, чем жертвоприношение и долгая служба.

— Я не вполне понимаю...

— Но ты понимаешь тяжесть этого кошелька? В нем серебро. Но у меня есть другой — с золотом, его тоже можно передать. Я хотел бы воспользоваться твоим телефоном.

— Теле...?

— Коммуникационной системой. Если ты из Первых, как я, ты должен понимать мой намек.

— Я не...

— Уверяю тебя, что мой звонок ничем не повредит твоему главенству здесь. Я знаю эти дела, и моя скромность всегда была притчей во языцех среди Первых. Вызови сам Первую Базу и справься, если тебе так легче. Я подожду в другой комнате. Скажи им, что Сэм хочет поговорить с Тримурти. Они согласятся.

— Я не знаю...

Сэм достал второй кошелек и взвесил его на руке. Глаза жреца упали на кошелек, и он облизал губы.

— Подожди здесь, — приказал он и, повернувшись, вышел.

* * *

«Или», пятая нота арфы, гудела в садах Пурпурного Лотоса.

Брама болтался на краю горячего бассейна, где он мылся со своим гаремом. Глаза его, казалось, были закрыты, он опирался локтями о край, а ноги покачивались в воде.

Но из-под длинных ресниц он следил за дюжиной девушек в бассейне, надеясь увидеть, как кто-нибудь из них бросит оценивающий взгляд на его темное, с тяжелыми мышцами, длинное тело. Черные усы блестели во влажном беспорядке, волосы черным крылом падали на спину. Он улыбался ясной улыбкой в солнечном свете.

Но никто из девушек, похоже, не замечал его, и улыбка смялась и ушла. Все их внимание было поглощено игрой в водное поло.

«Или», колокольчик связи, зазвонил снова, когда искусственный ветерок донес запах садового жасмина до ноздрей Браммы. Брама вздохнул. Он так хотел, чтобы девушки поклонялись ему, его физической мощи, его тщательно вылепленным чертам лица. Поклонялись как мужчине, а не как Богу.

Но, хотя его специальное и усовершенствованное тело бы-

ло способно на подвиги, недоступные простому смертному, он все-таки чувствовал себя неловко в присутствии этой старой полковой лошади — Бога Шивы, который, несмотря на приверженность к нормальной человеческой матрице, был куда более привлекательным для женщин. Создавалось впечатление, что пол как бы переходит пределы биологии: как ни старался Брами подавить память и разрушить эту часть духа, он родился женщиной и каким-то образом все еще ею оставался. Зная это, он несколько раз перевоплощался во в высшей степени мужественного человека, но все равно чувствовал некоторую неадекватность, как будто признак его истинного пола был выжжен на его лбу. От этого ему хотелось топтать ногами и гримасничать.

Он встал и поплелся к своему павильону мимо низкорослых, причудливо изогнутых с какой-то гротескной красотой деревьев, мимо шпалер, качающихся в утреннем свете, прудов с голубыми водяными лилиями, ниток жемчуга, свисающих с колец белого золота, мимо ламп, сделанных в виде девушек, треножников, где курились пряные благовония, мимо восьмирукой статуи голубой Богини, которая играла на вине, когда ее должным образом просили.

Брама вошел в павильон, подошел к хрустальному экрану, вокруг которого обвивался бронзовый Наг, держащий хвост в зубах, и включил отвечающий механизм.

Сначала на экране появился статический снегопад, а затем — изображение верховного жреца Храма в Махартхе. Жрец упал на колени и трижды коснулся пола своим кастовым знаком.

— Из четырех рангов Богов и восемнадцати хозяев Рая самый великий — Брами, — сказал жрец. — Создатель всего, Господин высоких Небес и всего, что находится под ними. Весенний лотос выходит из твоего пупка, руки твои вспенивают океаны, в трех шагах твоих заключены все миры. Барабан твоей славы бьет ужасом в сердца твоих врагов. На твоей правой руке колесо закона. Ты связываешь катастрофы, пользуясь змеей, как веревкой. Здравствуй! Взгляни благосклонно на мольбу твоего жреца. Благослови меня и услышь меня, Брами!

— Встань... жрец, — сказал Брами, забыв его имя. — Какое дело великой важности заставило тебя вызвать меня?

Жрец встал, бросил быстрый взгляд на мокрую фигуру Брами и снова опустил глаза.

— Господин, — сказал он, — я не стал бы вызывать тебя в то время как ты купаешься, но здесь сейчас один из твоих почитателей. Он хотел бы поговорить с тобой о деле, которое, как я полагаю, должно быть очень важным.

— Почитатель? Скажи ему, что всеслышащий Брами

слышит все, и вели ему молиться мне обычным манером, в Храме! — Рука Браммы потянулась к выключателю, но остановилась. — Откуда он знает о линии Храм-Небо? И о прямой связи святых с Богами?

— Он сказал, — ответил жрец, — что он из Первых, и что я должен передать, что Сэм хочет говорить с Тримурти.

— Сэм? — сказал Брама. — Сэм? Не может же он быть... тем Сэмом!

— Он известен в окрестностях как Сиддхарта, Связующий Демонов.

— Жди, — сказал Брама, — и пой все подходящие стихи из Вед.

— Слушаю, мой Господин, — ответил жрец и запел.

Брама пошел в другую часть павильона и встал перед гардеробом, решая, что надеть.

* * *

Принц, услышав свое имя, отвернулся от созерцания храма внутри. Жрец, имя которого он забыл, поманил его в коридор. Он пошел за жрецом и очутился в складе.

Жрец нашарил потайную щеколду, потянул вверх ряд полок и открыл что-то вроде двери.

Принц прошел через нее и оказался в богато убранной гробнице. Сияющий видеоэкран, окруженный бронзовым Нагом, зажавшим хвост зубами, висел над алтарем — контрольной панелью.

Жрец трижды поклонился.

— Здравствуй, Правитель мира, могущественнейший из четырех рангов Богов и восемнадцати хозяев Рая! Из твоего пупка вырастает лотос, твои руки вспенивают океаны, в трех шагах...

— Я подтверждаю истину твоих слов, — ответил Брама. — Тебя благословили и выслушали. Теперь можешь оставить нас.

— ???

— Правильно. Сэм, без сомнения, заплатил тебе за частную линию?

— Господин...!

— Ладно! Уходи!

Жрец быстро поклонился и вышел, задвинув за собой полки.

Брама оглядел Сэма, на котором были брюки для верховой езды, небесно-голубой камиз, сине-зеленый тюрбан Уратхи и пояс черного железа с пустыми ножнами на нем.

Сэм в свою очередь оглядел Брамму. Поверх легкой кольчу-

ги на нем был накинут плащ из перьев, застегнутый у шеи пряжкой из огненного опала. На голове Брами была пурпурная корона, усеянная мерцающими аметистами; в правой руке скипетр с девятью камнями-покровителями. Глаза его казались двумя черными пятнами на темном лице. Вокруг возникло нежное звучание вины.

— Сэм? — спросил Брама.

Сэм кивнул.

— Я пытаюсь угадать твою истинную сущность, господин Брама, но, признаться, не могу.

— Так и должно быть, — сказал Брама, — и всегда будет, когда речь идет о Боге.

— Наряд у тебя шикарный. Просто блеск.

— Благодарю. Мне трудно поверить, что ты еще существуешь. Кстати, я вижу, что ты за полстолетия не искал нового тела: это взято совершенно случайно.

Сэм пожал плечами.

— Жизнь полна случайностей, риска, неопределенности...

— Справедливо, — сказал Брама. — Прошу, бери стул и садись. Располагайся поудобнее.

Сэм так и сделал. Когда он снова поднял глаза, Брама сидел на высоком резном троне красного мрамора; такого же цвета зонт сиял над ним.

— Сидеть на нем, кажется, не особенно удобно, — заметил Сэм.

— Пенопластовые подушки, — с улыбкой ответил Бог. — Можешь курить, если хочешь.

— Спасибо. — Сэм достал из поясного кармана трубку, набил ее, тщательно умял и закурил.

— Что ты делал все это время, — спросил Бог, — с тех пор как оставил насест Неба?

— Разводил собственные сады, — ответил Сэм.

— Ты мог бы пригодиться нам здесь в нашей гидропонной секции. Для этого дела, пожалуй, мог бы. Расскажи побольше о своем пребывании среди людей.

— Тигры охотятся, королевства спорят с соседями о границах, мораль гаремов соблюдается, проводятся кое-какие ботанические исследования, — все в таком роде, ткань жизни. Мои силы теперь ослабли, и я снова ищу юность. Но, чтобы получить ее, мое сознание нужно профильтровать. Это верно?

— Таков обычай.

— А что из этого получается, могу я спросить?

— Неправильный отпадает, правильный возвысится, — сказал Бог, улыбаясь.

— Допустим, я неправильный. Как я отпаду?

— Тебе придется отрабатывать свой кармический груз в низшем теле.

— Нет ли у тебя легко читаемых диаграмм, показывающих процентное отношение отпавших к поднявшимся?

— Ты плохого мнения о моем всеведении, — сказал Брами, прикрывая зевок скипетром. — Даже если бы я имел такие диаграммы, сейчас я забыл бы о них.

Сэм хихикнул.

— Ты, кажется говорил, что тебе нужен садовник здесь, в Небесном Городе?

— Да. Ты считаешь, что подходишь для этой работы?

— Не знаю. Возможно, и подойду.

— А может, и нет?

— Может, и нет, — согласился Сэм. — В прежние времена не было никаких фокусов-покусов с человеческим мозгом. Если кто-то из Первых хотел перерождения, он платил за тело, и ему его выдавали.

— Теперь не старые времена, Сэм. До нового века рукой подать.

— Можно подумать, что ты добивался устранения всех Первых, которые не стоят за твоей спиной.

— Пантеон вмещает многих, Сэм. Там есть ниша и для тебя, если захочешь.

— А если не захочу?

— Тогда справишься в Зале Кармы насчет своего тела.

— А если я выберу божественность?

— Твой мозг не будет зондирован. Мастерам посоветуют обслужить тебя быстро и хорошо. Летающая машина мигом доставит тебя на Небо.

— Стоит подумать, — сказал Сэм. — Я очень люблю этот мир, хотя он и погряз в эпохе мрака. С другой стороны, такая любовь не даст мне радости, какой я желаю, если мне приказано умереть реальной смертью или стать обезьяной и бродить по джунглям. Но я также не чрезмерно обожаю искусственное превосходство, какое существовало в Небе, когда я последний раз посещал его. Дай мне минуту подумать.

— Я считаю подобную неуверенность нахальством, — сказал Брами, — коли человеку делают такое предложение.

— Знаю, и, вероятно, думал бы так же, если бы мы помнялись ролями. Но если бы я был Богом, а ты — мной, я помолчал бы из милосердия, пока человек принимает важное решение, касающееся его жизни.

— Сэм, ты просто невозможен! Кто еще заставлял бы ме-

ня ждать, когда его бессмертие висит на волоске? Не собираешься ли ты торговаться со мной?

— Видишь ли, я происхожу из длинной линии торговцев слизардами, и мне чертовски нужно кое-что.

— Что именно?

— Ответы на несколько вопросов, которые довольно давно меня беспокоят.

— Каковы же эти вопросы?

— Как тебе известно, я ожидал заседания Совета больше ста лет, потому что он начал длинные сессии, рассчитанные на отсрочки принятия решений, и для начала под предлогом Праздненства Первых. Теперь я ничего не имею против Праздненства. В сущности, полтора столетия я ходил на них только затем, чтобы еще раз выпить доброго старого земного спиртного. Но я чувствую, что мы должны что-то сделать для граждан, так же как и для отпрысков многих наших тел, а не оставлять их бродить по грязному миру и впадать в дикость. Я чувствую, что мы всей командой должны помочь им, дать им выгоды технологии, которую мы сберегли, а не строить из себя неприступный Рай, относясь к миру как к смеси игорного дома с бардаком. И я давно удивляюсь, почему это не сделано. По-моему, это отличный и справедливый способ управлять миром.

— Из этого я заключаю, что ты акселерационист?

— Нет, — сказал Сэм, — я просто спрашиваю. Я любопытен, только и всего.

— Тогда ответ таков, — сказал Брами, — они не готовы. Если бы мы действовали сразу же — тогда да, это можно было бы сделать. Но сначала нам было безразлично, а затем, когда встал этот вопрос, мы разошлись во взглядах. Слишком много времени прошло. Они не готовы, и не будут готовы еще много столетий. Если им сейчас дать передовую технологию, последуют войны, результатом которых явится уничтожение начинаний, уже сделанных ими. Они пойдут далеко. Они начали строить цивилизацию на манер их предков. Но они все еще дети, и как дети они будут играть с нашими дарами и будут сожжены ими. Они — наши дети от наших давно умерших Первых, вторых, третьих и дальнейших тел, и мы, как родители, несем за них ответственность. Мы не должны позволять им ускорить индустриальную революцию и тем разрушить первое стабильное общество на этой планете. Мы лучше всего выполним свои родительские функции, если проведем людей через Храмы, как мы это и делаем. Боги и Богини, по существу, фигуры родителей; что может быть правильнее и справедливее, чем взять на себя их роли и хорошо сыграть их?

— Тогда зачем вы разрушаете их собственную детскую технологию? Печатный станок изобретался три раза, насколько я помню, и каждый раз уничтожался.

— По той же самой причине — они к нему не готовы. И это было не настоящее изобретение, а скорее воспоминание. Это была легендарная вещь, и кто-то решил ее продублировать. Вещь должна появиться в результате факторов, уже присутствующих в культуре, а не быть вытащенной из прошлого, как кролик из шляпы.

— Похоже, что ты ставишь этому мощный заслон, Брами. Я делаю вывод, что твои фавориты ходят туда-сюда по планете и уничтожают все признаки прогресса, какие находят.

— Неправда, — сказал Брами. — По твоим словам выходит, что мы постоянно желаем этого груза божественности, стараемся поддерживать темный век, чтобы вечно находиться в изнуряющих условиях вынужденной божественности!

— В общем, да. А как насчет молитвенной машины, стоящей сейчас перед этим храмом? Она на одном уровне, в смысле культуры, с колесницей?

— Это совсем другое дело. Как божественное проявление, она держит граждан в благоговейном страхе, и о ней не спрашивают по религиозным причинам. Это почти то же самое, что применить бездымный порох.

— А что, если какой-нибудь местный атеист угонит ее и разберет на части? Вдруг он окажется Томасом Эдисоном? Тогда как?

— В них хитрая комбинация запоров. Если кто-то, кроме жреца, откроет ее, машина взорвется и возьмет его с собой.

— Я обратил внимание, что вы неспособны начисто подавить изобретения, хоть и пытаетесь. Вы прохлопали налог на алкоголь, который могли бы взимать Храмы.

— Человечество всегда искало облегчения в выпивке, — сказал Брами. — Она даже каким-то образом фигурировала в религиозных церемониях и от этого становилась меньшим грехом. По правде сказать, мы пытались сначала подавить ее, но быстро поняли, что не сможем. Так что, взамен налога, они получили наше благословение на выпивку. Меньше греха, меньше похмелья, меньше взаимных обвинений — это психосоматично — налог этого не даст.

— Даже удивительно, как много людей предпочитает нечестивое варево!

— Ты пришел просить, а сам насмехаешься? Я предложил ответить на твои вопросы, но не собирався дебатировать с

тобой о деикратической политике. Не настроишь ли ты свой разум на мое предложение?

— Да, Мадлен, — сказал Сэм. — Тебе кто-нибудь говорил, как ты мила, когда ты злишься?

Брама соскочил с трона.

— Как ты мог? Как ты мог сказать такое? — завопил он.

— Вообще-то не мог — до этой минуты. Это была просто догадка, в какой-то мере основанная на твоей манере говорить и жестикулировать, которую я помню. Так что ты в конце концов добился своей давнишней цели? Держу пари, ты даже завел гарем. Ну, и каково, мадам, стать настоящим конным заводом, после того как ты был девчонкой? Тебе позавидовала бы каждая шлюшка на земле, если бы знала. Поздравляю.

Брама вытянулся во весь свой рост и засверкал. Трон пламенел за его спиной. Вина бесстрастно звенела. Он поднял скипетр.

— Готовься получить проклятие Браммы... — начал он.

— За что? — спросил Сэм. — За то, что я угадал твою тайну? Если я буду Богом — какая разница? Другие наверняка знают об этом. Неужели ты злишься только из-за того, что я смог узнать о твоей истинной сущности, бросив тебе маленькую приманку? Я предполагал, что ты больше оценишь меня, если я продемонстрирую тебе таким образом свой ум. Извини, если я оскорбил тебя.

— Не из-за того, что ты догадался, и даже не из-за манеры, в которой ты высказал эту догадку — я проклиная тебя за то, что ты насмеялся надо мной.

— Насмеялся? — повторил Сэм. — Не понял. Я не намеревался быть непочтительным. В прежние дни я всегда был в хороших отношениях с тобой. Если ты чуточку подумаешь о тех временах, ты вспомнишь, что это правда. Зачем бы мне ставить под удар свое положение, насмехаясь над тобой теперь?

— Потому что ты слишком быстро высказал то, что думал, не потрудившись подумать дважды.

— Нет, Ваше Величество, я просто пошутил с тобой, как человек с человеком, когда они говорят о таких вещах. Мне жаль, если ты неправильно это понял. Я уверен, что у тебя есть гарем, завидую и наверняка постараюсь как-нибудь ночью проникнуть в него. Если ты меня там захватишь, вот тогда и проклинай. — Он затянулся из трубки и скрыл в дыму усмешку.

В конце концов Брама захихикал.

— Я немножко вспылil, твоя правда, — объяснил он, — и, возможно, излишне чувствителен к своему прошлому. Ладно. Я и сам часто шутил так с другими. Я прощаю тебя. Я сни-

маю начало своего проклятия. И тогда ты решаешь принять мое предложение?

— Да.

— Хорошо. Я всегда питал к тебе братские чувства. Теперь иди и пришли мне моего жреца, я проинструктирую его насчет твоего воплощения. Мы с тобой скоро увидимся.

— Точно, господин Брами.

Сэм кивнул и салютовал трубкой. Затем он толкнул обратно ряд полок и нашел во внешнем зале жреца. Разные мысли пронеслись в его мозгу, но на этот раз он оставил их невысказанными.

* * *

В этот вечер принц держал совет с теми из своих слуг, которые посещали своих родственников и друзей в Махартхе, и с теми, кто бродил по городу, собирая известия и слухи. От них он узнал, что в Махартхе всего десять Мастеров Кармы, и все они живут во дворце на юго-западных склонах над городом. Они планируют визиты в клиники, читальни, храмы, куда граждане сами являются на суд, когда просят перерождения. Сам Зал Кармы был массивным черным зданием во внутреннем дворе их дворца; туда вызывали человека сразу после суда, чтобы пересадить его в новое тело. Страк, один из двух советников принца, уходил в светлое время дня и делал зарисовки дворцовых укреплений. Двое придворных были посланы в город, чтобы передать приглашение на ужин Шэну из Ирабика, старику и дальнему соседу Сиддхарты, с которым он сражался в трех кровавых пограничных перестрелках и иногда охотился на тигра. Шэн гостил у родственников, пока ожидал встречи с Мастерами Кармы. Другой человек был послан на улицу Кузнецов, где просил работников по металлу удвоить заказ принца и выполнить его к раннему утру. Он взял с собой дополнительное вознаграждение, чтобы обеспечить сотрудничество.

Позднее в гостиницу Хауканы прибыл Шэн из Ирабика в сопровождении шести своих родственников, которые были из касты купцов, но вооружены как воины. Увидев, что гостиница явно мирная и никто из гостей или посетителей не вооружен, они отложили в сторону свое оружие, а сами сели поближе к принцу.

Шэн был высоким, но заметно сторбленным человеком. Он носил коричневую одежду и темный тюрбан; спускавшийся почти до широких, мохнатых как гусеницы бровей молочного цвета. Борода казалась заснеженным кустом, от зубов ос-

тались одни пеньки, что было заметно, когда он смеялся. Нижние веки набрякли и покраснели, как бы от горя и усталости после столь многолетней поддержки налитых кровью глаз, которые явно пытались выскочить из орбит.

В конце вечера врач принца извинился и вышел, так как он наблюдал за приготовлением десерта и должен был ввести наркотик в пирожное, предназначенное Шэну. После десерта Шэн все более был склонен закрывать глаза и все чаще клевал носом.

— Хороший вечер, — бормотал он между всхрапываниями и, наконец, уснул так крепко, что его не могли пробудить. Родственники не были в состоянии доставить его домой, потому что врач принца добавил в их вино хлоралгидрата, и они к этому времени уже храпели, растянувшись на полу. Старший придворный принца договорился с Хауканой относительно их устройства, а Шэн был перенесен в помещение Сиддхарты, куда тут же пришел врач. Он распустил завязки одежды Шэна и заговорил тихим, убеждающим голосом:

— Завтра днем ты станешь принцем Сиддхарты, а эти будут твоими слугами. Ты пойдешь с ними в Зал Кармы требовать тело, которое Брама обещал тебе дать без предварительного суда. Ты останешься Сиддхарты на все время пересадки и вернешься сюда со своими вассалами, чтобы я тебя осмотрел. Ты понял?

— Да, — прошептал Шэн.

— Повтори, что я тебе сказал.

— Завтра днем, — сказал Шэн, — я стану Сиддхарты, командующим этими слугами...

* * *

Ярко расцвело утро, и с ним появились обязанности. Половина людей принца выехала из города, направляясь к северу. Отъехав за пределы наблюдения из Махартхи, они свернули на юго-запад, через холмы, и остановились только, чтобы надеть свое боевое снаряжение.

Шестерых послали на улицу Кузнецов, откуда они вернулись с тяжелыми парусиновыми сумками; содержимое сумок было распределено по карманам трех дюжин людей, и те после завтрака уехали в город.

Принц совещался со своим врачом Нарадой и сказал ему:

— Если я неправильно судил о милосердии Неба, то я и в самом деле проклят.

Доктор улыбнулся.

— Сомневаюсь, чтобы ты судил неправильно.

Так они перешли от утра в тихую середину дня. Мост Богов золотился над ними.

Когда их помощники проснулись, им помогли опохмелиться. Шэн получил постгипнотическое внушение и поехал с шестью слугами Сиддхарты во Дворец Мастеров. Родственников же его уверили, что Шэн спит в комнатах Сиддхарты.

— Самый большой наш риск, — говорил врач, — это Шэн. Вдруг его узнают? Факторы в нашу пользу — что он мелкий правитель далекого королевства и в этом городе недавно. Большую часть времени он проводил с родственниками и не являлся еще для суда. А Мастера пока не знают тебя в лицо...

— Если только Брама или его жрец не описали меня им, — сказал принц. — Насколько я представляю, моя беседа могла быть записана на пленку, а пленка передана Мастерам для опознания.

— А, собственно, зачем им это делать? — спросил Нарада. — Вряд ли они стали бы применять тайные и хитрые предосторожности к человеку, которому оказывают милость. Нет, я думаю, мы можем откинуть это. Шэн, конечно, не сможет пройти проверку зондом, но поверхностный осмотр пройдет, поскольку его сопровождают твои слуги. В настоящее время он уверен, что он Сиддхарт, так что может пройти через обычный детектор лжи — я думаю, это самое серьезное препятствие, какое ему встретится.

Итак, они ждали. Три дюжины людей вернулись с пустыми карманами, собрали свои пожитки, оседлали лошадей и один за другим потянулись из города, как бы в поисках развлечений, но в действительности медленно продвигаясь в юго-западном направлении.

— До свидания, добрый Хаукана, — сказал принц, когда оставшиеся его люди сели на лошадей, — я уношу, как всегда, хорошие воспоминания о твоём жилище и обо всем, что встретил вокруг. Я сожалею, что мое пребывание здесь заканчивается так неожиданно, но я должен ехать и подавить восстание в провинциях, как только выйду из Зала Кармы... Ты знаешь, такие вещи всегда вылезают, едва правитель повернется спиной. Так что, как бы ни хотелось мне побыть еще недельку под твоей крышей, придется это удовольствие отложить до другого раза. Если кто-нибудь спросит меня, скажи, чтобы меня искали в Гадесе.

— Гадес, Господин?

— Это южная провинция в моем королевстве, известная своим исключительно жарким климатом. Но скажи именно

эту фразу, особенно жрецам Брамы, которые могут поинтересоваться в ближайшие дни насчет места моего пребывания.

— Будет сделано, Господин.

— И позаботься о мальчике Диле. Я надеюсь снова послушать его игру в свой следующий визит.

Хаукана низко поклонился и собрался было начать речь, но принц бросил ему последний кошелек с деньгами и сделал добавочные комментарии по поводу вина из Уратхи, а затем быстро вскочил в седло, выкрикивая приказы своим людям, чем быстро засушил дальнейший разговор.

Затем они выехали из ворот и скрылись, оставив у Хауканы врача и трех воинов, которых нужно было лечить лишний день от чего-то, связанного с переменой климата, прежде чем они присоединятся к остальным.

Принц и его свита проехали через город боковыми улицами и выехали на дорогу к Дворцу Мастеров Кармы. Пока они ехали по ней, Сиддхарта обменивался тайными знаками с теми тремя дюжинами его воинов, которые залегли в укрытия в различных точках вблизи роши.

Проехав половину расстояния до Дворца, принц и восемь сопровождающих его людей натянули поводья и сделали вид, что остановились отдохнуть, в то время как другие двигались параллельно им между деревьями.

Далеко впереди они увидели движение на дороге. Семь всадников ехали на лошадях, и принц догадался, что это шесть его копыеносцев и Шэн. Когда те подъехали на расстояние оклика, принц и его люди двинулись им навстречу.

— Кто вы? — спросил высокий остроглазый всадник на белой кобыле. — Кто вы, что смеее загроаживать дорогу принцу Сиддхарте, Связующему Демонов?

Принц посмотрел на него — мускулистого, смуглого, лет двадцати пяти, с ястребиным лицом и властными манерами — и почувствовал вдруг, что его сомнения были необоснованными, и что он предал сам себя своими подозрениями и недоверием. Судя по гибкому телу человека, сидевшего на лошади принца, Брама поступил честно и приказал дать великолепное сильное тело, доставшееся теперь старому Шэну.

— Повелитель Сиддхарта, — сказал человек, ехавший рядом с правителем Ирабика, — похоже, что эти люди действовали честно... Не вижу в нем ничего неправильного.

— Сиддхарта? — закричал Шэн. — Как ты смеешь называть его именем своего господина? Я — Сиддхарта, Связующий... — тут он закинул голову назад, и слова забулькали в его горле.

Затем у Шэна начался припадок. Он, задыхаясь, повалился с седла. Сиддхарта подбежал к нему. В уголках рта Шэна показалась пена, глаза закатились.

— Эпилепсия! — воскликнул принц. — Они приготовили для меня поврежденный мозг!

Остальные собрались вокруг и помогали принцу ухаживать за Шэном, пока припадок не кончился и разум не вернулся в тело.

— Что случилось? — спросил Шэн.

— Предательство! — сказал Сиддхарта. — Предательство, о Шэн из Ирабика! Один из моих людей отвезет тебя сейчас к моему личному врачу для осмотра. Когда ты отдохнешь, я советую тебе подать жалобу на читальню Брамь. Мой врач будет лечить тебя у Хауканы, и ты поправишься. Мне очень жаль, что так случилось. Вероятно, дело исправят. Если же нет — вспомни последнюю осаду Капила и считай, что нам даже повезло. До свидания, брат принц.

Он поклонился Шэну, его люди помогли тому сесть на гнедую лошадь Хауканы, которую Сиддхарта позаимствовал раньше.

Сев на свою кобылу, принц наблюдал за отъездом Шэна, затем повернулся к своим людям и сказал достаточно громко, чтобы слышали и те, кто ждал в стороне от дороги:

— Нас войдет девять человек. Два звука рога — и войдут остальные. Если будет сопротивление, предложите им там быть более осторожными, потому что еще три звука рога приведут с холмов пятьдесят копьеносцев. Это дворец отдыха, а не крепость, где проводятся сражения. Захватите в плен Мастеров. Не портите их машины и не позволяйте никому это делать. Если сопротивления не будет — все хорошо. Если же будет, мы пройдем через Дворец и Зал Кармы, как ребенок через муравейник. Удачи вам! И ни одного Бога с вами!

Он повернул лошадь и поехал по дороге, а восемь воинов тихонько пели за его спиной.

* * *

Принц проехал через ворота. Они были открыты и никем не охранялись. Он тут же подумал о тайной защите, которую Страк мог не заметить.

Двор был ухожен и частично замощен. В большом саду работали слуги. Принц искал место, где могло быть оружие, но не увидел. Слуги глянули на него, когда он появился, но работы не прервали.

В дальнем конце двора был черный каменный Зал. Принц

направился к нему, его всадники следовали за ним, пока его не окликнули со ступеней дворца, справа.

Он натянул поводья и повернулся. Он увидел человека в черной одежде с желтым кругом на груди и с посохом из эбенового дерева. Человек был высок, грузен, с заплывшими глазами. Он не повторил оклика, просто стоял и ждал.

Принц направил лошадь к подножию широкой лестницы.

— Я хочу говорить с Мастерами Кармы, — сказал он.

— Тебе назначено? — спросил человек.

— Нет, но у меня важное дело.

— Тогда жалею, что ты напрасно проехался. Назначение обязательно. Ты можешь договориться о нем в любом храме Махартхи.

Он стукнул посохом о ступеньку, повернулся и пошел прочь.

— Выкорчуйте этот сад, — сказал принц своим людям, — срежьте молодые деревья, свалите все вместе и подожгите.

Человек в черном остановился и снова обернулся. У подножия лестницы стоял только один принц: его люди уже двинулись к саду.

— Ты не можешь этого сделать, — сказал человек.

Принц улыбнулся. Его люди спешили и начали рубить кустарник, шагая прямо по цветочным грядкам.

— Вели им остановиться!

— А зачем? Я пришел говорить с Мастерами Кармы, а ты сказал мне, что я не могу. А я говорю, что могу и буду. Посмотрим, кто из нас прав.

— Прикажи им остановиться, а я передам Мастерам твое сообщение.

— Остановитесь! — крикнул им принц, — но будьте готовы начать снова.

Человек в черном поднялся по лестнице и исчез во дворце. Принц потрогал рог, висевший на шнурке на его шее.

Через короткое время в дверях показались вооруженные люди. Принц поднял рог и дважды дунул в него.

Люди носили кожаные кольчуги — кое-кто поспешно застегивал их — и такие же шлемы. Правые руки были обернуты мягкой прокладкой до локтя, на небольших овальных щитах красовался герб — желтое колесо на черном поле. Они были вооружены длинными изогнутыми клинками. Они заняли всю лестницу и остановились, как бы ожидая приказов.

Человек в черном снова появился на верхней площадке и сказал:

— Итак, если у тебя есть что сказать Мастерам — говори!

— Ты Мастер? — спросил принц.

— Да.

— Видимо, ты рангом ниже всех остальных, если тебе приходится выполнять обязанности привратника. Дай мне поговорить со старшим Мастером.

— Ты заплатишься за свою наглость и в этой жизни, и в следующей, — заметил Мастер.

Через ворота въехали три дюжины копьеносцев и выстроились по бокам принца. Те восемь человек, что начали было громить сад, снова сели на лошадей и двинулись к строю, положив на колени обнаженные клинки.

— Не въехать ли нам во дворец на конских спинах? — спросил принц. — Или ты вызовешь других Мастеров, с которыми я желаю иметь разговор?

На лестнице стояло человек восемьдесят с клинками в руках. Мастер прикинул равновесие сил и решил оставить все как есть.

— Не поднимай шум, — сказал он, — потому что мои люди защищаются особенно яростно. Подожди моего возвращения. Я вызову остальных.

Принц набил трубку и закурил. Его люди сидели как статуи, с копьями наготове. На лицах пехотинцев, стоявших в первом ряду на лестнице, выразилось явное облегчение.

Принц, чтобы убить время, оглядел своих копьеносцев.

— Не вздумайте показывать свою ловкость, как делали при последней осаде Капила. Цельтесь в грудь, а не в голову. Не вздумайте вести обычный бой — ранить и убивать; это святое место, и его нельзя осквернять таким способом. Но с другой стороны, — добавил он, — я приму за личный выпад, если не окажется десяти пленников для жертвоприношения Ниррити Черному, моему личному покровителю — конечно, вне этих стен, там, где наблюдение за Темным Пиром не ляжет так тяжело на нас...

Справа раздался звон: пехотинец, не спускавший глаз с копья Страка, потерял сознание и упал с нижней ступени лестницы.

— Остановитесь! — закричала фигура в черном, появившаяся на верху лестницы в сопровождении шести других, одетых так же. — Не оскверняйте кровопролитием Дворец Кармы. Кровь этого упавшего воина уже...

— Бросится ему в щеки, — закончил принц, — когда он придет в себя, потому что он не убит.

— Что ты хочешь? — обратилась к нему фигура в чер-

ном, среднего роста, но громадного объема; она стояла, как огромная черная бочка, с посохом — черной громовой стрелой.

— Я насчитал семерых, — ответил принц, — а знаю, что здесь живут десять Мастеров. Где еще трое?

— Они сейчас на обслуживании в читальнях Махартхи. Чего ты хочешь от нас?

— Ты здесь главный?

— Главным здесь является Колесо Закона.

— А ты — старший представитель Великого Колеса в этих стенах?

— Да.

— Прекрасно. Я хочу поговорить с тобой наедине — там, — сказал принц, указывая на черный Зал.

— Невозможно!

Принц выбил трубку о каблук, поковырял в ней острием кинжала и убрал в карман. Затем выпрямился в седле и зажал в левой руке рог. Он встретил глаза Мастера.

— Ты абсолютно уверен в этом? — спросил он.

Маленький яркий рот Мастера задвигался, но ничего не сказал. Наконец, Мастер согласился:

— Пусть будет так, как ты сказал. Дайте мне дорогу!

Он прошел через ряды воинов и встал перед белой кобылой.

Принц сжал коленями бока лошади, поворачивая ее к темному Залу.

— Держать ряды! — приказал Мастер стражникам.

— То же относится и к вам, — сказал принц своим людям.

Они вдвоем пересекли двор, и принц спешился перед Залом.

— Ты должен мне тело, — сказал он негромко.

— О чем ты?

— Я — принц Сиддхарта из Капила, Связующий Демонов.

— Сиддхарту уже обслужили, — сказал Мастер.

— Ты думаешь, что ему дали тело эпилептика по приказу Браммы; однако, это не так. Человек, которого вы обслуживали сегодня, был невольным самозванцем. Настоящий Сиддхарта — я, о безымянный жрец, и я пришел требовать свое тело, здоровое и сильное, без скрытых пороков. И ты обслужишь меня именно так. Добровольно или нет, но ты обслужишь меня.

— Ты думаешь?

— Думаю, — ответил принц.

— Атака! — закричал Мастер и взмахнул посохом, целясь в голову принца.

Принц уклонился от удара и отступил, вытаскивая кинжал. Дважды он парировал посох. Но в третий раз посох ударил его по плечу скользящим ударом, но недостаточным, чтобы заставить принца пошатнуться. Он обежал вокруг белой кобылы, преследуемый Мастером. Увертываясь и держа лошадь между собой и противником, он поднес к губам рог и протрубил три раза. Звуки рога покрыли яростный шум битвы на дворцовой лестнице. Тяжело дыша, он повернулся как раз вовремя, чтобы уберечься от удара в висок, который наверняка убил бы его, если бы попал в цель.

— Написано, — почти прорычал Мастер, — что тот, кто отдает приказы, не имея власти заставить их выполнять — дурак.

— Десять лет назад, — выдохнул принц, — тебе не удалось бы наложить на меня свой посох.

Он рубанул по посоху, надеясь расщепить дерево, но посох все время ухитрялся поворачиваться от края лезвия, так что принц только делал на нем зарубки и местами ободрал, но сам посох оставался целым.

Пользуясь им как фехтовальной палкой, Мастер нанес сильный удар по левому боку принца. Принц почувствовал, что ребра ломаются... Он упал.

Неизвестно, как это случилось, потому что лезвие вылетело из его рук, когда он упал; но оружие проехало по голени Мастера, и тот с воем упал на колени.

— Мы с тобой пара, — задыхаясь, сказал принц. — Мой возраст против твоего жира...

Он лежа поднял кинжал, но не мог держать его наизготовку. Он приподнялся на локте. Мастер со слезами на глазах пытался встать и снова упал на колени.

Послышался топот копыт.

— Я не дурак, — сказал принц, — и теперь у меня есть власть заставить выполнять мои приказы.

— Что случилось?

— Прибыли остальные мои копыеносцы. Войди я сразу с полной силой, ты спрятался бы, как геккон в вязанке дров, и пришлось бы потратить несколько дней, чтобы разнести твой дворец и вытащить тебя оттуда. А теперь я держу тебя в кулаке.

Мастер поднял посох.

Принц отвел назад свое оружие.

— Опусти посох, — сказал он, — или я метну кинжал. Не знаю, попаду или промахнусь, но могу и попасть. Ты не боишься играть с реальной смертью?

Мастер опустил посох.

— Ты познаешь реальную смерть, — сказал он, — когда служители кармы скормят твоих конных солдат собакам.

Принц кашлянул и равнодушно взглянул на свой кровавый плевок.

— Давай пока оставим политические дискуссии, — посоветовал он.

* * *

Когда звуки сражения затихли, подошел Страк, высокий, пыльный, с волосами почти того же цвета, что запекшаяся на его клинке кровь, был обнюхан белой кобылой, отсалютовал принцу и сказал:

— Все кончено.

— Слышал, Мастер Кармы? — спросил принц.

Мастер не ответил.

— Обслужи меня немедленно, и этим спасешь свою жизнь, — сказал принц. — Откажись — и я возьму ее.

— Я обслужу тебя, — сказал Мастер.

— Страк, — приказал принц, — пошли двух людей в город — одного за Нарадой, моим врачом, а другого на улицу Ткачей, за Янагтой, парусным мастером. Из трех воинов, оставшихся у Хауканы, оставь одного, чтобы задержать Шэна из Ирабика до захода солнца. Затем пусть свяжет его и оставит, а сам придет к нам сюда.

Страк улыбнулся и отсалютовал.

— А теперь приведи людей отнести меня в зал и не спускай глаз с Мастера.

* * *

Он сжег свое старое тело вместе со всеми другими. Служители Кармы все до одного погибли в бою. Из семерых безымянных Мастеров уцелел только один жирный.

Запасы спермы и яйцеклеток, баки с культурой и морозильники для тел нельзя было транспортировать, но само оборудование для пересадки было демонтировано под руководством доктора Нареды, и части его были навьючены на лошадей погибших воинов. Молодой принц сидел на белой лошади и следил, как пламя пожирало тела. Огонь восьми погребальных костров взлетел к предрассветному небу. Тот, кто был парусным мастером, глядел на ближайший к воротам костер — последний из зажженных; его пламя только сейчас достигло вершины, где лежало тело в черной одежде с желтым кругом на груди. Когда пламя коснулось его и одежда затлела, собака,

сьежившаяся в разоренном саду, подняла голову, и вой ее был почти рыданием.

— Этот день переполнит счет твоих грехов, — сказал бывший парусный мастер.

— Но учтутся и мои молитвы, — ответил принц. — Я займусь этим в дальнейшем. Будущие теологи отнесутся к ним хотя бы так же, как ко всем этим жетонам для молитвенных машин, и примут окончательное решение. А Небо пусть теперь размышляет, что здесь случилось в этот день, и есть ли я, кто я и где я. Пора ехать, капитан. На некоторое время в горы, а затем наши пути разойдутся — ради безопасности. Я не знаю, по какой дороге пойду, но она поведет к воротам Неба, и я должен идти вооруженным.

— Связующий Демонов, — сказал его собеседник и улынулся.

Подошел командир копьеносцев. Принц кивнул ему. Громко прозвучали приказы.

Колонна всадников двинулась, прошла через Ворота Кармы, свернула с дороги и стала подниматься по склону к юго-востоку от города Махартхи; за их спинами пылали, как заря, их мертвые товарищи.

Глава 3

Говорят, что когда появился Учитель, люди всех каст шли слушать его поучения, а также животные, Боги и случайный святой, и уходили облагороженными и духовно возродившимися. В основном все признавали, что он получил просветление; не думали так лишь те, кто считал его обманщиком, грешником, преступником и даже просто шутником. Но все эти люди числились его врагами; но с другой стороны, не все те, кто облагородился и духовно возвысился, могли считаться его друзьями или поддерживающими его. Его приверженцы называли его Махасаматманом, и кое-кто говорил, что он был Богом. Итак, после того, как стало известно, что его приняли как учителя и смотрят на него с почтением, многие богатеи стали поддерживать его, и слава его шла далеко по стране, и к нему обращались как к Татхагате, что означает Тот, Кто Достиг. Было замечено, что в то время как Богиня Кали (иногда известная как Дурга в ее более мягкие минуты) никогда не высказывала официального мнения насчет того, что он Будда, она оказала ему странную честь, послав к нему святого палача вместо того, чтобы просто нанять убийцу...

Истинный Дхарма не исчезал, пока в мире не возник фальшивый Дхарма. Когда возник фальшивый Дхарма, он заставил исчезнуть истинного Дхарму.

Самьютта-никайя (11, 224)

Близ города Алондила была прекрасная роща деревьев с синей корой и пурпурными, похожими на перья, листьями. Роща славилась своей красотой и почти священным покоем своей тени. Роща принадлежала купцу Вазу до его обращения, а затем он подарил ее Учителю, известному как Махасаматман, Татхагата и Просветленный. В роще Учитель ожидал своих последователей, и когда они в полдень входили в город, их чашки для подаяния никогда не оставались пустыми.

Вокруг рощи всегда бывало множество паломников. Верующие, любопытные и те, кто охотится на других, постоянно проходили через рощу. Они прибывали на лошадях, в лодках, пешком.

Алондил не был чрезмерно большим городом. Там были как тростниковые хижины, так и деревянные бунгало; главная дорога была не замощена и изрыта колеями. В городе было два больших базара и множество маленьких; обширные зерновые поля, принадлежавшие Вазу и обрабатываемые шудрами, цвели и колыхались вокруг города. В городе было много гостиниц (не столь роскошных, как легендарная гостиница Хауканы в далекой Махартхе) из-за постоянного наплыва путешественников; город имел своих святых людей и своих сказителей; и он имел Храм.

Храм стоял на невысоком холме недалеко от центра города; со всех четырех сторон его были огромные ворота. Эти ворота и стены вокруг были покрыты слоями декоративной резьбы, изображавшей музыкантов и танцоров, воинов и демонов, Богов и Богинь, животных и актеров, любовников и полулюдей, стражников и дэвов. Эти ворота вели в первый двор, содержащий больше стен и больше ворот, открывавшихся, в свою очередь, во второй двор. В первом дворе был маленький базар, где продавались подношения Богам. Там было также множество мелких гробниц, посвященных меньшим божествам. Там были нищие, медитирующие святые люди, смеющиеся дети, сплетничающие женщины, горящие благовония, певчие птицы, булькающие очистительные баки, жужжащие молитвенные машины — все это можно было найти там в любое время дня.

Внутренний двор, с его массивными гробницами, посвященными главным Божествам, был основным местом религиозной деятельности. Люди пели или выкрикивали молит-

вы, бормотали стихи из Вед, стояли, опускались на колени или простирались ниц перед громадными каменными изображениями, которые часто бывали так плотно увешаны цветами, замазаны красной пастой кум-кум и завалены грудями подношений, что нельзя было сказать, какое именно божество окутано таким поклонением. Периодически гудели храмовые рога, на минуту воцарялась тишина, а затем гвалт начинался снова.

И никто не стал бы оспаривать факт, что владычицей этого Храма была Богиня Кали. Ее высокая статуя из белого камня, стоявшая в гигантской гробнице, доминировала во внутреннем дворе. Ее слабая улыбка, возможно, презрительная по отношению к другим Богам и их приверженцам, так же привлекала внимание, как и усмешки черепов на ее ожерелье. Она держала в руках кинжалы и, приподняв ногу в полушаге, казалось, решала, станцевать ли ей сначала или сразу убить тех, кто подошел к ее гробнице. Полные губы, широко раскрытые глаза. При свете факелов она, казалось, двигалась.

Выглядело вполне естественным, что ее гробница была напротив гробницы Ямы, Бога Смерти. Жрецы и архитекторы достаточно логично решили, что из всех других Богов ему более всего подходит стоять всегда лицом к ней с тем же, что у нее, твердым, убивающим взглядом и отвечать на ее улыбку своей кривой усмешкой. Даже самые набожные люди предпочитали не проходить между этими двумя гробницами, а обойти их; а после наступления темноты эта часть двора всегда оставалась в тиши и покое, непотревоженная приподнившимися почитателями.

Когда по стране дул весенний ветер, с севера приходил некий Ральд. Невысокий человек с белыми волосами, хотя лет ему было немного. Ральд носил внешние атрибуты пилигрима, но, когда его нашли лежащим в канаве в беспмятстве, над его лбом был накручен малиновый душащий шнур его истинной профессии. Туг.

Ральд приходил весной во время празднества в Алондиле, городе сине-зеленых полей, тростниковых хижин и деревянных бунгало, немощенных дорог и многих гостиниц, базаров, святых людей и сказителей, великого религиозного оживления и Учителя, чья слава распространилась далеко по стране — Алондила, города Храма, где его покровительница — Богиня — была королевой.

* * *

Время празднества.

Двадцать лет назад маленький праздник Алондила был почти исключительно местным делом. Теперь же, с появлени-

ем бесчисленных путешественников, вызванным присутствием Просветленного, который учил Пути Восьмичленной Тропы, празднества Алондила привлекали так много пилигримов, что местные помещения для жилья были переполнены. Те, у кого были палатки, брали высокую плату за их аренду. Арендовали под человеческое жилье даже стойла. Даже голые участки земли служили местом для подобных лагерей.

Алондил любил своего Будду. Многие другие города пытались переманить его к себе из его пурпурной рощи: Шингоду, Горный Цветок, предлагал ему дворец и гарем, чтобы он пришел учить на его склонах. Но Просветленный не пошел к горе. Каннака, Речная Змея, предлагала ему слонов и корабли, городской дом и загородную виллу, лошадей и слуг, чтобы он пришел и проповедовал на его пристанях. Но Просветленный не пошел к реке.

Будда оставался в своей роще, и все шли к нему. С течением времени празднества становились все шире и продолжались дольше и были более замысловатыми, и сияли, как чешуя откормленного дракона. Местные брамины не одобряли антиритуальные учения Будды, но его присутствие наполняло доверху их сундуки, так что они научились жить в его тени, никогда не произнося слова «тиртхика» — еретик.

Итак, Будда оставался в своей роще, и все приходили к нему, включая Ральда.

* * *

Время празднества.

На третий день вечером начали бить барабаны.

На третий день массивные барабаны к а т х а к а л и начали свой быстрый грохот. Слышные за много миль стаккато барабанов неслись через поля, через город, через рощу и через обширные болотистые земли, лежащие за рощей. Барабанщики в белых м у н д у, голые до пояса, с блестящими от пота темными телами, работали, сменяя друг друга, — так энергичен был их мощный бой; волна звуков не прекращалась, даже когда новый отряд барабанщиков вставал перед туго натянутыми верхушками инструментов.

Когда на землю спускалась тьма, путешественники и горожане немедленно выходили, заслышав стук барабанов прибывающих на поле торжеств, широкое, как древнее поле сражения. Там люди находили себе место и ждали ночи и начала представления, попивая сладко пахнущий чай, купленный в ларьках под деревьями.

В центре поля стояла громадная чаша с маслом, высотой в

рост человека, с висящими по краям фитилями. Фитили горели, а факелы мерцали рядом с палатками актеров.

Барабанный бой на близком расстоянии оглушал и гипнотизировал, ритмы хитро усложнялись, синкопировались. С приближением полуночи началось благочестивое пение, поднимаясь и падая вместе с барабанным боем, оплетая чувства.

Настало короткое затишье, когда появился Просветленный со своими монахами в желтых одеяниях, становящихся в свете ламп почти оранжевыми. Они откинули капюшоны и сели, скрестив ноги, на землю. Через некоторое время пение и звук барабанов снова наполнили сознание присутствующих.

Когда появились актеры, страшные в своем гриме, с бубенчиками на лодыжках, звенящими при каждом шаге, аплодисментов не было, лишь напряженное внимание. Танцоры к а т х а к а л и были знаменитые, с детства учившиеся акробатике, а также старинным фигурам классического танца, знающие девять различных движений шеи и глазных яблок и сотни положений рук, требуемых для постановки древнего эпоса любви и сражения, встреч с Богами и демонами, героических боев и традиционных кровавых измен. Музыканты выкрикивали слова преданий, в то время как актеры, которые никогда не говорили, показывали устрашающие действия Рамы или братьев Пандава. Раскрашенные зеленым и красным, или черным с ярко-белым, они шли по полю, подняв полы одежды, их обручи из зеркальных блесток сверкали при свете ламп. Время от времени лампы разгорались или начинали шипеть и трещать, и тогда казалось, что нимбы святого или несвятого света играют над головами танцоров, начисто убивая смысл событий и давая зрителям минутное ощущение, что они сами иллюзорны, а единственно реальны в мире лишь рослые фигуры в циклопическом танце.

Танец должен был продолжаться до восхода солнца. Но перед зарей один из носящих шафрановую накидку пришел со стороны города, пробился через толпу и сказал что-то на ухо Просветленному.

Будда встал, как бы для того, чтобы лучше обдумать услышанное, и снова сел. Он дал поручение монаху, тот кивнул и ушел с поля празднества.

Будда, выглядевший невозмутимым, снова перенес свое внимание на представление. Монах, сидевший неподалеку, заметил, что Будда барабанит пальцами по земле, и решил, что Просветленный держит такт с барабанами, поскольку было общеизвестно, что он выше таких вещей, как нетерпение.

Когда представление кончилось и Сурья-солнце окрасило

в розовый цвет полы Неба над восточным краем мира, казалось, будто ночь и в самом деле держала толпу пленников в напряженном и страшном сне, от которого они сейчас освободились, усталые, тяжело входящие в день.

Будда и его последователи немедленно пошли к городу. Они не останавливались отдохнуть и прошли через Алондил быстрой, но достойной походкой.

Когда они снова очутились в пурпурной роще, Просветленный велел монахам отдыхать, а сам пошел к маленькому павильону, стоявшему в глубине леса.

В павильоне сидел монах, принесший сообщение во время представления. Он заботился о больном лихорадкой путешественнике, которого он нашел в болотах, куда часто ходил размышлять о скверных условиях, в которых, возможно, окажется его тело после смерти.

Татхагата внимательно оглядел человека, лежавшего на спальной циновке: тонкие бледные губы, высокий лоб, высокие скулы, тронутые инеем брови, острые уши; Татхагата догадывался, что глаза должны быть бледно-голубые или серые. Было что-то как бы просвечивающее — хрупкое, возможно, — в его бессознательном теле — в какой-то мере это могло быть результатом лихорадки, мучившей это тело, но дело было не только в болезни. Не похоже было, чтобы этот маленький человек носил вещь, которую Татхагата сейчас держал в руках. На первый взгляд человек казался очень странным, но потом становилось ясно, что седые волосы и хрупкий костяк еще не означают преклонного возраста, и что во внешности этого человека есть что-то детское. Глядя на его комплекцию, Татхагата сомневался, чтобы этому человеку приходилось часто бриться. Возможно, между щеками и углами рта были скрытые сейчас чуточку озорные морщинки. А может, и нет.

Будда держал малиновый удушающий шнур, который могли носить только священные палачи Богини Кали. Он провел пальцами по его шелковистой протяженности, и шнур обвился вокруг его руки, слегка прилипнув к ней. Будда не сомневался более, что шнур должен был таким манером обвиться вокруг его горла. Он почти бессознательно держал его и произвольно дергал рукой.

Затем он взглянул на вытаращившего глаза монаха, улыбнулся своей невозмутимой улыбкой и отложил шнур. Монах вытер сырой тканью потный лоб больного.

Человек на спальной циновке вздрогнул от прикосновения и открыл глаза. В них было безумие лихорадки, они то-

му не видели, но Татхагата почувствовал внезапный удар от встречи их взглядов.

Глаза были темные, почти агатовые, нельзя было отличить зрачок от радужной оболочки. Было какое-то удивительное несоответствие между глазами такой силы и хрупким, слабым телом.

Будда наклонился и слегка ударил руку человека; можно было подумать, что он коснулся стали, холодной и нечувствительной. Он резко провел ногтями по тыльной стороне правой руки. Ни царапины, ни даже следа на коже, ноготь скользнул по ней, как по стеклу. Будда сжал ноготь большого пальца человека и отпустил. Ни малейшего изменения цвета. Словно это были мертвые или механические руки.

Будда продолжал осмотр. Феномен кончался где-то возле запястья и снова появлялся в других местах. Руки, грудь, живот, шея и часть спины были омыты в ванне смерти, что и дало эту особую непробиваемую силу. Смачивание всего тела, конечно, оказалось бы роковым; а тут человек вроде бы обменял часть своей осязательной чувствительности на эквивалент невидимых перчаток и стальной брони, прикрывающей шею, грудь и спину. Он действительно был одним из избранных убийц страшной Богини.

— Кто еще знает об этом человеке? — спросил Будда.

— Монах Симха, который помог мне принести его сюда.

— Он видел это? — Татхагата указал глазами на малиновый шнур.

Монах кивнул.

— Найди его и приведи сейчас же ко мне. Никому не говори об этом, скажи только, что пилигрим заболел, и мы здесь о нем заботимся. Я сам займусь его лечением и наблюдением за его болезнью.

— Слушаю, Прославленный. — И монах поспешно вышел из павильона.

Татхагата сел рядом со спальным матом и ждал.

* * *

Прошло два дня, прежде чем лихорадка спала и разум вернулся в темные глаза. Но в течение этих двух дней проходившие мимо павильона слышали голос Просветленного, бубнящий снова и снова, как если бы он обращался к своему спящему подопечному. Время от времени человек громко бормотал, как в бреду.

На второй день человек открыл глаза, посмотрел вверх, нахмурился и повернул голову.

— Доброе утро, Ральд, — сказал Татхагата.
— Кто ты? — спросил тот неожиданным баритоном.
— Тот, кто учит путям освобождения, — ответил Татхагата.

- Будда?
- Так меня называли.
- Татхагата?
- Я носил и это имя.

Человек хотел подняться, но не смог. Глаза его сохраняли мирное выражение.

- Откуда ты знаешь мое имя? — спросил он наконец.
- Ты много говорил в бреду.
- Да, я был очень болен и, без сомнения, болтал. Я простудился на этом проклятом болоте.

Татхагата улыбнулся.

— Одно из неудобств одиночного путешествия: если упадешь, тебе некому помочь.

— Истинно так, — согласился человек. Глаза его снова закрылись, дыхание стало глубже.

Татхагата сидел в позе лотоса и ждал.

* * *

Когда Ральд снова проснулся, был уже вечер.

— Пить, — сказал он.

Татхагата дал ему воды.

— Голоден? — спросил он.

— Пока не надо. Желудок возмутится. — Он приподнялся на локтях и пристально посмотрел на ухаживающего за ним, а затем снова упал на циновку. — Ты Будда, — утвердительно сказал он.

— Да.

— Что ты собираешься делать?

— Накормить тебя, когда ты скажешь, что голоден.

— Я хотел сказать — после этого.

— Следить, как ты спишь, чтобы ты снова не впал в горячку.

— Я не это имел в виду.

— Я знаю.

— Что будет после того, как я поем, отдохну и снова обрету свою силу?

Татхагата улыбнулся и вытянул шелковый шнур откуда-то из-под одежды.

— Ничего, — ответил он. — Совершенно ничего. — Он набросил шнур на плечо Ральда и отдернул руку.

Ральд качнул головой и откинулся назад. Затем потянулся и ощупал шнур, накрутил его на пальцы и затем на запястье. Он погладил его.

— Это священный, — сказал он через некоторое время.

— Похоже на то.

— Ты знаешь его употребление и его цель?

— Конечно.

— Почему же ты не хочешь ничего делать?

— У меня нет нужды ходить или действовать. Все приходит ко мне. Если что-то должно быть сделано, это сделаешь ты.

— Я не понял.

— Это я тоже знаю.

Человек уставился в темноту наверху.

— Я попробую поесть теперь, — объяснил он.

Татхагата дал ему хлеба и масла. Затем человек выпил еще воды. Когда он закончил еду, дыхание его стало тяжелым.

— Ты оскорбил Небо, — сказал он.

— Это я знаю.

— И ты уменьшил славу Богини, чья верховная власть здесь никогда не оспаривалась.

— Знаю.

— Но я обязан тебе жизнью, я ел твой хлеб...

Ответа не последовало.

— И поэтому я должен нарушить самый священный обет, — закончил Ральд. — Я не могу убить тебя, Татхагата.

— Значит, я обязан тебе жизнью, потому что ты обязан мне своей. Давай посчитаем, что эти долги компенсируют друг друга.

Ральд хмыкнул.

— Так и будет.

— Что ты станешь делать, раз ты отказался от выполнения своей миссии?

— Не знаю. Мой грех слишком велик, чтобы я мог вернуться. Теперь я тоже оскорбил Небо, и Богиня отвернет свое лицо от моих молитв. Я обманул ее ожидания.

— В таком случае, оставайся здесь. По крайней мере, будешь иметь компанию по проклятию.

— Прекрасно, — согласился Ральд. — Мне больше ничего не остается.

Он снова уснул, а Будда улыбался.

* * *

В последующие дни праздник продолжался. Просветленный проповедовал толпам, проходившим через пурпурную

рощу. Он говорил о единстве всех вещей, больших и малых, о законе причинности, о появлении и умирании, об иллюзорности мира, об искре а т м а н а, о пути спасения через самоотречение и объединение со всем; он говорил о понимании и просветленности, о бессмысленности браминских ритуалов и сравнивал их формы с пустыми сосудами. Слушали многие, слышали немногие, кое-кто оставался в пурпурной роще, чтобы надеть шафрановую одежду искателя.

И каждый раз, когда он проповедовал, Ральд в своей темной одежде садился поблизости, и его черные глаза всегда были устремлены на Просветленного.

Через две недели после выздоровления Ральд подошел к Учителю, идущему по роще в медитации, упал ниц перед ним и через некоторое время сказал:

— Просветленный, я слушал твои поучения, и слушал хорошо. Я много думал о твоих словах.

Будда кивнул.

— Я всегда был религиозным, — продолжал Ральд, — иначе меня не избрали бы на тот пост, который я занимал. Когда я не смог выполнить свою миссию, я почувствовал великую пустоту. Я изменил своей Богине, и жизнь не имела для меня смысла.

Будда молча слушал.

— Но я слышал твои слова, и они наполнили меня радостью. Они показали мне другой путь спасения, который, как я чувствую, выше того, которому я следовал до сих пор.

Будда изучал лицо Ральда, пока тот говорил.

— Твой путь отречения поразил меня, и я чувствую, что он правилен. Поэтому я прошу позволения войти в твою общину искателей и следовать твоему пути.

— Уверен ли ты, — спросил Просветленный, — что не ищешь просто наказания за то, что ты в своем сознании считаешь падением, грехом?

— В этом я уверен, — сказал Ральд. — Я задержал в себе твои слова и чувствовал истину, содержащуюся в них. На службе Богини я убил больше людей, чем пурпурных листьев на молодых ветвях. Это не считая женщин и детей. Так что я нелегко поддаюсь словам — слишком много я слышал слов умоляющих, убеждающих, проклинающих. Но твои слова подействовали на меня, они выше учения браминов. Я с радостью стал бы палачом на твоей службе, убивал бы твоих врагов шафрановым шнуром, или клинком, или пикой, или голыми руками — потому что я знаток всякого оружия и потратил три срока жизни на изучение его — но я знаю, что это не твой

путь. Жизнь и смерть — одно для тебя, и ты не ищешь уничтожения своих врагов. И я прошу разрешения войти в твой орден. Для меня это не так трудно, как было бы для другого. Кто-то должен отказаться от дома и семьи, родины и собственности, у меня же ничего этого нет. Кто-то должен отказаться от собственной воли, а я это уже сделал. Единственное, что мне нужно теперь — это желтая одежда.

— Она твоя, — сказал Татхагата, — вместе с моим благословением.

* * *

Ральд получил платье буддийского монаха и стал укрепляться в медитации. Через неделю, когда праздник близился к концу, он пошел в город со своей чашкой для подаяния вместе с другими монахами. Однако он не вернулся с ними. День перешел в вечер, вечер в ночь. Рога Храма уже пропели последнюю ноту *н а г а с в а р а м*, и многие путешественники начали разъезжаться с праздника.

Долгое время Просветленный ходил по лесу, размышляя. Затем он тоже исчез.

Вниз от рощи с болотами за ней, к городу Алондилу, над которым возвышались каменистые холмы, а вокруг лежали сине-зеленые поля, в город Алондил, все еще бурлящий путешественниками, многие из которых еще пировали, по улицам Алондила, к холму с Храмом шел Будда.

Он вошел в первый двор; там была тишина. Собаки, дети и нищие ушли. Жрецы спали. Один дремлющий служитель сидел на скамье на базаре. Многие гробницы были теперь пусты, статуи унесены в Храм. Перед несколькими другими стояли на коленях почитатели в поздней молитве.

Он вошел во внутренний двор. На молитвенном коврике перед статуей Ганеши сидел аскет. Он тоже казался статуей, поскольку не делал видимых движений. Вокруг двора мерцали четыре масляных лампы, их пляшущий свет первоначально служил для усиления теней, лежавших на большей части гробниц. Маленькие жертвенные свечи бросали слабый свет на отдельные статуи.

Татхагата прошел через двор и остановился против возвышающейся статуи Кали; у ее ног мигала крошечная лампа. Улыбка Кали казалась пластичной и подвижной, когда Богиня смотрела на стоявшего перед ней человека.

Через ее протянутую руку висела малиновая удавка, зацепленная одной петлей за острие ее кинжала.

Татхагата улыбнулся ей, и она как бы нахмурилась.

— Покорись, моя дорогая, — сказал он. — Ты проиграла этот раунд.

Она, казалось, кивнула, соглашаясь.

— Я рад, что добился такого высокого признания с твоей стороны за столь короткое время, — продолжал он. — Но даже если бы тебе и удалось, старушка, это принесло бы тебе мало хорошего. Теперь уже слишком поздно. Я кое-что начал, и ты не можешь уничтожить сделанное. Слишком много слышалось древних слов. Ты думала, что они пропали, и я так думал. Но мы оба ошиблись. Религия, которой ты правишь, очень древняя, но и мой протест тоже имеет давние традиции. Так что зови меня протестантом и помни — теперь я больше, чем просто человек. Прощай!

Он оставил Храм и гробницу Кали, где глаза Ямы пристально смотрели ему в спину.

* * *

Прошло много месяцев, прежде чем чудо свершилось, а когда оно свершилось, оно не казалось чудом, потому что возникало медленно и постепенно.

Ральд, пришедший с севера, когда по стране дули весенние ветры, Ральд, несший смерть на своей руке и черный огонь в глазах, Ральд с белыми бровями и остроконечными ушами заговорил однажды днем, когда весна уже прошла и длинные летние дни жарко висели над Мостом Богов. Он заговорил своим неожиданным баритоном, отвечая на вопрос путешественника.

Тот задал ему второй вопрос, а затем третий.

Ральд продолжал говорить, и несколько других монахов и пилигримов собрались вокруг него. Ответы следовали за вопросами, которые задавались теперь всеми, становились все длиннее и длиннее, потому что сделались сравнениями, примерами, аллегориями.

Затем все сели у его ног, и его темные глаза стали странными озерами, и голос его шел как бы с Неба, чистый, мягкий, мелодичный и убедительный.

Они слушали. Затем путешественники пошли своей дорогой. Но по пути они встречались с другими путешественниками и разговаривали с ними, так что, прежде чем лето кончилось, пилигримы шли в пурпурную рощу, просили встречи с учеником Будды и слушали его слова.

Татхагата разделил с ним проповедование. Они вместе учили Пути Восьмичленной Тропы, говорили о славе Нирваны, об иллюзии мира и о цепях, какие мир накладывает на человека.

А затем настало время, когда даже сладкоречивый Татха-

гата слушал слова своего ученика, который переваривал все, что проповедовал Будда, долго и глубоко размышлял над этим, и теперь, когда нашел выход в тайное море, погружал свою твердую, как сталь, руку в места скрытых вод и брызгал истиной на головы слушателей.

Лето кончилось. Теперь уже не было сомнения, что просветлением обладают двое: Татхагата и его маленький ученик, которого звали здесь Сугатой. Говорили даже, что Сугата — целитель, и что когда его глаза странно сияют, а ледяное прикосновение его рук проходит по искривленному члену тела больного, этот член выпрямляется. Говорили, что к слепым внезапно возвращается зрение во время проповеди Сугаты.

Сугата верил в две вещи: в Путь Спасения и в Татхагату, Будду.

— Прославленный, — сказал он однажды Татхагате, — моя жизнь была пуста, пока ты не открыл мне Истинную Тропу. Когда ты получил свое просветление, до того, как стать нашим Учителем, было ли это: напор огня, как рев воды, и ты везде, и ты часть всего — облаков и деревьев, животных в лесу, всех людей, снега на горных вершинах и костей в поле?

— Да, — сказал Татхагата.

— Я тоже познал радость всех этих вещей, — сказал Сугата.

— Да, я знаю.

— Теперь я понимаю, почему ты однажды сказал, что все идет к тебе. Ты принес в мир такое учение — я понимаю, почему Боги завидуют. Бедные Боги! Они достойны жалости. Но ты знаешь. Ты знаешь все.

Татхагата не ответил.

* * *

Когда весенние ветры снова пронесли по земле, год прошел полный цикл после прибытия второго Будды, с Неба однажды раздался страшный вопль.

Горожане Алондила поворачивались на улицах и глядели в небо. Шудры в полях бросили работу и смотрели вверх. В большом Храме на холме настала внезапная тишина. В пурпурной роще за городом монахи повернули головы.

Оно шло с неба — существо, рожденное править ветром.

Оно шло с севера — зеленое и красное, желтое и коричневое... Оно скользило, как в танце, и дорогой его был воздух.

Послышался другой вопль, а затем биение мощных крыльев, когда Оно поднималось над облаками, чтобы стать крошечной точкой.

А затем Оно упало, как метеор, горя в пламени, все его цвета сверкали и ярко горели, когда Оно росло и увеличивалось, и нельзя было поверить, что может быть живое существо таких размеров, такого движения, такого великолепия...

В небе темнела легендарная полуптица, полудух.

Верховое животное Вишну. Его клюв разбивал колесницы.

Над Алондиллом кружилась птица Гаруда.

Покружилась и ушла за каменистые холмы, стоящие позади города.

— Гаруда! — несло по городу, по полям, в Храме, в роще.

Она летела не одна; и все знали, что только Бог может пользоваться Птицей Гарудой как ездовым животным.

Затем наступила тишина. После вопля и грохота крыльев казалось естественным, что голоса понизились до шепота.

Просветленный стоял на дороге перед рощей, его монахи столпились вокруг. Все повернулись к каменистым холмам.

Сугата подошел и встал рядом с Татхагатой.

— Это было всего лишь прошлой весной... — сказал он.

Татхагата кивнул.

— Ральд не выполнил поручения, — сказал Сугата, — и вот нечто новое идет с Неба?

Будда пожал плечами.

— Я боюсь за тебя, мой Учитель, — сказал Сугата. — Во всех моих жизненных циклах только ты и был мне другом. Твое учение дало мне мир. Почему они не могут оставить тебя в покое? Ты самый безвредный из людей, и твоё учение самое благородное и мягкое; какое зло ты можешь принести?

Будда отвернулся.

В этот момент Птица Гаруда, сотрясая воздух и издав резкий крик раскрытым клювом, снова взмыла над холмами. На этот раз она не кружила над городом, а поднялась высоко в небо и полетела на север с такой скоростью, что мгновенно исчезла из виду.

— Ее наездник слез и остался, — предположил Сугата.

Будда пошел в пурпурную рощу.

* * *

Он пришел из-за каменистых холмов пешком.

Он шел по каменной тропе, и его красные кожаные сапоги ступали совершенно бесшумно.

Вдали слышался шум бегущей воды. Маленький поток ее пересек ему путь. Подвернув свой ярко-алый плащ, он пошел в обход тропы. Рубиновая рукоять его кривой сабли сверкала в малиновых ножнах.

Обогнув скалу, он остановился. Вдали его кто-то ждал, стоя у бревна, перекинутого через овраг, где бежал поток.

Его глаза на миг сузились, но затем он снова двинулся вперед.

Там стоял невысокий человек в черной одежде пилигрима и кожаных доспехах, с которых свисало короткое лезвие из светлой стали. Голова человека была почти голой, если не считать маленького пучка седых волос. Брови над темными глазами белые, кожа бледная; уши казались заостренными.

Путешественник поднял руку и сказал этому человеку:

— Доброе утро, пилигрим.

Человек не ответил, но загородил путь, встав перед бревном.

— Прости меня, добрый паломник, но я собираюсь пройти здесь, а ты затрудняешь мне проход, — сказал пришедший.

— Ты ошибаешься, Бог Яма, если думаешь, что готов пройти здесь, — ответил человек.

Человек в красном улыбнулся, показав ряд белых зубов.

— Приятно, когда тебя узнают, — сказал он, — даже те, кто заблуждается в другом.

— Я огражден не словами, — сказал человек в черном.

— Вот как? — другой поднял брови преувеличенно-вопросительно. — Чем же ты огражден? Уж не этой ли полоской металла, которую ты носишь?

— Ничем иным.

— А я принял ее сначала за какую-то варварскую молитвенную палочку. Я знаю, что этот район полон странными культами и примитивными сектами. На минуту я принял тебя за приверженца какого-то суеверия. Но если, как ты сказал, это оружие, тогда я верю, что ты знаком с его употреблением.

— В какой-то мере, — ответил человек в черном.

— Это хорошо, — сказал Яма, — потому что я не люблю убивать людей, которые не знают, что их ждет. Однако я вынужден указать тебе, что, когда ты встанешь перед судом Высочайшего, ты будешь считаться самоубийцей.

Его противник слегка улыбнулся.

— В любое время, когда ты будешь готов, Бог Смерти, я облегчу твоему духу выход из его плотской оболочки.

— Повтори еще раз, — сказал Яма, — и я быстро положу конец беседе. Назови свое имя для передачи жрецам, чтобы они знали, для кого совершить обряды.

— Я отказался от своего последнего имени некоторое время назад, — ответил человек в черном. — Поэтому супруг Кали принесет смерть безымянному.

— Ральд, ты дурак, — сказал Яма и вытащил свое оружие.

Человек в черном достал свое.

— Так и полагается, чтобы ты пошел к своей судьбе безымянным. Ты изменил своей Богине.

— Жизнь полна измены, — ответил тот. — Вот и теперь, выступая таким образом против тебя, я изменяю учению моего нового Учителя. Но я должен следовать велению сердца. Ни мое прежнее имя, ни мое новое, следовательно, не подходят мне, я их не заслужил; так что не зови меня по имени!

И его клинок стал огнем, прыгающим отовсюду, звенящим, сверкающим.

Яма отступал шаг за шагом перед этим натиском и только двигал кистью, парируя удары, несшиеся на него со всех сторон.

Отступив на десять шагов, Яма твердо встал и больше не двигался. Его парирующие удары стали теперь несколько шире, а выпады более неожиданными и разнообразились ложными атаками.

Так они щеголяли клинками, пока не покрылись потом; затем Яма форсировал выпады, заставив противника отступать. Шаг за шагом он вернул себе десять шагов.

Когда они снова встали на том месте, где начали, Яма признал под звон стали:

— А ты здорово выучил свои уроки, Ральд! Поздравляю!

В это время его противник провел свой клинок через хитроумный двойной ложный выпад и легким прикосновением разрезал плечо Ямы. На яркой одежде мгновенно выступила кровь.

Яма бросился вперед, пробился сквозь защиту противника и нанес удар, который должен был обезглавить того.

Человек в черном закрылся, потряс головой, парировал второй удар и бросился вперед, но его удар тоже был отпарирован.

— Смерть намыла ошейник на твоём горле, — сказал Яма, — но я найду и другой выход — и его сабля запела звонкую песню, когда он попытался нанести удар снизу.

Яма дал полную волю ярости этого клинка, укрепленного столетиями и мастерами многих веков. Однако противник все шире отражал его атаки и, отступая теперь все быстрее, все-таки ухитрялся сдерживать Яму, делая контрвыпады.

Он отступил до самого потока. Тогда Яма медленно сказал:

— Полстолетия назад, когда ты был короткое время моим питомцем, я говорил себе: «Этот парень имеет в себе задатки Мастера». И я не ошибся, Ральд.

Ты, вероятно, величайший меченосец всех времен, какие

я могу вспомнить. Я могу почти простить отступничество, когда вижу твою ловкость. Да, жаль...

Он сделал обманный выпад в грудь, но в последний момент обошел парирующий удар и ударил краем лезвия выше запястья противника.

Человек в черном, яростно парируя и задев Яму по голове, отпрыгнул назад и занял позицию у конца бревна, перекинутого через овраг, где бежал поток.

— И рука тоже, Ральд!! Да, богиня намыла тебе защиту! Попробуем здесь!

Сталь взвизгнула, когда он захватил ее хитрым приемом и сделал зарубку на бицепсе врага.

— Ага! Это место она пропустила! Попробуем другое!

Лезвия скрещивались, ударяли, парировали, отвечали.

Яма применил хитроумную атаку, и его длинная сабля снова пустила кровь из плеча противника.

Человек в черном шагнул на бревно и нанес жестокий удар в голову Ямы, но тот отбил его. Торопясь атаковать, Яма заставил противника пятиться по бревну, а затем лягнул его в бок.

Человек в черном отскочил на противоположный берег. Как только его ноги коснулись земли, он, в свою очередь ответил пинком, так, что бревно пришло в движение.

Оно покатилося, прежде чем Яма успел оседлать его, и, соскользнув с берегов, обрушилось вниз, в поток, и поплыло к западу.

— Я бы сказал, тут нужен всего-то семи- или восьмифутовый прыжок, Яма! Давай, прыгай! — крикнул человек в черном.

Бог Смерти улыбнулся.

— Дыши, пока можешь, — сказал он. — Дыхание — это наименее ценный дар богов. Никто не поет ему гимны, и молятся хорошему воздуху, который вдыхают король и нищий, учитель и собака. Но каково без него! Цени каждый вздох, Ральд, как будто он последний у тебя — потому что до последнего тоже рукой подать!

— Ты, говорят, мудр в этих делах, Яма, — сказал тот, кого называли Ральдом и Сугатой. — Говорят, ты Бог, и твое королевство — смерть, и твои знания простираются далеко за пределы понимания смертных. Поэтому я хотел бы спросить тебя, пока мы стоим без дела.

Яма не улыбнулся своей насмешливой улыбкой, как улыбался при всех предшествующих заявлениях своего противника. Эти слова имели отношение к ритуалу.

— Что ты желаешь знать? Я дарую тебе предсмертное благо задавать вопросы.

Человек, которого звали Ральд и Сугата, запел древние слова Катха Упанишад:

— Когда человек умер, насчет этого всегда сомнение: одни говорят, что он еще существует, а другие говорят, что нет. Я хотел бы узнать об этом от тебя.

Яма ответил древними словами:

— Насчет этого сомневаются даже Боги. И это нетрудно понять, потому что природа а т м а н а вещь тонкая. Задай другой вопрос. Избавь меня от дарения этого блага.

— Прости меня, что это прежде всего пришло мне на ум, о Смерть, но другого такого учителя, как ты, не найти, и, конечно, нет другого блага, которого я желал бы больше в эту минуту.

— Оставайся жив и иди своей дорогой, — сказал Яма, вкладывая саблю в ножны. — Я освобождаю тебя от твоей участи. Выбери сыновей и внуков; выбери слонов, лошадей, стада и золото. Выбирай любые другие блага — красивых девушек, колесницы, музыкальные инструменты. Я дам их тебе, и они будут ждать тебя. Но не спрашивай меня о смерти.

— О, Смерть, — запел тот, — все это длится лишь до завтрашнего дня. Оставь своих девушек, лошадей, танцы и песни для себя. Я приму только одно благо, которое просил — скажи мне, о Смерть, что лежит за пределами жизни, и в чем сомневаются люди и боги?

Яма стоял неподвижно и не продолжал поэму.

— Ладно, Ральд, — сказал он, и его глаза впились в глаза соперника, — но об этом царстве словами не расскажешь. Я должен показать тебе.

Они стояли так секунду, а затем человек в черном упал, закрыл лицо руками, и из его горла вырвался единственный вскрик.

Когда это произошло, Яма снял с плеч свой плащ и швырнул его, как сеть, через овраг.

Утяжеленный в швах для подобного применения, плащ упал, как сеть, на противника Ямы.

Пока человек в черном дергал плечами, стараясь освободиться, он услышал быстрый топот и треск: кроваво-красные сапоги Ямы ударились о землю по эту сторону оврага. Откинув в сторону плащ и встав в защитную стойку, Ральд парировал новую атаку Ямы. Земля позади него поднималась холмом, и он все отступал, ища, где можно остановится, так как

голова Ямы приходилась теперь на уровне его пояса. И он ударил вниз, по Яме. Яма медленно пробивался наверх.

— Бог Смерти, Бог Смерти, — пел Сугата, — прости мне мой дерзкий вопрос, но скажи, не солгал ли ты.

— Ты скоро узнаешь об этом, — сказал Яма и нанес удар, который мог бы пробить человека насквозь. Но лезвие отскочило от груди противника.

Дойдя до места, где грунт был неровным, маленький человек начал пинать землю ногами, посылая на врага потоки пыли и гравия. Яма прикрыл глаза левой рукой, но тогда на него посыпались сверху более крупные камни. Они катились под ноги, Яма поскользнулся, упал и съехал вниз по склону. Его противник стал выворачивать более тяжелые камни, даже сдвинул большой валун и сам последовал за ним вниз, высоко подняв кинжал.

Неспособный встать на ноги, чтобы своевременно отразить атаку, Яма катился к потоку. Ему удалось задержаться на краю, но он увидел катящийся валун и подался в сторону. Пока он цеплялся обеими руками за землю, его сабля скатилась вниз в воду.

Стоя в неудобном согнутом положении, он достал кинжал и все-таки сумел отпарировать высокий замах лезвия противника.

Затем его левая рука метнулась вперед и схватила запястье, держащее лезвие. Он ударил кинжалом снизу вверх и почувствовал, что и его запястье схвачено.

Так они стояли, блокируя захватом друг друга. Затем Яма сел и повернулся в сторону, отталкивая от себя противника. Но оба держали друг друга крепко и от силы толчка покатались. Край оврага оказался рядом, под ними, над ними. Кинжал выпал из руки Ямы и ушел на дно.

Когда они снова поднялись на поверхность воды, чтобы перевести дух, оба держали в руках только воду.

— Наступает время последнего крещения, — сказал Яма и ударил левой. Противник парировал удар.

Они двигались влево по воде, пока не почувствовали под ногами камни. Тогда они, сражаясь, пошли вдоль потока.

Поток расширялся и углублялся, пока вода не закружилась вокруг их талий. Берега стали более пологими и местами доходили почти до поверхности воды.

Яма наносил удар за ударом, то кулаком, то краем ладони; но он как будто нападал на статую, потому что тот, кто был священным палачом Кали, принимал любой удар, не меняясь в лице, и возвращал кулачные удары с сокрушительной силой. Большая часть этих ударов замедлялась или блокирова-

валась Ямой, но один попал Яме между грудной клеткой и тазовой костью, а другой скользнул по левому плечу и отскочил от щеки.

Яма бросился наносить ответный удар и наглотался воды.

Противник навалился на него и получил удар красным сапогом в чувствительное место. Он продолжал подбираться к голове Ямы.

Яма встал на колени и повернулся. Противник хотел встать на ноги и выхватил из-за пояса кинжал, но упал на короточки. Лицо его было все еще бесстрастным.

На миг их глаза встретились, но на этот раз Ральд не дрогнул.

— Теперь я могу встретить твой смертельный взгляд, Яма, — сказал он, — и он меня не остановит. Ты научил меня достаточно хорошо!

Когда он сделал выпад, руки Ямы спустились к талии, схватили мокрый пояс и закинули его вокруг бедер противника.

Яма дернул врага и прижал к себе; тот выронил кинжал. И тогда Яма потащил его толчками назад, к глубокой воде.

— Никто не поет гимнов дыханию, — сказал Яма. — А попробуй обойтись без него!

Он нырнул, увлекая за собой Ральда; руки его держали тело врага стальными петлями.

Позже, много позже, мокрая фигура стояла у потока. Она сказала медленно, с трудом переводя дух:

— Ты был... величайшим... вставшим против меня... во все века, насколько я помню... И в самом деле, жаль...

Затем, перейдя поток, он продолжал свой путь по каменистым холмам. Пешком.

***

Войдя в город Алондил, путешественник остановился в первой попавшейся гостинице. Он снял комнату и заказал ванну. Пока он мылся, слуга вычистил его одежду.

Перед тем как обедать, он подошел к окну и выглянул на улицу. Оттуда шел сильный запах слизарда и шум множества голосов.

Люди покидали город. Во дворе за домом шли приготовления к утреннему отъезду каравана. В эту ночь заканчивался весенний праздник. Внизу на улице еще торговали, матери уговаривали уставших детей, местный принц со своими людьми возвращался с охоты: на спине бегущего слизарда были привязаны два огненных петуха. Путешественник наблюдал за усталой проституткой, спорившей о чем-то со жрецом, который выглядел еще более усталым. Он не переставал трясти

головой и в конце концов пошел прочь. Одна луна уже висела в небе, сквозь Мост Богов она казалась золотой, а вторая, меньшая луна только что появилась над горизонтом. Вечерний воздух пощипывал холодом и нес с собой над запахами города ароматы весенней растительности — молодых побегов, свежей травы, чистый запах сине-зеленой весенней пшеницы, влажной земли, мутного разлива реки. Наклонившись, путешественник увидел стоящий на холме Храм.

Он велел слуге принести ему обед в комнату и послать за местным торговцем.

Он ел медленно, не слишком обращая внимание на то, что ест. Когда он покончил с едой, вошел торговец.

Под его плащом было множество образцов товара; путешественник, в конце концов, выбрал длинный изогнутый клинок и короткий прямой кинжал и сунул то и другое в ножны.

Затем он вышел в ночную прохладу и пошел по изрытой колеями главной улице города. В дверях обнимались влюбленные. Он прошел мимо дома, где плакальщики ожидали чьей-то смерти. Нищий ковылял за ним полквартила, пока он, наконец, не обернулся. Поглядев нищему в глаза, он сказал:

— Ты не хромой.

Нищий заторопился прочь и затерялся в толпе. Над головой начали взлетать в небо фейерверки, посылая вниз, к земле, длинные вишневые ленты. Из Храма донесся звук тыквенных свирелей, играющих мелодию *н а г а с в а р а м*. Из дверного прохода вывалился мужчина; налетел на путешественника, и тот, почувствовав, что рука мужчины хватает кошелек на его поясе, сломал человеку запястье. Человек разразился проклятиями и звал на помощь, но путешественник столкнул его в дренажную канаву и пошел дальше, одним темным взглядом отогнав товарищей вора.

Наконец он подошел к Храму, помедлил немного и прошел внутрь.

Он вошел во внутренний двор вслед за жрецом, который нес маленькую статую из внешней ниши.

Он оглядел двор и быстро направился к месту, занятому статуей Богини Кали. Он долго смотрел на нее, положив свой клинок у ее ног. Когда он снова поднял саблю и повернулся, то увидел, что жрец наблюдает за ним. Он кивнул жрецу, и тот немедленно подошел и поздоровался.

- Добрый вечер, жрец, — ответил путешественник.
- Да очистит Кали твое лезвие, воин.
- Спасибо. Она очистила.
- Ты говоришь так, будто знаешь это наверняка.

— А это с моей стороны самонадеянно?

— Ну, может быть, это не в лучшем стиле...

— Тем не менее, я чувствовал, как ее сила снизошла на меня, когда я смотрел на ее гробницу.

Жрец пожал плечами.

— Несмотря на мою должность, — сказал он, — я держусь подальше от этого ощущения силы.

— Ты боишься ее силы?

— Скажем так, несмотря на великолепие гробницы Кали, ее посещают не так часто, как гробницы Лакшми, Сарасвати, Шакти, Ситалы, Ратри и других менее пугающих Богинь.

— Но она больше, чем любая из них.

— И более страшная.

— Да? Несмотря на ее силу, она справедливая Богиня.

Жрец улыбнулся.

— Разве человек, перешедший границу возраста, желает справедливости? Что касается меня, я нахожу милосердие куда более привлекательным. Дай мне когда-нибудь прощающее Божество.

— Хорошо, — сказал путешественник, — но я, как ты сказал, воин. Я по своей природе близок к ней. Мы с Богиней думаем одинаково. В большинстве случаев мы соглашаемся. А когда не соглашаемся, я вспоминаю, что она также и женщина.

— Я живу здесь, — сказал жрец, — но не говорю так интимно о Богах, о которых забочусь.

— На людях — да. Ты мне не говори о жрецах. Я пил со многими из вас и знаю, что вы такие же богохульники, как и все остальное человечество.

— Для всего есть время и место, — сказал жрец, оглядываясь на статую Кали.

— Ну-ну. Скажи-ка, почему основание статуи Ямы давно не чищено? Оно все в пыли.

— Его чистили только вчера. Но с тех пор многие проходили перед ним, и остались заметные следы.

— Почему же тогда у его ног не лежат подношения и остатки жертвоприношений?

— Смерти не приносят цветов, — сказал жрец. — Люди просто приходят, посмотрят и уходят. Мы, жрецы, всегда чувствовали, что обе статуи расположены очень хорошо. Они составляют страшную пару, верно? Смерть и Владычица разрушений.

— Мощное звено, — ответил посетитель. — Но не хочешь ли ты сказать, что Яме никто не приносит жертв? Вообще никто?

— Только мы, жрецы, когда того требует календарь набожности, и иногда горожане, когда любимый человек лежит на смертном ложе, а в непосредственном перевоплощении ему отказано — вот и только, других нет. Я ни разу не видел, чтобы Яме приносили жертву просто так, искренне, по доброй воле, от сердца.

— Он, наверное, обижается.

— Нет, воин. Разве не все живые существа сами по себе жертвы Смерти?

— Да, ты говоришь правду. Зачем ему добрая воля и чувства? Дары не обязательны, он и так возьмет, что захочет.

— И Кали тоже, — согласился жрец. — И в случае обоих Божеств я часто оправдываю атеизм. К несчастью, они проявляют себя в мире чрезмерно сильно, чтобы их существование можно было бы эффективно отрицать. Очень жаль.

Воин рассмеялся.

— Жрец, не желающий верить! Я тоже. Меня это смешит. На-ка вот, купи себе бочонок сомы... для жертвенных целей.

— Спасибо, воин. Куплю. Не пойдешь ли со мной на небольшое возлияние в честь Храма?

— Клянусь Кали, пойду! — сказал воин. — Только немного.

Он пошел со жрецом в центральное здание и спустился по лестнице в келью, где стоял бочонок сомы и две чаши.

— За твое здоровье и долгую жизнь, — сказал воин, поднимая чашу.

— За твоих ужасных покровителей — Яму и Кали, — ответил жрец.

— Спасибо.

Они залпом выпили крепкое пойло, и жрец зачерпнул еще две чаши.

— Согреть горло в холодную ночь.

— Отлично.

— Приятно видеть, что некоторые путешественники уезжают, — сказал жрец. — Их набожность обогащает Храм, но они очень сильно утомляют штат.

— За отъезд пилигримов!

— За отъезд пилигримов!

Снова выпили.

— Я думаю, что большинство их приехало, чтобы увидеть Будду, — сказал Яма.

— Это правда. Но, с другой стороны, они не хотят вызывать этим вражду Богов. Так что, прежде чем идти в пурпур-

ную рощу, они обычно приносят жертвы или возносят в Храме молитвы.

— Что ты знаешь о так называемом Татхагате и его учении?

Жрец отвел глаза.

— Я жрец богов и брамин. Я не желаю говорить об этом человеке.

— Значит, он насолил и тебе тоже?

— Хватит! Я пояснил тебе свои желания. Об этом я разговаривать не буду.

— Это не имеет значения. Оставим это. Спасибо тебе за сому. Спокойной ночи, жрец.

— Спокойной ночи, воин. Пусть Боги улыбаются на твоей дороге.

— И на твоей тоже.

Поднявшись по лестнице, Яма вышел из Храма и пошел через город. Пешком.

* * *

Когда он подошел к пурпурной роще, на небе было три луны, за деревьями слабо светили лагерные огни, в небе над городом отсветы огня. Влажный ветер шевелил растительность.

Яма бесшумно вошел в рощу.

Выйдя на освещенное место, он оказался перед рядами неподвижно сидевших фигур. Все они были в желтых плащах с желтыми же капюшонами, натянутыми на голову. Они сидели тут сотнями, не издавая ни звука.

Он подошел к ближайшей фигуре.

— Я пришел увидеть Татхагату, Будду.

Человек, казалось, не слышал.

— Где он?

Человек не ответил.

Яма наклонился и посмотрел в полузакрытые глаза монаха. Человек как будто спал, и их взгляды не встретились.

Тогда он возвысил голос, чтобы все в роще услышали:

— Я пришел увидеть Татхагату, Будду. Где он?

Он словно бы обращался к камням.

— Не думаете ли вы спрятать его таким манером? — крикнул он. — Не думаете ли вы, что если вас много и вы одинаково одеты, я не найду его среди вас?

Только вздох ветра, идущего с другого конца рощи. Свет замерцал, зашевелились пурпурные листья.

Яма засмеялся.

— В этом, возможно, вы и правы, — согласился он. — Но

когда-нибудь вам придется двигаться, если вы хотите остаться живыми. А я могу ждать так же долго, как и всякий другой.

И он сел на землю, прислонившись к коре высокого дерева и положив на колени свой клинок.

Его тут же охватила дремота. Голова несколько раз кивала и дергалась вверх. Затем он уронил подбородок на грудь и захрапел.

Он шел через сине-зеленую равнину, и травы расступались перед ним. В конце этой тропы стояло массивное дерево, которое как бы не росло на земле, а держало весь мир своими корнями, и его ветки достигали звезд.

У подножия дерева сидел, скрестив ноги, человек с легкой улыбкой на губах. Яма знал, что этот человек — Будда, подошел и встал перед ним.

— Приветствую, о Смерть, — сказал сидящий, увенчанный розовым ореолом, ярко сиявшим в тени дерева.

Яма не ответил, но вытащил свой клинок.

Будда продолжал улыбаться, и Яма, шагнув вперед, услышал звуки далекой музыки.

Он остановился и оглянулся вокруг, подняв клинок вверх.

Они шли с четырех сторон, четыре Регента мира, спустившиеся с горы Сумеру: впереди Учитель Севера, сопровождаемый своими Якшами, одетыми в золото, на желтых лошадях, в сверкающих золотом доспехах; затем Ангел Юга в сопровождении своих воинов Кумбхандов, на голубых конях, с сапфировыми щитами; с Востока ехал Регент, чьи конники были в серебряных одеждах и с жемчужными щитами; а с Запада пришел Тот, чьи Наги ехали на кроваво-красных лошадях, в красной одежде и несли перед собой коралловые щиты. Копыта лошадей не касались травы. В воздухе была слышна только музыка, и она становилась все громче.

— Зачем приближаются Правители мира? — спросил Яма.

— Они идут, чтобы унести мои кости, — ответил Будда, продолжая улыбаться.

Четыре Правителя натянули поводья. Их отряды остановились позади. Яма стоял перед Правителями.

— Вы пришли унести его кости, — сказал Яма. — А кто придет за вашими?

Правители спешили.

— Ты не можешь взять этого человека, — сказал Учитель Мастер Севера, — потому что он принадлежит миру, и мы от имени мира будем защищать его.

— Послушайте, Правители, живущие на Сумеру, — ска-

зал Яма, принимая свой аспект, — в ваши руки отдана забота о планете, но Смерть берет с нее кого захочет и когда захочет. Вам не дано оспаривать мои атрибуты и способы их работы.

Четыре Правителя встали между Ямой и Татхагатой.

— Мы оспариваем твой путь в том, что касается этого человека, Бог Яма, потому что в его руках судьба нашего мира. Ты коснешься его только после того, как уничтожишь четыре Силы.

— Пусть будет так, — сказал Яма. — Кто из вас первый выступит против меня?

— Я, — сказал говоривший, поднимая золотое лезвие.

Яма, в своем аспекте, разрезал мягкий металл, как масло, — он ударил плашмя своей кривой саблей по голове Правителя, и тот растянулся на земле.

Из рядов Якшей раздался громкий крик; двое золотых всадников выступили вперед, чтобы унести своего вождя. Затем они повернули лошадей и поехали обратно на Север.

— Кто следующий?

К нему подошел Правитель Востока с прямым серебряным клинком и сетью, сплетенной из лунного света.

— Я, — сказал он и швырнул сеть.

Яма наступил на нее ногой, схватил руками и дернул. Регент, потеряв равновесие, качнулся вперед, и Яма ударил его в челюсть рукояткой сабли.

Два серебряных воина посмотрели на Яму, опустили глаза и повезли своего господина на Восток; вслед за ними неслась нестройная музыка.

— Следующий! — сказал Яма.

Перед ним встал дородный глава Нагов; он отбросил оружие и сорвал с себя тунику, говоря:

— Я буду бороться с тобой, Бог Смерти.

Яма отложил в сторону оружие и снял верхнюю одежду.

Пока все это происходило, Будда сидел в тени громадного дерева и улыбался, словно эти стычки не имели для него никакого значения.

Глава Нагов схватил Яму левой рукой за шею и дернул его голову вперед. Яма сделал то же самое. Правитель нагнулся, забросил правую руку на левое плечо и шею Ямы и сцепил пальцы обеих рук, резко нагибая голову Ямы к своему бедру. Но Яма, протянув левую руку, схватил Правителя за левое плечо, а правой — под коленками, и таким образом поднял его ноги над землей, не выпуская его плеча.

Несколько секунд он баюкал Правителя в руках, как ребенка, затем поднял на уровень плеч и отпустил руки.

Когда он ударился о землю, Яма упал на него коленями, но тут же вскочил. Правитель же не встал.

Когда всадники Запада уехали, перед Буддой стоял только Ангел Юга в голубой одежде.

— А ты? — спросил Бог Смерти, вновь поднимая свое оружие.

— Я не подниму ни стального оружия, ни кожи, ни камня против тебя, Бог Смерти. И не противопоставлю силу своего тела твоей силе, — сказал Ангел. — Я знаю, что эти вещи бесполезны, потому что никто не может совладать с тобой с помощью оружия.

— Тогда залезай обратно на свою голубую клячу и проваливай, — сказал Яма, — раз не хочешь драться.

Ангел не ответил, но подбросил в воздух свой щит. Тот закружился, как сапфировое колесо и повис в воздухе.

Затем щит упал на землю и стал бесшумно погружаться в нее. Он скоро исчез из виду, и трава снова сомкнулась над местом, куда он упал.

— Что это означает? — спросил Яма.

— Я не спору активно. Я только защищаю. Моя сила в пассивном сопротивлении. У меня сила жизни, как у тебя — сила смерти. Ты можешь уничтожить любое, что я пошлю против тебя, но ты не можешь уничтожить все, о Смерть. Моя сила — щит, а не меч. Жизнь встанет против тебя, Господин Яма, чтобы защитить твою жертву.

Голубой Ангел повернулся, сел на голубого коня и поехал на Юг, сопровождаемый своими Кумбхандами. Звуки музыки не ушли с ним, но остались в воздухе.

Яма шагнул вперед, подняв саблю.

— Твои усилия ни к чему не привели, — сказал он. — Твой час настал. — И он ударил клинком.

Удар, однако, не состоялся, потому что ветка громадного дуба упала между Ямой и Буддой и выбила саблю из рук Ямы.

Он потянулся за оружием, но трава склонилась и сплелась над саблём в плотную, неразрушимую сетку.

Ругаясь, Яма вытащил кинжал и снова ударил.

Мощная ветвь наклонилась и качнулась перед его целью, так что лезвие глубоко ушло в древесину. Затем ветвь снова поднялась к небу, унося с собой оружие.

Глаза Будды закрылись в медитации. Его ореол сиял в тени.

Яма сделал еще шаг, подняв руки, но трава заплелась вокруг его лодыжек и удержала его на месте.

Он некоторое время боролся, дергая их неподатливые кор-

ни, но затем поднял обе руки вверх и закинул голову назад. Смерть устремлялась наружу из его глаз.

— Услышьте меня, о Могучие! — закричал он. — С этой минуты на этом месте лежит проклятие Ямы! Ни одно живое существо никогда не шевельнется снова на этой земле! Не запоеет птица, не проползет змея! Это место будет голым и застывшим, местом камней иzybучего песка! Ни одна травинка не поднимется здесь! Я высказываю это проклятие и накладываю смерть на защитников моего врага!

Трава стала вянуть, но прежде, чем она освободила Яму, послышался страшный треск, когда дерево, чьи корни держали весь мир и чьи ветви улавливали звезды, как сеть рыбу, качнулось вперед и сломалось посередине; верхние его ветви раздирали небо, корни открыли пропасть в земле, листья сыпались сине-зеленым дождем. Массивная часть ствола упала перед Ямой, бросив темную, как ночь тень.

Яма все еще видел вдалеке Будду, сидевшего в медитации и как бы не знающего о хаосе, разверзшемся вокруг него.

Затем — только тьма и звук, похожий на раскат грома.

* * *

Яма дернул головой, глаза его широко раскрылись.

Он сидел в пурпурной роще, прислонившись к синему стволу дерева; его сабля лежала на коленях.

Ничего, казалось, не изменилось.

Ряды монахов сидели перед ним как бы в медитации. Ветер был таким же холодным и влажным, и свет все еще мерцал.

Яма встал, каким-то образом поняв, куда ему следует идти, чтобы найти желаемое.

Он прошел мимо монахов по хорошо утопанной тропе далеко вглубь леса.

Он дошел до пурпурного павильона, но павильон был пуст.

Он пошел дальше, в густую чащу леса. Земля здесь была сырая, опускался слабый туман. Но тропа впереди была все еще ясно видна, освещаемая светом трех лун.

Путь шел под уклон, синие и пурпурные деревья были здесь ниже и искривлены. По бокам тропы начали появляться небольшие лужи с плавающими островками лишайника и серебряной пены. Запах болота ударил в ноздри Ямы. Из зарослей кустов слышалось хриплое дыхание неведомых существ.

Далеко позади он услышал пение и сообразил, что монахи, которых он оставил, теперь проснулись и бродят по роще. Они покончили со своей задачей: объединив мысли, послали

ему видение о непобедимости их вождя. Это пение, вероятно, было сигналом отбоя...

Вот!

Он сидел на камне среди поляны, весь залитый лунным светом. Яма вынул свой клинок и пошел вперед.

Когда он был шагах в двадцати от сидящего, тот повернул голову.

— Приветствую, о Смерть, — сказал он.

— Приветствую, Татхагата.

— Зачем ты здесь?

— Было решено, что Будда должен умереть.

— Это не ответ на мой вопрос. Зачем ты пришел сюда?

— Разве ты не Будда?

— Меня называли Буддой и Татхагатой, Просветленным и многими другими именами. Но, отвечая на твой вопрос, скажу: нет, я не Будда. Тебе уже удалось сделать то, что ты намереваешься: ты убил настоящего Будду.

— В моей памяти, как видно провал: я, признаться, не помню, чтобы сделал такое.

— Настоящего Будду мы называли Сугатой. А до этого он был известен как Ральд.

— Ральд! — Яма хмыкнул. — Ты пытаешься уверить меня, что он был больше чем просто палачом, которого ты отговаривал заниматься его ремеслом?

— Многих палачей отговаривали от выполнения их работы, — ответил человек, сидящий на камне. — Ральд добровольно отказался от своей миссии и вступил на Путь. Из всех, кого я знаю, он единственный действительно получил Просветление.

— Ведь ты распространяешь тут пацифистскую религию?

— Да.

Яма откинул голову и расхохотался.

— Боги! Хорошо еще, что ты не проповедуешь милитаризм! Твой лучший ученик, Просветленный и все такое, едва не получил мою голову в этот день.

Усталый взгляд пробился сквозь странное выражение лица Будды.

— Ты думаешь, он и в самом деле мог бы побить тебя?

Яма помолчал, а потом сказал:

— Нет.

— Как ты думаешь, он знал это?

— Возможно.

— А ты знал его раньше, до этой встречи? Видел его в деле?

— Да. Мы были знакомы.

— Значит, он знал твое мастерство и понимал исход стычки.

Яма промолчал.

— Он добровольно пошел к своей мученической судьбе и не поставил меня в известность. Не думаю, что он пошел с реальной надеждой победить тебя.

— Тогда зачем же?

— Доказать суть.

— Что он надеялся доказать таким образом?

— Не знаю. Знаю только, что это было именно так, потому что я знал его. Я очень часто слушал его проповеди, его тонкие притчи и уверен, что он не мог бы сделать такую вещь без определенной цели. Ты убил истинного Будду, Бог Смерти. Ты знаешь, кто я.

— Сиддхарта, — сказал Яма, — я знаю, что ты обманщик. Я знаю, что ты не Просветленный. Я знаю, что твое учение — это вещь, которую мог бы вспомнить любой из Первых. Ты решил воскресить его, уверяя, что ты его автор. Ты решил распространить его в надежде вызвать оппозицию той религии, которой правят истинные Боги. Я восхищен твоими усилиями. Это было мудро спланировано и выполнено. Но твоя главная ошибка, я считаю, в том, что ты выбрал пацифистское кредо для борьбы с активным. Мне интересно, зачем ты это сделал, когда мог выбрать из множества религий более подходящую.

— Может, мне как раз интересно было посмотреть, как пойдет такой контрпоток, — ответил тот.

— Нет, Сэм, это не так. Я чувствую, что это лишь часть более широкого плана, задуманного тобой, и что все эти годы, когда ты считался святым и произносил проповеди, в которые сам ничуть не верил, ты строил другие планы. Армия, заняв большое пространство, может стать оппозиционной за короткое время; один человек, занимая мало места, должен растянуть свою оппозицию на многие годы, если у него есть шанс преуспеть. Ты это знаешь и сейчас сеешь семена украденного кредо, планируя двинуться к другой фазе оппозиции. Ты пытаешься в единственном числе стать антитезой Неба, много лет противясь воле Богов различными способами и под различными масками. Но этому немедленно будет положен конец, фальшивый Будда!

— Почему, Яма?

— Ради безопасности. Мы не хотели делать из тебя мученика и усилить этим рост твоего учения. С другой стороны, если тебя не остановить, рост будет продолжаться. Поэтому бы-

ло решено, что ты должен принять свой конец из рук посланца Неба — это покажет, какая религия сильнее. Так что, будешь ты мучеником или нет, буддизм будет с этих пор считаться второсортной религией. Вот почему ты должен умереть реальной смертью.

— Когда я спросил «почему», я имел в виду совсем другое. Ты ответил не на тот вопрос. Я имел в виду — почему ты пришел сделать это, Яма? Почему ты, мастер оружия, мастер наук, пришел как лакей по приказу тело-менял, не умеющих даже отполировать твой клинок или вымыть твои пробирки? Почему ты, наиболее свободный дух из всех нас, унился до того, чтобы прислуживать низшим?

— За эти слова твоя смерть не будет легкой.

— Почему? Я задал вопрос, который давно должен был прийти в голову не только мне. Я не обиделся, когда ты назвал меня фальшивым Буддой. Я знаю, кто я. А кто ты, Бог Смерти?

Яма сунул саблю за пояс и достал трубку, которую купил в гостинице. Он набил ее и закурил.

— Ясно, что мы должны поговорить хотя бы для очистки наших мозгов от вопросов, — сказал он, — так что я устроюсь поудобнее. — Он тоже сел на низкий камень. — Во-первых, человек может в чем-то превосходить своих товарищей, но, тем не менее, служить им, если все они служат общему делу, которое больше, чем любое личное. Я уверен, что служу такому делу, иначе я не стал бы этого делать. Ты чувствуешь то же самое относительно своего дела, иначе ты не стал бы вести эту презренную аскетическую жизнь — хотя я заметил, что ты не такой изможденный, как твои последователи. Насколько я помню, тебе предлагали божественность несколько лет назад в Махартхе, а ты посмеялся над Брамой, напал на Дворец Кармы и набил жетонами все молитвенные машины города...

Будда хихикнул. Яма тоже посмеялся с ним и продолжал:

— В мире не осталось ни одного Акселерациониста, кроме тебя. Это тупик, из него никогда не выйдешь на первое место. Я в какой-то мере уважаю манеру, с какой ты вел себя эти годы. Мне даже пришло в голову, что если бы ты понял безнадежность своего теперешнего положения, тебя можно было бы убедить присоединиться к хозяевам Неба. Хотя я пришел сюда убить тебя, но, если тебя можно убедить и ты дашь мне слово, что кончишь свою дурацкую борьбу, я поручусь за тебя. Я возьму тебя с собой в Небесный Город, где ты примешь то, от чего однажды отказался. Они послушают меня, потому что я им нужен.

— Нет, — сказал Сэм, — потому что я не убежден в тщетности моего положения и полон решимости продолжать спектакль.

Из лагеря в пурпурной роще донеслось пение. Одна из лун скрылась за вершинами деревьев.

— Почему твои последователи не ломают кусты в стремлении спасти тебя?

— Они придут, если я позову, но я не буду звать. Мне это не нужно.

— Зачем они наслали на меня этот дурацкий сон?

Будда пожал плечами.

— Почему они не поднялись и не убили меня, пока я спал?

— Это не их путь.

— А ты мог бы? Если никто не узнает, что Будда сделал такое?

— Возможно. Как тебе известно, личные силы и слабости вождя еще не показатель качеств самого дела.

Яма сильно пыхнул трубкой. Дым окутал его голову и слился с туманом, который становился все гуще.

— Я знаю, что мы здесь одни, и ты безоружен, — сказал Яма.

— Мы одни. Мои дорожные принадлежности спрятаны дальше по моей дороге.

— Какие дорожные принадлежности?

— Я здесь закончил. Ты угадал правильно. Я начал то, что собирался начать. Когда мы закончим нашу беседу, я уйду.

Яма засмеялся.

— Оптимизм революционера всегда вызывает удивление. Каким образом ты предполагаешь уйти? На ковре-самолете?

— Я пойду, как всякий другой.

— Это, пожалуй, унижительно для тебя. Может, силы мира поднимутся на твою защиту? Я не вижу громадного дерева, укрывающего тебя ветвями. И здесь нет разумной травы, хватающей меня за ноги. Скажи, как ты устроишь свой уход?

— Я, пожалуй, удивлю тебя.

— А как насчет нашего боя? Я не люблю убивать безоружных. Если у тебя действительно спрятаны какие-то припасы неподалеку, то сходи за своим мечом. Это все-таки лучше, чем вовсе не иметь шансов. К тому же, я слышал, что господин Сиддхарта был в свое время замечательным мечником.

— Спасибо, нет. В другой раз, может быть. Но не сейчас.

Яма снова выпустил дым, потянулся и зевнул.

— По-моему, у меня больше нет вопросов к тебе. Спорить с тобой бесполезно. Мне больше нечего сказать. Ты можешь что-нибудь еще добавить к разговору?

— Да, — сказал Сэм. — Любит ли кого-нибудь эта сука

Кали? Сведения самые разные, и их так много, я уж стал думать, что она — для всех мужчин...

Яма отшвырнул трубку. Она задела его по плечу и рассыпала поток искр вдоль его рукава. Он поднял саблю над головой и шагнул вперед.

Когда он ступил на песчаную полосу перед камнем, его движение было остановлено. Он чуть не упал, согнулся, но не мог двинуться, как ни старался.

— Зыбучий песок, — сказал Сэм. — И более быстрый, чем обычно. К счастью, ты попал в более медленную часть. Так что тебе придется оставаться в этом положении довольно долго. Я хотел бы продолжить разговор, если бы думал, что у меня есть шанс убедить тебя присоединиться ко мне. Но я знаю, что мне это не удастся — так же, как и ты не убедишь меня идти на Небо.

— Я освобожусь, — тихо сказал Яма, не дрогнув. — Я освобожусь каким-нибудь образом и снова приду за тобой.

— Да, — сказал Сэм, — я чувствую, что так и будет. И я даже проинструктирую тебя, как это сделать. Сейчас же ты представляешь собой как раз то, чего желает всякий проповедник: плененную аудиторию, являющуюся оппозицией. Так что я произнесу для тебя короткую проповедь, Бог Яма.

Яма приподнял свою саблю, решил не терять ее и вложил в ножны.

— Проповедуй, — сказал он, и ему удалось поймать глаза Сэма.

Сэм покачнулся, но заговорил снова:

— Поразительно, каким образом твой мутантский мозг генерирует мысль, передающую свою силу любому новому мозгу, который тебе удастся захватить. Прошло много лет с тех пор, как я в последний раз пользовался своей единственной способностью, как сделал сейчас — но она тоже работает в той же манере. В каком бы теле я ни обитал, моя сила, оказывается, следует за мной. Я знаю, что это происходит со всеми нами. Я слышал, Ситала может управлять температурой на далеком расстоянии. Когда она берет себе новое тело, сила следует за ней в ее новую нервную систему, но сначала действует очень вяло. Агни, я знаю, может зажигать предметы, пристально глядя на них некоторое время и желая, чтобы они загорелись. Возьмем, к примеру, твой смертельный взгляд, который ты сейчас направил на меня. Разве не поразительно, что ты хранишь этот дар в себе в любом месте и времени целые столетия? Я часто задумывался, какова физиологическая основа этого феномена. Ты когда-нибудь исследовал эту область?

— Да, — сказал Яма; глаза его горели под черными бровями.

— И каково же объяснение? Некто рождается с ненормальным мозгом, позднее его душа переносится в нормальный мозг, но его аномальные способности не разрушаются при переходе. Почему это происходит?

— Потому что реально ты имеешь только одно тело-образ, которое является как электрическим, так и химическим по природе. Оно немедленно начинает изменять свое новое физиологическое окружение. Новое тело ему кажется как бы больным, и оно старается вылечить это тело по образцу старого. Если тело, в котором ты сейчас живешь, было бы сделано биологически бессмертным, то когда-нибудь стало бы похожим на твое изначальное тело.

— Как интересно.

— Вот поэтому перенесенная сила вначале слаба, но становится сильнее по мере того, как ты продолжаешь занимать новое тело. Вот поэтому лучше всего развивать атрибут и, может быть, пользоваться также механическими помощниками.

— Хорошо. Об этом я частенько задумывался. Спасибо. Кстати, воздержись от проб со своим смертельным взглядом — он, знаешь, болезнен. Так что это, во всяком случае, кое-что. А теперь проповедь. Один гордый и надменный человек, вроде тебя, и, предположим, с заметной склонностью к нравоучениям, занялся исследованиями в области одной уродливой и разрушительной болезни. Однажды он подхватил ее сам. Поскольку он еще не нашел лекарства от этого состояния, он смотрит на себя в зеркало и говорит: «Но на мне она выглядит хорошо!» Ты как раз такой человек, Яма. Ты не борешься со своим состоянием. Ты, скорее, гордишься им. Ты выдал себя в своей ярости, потому что я знаю, что говорю правду. Я скажу, что имя твоей болезни — Кали. Ты не отдал бы власти в недостойные руки, если бы эта женщина не заставила тебя сделать это. Я давно знаю ее и уверен, что она не изменилась. Она не может любить мужчину. Она заботится о тех, кто приносит ей дары хаоса. Если ты когда-нибудь перестанешь служить ее целям, она отшвырнет тебя, Бог Смерти. Я говорю это не потому, что мы враги, а просто как мужчина мужчине. Я знаю. Поверь, я знаю.

Возможно, твое несчастье в том, что ты никогда не был молод, Яма, и не знал первой любви в весенние дни... Итак, мораль моей проповеди на этом маленьком пригорке такова: даже зеркало не покажет тебе тебя самого, если ты не желаешь видеть. Стань ей

однажды поперек дороги, чтобы проверить истину моих слов — пусть даже в каком-нибудь пустяке — и увидишь, как быстро она ответит и каким манером. Что ты сделаешь, если твое собственное оружие обернется против тебя, Смерть?

— Ты закончил? — спросил Яма.

— Почти. Проповедь — предупреждение, и ты предупрежден.

— Какова бы ни была твоя сила, Сэм, я вижу, что в данный момент она защищает тебя от моего смертоносного взгляда. Тебе повезло, что я ослабел...

— Это верно, потому что моя голова готова треснуть. Будь прокляты твои глаза!

— Когда-нибудь я испытаю твою силу снова, и даже если она по-прежнему будет тебе защитой против моей силы, ты все равно падешь в тот день. Если не от моего атрибута, так от моей сабли!

— Если это вызов, то я предпочитаю не сразу принять его. Я советую тебе проверить мои слова, прежде чем ты попробуешь хорошо сделать свое дело.

К этому времени песок засыпал Яму до бедер.

Сэм вздохнул и слез со своего насеста.

— Здесь только одна чистая тропа, и я собираюсь уйти по ней. А сейчас, если ты не чрезмерно горд, я скажу тебе, как спасти жизнь. Я велел монахам прийти сюда помочь мне, если они услышат крик о помощи. Я уже говорил тебе, что не собираюсь звать их, и это правда. Однако, если ты начнешь кричать изо всей мочи, они будут здесь раньше, чем ты увязнешь слишком глубоко. Они выволокут тебя на твердую землю и не нанесут тебе никакого вреда, потому что таков их путь. Мне приятна мысль, что Бог Смерти будет спасен монахами Будды. Спокойной ночи, Яма. Теперь я оставляю тебя.

Яма улыбнулся.

— Есть и другой способ, о Будда! Я могу подождать его. Беги как можно дальше и как можно скорее. Мир не настолько велик, чтобы спрятать тебя от моего гнева. Я последую за тобой и научу тебя просветлению в чистом адском огне.

— А тем временем, — сказал Сэм, — обратись-ка за помощью к моим приверженцам или познай искусство дышать грязью.

Он пошел через поляну. Глаза Ямы жгли ему спину. Дойдя до тропы, он оглянулся.

— А на Небе ты можешь сослаться на то, что я был вызван из города для делового соглашения.

Яма не ответил.

— Я думаю, — закончил Сэм, — что заключу сделку на счет оружия. Специального оружия. Так что, когда ты придешь за мной, возьми с собой свою подружку. Если ей понравится то, что она видит, то она, наверное, уговорит тебя объединить силы.

Затем он ступил на тропу и пошел, насвистывая, через ночь, под лунной белой и лунной золотой.

Глава 4

Рассказывают о том, как Бог Света спускался в Колодец Демонов, чтобы сторговаться с главой Ракшасов. Он-то действовал честно, но Ракшас есть Ракшас. Известно, что это зловредные создания, обладающие великой силой, быстрой жизнью и способностью принимать почти любую форму. Уничтожить Ракшаса почти невозможно. Их главный недостаток — отсутствие настоящего тела; их главная добродетель — честная уплата проигранного.

То, что Бог Солнца пошел в Адский Колодец за услугами, показывает, что он, видимо, в какой-то мере утратил соображение относительно истинного состояния мира...

Когда потомки Праджапати, Боги и демоны, сражались друг с другом, Боги ухватились за жизненный принцип Удгиты, думая, что этим они победят демонов.

Они задумывали Удгиту как действующую через нос, но демоны поразили нос злом. Следовательно, Бог вдыхал одновременно запах приятного и скверного. Дыхание соприкасалось со злом.

Они задумывали Удгиту как слова, но демоны проткнули слова злом. Следовательно, Бог говорил одновременно и правду, и ложь. Слова соприкоснулись со злом.

Они задумывали Удгиту, которая действует через глаз, но демоны поразили глаз злом. Следовательно, Бог видел одновременно приятное и безобразное. Глаз соприкоснулся со злом.

Они задумывали Удгиту как слух, но демоны поразили ухо злом. Следовательно, Бог слышал одновременно хорошее и плохое. Уши соприкоснулись со злом.

Затем они задумывали Удгиту как мысль, но демоны поразили мысль злом. Следовательно, Бог думал, что мысль правильная, истинная и хорошая, и что она же неправильная, фальшивая и испорченная. Мысль соприкоснулась со злом.

Чхандогья Упанишады.

Адский Колодец лежит на вершине мира и ведет вниз, к его корням.

Он, вероятно, так же стар, как и сам мир; а если и нет, то выглядит таким.

Он начинается с двери. Это громадная, из закаленного металла дверь, воздвигнутая Первыми, тяжелая, как грех, втрое выше человека и в половину этого расстояния шириной. Она в целый локоть толщиной, на ней медное кольцо размером с голову, сложная давящая пластина замка и надпись, гласящая, примерно, следующее: «Уходи. Здесь тебе не место. Если попробуешь войти — пропадешь, и, к тому же будешь проклят. Если тебе каким-то образом удастся войти — не жалуйся, что тебя не предупреждали, и не докучай нам своими предсмертными молитвами». Подписано: «Боги».

Вход расположен близ пика очень высокой горы, называемой Шенна, в центре района очень высоких гор, называемых Ратнагари. В этом месте на земле всегда лежит снег, и радуга поднимается, как мех, на спинах сосулков, висящих на замерзших шапках утесов. Воздух здесь острый, как меч. Небо сверкает, как кошачий глаз.

Очень немногие ноги когда-то ходили по тропе, ведущей к Адскому Колодцу. Те, кто посещал это место, в основном приходили только взглянуть, существует ли дверь на самом деле; вернувшись домой и рассказывая о виденной ими двери, они обычно подвергались насмешкам.

Разговоры насчет пластины замка свидетельствовали, что кто-то действительно нашел вход. Однако оборудование, достаточное, чтобы осилить громадную дверь, нельзя было транспортировать или правильно установить: тропа к Адскому Колодцу в последних трехстах футах ее подъема была в ширину меньше десяти дюймов, а на том месте, которое осталось от некогда широкого уступа против двери, едва ли поместилось бы в ряд шесть человек.

Говорили, что Пенналал Мудрый, обострив свой мозг медитацией и аскетизмом, предугадал действия, открывающие замок, и вошел в Адский Колодец. После того он был известен как Пенналал Безумный.

Пик, называемый Шенна, который держит огромную дверь, находится в пяти днях ходьбы от небольшой деревушки далекого северного королевства Мальва. Сама эта горная деревня, ближайшая к Шенне, не имеет названия и населена свирепыми и независимыми людьми, у которых нет особого желания, чтобы их городок был занесен на карту и в налоговые списки раджи. О радже достаточно сказать, что он сред-

них лет, умный, довольно крепкий, не слишком религиозный и сказочно богатый. Богат он потому, что налагает на своих подданных высокие налоги. Когда подданные начинают жаловаться и шептаться о мятеже, идущем по королевству, он объявляет войну соседнему королевству и удваивает налог. Если война идет плохо, он казнит нескольких генералов и велит своему министру заключить договор о мире; если же, по счастью, она идет хорошо, он накладывает дань за какое-нибудь оскорбление, бывшее причиной всего дела. Обычно же война кончается перемирием, и подданные, озлобленные военными действиями, примиряются с высоким налогом. Зовут раджу Видегха, у него много детей. Он любит грак-птиц, которых можно выучить петь непристойные песни, змей, которых он время от времени кормит грак-птицами, не способными держать мелодию, и игры в кости. Детей он не очень любит.

Адский Колодец начинается с громадной двери высоко в горах самого северного угла королевства Видегхи, дальше которого больше нет королевств. Он начинается там и по спирали ввинчивается вниз, через сердце горы Шенна, пробиваясь, как штопор, по многочисленным пещерам, неизвестным людям, и тянет далеко под грядой Ратнагари свои глубочайшие переходы все вниз и вниз, к корням мира.

К этой двери пришел путник.

Он был просто одет и путешествовал один, и, казалось, точно знал, куда он идет и что делает.

Он карабкался по тропе на Шенну, прокладывая себе путь по ее мрачному лику.

Ему потребовалась большая часть утра, чтобы достичь цели — двери.

Остановившись перед ней, он немного отдохнул, выпил воды из фляги, вытер рот тыльной стороной руки и улыбнулся.

Затем он сел, прислонившись к двери спиной, и поел. Закончив, он бросил листья, в которые была завернута еда, и смотрел, как те падают, покачиваясь из стороны в сторону на воздушных течениях, пока они не скрылись из виду. Он набил трубку и закурил.

Отдохнув, он встал и снова посмотрел на дверь.

Рука его легла на закрывающую пластину и методично нанесла по ней серию резких ударов. Когда рука путника отпустила пластину, за дверью раздался мелодичный звук.

Затем он взялся за кольцо и потянул; его плечевые мускулы напряглись. Дверь подалась, сначала медленно, потом быстрее. Он отступил в сторону и распахнул дверь, отведя ее за уступ.

На внутренней поверхности двери было второе кольцо,

вдвое больше первого. Он схватил кольцо, когда оно проходило мимо него, и затормозил пятками, чтобы дверь не отлетела слишком далеко.

Из отверстия за его спиной шел поток теплого воздуха.

Подтащив дверь, чтобы она снова закрылась за ним, он остановился и зажег один из маленьких факелов, которые принес с собой. Затем он пошел по коридору, расширявшемуся по мере его продвижения.

Пол начал резко опускаться, и через сотню шагов потолок стал таким высоким, что его не было видно.

После двухсот шагов путник остановился на краю колодца.

Теперь его окружала тьма, простреленная огнем его факела. Стены исчезли — кроме одной, позади и справа. Пол кончался на небольшом расстоянии от него.

За краем было что-то вроде бездонной шахты. Он ничего не видел там, но знал, что она приблизительно круглая по форме; он знал также, что по мере углубления она расширяется по окружности.

Он стал спускаться вниз по выступу, идущему винтом вокруг стены колодца. Из глубины поднимались потоки теплого воздуха. Этот выступ был явно искусственного происхождения. Это чувствовалось, несмотря на его крутизну. Он был опасным и очень узким; во многих местах он треснул, и на нем накопились камни. Но ровный спиральный спуск доказывал, что его существование имело цель и систему.

Он осторожно шел по этому выступу. Слева от него была стена, а справа — пустота.

Когда протекло, казалось, столетия полтора, он увидел далеко внизу крошечный мерцающий огонек, висевший в воздухе.

Однако кривизна стены постепенно отклоняла его путь, так что этот огонек больше не висел в пространстве, а лежал внизу и чуть справа.

Еще один изгиб выступал — и этот свет оказался прямо впереди.

Миновав нишу в стене, где скрывался огонек, он услышал внутри себя голос, выкрикивающий:

— Освободи меня, Господин, и я положу мир к твоим ногам!

Но он поспешил дальше, даже не взглянув на подобие лица в отверстии.

Теперь стало больше видимого света, плывущего по океану мрака, что лежал под ногами путника.

Стена продолжала расширяться и наполнилась ярким мерцанием, подобным пламени, но не пламенем, наполнилась фигурами, лицами, полузабытыми образами. И от каждой шел крик:

— Освободи меня! Освободи меня!

Но он не останавливался.

Наконец он спустился на дно колодца и пошел через трещины в каменном полу. Он достиг противоположной стены, где плясало огромное оранжевое пламя.

При его приближении огонь стал вишнево-красным, а когда он остановился перед ним, огонь стал голубым с сапфировой сердцевинкой. Он поднимался на высоту в два человеческих роста, пульсировал, изгибался. От него исходили маленькие язычки, тянулись к путнику, но втягивались обратно, как бы натолкнувшись на невидимый барьер.

Во время спуска путник прошел мимо такого количества огней, что потерял им счет — и знал, что еще больше их сокрыто в пещерах, которые скрывались на дне колодца.

Каждый огонек, мимо которого он проходил на своем пути, обращался к нему, используя собственную манеру общения, так что слова в его голове звучали как барабаны, слова угрожающие, умоляющие, обещающие. Но от этого голубого слепящего огня, который был больше всех других, никакого обращения не последовало. В его яркой сердцевине не крутилось, не изгибалось ни одной фигуры. Это было настоящее пламя, пламенем оно и оставалось.

Путник зажег новый факел и закрепил его между двумя камнями.

— Итак, Ненавистный, ты вернулся!

Слова пали на него, как удар кнута. Собравшись с духом, он повернулся лицом к голубому пламени и сказал:

— Тебя звали Тарака?

— Тот, кто заключил меня здесь, должен знать, как меня звали, — пришли слова. — Не думай, о Сиддхарта, что в другом теле ты неузнаваем. Я смотрю на волны энергии — твою истинную сущность — а не на плоть, что маскирует ее.

— Понятно.

— Ты пришел насмеяться надо мной в моей темнице?

— Разве я насмеялся над тобой в дни Заключения?

— Нет.

— Я делал то, что должен был сделать, чтобы сохранить свою расу. Люди ослабели и уменьшились в числе. Твой род напал на них и собирался уничтожить.

— Ты украл у нас мир, Сиддхарта. Ты приковал нас здесь.

— Может быть, есть способ как-то возместить это.

— Чего ты хочешь?

— Союзничества.

— Ты хочешь заставить нас участвовать в твоей борьбе?

- Именно.
- А когда она кончится, ты снова пленишь нас?
- Нет, если мы заранее выработаем какое-то соглашение.
- Скажи мне свои условия, — сказала пламя.
- В прежние времена ваш народ ходил, видимый и невидимый, по улицам Небесного Города.
- Это правда.
- Теперь город укреплен гораздо лучше.
- В каком смысле?
- Вишну-Хранитель и Яма-Дхарма, Бог Смерти, закрыли все небо, а не только Город, как было в старину, каким-то, как говорят, непроницаемым куполом.
- Нет такой вещи — непроницаемый купол.
- Я говорю только то, что слышал.
- В Город есть множество путей, Повелитель Сиддхарта.
- И ты найдешь их все для меня?
- Это будет ценой за мою свободу?
- За твою личную свободу, да.
- А как другие из моего рода?
- Если их тоже освободить, вы все должны будете помочь мне осадить Город и взять его.
- Освободи нас, и Небо падет!
- Ты говоришь и за других?
- Я — Тарака. Я говорю за всех.
- Какую гарантию ты дашь, Тарака, что этот договор будет выполнен?
- Мое слово! Поклянусь чем захочешь.
- Легкость в клятве — не самое надежное качество договаривающегося. И твоя сила является также твоей слабостью в любом договоре вообще. Ты так силен, что не можешь дать другому власть контролировать себя. Ты не можешь поклясться Богами. Ты чтишь только одну вещь — игорный долг, а здесь не место для игры.
- У тебя есть власть контролировать нас.
- Индивидуально — возможно. Но не коллективно.
- Это трудная проблема, — сказал Тарака. — Я отдал бы все, что имею, за свободу, но я имею только силу, чистую энергию, которую, в сущности, нельзя передать. Я, по правде говоря, не знаю, как дать тебе удовлетворительную гарантию, но сдержу свое обещание. На твоём месте я бы, конечно, не поверил.
- Есть одна возможность. Я освобожу тебя сейчас — одного, — чтобы ты посетил Полос и сделал разведку защиты Неба. В твоё отсутствие я рассмотрю проблему глубже. Ты

сделаешь так же, и, возможно, когда ты вернешься, мы устроим подходящую договоренность.

— Согласен! Только освободи меня от этого!

— Тогда помни мою силу, Тарака. Как я развязываю, так могу и связать.

Пламя отошло от стены.

Оно свернулось в огненный шар и взвилось над стеной, как комета. Оно горело, как маленькое солнце, освещая темноту; поднимаясь, оно меняло цвет, так что камни сверкали то призрачно, то приятно.

Затем оно повисло над головой того, кого звали Сиддхартой, и послало вниз, на него взволнованные слова:

— Ты не представляешь, как я рад чувствовать свою силу свободной. Я хотел бы еще раз испытать твою мощь.

Человек пожал плечами.

Огненный шар сжался. Съеживаясь, он стал ярче и медленно опустился на пол.

Он лежал, дрожа, как лепесток гигантского цветка; затем медленно потянулся через пол Адского Колодца и вернулся в нишу.

— Ты удовлетворен? — спросил Сиддхарта.

— Да, — через некоторое время пришел ответ. — Твоя сила не ослабла, Связующий. Освободи меня снова.

— Мне надоел этот спорт, Тарака. Я, пожалуй, оставлю тебя как есть и поищу помощи в другом месте.

— Нет! Я обещал тебе! Чего тебе еще надо?

— Мне нужно отсутствие спора между нами. Либо ты служишь мне в этом деле, либо нет. Только и всего. Выбирай и будь верен своему выбору... и своему слову.

— Прекрасно. Освободи меня, я побываю в Небе на его ледяных горах и сообщу тебе о его слабостях.

— Тогда иди!

На этот раз пламя возникло более медленно. Оно качалось перед ним, приняв грубо-человеческие контуры.

— В чем твоя сила, Сиддхарта? Как ты делаешь то, что делаешь?

— Можешь назвать это энергоуправлением, — сказал Сиддхарта. — Мысль над энергией. Это определение не хуже всякого другого. Но как бы ты ни назвал эту силу, не старайся встретиться с ней снова. Я могу этим убить тебя, хотя никакое оружие на тебя не действует. А теперь отправляйся!

Тарака исчез, как горящая ветка, опущенная в воду, а Сиддхарта остался среди камней. Факел освещал тьму вокруг него.

Он спал, и его мозг наполнялся бормотанием голосов, — обещающих, искушающих, умоляющих. Видения богатства и роскоши плыли перед его глазами. Изумительные гаремы проходили перед ним, банкетные столы стояли у его ног. Ароматы мускуса и магнолии и голубоватая дымка горящего ладана, смягчающая душу, обволакивали его. Он шел среди цветов, сопровождаемый светлоглазыми девушками, которые улыбались и несли чаши с вином; серебряный голос пел ему, и нечеловеческие создания танцевали на поверхности озера...

— Освободи нас, освободи нас, — пели они.

Но он улыбался и смотрел, но ничего не делал.

Постепенно мольбы и обещания сменились хором проклятий и угроз. Бронированные скелеты с наколотыми на мечях младенцами наступали на него. Вокруг него появлялись шахты, откуда вырывались огни с запахом серы. Змея свешивалась с ветки перед его лицом и плевалась ядом. Дождь пауков и жаб падал на него.

— Освободи нас, или агонии твоей не будет конца! — кричали голоса.

— Если вы будете упорствовать, — сказал он, — Сиддхарта очень рассердится, и вы лишитесь единственного шанса на освобождение, какой у вас еще есть.

Затем все стихло; он освободил сознание от всех мыслей и задремал.

Он дважды поел там, в пещере, потом опять спал.

Потом вернулся Тарака в виде птицы с громадными когтями и сообщил:

— Создания моей породы могут пройти через вентиляционные отверстия, но люди не могут. Внутри горы много лифтов. В более крупных клетках легко может подняться сразу много людей. Лифты, конечно, охраняются. Но если перебить стражу и отключить сигналы тревоги, то подняться можно. И бывает такое время, когда сам купол открыт в разных местах, чтобы впускать и выпускать летательные аппараты.

— Отлично, — сказал Сиддхарта. — В нескольких неделях пути отсюда у меня есть королевство. На моем месте много лет сидит регент, но если я вернусь, я могу собрать армию. По земле теперь распространяются новые религии. Теперь люди меньше думают о Богах, чем раньше.

— Ты хочешь разграбить Небо?

— Да, я хочу открыть миру его сокровища.

— Это мне нравится. Победа нелегкая, но с армией людей и с армией моего народа мы сумеем это сделать. Освободи мой народ сейчас, чтобы мы могли начать.

— Наверное, проще будет поверить тебе, — сказал Сиддхарта. — Так что давай начнем. — И он пошел по дну Адского Колодца к первому глубокому туннелю, идущему вниз.

В этот день он освободил шестьдесят пять демонов, наполнив пещеры их цветом, движением и светом. В воздухе звучали их мощные радостные крики и шум, с которым они кружились вокруг Адского Колодца, все время меняя форму и радуясь своему освобождению.

Затем один принял форму летающей змеи и бросился на Сиддхарту, вытянув когти. На секунду все внимание Сиддхарты сосредоточилось на демоне.

Демон издал короткий крик, отлетел в сторону и рассыпался потоком голубовато-белых искр.

Затем искры погасли, и демон бесследно исчез.

В пещере стояла тишина, огоньки пульсировали и прижались к стенам. Сиддхарта направил свое внимание на самую большую светящуюся точку — Тараку.

— Не для того ли этот демон атаковал меня, чтобы проверить мою силу? — спросил он. — Посмотреть, могу ли я убить, как-я тебе говорил?

Тарака приблизился и повис перед ним.

— Он напал не по моему приказу. Я чувствую, что он наполовину спятил в своем заключении.

Сиддхарта пожал плечами.

— Пока развлекайтесь, как вам хочется, а я отдохну, — сказал он и ушел в маленькую пещеру.

Он вернулся на дно колодца, лег на одеяло и уснул.

* * *

Он увидел сон.

Он бежал.

Его тень ложилась перед ним и росла по мере того, как он бежал по ней.

Она росла до тех пор, пока стала уже не его тенью, а гротескным контуром.

Внезапно он понял, что его тень покрылась тенью его преследователя: покрылась, переполнилась, затопилась.

На миг он впал в страшную панику там, на неведомой равнине, через которую пронесся.

Он знал, что отныне она стала его собственной тенью.

Смерть, преследовавшая его, больше не была за его спиной.
Он знал, что был своей собственной смертью.
Сознавая, что он в конце концов схватится с самим собой, он громко захохотал, хотя испытывал желание завопить.

* * *

Проснувшись, он обнаружил, что идет.
Он поднимался по изогнутому выступу стены Адского Колодца.

Он шел мимо плененных огней. И снова каждый из них кричал ему:

— Освободите нас, Господа!

И край льдины, бывшей его мозгом, медленно начал таять.
Господа.

Во множественном числе. Не в единственном.

Они говорили — господа.

И тогда он понял, что идет не один.

Ни вокруг него, ни под ним не было ни одного танцующего, мерцающего образа.

Те, кто был пленен, так и остались плененными. Те, кого он освободил, исчезли.

Теперь он поднимался по высокой стене Адского Колодца.
Ни один факел не освещал его путь, но он все-таки видел.

Он видел детали скалистого выступа как бы в лунном свете.

Он знал, что его глаза неспособны на такой подвиг.

И к нему обращались во множественном числе.

И его тело двигалось, но не по его воле.

Он старался остановиться, не двигаться, но продолжал идти по выступу. И тут его губы задвигались, выговаривая слова:

— Я вижу, ты проснулся. Доброе утро!

В его мозгу сам собой сформулировался вопрос, и ответ немедленно последовал через его же собственный рот:

— Да. И каково же тебе самому оказаться связанным, Связующий, в своем же собственном теле?

Сиддхарта сформулировал другую мысль:

— Не думаю, что кто-нибудь из твоей породы способен взять контроль надо мной против моей воли, даже когда я сплю.

— Честно говоря, — сказал демон, — я не могу. Но я имел в своем распоряжении объединенную силу многих из моего народа. Похоже, попытка оказалась стоящей.

— А другие? Где они?

— Ушли. Бродят по миру, пока я их не позову.

— А как насчет тех, которые еще связаны? Ты не дождался, чтобы я освободил их тоже?

— Какое мне дело до остальных? Я теперь свободен и снова в теле. Что мне еще нужно?

— Значит, твое обещание помочь мне ничего не стоит?

— Почему же, — ответил демон, — мы вернемся к этому вопросу, скажем, через месяц или около того. У меня появилась одна идея... Я чувствую, что война с Богами будет отличной вещью, но сначала я хочу на некоторое время предаться радостям плоти. Чего тебе скучить на небольшие развлечения для меня после тех столетий скуки и плена, которые ты заставил меня испытать?

— Должен сознаться, я не хочу, чтобы ты пользовался для этого моей особой.

— Как бы то ни было, тебе пока придется смириться с этим. Ты ведь тоже будешь радоваться тому, чему радуюсь я, так почему бы тебе не взять лучшее из этого?

— Ты утверждаешь, что намерен воевать с Богами?

— Да. Жаль, что я не подумал об этом сам в прежние времена. Тогда, наверное, мы никогда не были бы связаны. Возможно, что в этом мире не осталось бы ни людей, ни Богов. Хотя мы никогда не были склонны действовать сообща. Независимость духа естественно сопровождает независимость личности. Каждый сражался за себя в общем конфликте с человеческим родом. Правда, я вождь — благодаря факту, что я старше, сильнее и умнее других. Они идут ко мне за советом, они служат мне, когда я прикажу. Но я никогда не приказывал им в сражениях. Но в дальнейшем буду. Новизна этого развлечет нас после столетий монотонности.

— Я бы советовал тебе не ждать, потому что «дальнейшего» не будет, Тарака.

— Почему не будет?

— Когда я шел в Адский Колодец, гнев Богов роился и жужжал за моей спиной. А теперь в мир выпущены шестьдесят шесть демонов. Их присутствие будет обнаружено очень скоро. Боги поймут, кто это сделал, и выступят против нас. Элемент неожиданности пропадет.

— В древности мы бились с Богами...

— Теперь не те времена, Тарака. Теперь Боги стали сильнее, много сильнее. Вы очень долго были связаны, а их мощь за эти столетия увеличилась. Даже если бы ты командовал первой в истории армией Ракшасов и послал их помогать в битве мощной армии людей, то и тогда, финал был бы неопределенным. Отсрочка погубит все.

— Я не хочу, чтобы ты говорил мне такое, Сиддхарта, потому что это тревожит меня.

— Именно это я и имел в виду. Как ты ни силен, но, если ты встретишь Бога в Красном, он выпьет твою жизнь своими глазами. Он придет сюда, на Ратнагарис, потому что он идет за мной. Освобождение демонов направит его, как указательный столб. Он может привести с собой и других. Их может оказаться больше, чем вас.

Демон не ответил. Они достигли вершины колодца, и Тарака прошел двести шагов до двери, которая теперь стояла открытой. Он перешагнул на уступ и посмотрел вниз.

— Ты сомневаешься в силе Ракшаса, о Связующий? — спросил он. — Смотри!

Он шагнул за край.

Они не упали.

Они плыли, как листья, которые он бросил — давно ли это было?

Вниз.

Они приземлились на тропу, на полпути вниз с горы, называемой Шенна.

— Я не только занял твою нервную систему, — сказал Тарака, — но распространился по всему твоему телу и обернул его в энергию моего существа. Так что пришли мне своего Бога в Красном, кто пьет жизнь глазами. Я хотел бы встретиться с ним.

— Хотя ты и можешь ходить по воздуху, — сказал Сиддхарта, — но тут ты говоришь опрометчиво.

— Принц Видегха держит свой двор недалеко отсюда, в Паламайдсу, — сказал Тарака. — Я посетил его, когда возвращался с Неба. Как я понимаю, он обожает игру. Значит, мы идем туда.

— А если Бог Смерти придет и вступит в игру?

— Ну и пусть! — закричал демон. — Ты перестал развлекать меня, Связующий. Уходи спать!

Настала темнота и великая тишина, растущая и давящая.

* * *

Последующие дни были яркими фрагментами.

Они приходили к нему обрывками разговора или песни, цветными видами галерей, комнат, садов. А однажды он увидел себя в башне, где люди висели на дыбах, и услышал собственный смех.

Между этими фрагментами приходили сны и полусны. Они освещались огнями, сопровождалась кровью и слезами. В затемненном бесконечном соборе он кидал кости, которые были между солнцем и планетами. Метеоры рассыпались огнем над

его головой, кометы вычерчивали сияющие дуги на своде черного стекла. Затем приходили вспышки радости сквозь страх, и он понимал, что это в основном радость другого, но частично и его тоже. Страх же был только его.

Когда Тарака выпивал слишком много вина или лежал, запыхавшись, на своем широком низком ложе в гареме, захват украденного им тела несколько ослабевал, но измученный мозг Сиддхарты был слаб, а его тело было либо утомленным, либо пьяным, и он понимал, что еще не настало время для состязания в мастерстве с демоном-хозяином.

Случалось, он видел, но не глазами тела, когда-то принадлежавшего ему, а как видел демон — во всех направлениях, и сдирал плоть и кости с тех, мимо кого проходил, чтобы видеть пламя их сущности, окрашенное цветами и тенями их страстей, вспыхивающее скупостью и вожделением или завистью, пронзенное жадностью или голодом, тлеющее ненавистью, ослабевшее от страха или боли. Для него ад был местом многоцветным, иногда только смягченным холодным голубым сиянием ученого интеллекта, белым светом умирающего монаха, розовым ореолом благородной дамы, попавшейся ему на глаза, и танцующими простыми красками играющих детей.

Он ходил по высоким залам и обширным галереям королевского дворца Паламайдсу, который он выиграл. Принц Видегха лежал в цепях в собственной башне. Его подданные не знали, что теперь на троне сидит демон. Все, казалось, шло так же, как и всегда.

Сиддхарта видел себя едущим на слоне по улицам города. Всем городским женщинам было приказано стоять перед дверями их жилищ. Он выбирал тех, кто ему нравился, и отправлял в свой гарем. Сиддхарта с внезапным шоком осознал, что помогает выбирать, спорит с Таракой о достоинствах той или иной матроны, девушки или женщины. Он соприкоснулся с вожделением демона-хозяина, и оно стало его собственным. И сознавая это, он впал в сильное возбуждение. И не всегда только по воле демона его рука поднимала к губам чашу с вином или хватала кнут в башне. Он приходил в сознание на больший промежуток времени и с некоторым ужасом замечал, что в нем, как и в каждом человеке, сидит демон, соответствующий ему.

Они стояли на балконе над садом. Одним жестом Тараки сад был преобразен: цветы стали черными, в деревьях и бассейнах поселились ящероподобные создания, оружие и летающие в сумерках. Благовония и ароматы, ранее наполнявшие воздух, стали гуще и вызвали отвращение. По земле тянулось, извиваясь, как змея, дым.

На жизнь Сиддхарты было три покушения. Последнюю попытку сделал капитан дворцовой стражи. Но клинок в его руке обернулся змеей. Она ударила в лицо капитана, выбила глаза и наполнила его вены ядом, так что он почернел, распух и умер, умоляя о глотке воды.

Сиддхарта изучил умения демона и в этот момент ударил.

Его сила снова стала расти, медленно, с того дня в Адском Колодце, когда он в последний раз владел ею. Странно независимая от его телесного мозга, как однажды говорил ему Яма, сила поворачивалась медленно, как цевочное кольцо, в центре пространства, которое было Сиддхартой.

Это вращение теперь ускорилось, и Сиддхарта швырнул эту силу против другой силы.

Тарака закричал, и контрудар чистой энергии вернулся к Сиддхарте, как копье.

Он сумел частично отклонить удар, поглотить часть этой силы, однако его существа коснулись боль и беспорядок.

Он не стал задерживаться на боли, а ударил снова, как копьеносец бьет в темное логово страшного зверя.

И снова услышал крик, сорвавшийся с его губ.

Затем демон воздвиг черные стены против силы Сиддхарты. Но под бешеной атакой эти стены падали одна за другой.

— О, человек многих тел, — сказал Тарака, — неужели тебе жалко оставить меня на несколько дней в этом теле? Это ведь не то тело, в котором ты родился, и ты тоже занял его на время. Почему ты думаешь, что мое прикосновение замарает его? В один прекрасный день ты возьмешь себе тело, нструнное мной. Почему же ты рассматриваешь мое присутствие как скверну, как болезнь? Не потому ли, что в тебе самом есть нечто похожее на меня? Не потому ли, что ты тоже познал наслаждение на манер Ракшаса, испытывал удовольствие от причиняемой тобой боли? То, что ты выбирал, ты выбирал по своей воле. Не потому ли? Потому что ты тоже знаешь эти вещи и желаешь их, но носишь человеческое проклятие, называемое виной, грехом? Если так, я смеюсь над твоей слабостью, Связующий! И я все равно возьму верх над тобой!

— Как раз потому, что я есть я, демон, — сказал Сиддхарта, швыряя ему обратно его энергию, — потому что я человек, который время от времени стремится к чему-то большему, чем брюхо и фаллос. Я не святой буддист, как обо мне думают, и не герой легенд. Я человек, познавший страх и время от времени чувствующий свою вину. Но главным образом, я человек, который должен сделать одно дело, и ты сейчас загорадаешь мне путь. Но ты унаследовал мое проклятие, неза-

висимо от того, буду ли я победителем или побежденным. Твоя судьба, Тарака, уже изменена. Это проклятие Будды — ты никогда не будешь таким, каким был.

И весь этот день они простояли на балконе в промокшей от пота одежде. Они стояли, как статуя, пока солнце не ушло с неба и золотой след не разделил чашу ночи. Над садовой стеной поднялась луна, потом к ней присоединилась другая.

— Что это за проклятие Будды? — спрашивал Тарака снова и снова. Но Сиддхарта не отвечал.

Из далекого храма пришел монотонный бой барабанов, каркали садовые существа, кричали птицы, рой насекомых спускался на Сиддхарту, питался и улетал прочь.

Затем, как звездопад, прилетели на крыльях ночи освобожденные из Адского Колодца и выпущенные в мир другие демоны.

Они пришли на зов Тараки, чтобы добавить к его силе свою.

Тарака стал как бы смерчем, прибором, штормом молний.

Сиддхарта чувствовал, что его сметает титаническая лавина, раздавливает, расплющивает, заваливает сверху...

Последнее, что он сознавал — это смех в его горле.

* * *

Скоро ли он пришел в себя — он не знал. На этот раз дело шло медленно, и когда он проснулся, слугами во дворце были демоны.

Когда с него спали последние анестезирующие оковы умственной усталости, вокруг творилось нечто странное.

Гротескные пирушки продолжались. Они устраивались в башнях, где демоны оживляли тела своих жертв и занимали их. Творились темные чудеса, вроде рощи изогнутых деревьев, растущих из мраморных плит самого тронного зала — рощи, где люди спали без пробуждения и кричали, когда старые кошмары уступали место новым. Но во дворце появились еще и другие странности.

Тарака больше не веселился.

— Что это за проклятие Будды, — спросил он снова, когда почувствовал, что присутствие Сиддхарты снова давит на него.

Сиддхарта не ответил.

— Я чувствую, — продолжал Тарака, — что скоро отдам тебе обратно твоё тело. Я устал от этого спорта, от этого дворца. Мне все надоело, и я думаю, что близок день, когда мы начнем войну с Небом. Что ты на это скажешь, Связующий? Я же говорил, что сдержу слово.

Сиддхарта не ответил.

— Моя радость уменьшается с каждым днем. Ты знаешь, почему это, Сиддхарта? Не скажешь ли, почему ко мне приходят странные ощущения, угнетают меня в самые острые моменты, ослабляют меня и отталкивают прочь как раз тогда, когда я мог бы ликовать, мог быть полным радости? Это и есть проклятие Будды?

— Да, — сказал Сиддхарта.

— Тогданими свое проклятие, Связующий, и я уйду в тот же день. Я отдам тебе обратно твою плотскую одежду. Я снова жажду холода, чистого ветра высот! Ты освободишь меня сейчас?

— Слишком поздно, глава Ракшасов. Ты сам навлек на себя это.

— Что именно? Как ты связал меня на этот раз?

— Помнишь, когда мы стояли на балконе, ты насмеялся надо мной? Ты говорил, что я тоже получал удовольствие от зла, которое ты делал. Ты был прав, потому что все люди имеют в себе и темное, и светлое одновременно. У человека множество частей, он не чистое, яркое пламя, каким был когда-то ты. Его разум часто воюет с эмоциями, а его воля — с желаниями. Его идеалы отличаются от его окружения, и он следует им, он глубоко сознает утрату старого; но если он не следует этим идеалам, он ощущает боль, отказавшись от новой, благородной мечты. Что бы он ни делал, все представляет собой одновременно выигрыш и потерю, приход и уход. И он всегда скорбит об ушедшем и в какой-то мере боится нового. Разум противится традиции. Эмоции противятся ограничениям, которые накладывают на человека окружающие его люди. И всегда из этих разногласий встает то, что ты в насмешку назвал проклятием человека — грех, вина!

Пойми теперь, что, поскольку мы существовали в одном теле, и я участвовал в твоих делах не всегда против своей воли, дорога, по которой мы шли, не была той, где все движение идет в одном направлении. Как ты исказил мою волю своими делами, так исказилась и твоя воля от моего отвращения к некоторым твоим деяниям. Ты познал то, что называется грехом, и он всегда будет падать тенью на то, что ты ешь и пьешь. Вот почему твоя радость разрушена. Вот почему ты теперь хочешь улететь. Но это не даст тебе ничего: чувство вины пойдет за тобой через весь мир. Оно поднимется с тобой в области холодных, чистых ветров. Оно будет преследовать тебя, куда бы ты ни пошел. Это и есть проклятие Будды.

Тарака закрыл лицо руками.

— Остается только плакать, — сказал он через некоторое время.

Сиддхарта не ответил.

— Будь ты проклят, Сиддхарта, — сказал Тарака, — ты снова связал меня и вверг в еще более страшную темницу, чем Адский Колодец!

— Ты сам себя связал. Ты нарушил наш договор. А я соблюдал его.

— Люди страдают, когда нарушают договор с демонами, — сказал Тарака, — но Ракшасы доселе никогда не страдали.

Сиддхарта не ответил.

* * *

На следующее утро, когда он сел завтракать, раздались удары в дверь его покоев.

— Кто смеет? — закричал он.

Дверь с грохотом распахнулась, петли вылетели из стены, засов переломился, как щепка.

В комнату упал Ракшас — голова рогатого тигра на плечах обезьяны, ноги с громадными копытами, руки с когтями. Из его рта шел дым, когда он сначала стал прозрачным, затем снова обрел полную видимость, снова растаял и опять возник. С его когтей что-то капало — но не кровь, а на груди был обширный ожог. Воздух наполнился запахом паленой шерсти и горелой плоти.

— Господин! — кричал он. — Пришел чужеземец и просит у тебя аудиенции.

— И тебе не удалось убедить его, что я недоступен?

— Господин, множество людей-стражников напало на него, но он сделал жест... он махнул им рукой, и вспыхнул свет такой яркий, что даже Ракшас не может смотреть на него. Секунда — и все стражники исчезли, словно их никогда не было... А в стене, перед которой они стояли, громадная дыра... И ни одного камешка не упало, гладкая, чистая дыра.

— А затем ты напал на него?

— На него кинулось много Ракшасов, но вокруг него было что-то, отталкивающее нас. Он снова сделал жест, и трое наших исчезли в свете, которым он в них швырнул... Я не получил полной силы удара этого света, меня только задело слегка. И он послал меня с поручением... Я больше не могу удерживать себя в форме...

И с этими словами он исчез, и там, где лежало это существо, повис огненный шар. Теперь его слова шли прямо в мозг.

— Он повелел тебе немедленно принять его. И еще он сказал, что разрушит этот дворец.

— А те трое, которых он сжег, обрели свою форму?

— Нет, — ответил Ракшас. — Их больше нет...

— Опиши мне этого чужака! — приказал Сиддхарта, с трудом выдавливая слова.

— Он очень высокий, — сказал демон, — в черных брюках и сапогах. А до талии какая-то странная одежда, вроде перчатки без швов. Она натянута только на правую руку, идет вверх, через плечи, обертывает шею и всю голову туго и гладко. Видна только нижняя часть лица, потому что на глазах его большие черные очки, наполовину выступающие по сторонам лица. На поясе у него короткие ножны из такого же белого материала, как и одежда, но в них не кинжал, а жезл. Под тканью одежды, там, где она перекрещивается на плечах и поднимается к затылку, заметен горб, как будто там лежит небольшой сверток.

— Бог Агни! — сказал Сиддхарта. — Ты описал Бога Огня!

— Ага, наверное, так, — сказал Ракша. — Я заглянул под его плоть и увидел цвета его сущности. Там пламя, похожее на сердцевину солнца. Если существует Бог Огня, то это он и есть.

— Теперь мы должны бежать, — сказал Сиддхарта, — потому что здесь будет великое пожарище. Мы не можем бороться с этим существом, так что давай побыстрее убираться.

— Я не боюсь Богов, — сказал Тарака, — и хочу проверить его силу.

— Тебе не одолеть Бога Огня, — сказал Сиддхарта. — Его огненный жезл непобедим. Он дан ему Богом Смерти.

— Тогда я выхвачу у него жезл и поверну против него.

— Никто не может взять жезл: ослепнет и потеряет руку. Поэтому Агни и носит эту необычную одежду. Давай не будем тратить время.

— Я должен сам увидеть, — сказал Тарака. — Должен.

— Не бери на себя новую вину, потому что ты флиртуешь с самоуничтожением.

— Вина? — сказал Тарака. — Эта хилая, грызущая мозг крыса, о которой ты мне говорил? Нет, не вина, Связующий. Когда-то я был самым мощным, если не считать тебя, но в мире поднялись новые силы. В старые времена Боги не были так сильны, и если теперь они действительно усилились, то их силу следует проверить — на мне самом! Это в моей природе — биться со всякой новой силой и либо победить ее, либо быть связанным ею. Я должен изведать силу Бога Агни и победить его.

— Но ведь нас двое в этом теле!

— Да, это верно... Если тело будет уничтожено, я возьму тебя с собой, обещаю. Я уже укрепил твоё пламя по образцу нашего рода. Если это тело умрет, ты будешь продолжать жить как Ракшас. Наш народ когда-то тоже носил тело, и я помню искусство укрепления пламени, чтобы оно горело независимо от тела. И я сделал это для тебя, так что ты не бойся.

— Премного благодарен.

— Теперь давай нападём на огонь и вымочим его!

Они вышли из королевских комнат и спустились по лестнице. Глубоко внизу, в башне, пленный принц Видегха всхлипывал во сне.

* * *

Они появились из двери за драпировкой позади трона. Откинув эту драпировку, они увидели, что громадный зал был пуст, если не считать спящих в темной роще и человека, стоявшего среди зала; на его обнаженной руке лежала белая рука, и в пальцах этой одетой в белую перчатку руки был зажат жезл.

— Видишь, как он стоит? — спросил Сиддхарта. — Он уверен в своей мощи, и не напрасно. Он — Агни из Локапал. Он видит самый далекий горизонт, будто он у него на кончиках пальцев. И может туда дотянуться. Он, говорят, однажды ночью сделал своим жезлом зарубки на лунах.

Стоит ему прикоснуться основанием жезла к контакту внутри этой перчатки — и с ослепляющей яркостью выскочит Мировое Пламя, уничтожая материю и рассеивая энергию, находящуюся в ней. Еще не поздно убежать...

— Агни! — закричал его рот. — Ты просил аудиенции у того, кто правит здесь?

Черные очки повернулись к нему. Губы Агни скривились в улыбке, которая разложилась на слова:

— Я так и думал, что найду тебя здесь, — сказал он своим гнусавым, пронзительным голосом. — Ты отбросил всю святость, которую тебе приписывают? Как мне тебя называть — Сиддхартой, Татхагатой, Махасаматманом или просто Сэмом?

— Ты дурак, — ответил Сиддхарта. — Тот, кого ты знал как Связующего Демонов и под всеми прочими именами — теперь сам связан. Ты имеешь честь обращаться к Тараке Ракшасу, Господину Адского Колодца!

Щелчок — и очки стали красными.

— Да, я ощущаю истину твоих слов, — ответил Агни. — Я вижу клетку, захваченную демоном. Интересно. И он, без сомнения, мешает. — Он пожал плечами и добавил:

— Но я могу уничтожить и обоих.

— Ты так думаешь? — осведомился Тарака, подняв обе руки.

Раздался грохот, и тут же из пола поднялся черный лес, поглотивший того, кто стоял там; черные ветви согнулись над полом. Грохот продолжался, и пол осел на несколько дюймов. Наверху раздался треск камня. Вниз посыпались пыль и гравий.

Вылетела слепящая стрела света — и деревья исчезли; на полу остались пеньки и чернеющие угли.

Со скрипом и громким треском обрушился потолок.

Отступив за дверь позади трона, они увидели фигуру, все еще стоявшую в центре зала; она подняла над головой жезл и описала им крошечный круг.

Вверх полетел конус света, расплавляя все, чего касался. Губы Агни по-прежнему улыбались, когда громадные камни падали вниз, но никак не рядом с ним.

Грохот продолжался. Затрещал пол, стены начали падать.

Они захлопнули дверь. У Сэма закружилась голова, когда окно, только что бывшее в дальнем конце коридора, пронеслось мимо него.

Они летели вверх, через небо, и звенящее, булькающее ощущение наполнило Сэма, как будто он стал жидкостью, через которую пропустили ток.

Глядя назад зрением демона, который мог видеть во всех направлениях, Сэм увидел Пламайдсу уже так далеко, что его, казалось, можно было обрамить и повесить на стену, как картину. На высоком холме в центре города дворец Видегхи обрушился, и гигантские вспышки света, как стрелы молний, пущенные в обратную сторону, вылетали в небо из развалин.

— Вот тебе ответ, Тарака, — сказал Сиддхарта. — Полетишь обратно и снова будешь проверять его силу?

— Я должен был узнать, — ответил демон.

— Позволь мне предупредить тебя еще раз. Я не шутил, когда сказал, что он может видеть самый дальний горизонт. Если он скоро освободится и поглядит в этом направлении, он заметит нас. Не думаю, что ты можешь лететь быстрее света, так что советую тебе лететь ниже и пользоваться землей для укрытия.

— Я сделаю нас невидимыми, Сэм.

— Глаза Агни видят глубже в красном и дальше в фиолетовом, чем люди.

Они стали быстро терять высоту. Сэм увидел перед останками дворца Видегхи на серном холме облако пыли.

С быстротой урагана они неслись далеко на север, пока,

наконец, горы Ратнагарис не оказались под ними. Подлетев к горе Шенна, они проплыли мимо ее пика и приземлились на уступе перед открытым входом в Адский Колодец.

Они шагнули внутрь и закрыли за собой дверь.

— Преследование будет продолжаться, — сказал Сэм, — и даже Адский Колодец не устоит против него.

— Они, видимо, уверены в собственной мощи, раз послали только одного, — сказал Тарака.

— Ты считаешь, что эта уверенность неоправдана?

— Нет, — сказал Тарака. — А как насчет Существа в Красном, о котором ты говорил, что он выпивает жизнь глазами? Ты не думаешь, что следовало послать не Агни, а Бога Яму?

— Да, — сказал Сэм, когда они двинулись к колодцу, — я уверен, что он пошел бы, и я чувствую, что он этого хочет. Когда мы виделись в последний раз, я причинил ему кое-какие неприятности. Я чувствую, что он будет охотиться за мной всюду. Кто знает, может, он уже лежит в засаде на дне Адского Колодца.

Они дошли до края колодца и ступили на выступ.

— Он не ждет там, — возразил Тарака. — Если бы кто-нибудь, кроме Ракшаса, прошел этим путем, со мной уже вошли бы в контакт ожидающие в заточении.

— Он придет, — сказал Сэм. — А когда Красный пойдет в Адский Колодец, его никто не остановит.

— Но многие будут пытаться, — сказал Тарака. — Вот первый.

Первый огонь появился в виду, в нише рядом с выступом.

Проходя мимо, Сэм освободил его, и он взвился в воздух, как яркая птица, и по спирали пошел вниз.

Шаг за шагом они спускались, и из каждой ниши выскакивал огонек и улетал. Некоторые, по приказу Тараки, поднялись и исчезли за краем колодца, за мощной дверью, на внешней стороне которой были написаны слова Богов.

Дойдя до дна колодца, Тарака сказал:

— Давай освободим и тех, кто заперт в пещерах.

Они прошли через проходы в глубокие пещеры и освободили запертых там демонов.

Затем, через какое-то время — через какое-то, сам Сэм не мог сказать — все демоны были освобождены.

Ракшас собрал их в пещере. Они стояли бесконечными огненными рядами, и крики их слились в одну звенящую ноту, которая каталась и билась в голове Сэма, пока он не понял, к своему изумлению, что они поют.

— Да, — сказал Тарака, — они поют впервые за много веков.

Сэм слушал вибрацию в своем черепе, стараясь схватить что-то значимое в свисте и вспышках, и ощутил это как аккомпанемент к словам, более привычным его мозгу:

Мы — легионы Адского Колодца,
Осужденные, изгнанные создания падшего огня.
Мы — раса, погубленная человеком,
И мы проклинали человека. Забудем его имя!
Этот мир был нашим до прихода Богов,
До появления человеческой расы.
И когда люди и Боги исчезнут,
Этот мир снова будет нашим.
Горы обрушатся, океаны высохнут,
Луны исчезнут с неба,
Мост Богов упадет,
И в один день умрет всякое дыхание.
Но мы, из Адского Колодца, возьмем верх,
Когда падут люди и Боги.
Легионы осужденных не умрут.
Мы ждем, и мы поднимемся снова!

Сэма охватила дрожь, когда они пели снова и снова, рассказывая о своей былой славе, уверенные в своей способности пережить любые обстоятельства, встретить любую силу космическим боевым искусством удара, рывка и долгого ожидания, следить за тем, чтобы все, чего они не одобряют, обратило свою силу против себя же и пропало. В этот момент он почти готов был поверить, что вся их песня — правда, и что когда-нибудь только одни Ракшасы заполнят мертвый мир.

Затем он переключился мыслями на другие дела и отогнал от себя это настроение. Но на следующий день, и даже через несколько лет оно иногда возвращалось, чтобы портить его усилия, насмехаться над его радостью, заставлять его задумываться, сознавать свою вину, чувствовать печаль и унижение.

* * *

Через некоторое время один из улетевших демонов вернулся и спустился в колодец. Он повис в воздухе и сообщил, что видел. Пока он рассказывал, его пламя приняло крестообразную форму буквы «тау».

— Колесница такой формы, — сказал он, — пронеслась через небо и упала в долину за Южным пиком.

— Связующий, ты знаешь этот корабль?— спросил Тарака.

— Я слышал это описание и раньше, — сказал Сэм. — Это громовая колесница Бога Шивы. Опиши тех, кто в ней был, — обратился он к демону.

— Там было четверо, Господин.

— Четверо?

— Да. Там был тот, кого ты называл Агни, Бог Огня. Другой с бычьими рогами на полированном шлеме; броня его похожа на старинную бронзу, но это не бронза; она сделана как бы из множества змей, и когда он движется, она вроде бы ничего не весит. В одной руке его сверкающий трезубец, но счита перед собой он не несет.

— Это Шива, — сказал Сэм.

— И с ним еще двое, в красном, и взгляд у них темный. Один молчит, но время от времени бросает взгляд на женщину рядом с ним, слева. Она прекрасна видом и волосами, и ее броня красная, как и у него. Глаза ее — как море, а улыбающиеся губы цвета человеческой крови. На шее ее ожерелье из черепов. При ней лук, а за поясом короткий меч. В руках она держит странный инструмент, вроде черного скипетра с серебряным черепом на конце; череп этот также и колесо.

— Эти двое — Яма и Кали, — сказал Сэм. — Теперь слушай меня, Тарака, могущественнейший из Ракшасов, я скажу тебе, что надвигается на нас. Силу Агни ты хорошо знаешь, о Красном я тебе уже говорил. Та, что идет слева от Смерти, тоже выпивает взглядом жизнь. Ее скипетр-колесо вопит, как трубы, сигнализирующие окончание Юги, и всякий, кто услышит этот вопль, падает и теряет сознание. Она много страшнее своего Господина, а он безжалостен и непобедим. Тот, что с трезубцем — сам Бог Разрушения. Это правда, что Яма — Бог Смерти, а Агни — Повелитель Пламени, но сила Шивы — это сила хаоса. Его сила отделяет один атом от другого, разрушает формы всех вещей, на которые он направит ее. Против этих четверых вся освобожденная мощь Адского Колодца не может выстоять, так что давай немедленно покинем это место, потому что они наверняка идут сюда.

— Разве я не обещал тебе, Связующий, помогать тебе в битве с Богами?

— Да, но я говорил тебе о неожиданном нападении. А теперь они приняли свой аспект и подняли свои атрибуты. Даже не высаживая громовую колесницу, они могут решить, что Шенна не будет больше существовать, и тогда вместо этой го-

ры на севере Ратнагарис появится глубокий кратер. Мы должны улететь, а сражаться с ними будем в другой раз.

— Ты помнишь проклятие Будды? — спросил Тарака. — Помнишь, как ты поучал меня насчет вины, Сиддхарта? Я помню и чувствую, что должен дать тебе эту победу. Я кое-что должен тебе за твои страдания, и я в уплату отдам этих Богов в твои руки.

— Нет! Это ты сделаешь в другой раз, если вообще хочешь служить мне! А сейчас послужи мне тем, что унесешь меня отсюда подальше и побыстрее!

— Ты боишься этой схватки, Повелитель Сиддхарта?

— Да, боюсь! Потому что это безрассудно! Как там в вашей песне: «Мы ждем, мы ждем, чтобы подняться снова»? Где же терпение Ракшасов? Вы говорите, что будете ждать, пока океаны высохнут и горы обвалятся, и луны исчезнут с неба — а ты не можешь подождать, покуда я назову время и место битвы! Я знаю этих Богов куда лучше, чем ты, потому что когда-то сам был одним из них. Не делай сейчас этого необдуманного шага. Если хочешь послужить мне — избавь меня от этой встречи!

— Прекрасно. Я выслушал тебя, Сиддхарта. Твои слова тронули меня, Сэм. Но я должен испытать их силу. Я вышлю против них несколько Ракшасов. А мы с тобой уйдем далеко вниз, к корням мира. Там мы будем ожидать рапорта о победе. Если же Ракшасы каким-то образом проиграют стычку, тогда я унесу тебя далеко отсюда и верну тебе твое тело. Я хочу поносить его еще несколько часов, чтобы вкусить твои страсти в этой битве.

Сэм наклонил голову.

— Аминь, — сказал он и по ощущениям звона и бульканья понял, что его подняли с пола и понесли по обширным пещерам, которых никто из людей не видел.

* * *

Пока они неслись из одной пещеры в другую под туннелями, ущельями и стенами, через лабиринты, гроты и каменные коридоры, Сэм пустил свой мозг по течению, назад по путям памяти. Он думал о временах своего недавнего пастырства, когда он пытался привить учение Гаутамы к стволу религии, которая правила миром. Он думал о странном человеке — Сугате, руки которого несли и смерть, и благословение. Через много лет их имена всплывут вновь, и дела их, вероятно, смешаются. Он жил достаточно долго и знал, как время перемешивает все в котле легенд. Теперь Сэм знал, что Сугата был

настоящим Буддой. Учение, которое Сэм, пусть притворно, предлагал, привлекло этого истинно верующего человека, который каким-то образом добился просветления, запал в мозг людей своей святостью, а затем добровольно погиб в руках самой Смерти. Татхагата и Сугата будут частью одной легенды, и Татхагата будет сиять в свете, исходящем от его ученика. Только одна Дхарма переживет века. Затем мысли Сэма перекинулись на битву в Зале Кармы и к машинам, все еще хранящимся в тайном месте. Он подумал о бесчисленных переселениях души, которым он подвергался до сих пор, о битвах, в которых он участвовал, о женщинах, которых любил за прошедшие века; он думал о мире, каким он должен быть, и каким был, и почему. И его охватила ярость против Богов. Он думал о тех днях, когда горсточка их сражалась с Ракшасами, Гандхарвами и Морским Народом, с демонами Катапутны и Матерями Страшного Жара, с Дайтьями и Претами, со Скандой и Пишачей — и победила, вырвала мир из хаоса и построила первый человеческий город. Он видел, как этот Город проходил все стадии, которые может пройти Город, пока не оказался населенным теми, что сами могли превратиться в Богов, приняв на себя аспект, усиливающий их тела, укрепляющий волю и дотягивающий силу их желаний до атрибутов, что падают, как магическая сила, на тех, против кого повернуты. Он думал об этом Городе и об этих Богах, и он знал их красоту и справедливость, их уродство и несправедливость. Он думал о их пышности и красках, контрастирующих с остальным миром, и плакал от ярости, ибо знал, что никогда не почувствует ни настоящей правоты, ни настоящей ошибочности в противостоянии этому. Вот почему он ждал так долго и ничего не предпринимал. А теперь, будет ли у него победа или поражение, удача или провал, будет ли в результате всех его действий смерть или продолжение мечты о Городе — все равно тяжесть вины останется с ним.

Они ждали в темноте.

Они ждали долго и молча. Время плелось, как старик, взбирающийся на холм.

Они стояли на выступе, окружавшем черный водоем, и ждали.

— Услышим ли мы?

— Возможно. А может, нет.

— Что мы будем делать?

— Что ты имеешь в виду?

— Если они вообще не придут? Долго ли мы будем ждать здесь?

— Они придут с пением.

— Надеюсь.

Но не было ни пения, ни движения. Вокруг них было безмолвие времени, не имеющего предметов, которые можно изнашивать.

— Сколько времени мы ждем?

— Не знаю. Долго.

— Чувствую, что дело плохо.

— Может, ты и прав. Не подняться ли нам на несколько уровней и проверить? Или мне сразу же отнести тебя на свободу?

— Давай подождем еще.

— Ладно.

И снова тишина.

— Что это?

— Что?

— Звук.

— Я ничего не слышу, а мы пользуемся одними ушами.

— Не телесными ушами... Вот опять!

— Я ничего не слышу, Тарака.

— Звук продолжается. Похоже на визг, но он не прерывается.

— Далеко?

— Да, порядочно. Послушай моим способом.

— Да! Я уверен, что это скипетр Кали. Значит, сражение продолжается.

— Так долго? Значит, Боги сильнее, чем я предполагал.

— Нет, это Ракшасы сильнее, чем я предполагал.

— Выиграем мы или проиграем, Сиддхарта, Боги некоторое время будут заняты. Если мы сможем пройти мимо них, может, их корабль не охраняется... Ты хотел бы этого.

— Украсть громовую колесницу? Это мысль... Она ведь не только транспорт, но и мощное оружие. Каковы наши шансы?

— Я уверен, что Ракшасы могут задержать их на необходимое время — а подниматься из Адского колодца долго. Мы не сможем воспользоваться выступом. Я очень устал, но все-таки смогу удержать нас в воздухе.

— Давай поднимемся на несколько уровней и посмотрим.

Они оставили свой выступ у черного водоема, и время снова билось вокруг них, когда они взлетели наверх. Пока они поднимались, навстречу им вылетел светящийся шар. Он опустился на пол пещеры и превратился в дерево зеленого огня.

— Как идет сражение? — спросил Тарака.

— Мы удерживаем их, — ответил огонь, — но не можем подойти к ним близко.

— Почему?

— Вокруг них что-то, что отталкивает нас. Я не знаю, как это назвать, но мы не можем подойти достаточно близко.

— Тогда как же вы сражаетесь?

— Вокруг них бушует каменный шторм. Мы также крутим огонь, воду и сильный ветер.

— Как они отвечают на это?

— Трезубец Шивы прорезает тропу через все. Но как бы много он ни разрушал, мы поднимаем против него еще больше. Так что он стоит, как статуя, уничтожая штормы, а мы не даем им кончиться. Время от времени он отвлекается, чтобы убивать, в то время как Бог Огня сдерживает нападение. Скипетр Богини замедляет действия тех, кто оказывается напротив него. А замешкавшийся встречает трезубец или руку, либо глаза смерти.

— И вам не удалось повредить им?

— Нет.

— Где они стоят?

— Они медленно спускаются по стене колодца и пока еще недалеко от вершины.

— Сколько мы потеряли?

— Восемнадцать.

— Значит, это была ошибка — кончить наше ожидание и начать битву. Цена высока, а выигрыша никакого. Сэм, ты желаешь попытаться насчет колесницы?

— Стоило бы рискнуть... Да, давай попробуем.

— Пошли. — Тарака обернулся к качающемуся перед ним Ракшасу. — Иди, а мы будем медленно подниматься. Мы поднимемся по противоположной от них стороне колодца. Когда мы начнем подъем, удвойте атаку. Займите их полностью, пока мы проходим мимо них. Удерживайте их столько времени, сколько будет необходимо нам, чтобы захватить их колесницу в долине. Когда это будет сделано, я вернусь к вам в своей истинной форме, и мы положим конец сражению.

— Повинуюсь, — ответил демон, упав на пол, став зеленой змеей света и пополз от них.

Они ринулись вперед и часть пути пробежали, чтобы сбросить силу Тараки для последнего необходимого броска — преодоления гравитации.

Они находились глубоко под Ратнагарис, и обратное путешествие казалось бесконечным.

Но, наконец, они оказались на дне колодца; света там бы-

ло достаточно даже для телесных глаз. Сэм отчетливо видел все вокруг. Вокруг стоял оглушающий шум. Если бы Сэм и Тарака обращались при помощи речи, то общения не было бы вовсе.

На стене колодца расцвело пламя, подобное фантастической орхидеи на эбеновом сучке. Когда Агни махал жезлом, пламя, корчась, изменяло форму. В воздухе носились Ракшасы, как яркие насекомые. Грохот происходил как от порывов ветра, так и от падения множества камней. И все это перекрывалось завыванием черепа-колеса, которым Кали махала перед собой, как веером, и звук этот был еще более ужасным, когда переходил в визг и превышал порог слышимости. Скалы расщеплялись, плавились и растворялись в воздухе; их раскаленные добела куски разлетались, как искры с наковальни, и падали вниз. Они прыгали и катились, сверкая красным в теньях Адского колодца. Стены колодца были в оспинах, выбоинах и зарубках в тех местах, где их касалось пламя и хаос.

— Ну, — сказал Тарака, — идем.

Они поднялись в воздух и двинулись вдоль стены колодца. Сила атаки Ракшасов возросла, но и противодействие — усилилось. Сэм зажал уши ладонями, но это не спасало от обжигающих игл в голове, шевелящихся всякий раз, когда серебряный череп направлялся в его сторону. Недалеко от него сразу исчезла целая секция скалы.

— Они не заметили нас, — сказал Тарака.

— Пока да, — ответил Сэм. — Этот проклятый Бог Огня может увидеть песчинку в море чернил. Если он повернется в нашу сторону, ты, надеюсь, сумеешь увернуться...

— Вот так? — спросил Тарака, когда они внезапно рванули футов на сорок вверх и немного влево.

Теперь они поднимались быстро, и линия плавающей скалы преследовала их. Затем их путь замедлился, когда демоны подняли вой, отрывали гигантские валуны и швыряли их в Богов под аккомпанемент ураганов и широких полос огня.

Они достигли вершины колодца, перебрались через край и стремительно понеслись прочь от места боя.

— Теперь нам придется бежать кругом, чтобы достигнуть коридора, ведущего к двери.

Из колодца вылетел Ракшас и бросился к ним.

— Они отступают! — закричал он. — Богиня упала. Бог в красном подхватил ее и поддерживает, пока они летят!

— Они не отступают, — сказал Тарака, — они отрезают нас! Блокируйте им путь! Разружьте выступ! Быстро!

Ракшас, как метеор, упал в колодец.

— Связующий, я очень устал. Не знаю, смогу ли нести нас от внешнего выступа весь путь до земли внизу.

— А часть пути сможешь?

— Да.

— Первые триста футов, там, где тропа очень узка?

— Думаю, да.

— Хорошо!

И они побежали.

Когда они огибали Адский Колодец, появился второй Ракшас и полетел рядом с ними.

— Рапортую! — крикнул он. — Мы дважды разрушали выступ, но каждый раз Бог Огня выжигал новый!

— Больше ничего сделать нельзя. Теперь оставайся с нами! Нам понадобится твоя помощь в другом деле.

Демон полетел впереди. Полоса малинового света освещала им путь.

Они обогнули колодец и вступили в коридор. Дойдя до его конца, распахнули дверь и шагнули на выступ. Ракшас, бывший впереди, захлопнул за ними дверь, сказав:

— Они продолжают!

Сэм шагнул через выступ. В тот же миг дверь вспыхнула, а затем расплавилась.

С помощью второго Ракшаса они спустились к подножию Шенны и пошли по тропе вокруг склона. Теперь гора защищала их от Богов. По ней на мгновение хлестнуло пламя.

Второй Ракшас взлетел высоко в воздух, покружился и исчез.

Они бежали по тропе к долине, где стояла колесница. Когда они уже подбегали к ней, Ракшас вернулся.

— Кали, Яма и Агни спускаются, — доложил он. — Шива остался сзади удерживать коридор. Агни ведет преследование. Яма помогает хромающей Богине.

В долине перед ними стояла громовая колесница. Гладкая, без украшений, цвета бронзы, хотя это была и не бронза. Она стояла на широкой травянистой поляне и была похожа на упавшую молитвенную башню или на ключ от гигантского дома, или на какую-то необходимую часть небесного музыкального инструмента, выскользнувшего из созвездия и упавшего на землю. Колесница почему-то выглядела незаконченной, хотя глаз и не мог найти никакого изъяна в ее линиях. Она была прекрасна той особой красотой, которая свойственна оружию высшего порядка, и требовала функций, которые сделают ее совершенной.

Сэм подошел к ней, нашел люк и открыл его.

— Ты можешь управлять этой колесницей, Связующий? — спросил Тарака. — Поднять ее в небо и сеять разрушение по стране?

— Я уверен, что Яма поставил тут самое простое управление. Он упрощает, где только может. Я летал раньше на реактивных двигателях Неба, и думаю, что этот того же порядка.

Он нырнул в кабину, сел на сиденье водителя и начал изучать панель управления.

— Черт побери! — сказал он. — Его рука потянулась вперед и одернулась.

Неожиданно появился Ракшас, пройдя сквозь металлическую стенку кабины, и зависнув над консолью.

— Боги движутся быстро, — возвестил он. — особенно Агни.

Сэм шелкнул серией выключателей и нажал кнопку. Над пультом вспыхнул свет и послышалось жужжание.

— Далеко он? — спросил Тарака.

— Почти на половине пути вниз. Он расширил тропу огнем и теперь бежит по ней как по шоссе, сжигая на своем пути все препятствия.

Сэм потянул рычаг и проверил шкалу, читая индикаторы. По кораблю прошла дрожь.

— Ты готов? — спросил Тарака.

— Греется. Не могу охладить. Этот бортовой механизм хитрее, чем я думал.

— А погоня близка.

— Да.

Издалека донеслись звуки нескольких взрывов, заглушивших шум колесницы. Сэм подвинул рычаг управления на другую отметку и снова уставился на шкалу.

— Я пойду и попытаюсь замедлить их приближение, — сказал Ракшас и исчез.

Сэм передвинул рычаг на две отметки дальше; что-то зашипело и умерло. Корабль снова стал безмолвным.

Сэм вернул рычаг в первоначальное положение, повернул циферблат и снова нажал кнопку.

Снова по колеснице пробежала дрожь, где-то послышалось мурлыканье. Сэм подвинул рычаг на одно деление шкалы и зафиксировал. Через минуту повторил, и мурлыканье перешло в мягкое ворчание.

— Пропал, — сказал Тарака. — Умер.

— Кто?

— Тот, кто хотел остановить Бога Пламени. Не удалось.

Послышались новые взрывы.

— Адский Колодец уничтожен, — сказал Тарака.

Сэм ждал, положив руку на рычаг. На его лбу выступил пот.

— Вот он — Агни!

Сэм взглянул сквозь наклонную щитовую пластину. Бог пламени вошел в долину.

— Прощай, Сиддхарта.

— Еще нет, — сказал Сэм.

Агни взглянул на колесницу и поднял жезл.

Ничего не случилось.

Агни постоял, направив жезл, затем опустил его, потряс. Снова поднял.

Но пламя опять не вышло.

Он закинул левую руку за шею и что-то поправил. Пока он это делал, из жезла выскочил свет и прожег глубокую дыру в земле рядом с ним.

Агни снова направил жезл.

Ничего.

Тогда он побежал к кораблю.

— Электрическое управление? — спросил Тарака.

— Да.

Сэм нажал на рычаг, настроил шкалу. Вокруг поднялся рев. Он нажал другую кнопку, и в задней части корабля слышался треск. Он тронул циферблат, но тут к люку подошел Агни.

Вспышка огня и звон металла.

Сэм встал с сиденья и вышел из кабины в коридор.

Агни вошел и указал на жезл.

— Не двигаться! Сэм! Демон! — крикнул он, перекрывая рев машин; его очки стали красными, и он улыбнулся. — Демон, не двигайся, иначе сгоришь вместе со своим хозяином!

Сэм кинулся на него. Агни упал, — он не ожидал нападения.

— Короткое замыкание, а? — сказал Сэм, хватая Агни за горло. — Или пятна на солнце? — И он ударил Агни в висок.

Агни завалился на бок, и Сэм нанес ему завершающий удар ребром ладони над ключицей.

Он отшвырнул ногой жезл в коридор, но, подойдя к люку, понял, что уже поздно.

— Уходи теперь, Тарака, — сказал он. — Здесь моя битва. Ты больше ничего не сможешь сделать.

— Я обещал тебе свою помощь.

— Теперь ты не можешь помочь. Уходи, пока еще можешь.

— Ну, раз ты хочешь... Но я хочу сказать тебе одну вещь...

— Брось! В следующий раз, когда я буду по соседству...

— Связующий, это та вещь, которой я научился от тебя. Мне очень жаль... Прости меня... я...

Страшный рывок, ощущение скручивания тела и мозга, когда смертельный взгляд Ямы упал на Сэма и проник глубже в его сущность.

Кали тоже смотрела в его глаза, подняв свой воющий скипетр. Это было как подъем одной тени и падение другой.

— Прощай, Связующий, — пронеслось в его мозгу.

Затем завизжал череп.

Сэм почувствовал, что падает.

* * *

Вибрация.

В его голове и всюду вокруг него.

Он проснулся в вибрации. Он чувствовал, что боль окутала его, как бинтом.

На запястьях и лодыжках цепи.

Он полусидел на полу маленького помещения. В дверях сидел и курил Красный.

Яма кивнул ему, но ничего не сказал.

— Почему я еще жив? — спросил его Сэм.

— Ты жив, чтобы принять назначение, сделанное много лет тому назад в Махартхе, — сказал Яма. — Брама очень желает снова увидеть тебя.

— Но я не очень желаю видеть Брамму.

— После стольких лет это заметно.

— Я вижу, ты благополучно выбрался из песка.

Яма улыбнулся.

— Ты опасный мужик, — сказал он.

— Знаю. Я практик.

— Однако я подпортил тебе дело.

— К несчастью, да.

— Возможно, тебе удастся возместить свои потери. Мы на полпути к Небу.

— Ты думаешь, у меня есть шанс?

— Пожалуй. Времена меняются. Брама, может быть, станет на этой неделе снисходительным Богом.

— Мой бывший лекарь говорил мне, что надо рассчитывать на крайние случаи.

Яма пожал плечами.

— А что с демоном?— спросил Сэм. — С тем, что был со мной?

— Я коснулся его, — сказал Яма. — Крепко. Не знаю, покончил я с ним или просто сбросил. Но ты насчет этого не беспокойся: я обрызгал тебя демонским репеллентом. Если этот демон все еще жив, то пройдет много времени, прежде чем он оправится от нашего контакта. Если вообще оправится. Как это вообще вышло? Я думал, что у тебя иммунитет против демонского захвата.

— Я тоже так думал. А что за демонский репеллент?

— Я нашел химическое вещество, безвредное для нас, но против которого не может устоять ни одно энергетическое существо.

— Полезная вещь. Вот бы пользоваться им в дни Заключения!

— Да. Мы применили его в Адском Колодце.

— Это было настоящее побоище, насколько я мог видеть.

— Да, — сказал Яма. — А на что это похоже — захват демоном? Каково ощущение, когда чужая воля довлеет над тобой?

— Очень странное, — сказал Сэм, — и пугающее, но одновременно воспитывающее.

— В каком смысле?

— Первоначально это был их мир. Мы его у них отняли. И их же возненавидели. Для них мы — демоны.

— На что похоже это ощущение?

— Что твоя воля захвачена другой? Ты должен это знать.

Улыбка Ямы исчезла, но затем вернулась снова.

— Ты хочешь, чтобы я ударил тебя, не так ли, Будда? Это дало бы тебе чувство превосходства. К несчастью, я не садист и не сделаю этого.

Сэм засмеялся.

— Тебя задело, Смерть.

Некоторое время они сидели молча.

— Не поделишься со мной сигаретой?

Яма зажег сигарету и протянул Сэму.

— Как выглядит сейчас Первая База?

— Ты вряд ли ее узнаешь, — сказал Яма. — Если бы в данный момент все там умерли, она бы осталась в идеальном порядке еще десять тысяч лет. Цветы будут цвести, музыка — играть, фонтаны будут рвать всеми цветами радуги. В садовых павильонах будет стоять горячая еда. Сам по себе город бессмертен.

— Подходящее жилище, я полагаю, для тех, кто называет себя Богом.

— Называет? — переспросил Яма. — Ты ошибаешься, Сэм. Божественность — не только название; это условие существования. Бог не потому Бог, что он бессмертен — ведь даже последний работяга может получить непрерывность существования. И это не обусловленность аспекта. Нет. Любой компетентный гипнотизер может играть с собственным обликом. И дело не в принятии атрибута. Тоже нет. Я могу сконструировать машины более мощные и точные, чем любая способность, могущая развиваться у человека. Быть Богом — это качество бытия, способность быть самим собой в такой мере, что его страсти соответствуют силам вселенной, и те, кто смотрит на него, понимают это, даже не слыша имени. Один древний поэт сказал, что мир полон откликов и соответствий. Другой написал большую поэму об аде, где каждому уготована та мука, которая соответствует силам природы, управлявшими его жизнью. Быть Богом — значит быть способным осознать в себе то, что важно, а затем бить в одну точку, чтобы привести это важное в одну линию со всем существующим. Затем, за пределами морали, логики и эстетики, Бог есть ветер или огонь, море, горы, дождь, солнце или звезды, полет стрелы, конец дня, любовные объятия. Бог правит через свои преобладающие страсти. И те, кто смотрит на Богов, говорят, даже не зная их имен: «Он — Огонь». «Она — Танец». «Он — Разрушение». «Она — Любовь». Итак, отвечаю на твое замечание: они не называют себя Богами; Богами их называют все остальные, все, кто видит их.

— Итак, они играют это на своих фашистских банджо?

— Ты выбрал неудачное прилагательное.

— Все остальные ты уже использовал.

— Похоже, что наши мысли по этому поводу никогда не совпадут.

— Если кто-то спрашивает тебя, зачем ты угнетаешь мир, а ты отвечаешь кучей поэтического вздора — тогда, конечно, нет. Думаю, что тут мысли просто не могут совпасть.

— Тогда давай выберем другую тему для разговора.

— Однако я видел тебя и сказал: «Он — Смерть».

Яма не ответил.

— Странная, преобладающая страсть. Я слышал, что ты стал старым до того, как был молодым.

— Ты знаешь, что это правда.

— Ты был замечательным механиком и оружейным мастером. Твоя юность сгорела во взрыве, и ты в тот же день стал

стариком. Не в этот ли день смерть стала твоей главной страстью? Или это было раньше? Или позднее?

— Неважно, — сказал Яма.

— Почему ты служишь Богам? Потому что веришь в то, что сказал мне, или потому, что ненавидишь большую часть человечества?

— Я не солгал тебе.

— Значит, Смерть — идеалист. Забавно.

— Вовсе нет.

— А может быть, Бог Яма, что ни одна из этих догадок неверна? Что твоя главная страсть...

— Ты уже упоминал ее имя, — сказал Яма, — в такой же речи, и сравнивал ее с болезнью. Ты и тогда был неправ, и сейчас заблуждаешься. Я не хочу слушать эту проповедь еще раз и, поскольку я сейчас не вzybучем песке, я и не буду слушать.

— Ладно, — сказал Сэм. — Но скажи, главные страсти Богов когда-нибудь меняются?

Яма улыбнулся.

— Богиня танца была Богом войны. Похоже, что все может меняться.

— Когда я умру реальной смертью, — сказал Сэм, — тогда я, наверное, изменюсь. Но до того момента я буду ненавидеть Небо. Ненавидеть до последнего вздоха. Если Брама сожжет меня, я буду плевать в пламя. Если он меня задушит, я буду пытаться кусать его руки. Если он перережет мне глотку, может быть, его клинок заржавеет от моей крови. Это тоже — главная страсть?

— Ты — хороший Бог материи, — сказал Яма.

— Хороший Бог!

— Прежде чем что-то случится, — сказал Яма, — я получил заверение, что тебе позволят присутствовать на свадьбе.

— На свадьбе? Твоей и Кали? Скоро?

— Когда меньшая луна будет полной. Поэтому, что бы там Брама ни решил, я, по крайней мере, могу поставить тебе выпивку, прежде, чем что-то произойдет.

— За это спасибо, Бог Смерти. Но я всегда считал, что свадеб на Небе не бывает.

— Эту традицию собираются ломать, — ответил Яма. — Нет более проклятой традиции.

— Тогда — желаю счастья.

Яма кивнул, зевнул и снова закурил.

— Кстати, — сказал Сэм, — какова последняя мода в небесных казнях? Я спрашиваю в чисто информативных целях.

— Казни на Небе не совершаются.

Из Адского Колодца он пошел на Небо, чтобы объединиться с Богами. Небесный Город содержит многие тайны, в том числе и кое-что из прошлого. Известно далеко не все, что случилось за то время, пока он пребывал там. Однако известно, что он ходатайствовал перед Богами в интересах планеты, приобрел симпатии одних и вражду других. Если бы он предпочел предать человечество и принять предложения Богов, то он, как некоторые говорили, мог бы жить вечно, как Хозяин Города, и не встретил бы смерть в когтях призрачных кошек Канибурхи. Правда, клеветники говорили, что он принял эти предложения, но позднее выдал сам себя, вернувшись в своих симпатиях к страдающему человечеству до конца своих дней, которых осталось очень мало...

Опоясанная молниями, несущая знамя,
вооруженная мечом, колесом, луком,
защитница, обманщица, ясная,
любящая и любимая,
Брахмани, Мать Вед, живущая
в тишине в самых тайных местах,
связующая доброе и спокойное,
всезнающая, быстрая, как мысль,
носительница черепов,
обладающая властью, сумерками,
непобедимый вождь, сострадательная,
открывающая путь потерянному,
умоляющим о милости,
учитель, доблесть в образе женщины,
изменчивая сердцем, суровая,
волшебница, пария, бессмертная и вечная...

Ариатаррабхаттарикианамасхтоттарасатакастотра (26-40)

В то время, как часто бывало и в прошлом, ее снежный мех был приглажен ветром.

Она шла там, где колыхалась лимонного цвета трава. Она шла по извилистой тропе под темными деревьями и цветами джунглей, и яшмовые утесы поднимались направо, прожилки молочно-белого камня, простреленные оранжевыми полосками, открывались ей.

Затем, как часто бывало и раньше, она шла на мягких подушечках лап, ветер гладил ее белый, как мрамор, мех, и десять тысяч ароматов джунглей и равнины окружали ее здесь, в сумерках места, которое существовало лишь наполовину.

Она шла одна по не имевшей возраста тропе через джунгли, которые были частично иллюзией. Белый тигр — одинокий охотник. Если другие идут тем же курсом, никто из них не смеет составить ему компанию.

Затем, как это бывало и раньше, она взглянула вверх, на гладкую серую оболочку неба и на звезды, что блестели там, как чешуйки льда. Ее серповидные глаза широко раскрылись, она остановилась и села, глядя на небо.

За кем она охотилась?

Низкий звук, вроде хихиканья, перешедшего в кашель, вырвался из ее горла. Она внезапно прыгнула на высокий камень и села там, вылизывая плечи. Когда показалась луна, она стала следить за луной. Она казалась статусей, вылепленной из таящего снега, под ее бровями играло топазовое пламя.

Затем, как и раньше, она подумала, в настоящих ли джунглях Канибурхи она сидит. Она чувствовала, что она все еще в границах настоящего леса.

За кем она охотится?

Небо находится над плато, которое когда-то было горной грядой. Эти горы были расплавлены и сглажены, чтобы сделать ровную основу. С зеленого юга была принесена почва, чтобы эта голая структура была покрыта растительностью. Все пространство прикрыв прозрачный купол, защищающий от полярного ветра и от прочих нежелательных проникновений внутрь.

Небо нависло, высокое и сдержанное, и радовалось долгим сумеркам и долгим ленивым дням. Свежий воздух, нагретый, когда его втягивали внутрь, циркулировал по Городу и лесу. В самом куполе можно было генерировать облака. Из них вызывали сильный дождь, который падал почти на все пространство. Таким же способом можно было вызвать и снегопад, но этого никогда не делалось. На Небе всегда было лето.

В небесном лете стоял Небесный Город.

Небесный Город рос не так, как растут города людей — вокруг порта, или возле хорошей пахотной земли, пастбищ, охотничьих угодий, торговых путей или районов, богатых теми или иными природными ресурсами, нужными людям. Небесный Город возник из концепции в умах его первых жителей. Растительность его не растет медленно и как попало, не строят здания — здесь, а новую дорогу — там, не ломают один дом, чтобы дать место другому, не соединяют все части в одно неправильное и разнородное целое. Нет. Каждое полезное требование обсуждалось, каждый дюйм великолепия рассчитывался первыми планировщиками и увеличивающими

чертеж машинами. Эти планы были скоординированы и осуществлены несравненным архитектором-художником.

Вишну, Охраняющий, держал в своем мозгу весь Небесный Город до того дня, когда он повернул шпиль высотой в милю на спине Птицы-Гаруды книзу, и Город был полностью захвачен каплей пота с его лба.

Итак Небо возникло из мысли Бога, эта концепция стимулировалась желаниями его товарищей. Небо заложено было больше по желанию, чем по необходимости, в пустыне льда, снега и камня, на безвременном полюсе мира, где могли создать себе дом только могучие.

(За кем же она охотится?)

Под куполом Неба, рядом с Небесным Городом, был большой лес Канибурха. Вишну в своей мудрости видел, что должно быть равновесие между метрополией и пустыней. В то время как пустыня могла существовать независимо от города, жителям Города требовались для удовольствия не только культурные растения. Если бы весь мир был Городом, рассуждал Вишну, часть его жителей жила бы в пустыне, потому что во всех них есть желание иметь место, где кончается порядок и начинается хаос. Итак, в его мысли вырос лес с могучими ручьями и запахами растительности и разложения, полный криками бесчисленных существ, живущих в темных местах, сжимающихся на ветру и искрящихся в дождь, гибнущих и снова возрождающихся.

Пустыня подошла к краю Города и остановилась. Входить туда было запрещено, и Город охранял свои границы.

Но некоторые из живущих в лесу существ были хищниками, они не признавали пограничных рубежей и входили и выходили по своему желанию. Главными среди них были тигры-альбиносы. Было написано Богами, что кошки-призраки не могут видеть Небесный Город; так что в их глаза, в глазные нервы было заложено понятие, что Города здесь нет. Белые кошки полагали, что мир — это только лес Канибурхи. Они ходили по улицам Неба, и для них это были тропы джунглей. Если Боги, проходя мимо, поглаживали их мех, для кошки это было прикосновение руки ветра. Если они поднимались по широким ступеням — это был каменистый склон. Здания были утесами, статуи — деревьями. Прохожих они просто не видели.

Однако если кто-то из Города вошел бы в настоящий лес — кошка и Бог жили бы тогда на одном уровне существования: дикое место, равновесие.

Она снова кашлянула, как это бывало и раньше, и ее снежный мех пригладил ветер. Она была призрачной кошкой,

она три дня шла по диким местам Канибурхи, убивая и пожирая сырую красную плоть жертвы, вылизывая мех широким, шершавым языком, чувствуя, как на спину ей падает дождь, капает с высоких веток, приходит с грозой из туч, которые чудесным образом скапливаются в центре неба; шла с огнем в пояснице, потому что спаривалась накануне с лавиной мертво-окрашенного меха, чьи когти царапали ее плечи, и запах крови приводил обоих в неистовство. Мурлыкала, когда холодные сумерки сошли на нее и принесли луны, похожи на изменяющиеся полукруги ее глаз, золотую, серебряную и серо-коричневую. Она сидела на камне, лизала лапы и думала, за кем же она охотится.

* * *

В Саду Локапала Лакшми лежала с Куберой, сильным хранителем мира, на душистом ложе, поставленном у бассейна, где купались апсары. Другие трое из Локапала в этот вечер отсутствовали... Апсары со смехом брызгали душистой водой на ложе. Бог Кришна Темный почему-то выбрал именно этот момент, чтобы дунуть в свою свирель. Девушки тут же отвернулись от Куберы-Судьбы и Лакшми-Возлюбленной, положили локти на край бассейна и уставились на Кришну, лежащего между бурдюками с вином и остатками пищи.

Он пробежал пальцами по свирели и извлек одну долгую жалобную ноту и серию козьепоподобного блеяния. Гвари Прекрасная, которую он добрый час раздевал, а потом, по-видимому, забыл, встала, нырнула в бассейн и исчезла в одной из многочисленных пещер. Он икнул, начал одну мелодию, остановился и начал другую.

— Правду ли говорят насчет Кали? — спросила Лакшми.

— Что говорят? — ворчливо спросил Кубера, потянувшись к чаше сомы.

Она взяла чашу из его рук, отпила и вернула ему. Он выпил залпом и поставил чашу на поднос. Слуга снова наполнил ее.

— Что она хочет человеческую жертву для празднования своей свадьбы?

— Возможно, — сказал Кубера. — С нее станется. Кроважадная сука, вот она кто. Вечно переселяется в какое-нибудь злобное животное для праздника. Однажды стала огненным петухом и вцепилась когтями в лицо Ситалы за то, что та что-то сказала.

— Когда?

— Ну... десять или одиннадцать воплощений назад. Си-

тала носила вуаль чертовски долгое время, пока ей готовили новое тело.

— Странная пара, — сказала Лакшми, куснув его за ухо. — Твой друг Яма, наверное, единственный, кто хотел бы любиться с ней. Вдруг она разозлится на своего любовника и бросит на него смертельный взгляд? Кто, кроме Ямы, может это выдержать?

— Никто, — сказал Кубера. — Мы таким образом потеряли Картикею, Бога Сражений.

— Да?

— Угу. Она странная особа. Вроде Ямы, хоть и не похожа на него. Он Бог Смерти, это верно, но он убивает быстро и чисто. А Кали — как кошка.

— Яма когда-нибудь говорил о тех чарах, которыми она его держит?

— Ты пришла сюда собирать сплетни или для чего-то путного?

— И для того, и для другого, — сказала она.

В этот момент Кришна принял свой аспект и поднял атрибут божественного опьянения. Из его свирели полилась горько-темная и кисло-сладкая заразительная мелодия. Опьянение распространялось по саду попеременно то радостными, то печальными волнами. Он встал на гибкие смуглые ноги и начал танцевать. Плоские черты его лица ничего не выражали. Влажные темные волосы лежали тугими кольцами, точно проволока; даже борода была такая же кудрявая. Когда он двинулся, апсары вышли из бассейна и последовали за ним. Его свирель блуждала по тропам древних мелодий и становилась все более и более неистовой, по мере того, как он двигался все быстрее и быстрее, пока, наконец, не сорвался на Раза-Лиля, Танец Вожделения, а его свита, положив руки на бедра, следовала за ним с невероятной скоростью по спиральным извивам танца.

Кубера крепче прижал к себе Лакшми.

— Теперь это — атрибут, — сказала она.

* * *

Рудра Жестокий натянул лук и послал стрелу. Стрела неслась все дальше и дальше и, наконец, успокоилась в центре далекой мишени.

Стоявший рядом с ним Бог Муруган хмыкнул и опустил лук.

— Опять твоя взяла, — сказал он. — Мне этого не побить.

Они ослабили луки и пошли к мишени за стрелами.

— Ты встречался с ним? — спросил Муруган.

— Когда-то, очень давно, я знал его, — ответил Рудра.

— Акселерационист?

— Тогда он им не был. Вообще ничего политического. Он из Первых, из тех, кто смотрел на Уратху.

— Да?

— Он отличился в войнах с Морским Народом и с Матерями Страшного Жара, — Рутра сделал в воздухе знак. — Позднее об этом вспомнили, и он получил назначение на северные марши в войне против демонов. В те дни он был известен как Калкин, а там стал называться Связующим. Он развил атрибут и воспользовался им против демонов. Он уничтожил большую часть Якшей, а Ракшасов связал. Когда Яма и Кали захватили его в Адском Колодце в Мальве, ему уже удалось освободить Ракшасов. Таким образом Ракшасы снова распространились в мире.

— Зачем он сделал это?

— Яма и Агни говорили, что он заключил пакт с главой Ракшасов. Они подозревают, что он предложил этому Ракшасу в аренду свое тело в обмен на обещание, что отряды демонов будут воевать с нами.

— Значит, на нас могут напасть?

— Сомневаюсь. Демоны не дураки. Если они не смогли справиться с четырьмя нашими в Адском Колодце, вряд ли они нападут на всех нас здесь, на Небе. А Яма сейчас в Большом Зале Смерти конструирует абсолютное оружие.

— А где его будущая супруга?

— Кто знает? — ответил Рудра. — Да и кому какое дело?

Муруган улыбнулся.

— Я когда-то думал, что ты сам всерьез влюблен в нее.

— Слишком холодная, слишком насмешливая, — сказал Рудра.

— Она оттолкнула тебя?

Рудра повернул свое темное, никогда не улыбающееся лицо к прекрасному Богу юности.

— Ты плодишь божества хуже, чем марксисты, — сказал он. — Ты думаешь, что все это идет как между людьми. Мы и в самом деле были некоторое время друзьями, но она слишком сурова с друзьями и поэтому теряет их.

— И этим она оттолкнула тебя?

— Полагаю, что так.

— А когда она взяла в любовники Моргана, поэта с равнин, он в один прекрасный день воплотился в джек-птицу и улетел. Ты как раз тогда охотился на джек-птиц, пока твои стрелы не выбили за месяц почти всех их в Небе.

- Я и сейчас охочусь на джек-птиц.
- Зачем?
- Мне не нравится их пение.
- Слишком холодное, слишком насмешливое, — согласился Муруган.
- Я не люблю ничьих насмешек, Бог юности. Можешь ты обогнать стрелы Рудры?
- Муруган снова улыбнулся.
- Нет, — сказал он, — и никто из моих друзей в Локапаласе не мог бы. Да им этого и не надо.
- Когда я принимаю свой аспект, — сказал Рудра, — я беру свой большой лук, данный мне самой Смертью, я посылаю свистящую стрелу за много миль преследовать движущуюся цель, и она поражает насмерть, как удар молнии.
- Давай поговорим о другом, — сказал Муруган. — Я слышал, что наш гость несколько лет назад в Махартхе насмеялся над Брамой и напал на священные места. Как я понимаю, он и есть тот самый, что основал религию мира и просветления.
- Тот самый.
- Интересно.
- Пожалуй.
- Что сделает Брама?
- Рудра пожал плечами.
- Об этом знает только Брама, — ответил он.

* * *

В месте, называемом Брошенным Миром, где за краем Неба нет ничего, кроме далекого мерцания купола, а далеко внизу — пустой земли, скрытой под дымно-белым туманом, стоял открытый со всех сторон Павильон Тишины; на его круглую серую крышу никогда не падал дождь, на его балконах и балюстрадах по утрам клубился туман, а в сумерках гуляли ветры. В пустых комнатах иногда сидели на жесткой темной мебели или прохаживались между серыми колоннами задумчивые Боги, сломленные воины или оскорбленные любовники; они приходили сюда подумать обо всех пагубных или пустячных вещах под небом за Мостом Богов, среди камней, где мало красок и единственный звук — шум ветра. Здесь, вскоре после дней Первых, сидели философ и колдун, мудрец и маг, самоубийца и аскет, свободный от желания нового рождения или обновления. Здесь, в центре отречения и забвения, было пять комнат под названиями Воспоминание, Страх, Разбитое Сердце, Пыль и Отчаяние; и этот павильон был построен Кубсрой-Судьбой, кото-

рый не слишком заботился давать названия любому из этих чувств, но, как друг Бога Калкина, сделал это здание по настоянию Канди Свирепой, иногда известной как Дурга или Кали, потому что он один из всех Богов обладал атрибутом материализовать соответствие и мог облечь работу своих рук в ощущения и страсти, переживаемые теми, кто появлялся тут.

Они сидели в комнате Разбитого Сердца и пили сому, но не пьянели.

Вокруг Павильона тишины сгустились сумерки, и ветры, кружащие по Небу, летели мимо.

Они сидели в черных плащах на темных сидениях. Его руки лежали на ее руках на столе, разделявшем их; гороскопы всех их дней проходили мимо них по стене, отделявшей Небо от небес; они молчали, рассматривая страницы пережитых ими столетий.

— Сэм, — сказала она наконец, — разве они не были хорошими?

— Были, — ответил он.

— И в те давние дни — до того, как ты оставил Небо, чтобы жить среди людей, — ты любил меня?

— Теперь уж и не помню, — сказал он. — Это было очень давно. Мы оба были тогда другими — другие мысли, другие тела. Может быть, те двое, какими бы они ни были, любили друг друга. Но я не помню.

— А я помню весну мира, как будто это было вчера — те дни, когда мы вместе ездили сражаться, и те ночи, когда мы стряхивали звезды со свежесокращенных небес! Мир был такой новый и совсем другой тогда, с затаившейся в каждом цветке угрозой и бомбой за каждым восходом солнца. Мы вместе отбивали мир. Ты и я, потому что ничто, в сущности, не нуждалось в нас здесь, и все сопротивлялось нашему приходу. Мы прорезали и прожигали себе путь по земле и по морям, и мы сражались под морями и под небесами, пока не выбили все, что сопротивлялось нам. Затем были построены города и королевства, и мы возвысили тех, кого мы выбрали, чтобы управлять посредством них, а когда они перестали развлекать нас, мы снова их сбросили. Что знают молодые Боги о тех днях? Могут ли они понять ту власть, которую знали мы — Первые?

— Не могут, — ответил он.

— Когда мы жили в нашем дворце у моря, и я принесла тебе много сыновей, и наш флот завосывал острова, разве не были прекрасны и полны очарования те дни? И ночи с огнем, ароматами и вином? Ты любил меня тогда?

— Я думаю, те двое любили друг друга.

— Те двое? Мы не так уж отличаемся от них. Мы не настолько изменились. Хотя с тех пор прошли века, есть что-то внутри нас, что не меняется, не переделывается, сколько бы тел мы ни сменили, сколько бы любовников ни брали, сколько бы прекрасного и безобразного ни видели и ни делали, сколько бы ни передумали, ни перечувствовали. Сущность наша остается в центре всего этого и наблюдает.

— Разрежь плод — внутри него семя. Это и есть центр? Разрежь семя — в нем нет ничего. Это и есть центр? Мы с тобой совершенно отличны от хозяина и хозяйки сражений. Те двое знали хорошее, но это и все.

— Ты ушел с Неба, потому что устал от меня?

— Я хотел сменить перспективу.

— Долгие годы я ненавидела тебя за твой уход. Было время, когда я сидела в комнате, называемой Отчаяние, но была слишком труслива, чтобы пойти за пределы Брошенного Мира. И было время, когда я простила тебя и умоляла семерых Риши принести мне твоё изображение, чтобы я смотрела на тебя, как будто ты вернулся, как будто мы снова вместе. А однажды я желала твоей смерти, но ты обратил палача в друга, так же как обратил мой гнев в прощение. Ты хочешь сказать, что не чувствуешь ко мне ничего?

— Я хочу сказать, что больше не люблю тебя. Было бы очень приятно, если бы хоть что-то в мире оставалось постоянным и неизменным. Если бы такая вещь была, она была бы сильнее любви, но я такой вещи не знаю.

— Я не изменилась, Сэм.

— Подумай хорошенько, Богиня, над всем, что ты сказала, обо всем, что ты вспомнила обо мне в этот день. На самом деле ты вспомнила не мужчину, а резню, через которую мы с тобой прошли вместе. Теперь мир укрощен, а ты жаждешь былых пожаров и стали. Дело не в мужчине — нас с тобой разделила судьба, это судьба теперь — прошлое, она тревожит твой мозг, и ты называешь это любовью.

— Как бы я ее ни называла, она не изменилась! Ее дни не прошли. Это и есть постоянная вещь в мире, и я зову тебя разделить ее со мной снова!

— А как же Бог Яма?

— А что Яма? Ты имеешь дело с теми, кто считается ему равней, и они еще живы.

— Значит, тебя интересовал только его аспект?

Она улыбнулась в тени и ветре.

— Конечно.

— Богиня, Госпожа, Повелительница, забудь меня! Живи с

Ямой и будь его любовью. Наши дни прошли, и я не хочу вспоминать о них. Хорошие были дни, но они прошли. Как есть время для всего, так есть время и для конца чего бы то ни было. Сейчас время для консолидации человеческого роста в этом мире. Время делиться знанием, а не скрещивать клинки.

— Ты хотел биться с Небом за это знание? Ты хотел пробить Небесный Город, чтобы открыть его своды миру?

— Ты знаешь, чего я хотел.

— Тогда у нас еще может быть общее дело.

— Нет, Богиня, не обманывай себя. Ты предана Небу, а не миру. И ты это знаешь. Если бы я получил свободу и ты присоединилась бы ко мне в сражении, ты, возможно, некоторое время была бы счастлива. Но, независимо от победы или поражения, ты в конце концов станешь еще более несчастной, чем раньше.

— Послушай, мягкосердечный святой из пурпурной рощи! Это как раз для тебя — предугадывать мои ощущения, но Кали отбрасывает свою преданность, когда хочет, она никому ничем не обязана, кроме своего выбора. Она Богиня наемников, помни это! Возможно, что все твои слова — истина, а она лгала, когда говорила, что все еще любит тебя. Но она жестока и полна вожделения битвы, она идет по запаху крови. Я чувствую, что Кали может стать Акселерационисткой.

— Остерегайся говорить так, Богиня. Мало ли кто может подслушать.

— Никто не подслушает, — сказала она, — потому что в этом месте редко произносят слова.

— Тем больше причин для кого-нибудь заинтересоваться, если здесь заговорили.

Она помолчала, потом сказала:

— Никто не подслушивает.

— Твоя сила выросла.

— Да. А твоя?

— Осталась той же, я думаю.

— Так ты примешь мой меч, мое колесо, мой лук во имя Акселерации?

— Нет.

— Почему нет?

— Ты слишком легко даешь обещания и так же легко нарушаешь их. Я не могу верить тебе. Если бы мы сражались и победили во имя Акселерационизма, это была бы, вероятно, последняя великая битва в этом мире. А ты не пожелаешь и не позволишь такому случиться.

— Ты глуп, Сэм, если говоришь о последней великой бит-

ве, потому что последняя великая битва — всегда следующая. А если я приду к тебе в более приятном виде, чтобы убедить тебя в правдивости моих слов? Если я обниму тебя в теле с печатью девственности? Тогда ты поверишь моему слову?

— Сомнение, Богиня, есть целомудрие мозга, и я ношу на нем эту печать.

— Тогда знай, что я привела тебя сюда, чтобы помучить тебя. Ты прав: мне плевать на твой Акселерационизм, и я уже исчислила твои дни. Я хотела подать тебе фальшивые надежды, чтобы ты был сброшен с большей высоты. И только твоя глупость и твоя усталость спасли тебя от этого.

— Прости, Кали...

— Мне не нужны твои извинения! Я хотела твоей любви, чтобы воспользоваться ею против тебя в твои последние дни и сделать их еще тяжелее. Но, как ты сказал, мы слишком изменились, и ты больше не стоишь трудов. Не думай, что я не могла заставить тебя улыбками и ласками снова полюбить меня: я чувствую в тебе жар, а мне не трудно разжечь его в мужчине. Но ты не стоишь той великой смерти, когда мужчина падает с высот страсти в бездну отчаяния. И у меня нет времени дать тебе что-нибудь, кроме презрения.

Звезды закружились вокруг него, нестирающиеся, жгучие, его рука ушла из-под его ладони, когда она наливалась еще две чаши сомы, чтобы согреться в ночи.

— Кали!

— Да?

— Если это даст тебе какое-нибудь удовлетворение, то я все еще забочусь о тебе. Это не любовь, или это слово ничего не значит. А то, что я подумал, имеет разные значения. Это чувство, по существу, безымянно, лучше таким его и оставить. Так что прими его и уходи вместе со своими шутками. Ты знаешь, что мы снова вцепимся друг другу в глотки, как только истощим запас общих врагов. У нас бывали частые примирения, но всегда ли они стоили той боли, которая предшествовала примирению? Ты побеждаешь, и ты Богиня, а я поклоняюсь — разве не поклонение и религиозный страх создают комбинацию любви и ненависти, желания и страха?

Они пили сому в комнате Разбитого Сердца, и чары Куберы окружали их.

Кали сказала:

— Если я кинусь на тебя и стану целовать и скажу, что лгала, когда говорила, что солгала — чтобы ты засмеялся и сказал, что ты солгал, получится ли финальный реванш? Иди, Господин Сиддхарта! Лучше бы одному из нас умереть в Адс-

ком Колодец, потому что велика гордость Первых. Не следовало приходить сюда, в это место.

— Да.

— Значит, уходим?

— Нет.

— Сэтим я согласна. Давай посидим здесь и будем почитать друг друга некоторое время. — Ее рука легла на его руку и погладила ее. — Сэм!

— Да?

— Ты не хотел бы лечь со мной?

— И таким образом скрепить свою гибель? Конечно!

— Тогда давай пойдем в комнату Отчаяния, где нет ветра и есть ложе...

Он пошел за ней из Разбитого Сердца в Отчаяние; пульс его быстро бился на горле. А когда он положил ее нагую на ложе и дотронулся до мягкой белизны ее живота, он понял, что Кубера действительно самый могущественный из Локапал, потому что чувства, которым была посвящена эта комната, наполнили его, и даже когда в нем поднялись желания, и он утвердился на ней — пришло ослабление, сжатие, вздох и последние обжигающие слезы.

* * *

— Чего ты желаешь, Госпожа Майя?

— Расскажи мне об Акселерационизме, Тэк из Архивов.

Тэк вытянул свои длинные тонкие кости, и его кресло с треском подалось назад.

За ним были банки информации, довольно редкие записи заполняли своими пестрыми переплетами и запахом плесени длинные высокие стеллажи.

Он поглядел на даму, сидящую перед ним, улыбнулся и покачал головой. Она была в туго облегающем зеленом и выглядела нетерпеливой; ее волосы были вызывающе-рыжими, мелкие веснушки покрывали нос и полушария щек. Бедрa и плечи были широкими, а узкая талия надежно сдерживала эту тенденцию.

— Почему ты качаешь головой? К тебе все идут за информацией.

— Ты молода, госпожа. За тобой всего три воплощения, если я не ошибаюсь. На этой ступени твоя карьера ты, я уверен, не захочешь, чтобы твое имя было занесено в особый список тех молодых, что ищут этого знания.

— Список?

— Список.

— А зачем тут быть списку?

Тэк пожал плечами.

— Боги коллекционируют самые странные вещи, и кое-кто из них собирает списки.

— Я всегда слышала, что Акселерационизм считается полностью мертвым — тупиком.

— Так почему же этот внезапный интерес к мертвому?

Она засмеялась и уставилась зелеными глазами в его серые.

Архивы взорвались вокруг него, и он оказался в бальном зале в середине Шпиля в милю высотой. Была поздняя ночь, почти перед рассветом. Бал явно кончился уже давно, но в углу зала собралась толпа, в которой стоял и он. Кто сидел, кто полулежал, и все слушали невысокого, смуглого, крепкого человека, стоявшего рядом с Богиней Кали. Это был Великодушный Сэм Будда, только что прибывший со своим тюремщиком. Он говорил о буддизме и акселерационизме, о временах Заточения и об Адском Колодце, о богохульстве Господина Сиддхарты в городе Махартхе у моря. Он говорил, и его голос слышался далеко, гипнотизировал, излучал силу, доверие и тепло, и слова шли, и шли, и шли, и люди медленно теряли сознание и падали вокруг него. Все женщины были совершенно безобразны, кроме Майи. Она хихикнула, хлопнула в ладоши, вернула обратно Архивы, и все еще улыбающийся Тэк снова оказался в своем кресле.

— Так почему этот внезапный интерес к мертвому? — повторил он.

— Но этот человек не мертвый!

— Нет? — сказал Тэк. — Не мертвый?.. Госпожа Майя, он мертв с той минуты, когда ступил в Небесный Город! Забудь о нем. Забудь его слова. Не оставляй в своих мыслях ни следа о нем. Настанет день, когда тебе понадобится обновление — так знай, что Боги Кармы ищут сведений об этом человеке в мозгу каждого, кто проходит через их залы. Будда и его слова отвратительны в глазах Богов.

— Но почему?

— Он анархист, бросающий бомбы, прекрасноголосый революционер. Он хочет скинуть само Небо. Если ты хочешь более полной информации, я воспользуюсь машинами, чтобы найти сведения. Ты позаботилась получить подписанное разрешение для этого?

— Нет.

— Тогда выкини его из головы и запри дверь.

— Он и в самом деле такой плохой?

— Он еще хуже.

— Тогда почему ты улыбаешься, говоря о таких вещах?

— Потому что я человек несерьезный. Это никак не относится к моему сообщению. Так что будь осторожна.

— Ты, похоже, знаешь об этом все. А сами архивариусы избежали этих списков?

— Едва ли. Мое имя стоит в списке первым. Но не потому, что я архивариус. Он — мой отец.

— Этот человек? Твой отец?

— Да. Ты удивляешься, как девочка. Я думаю, он даже не знает, что он мне отец. Что такое отцовство для Богов, привыкших обладать многими телами, порождающих многочисленное потомство с Богинями, которые тоже меняют тела четыре-пять раз в столетие? Я сын того тела, которое он когда-то носил, рожденный матерью, которая тоже прошла через многие тела, да и сам я живу не в том теле, в котором родился. Таким образом, родственные связи полностью запутаны и интересны главным образом на уровне метафизических размышлений. Что есть истинный отец человека? Обстоятельства, соединившие два тела и тем производшие его? Было ли, что по какой-то причине эти двое нравились друг другу больше, чем любые возможные альтернативы? Был ли то просто голод плоти, любопытство или воля? Или еще что-то? Жалость? Одиночество? Желание покорить? Что чувствовал или что думал отец тела, в котором я впервые осознал себя? Я знаю, что мужчина, живший именно в этом отцовском теле именно в тот момент времени, был сложной и могучей личностью. Хромосомы для нас не имеют значения. Если мы живем, мы не проносим эти отличительные признаки через столетия. Мы, в сущности, вообще ничего не наследуем, кроме случайного дара имущества или денег. Тела имеют так мало значения в долгом пробеге, что гораздо интереснее размышлять об умственных процессах, которые выталкивают нас из хаоса. Я рад, что именно он вызвал меня к жизни, и я часто гадал, каковы были причины этому. Я вижу, что твое лицо вдруг потеряло краски, госпожа. Я совсем не собирался огорчать тебя этим разговором, просто хотел как-то удовлетворить твое любопытство и заложить в твой мозг кое-какие мысли, которые есть у нас, стариков, насчет этих дел. Когда-нибудь и ты тоже захочешь взглянуть на это с такой точки зрения, я уверен. Но мне жаль видеть тебя такой расстроенной. Умоляю тебя, успокойся. Забудь мою болтовню. Ты — Богиня Иллюзии. Не могу ли я поговорить о чем-нибудь близком к тому материалу, с которым ты работаешь? Я знаю, что ты скажешь о манере, в какой я говорил, почему мое имя первое в списке. Это поклонение герою, я полагаю... Ну, вот, ты немножко покрасне-

лась. Не хочешь выпить прохладительного? Подожди минутку... Вот, выпей. Теперь насчет Акселерационизма. Это просто доктрина дележа. Она предполагает, чтобы мы, жители Неба, отдали живущим внизу наши знания, могущество и имущество. Этот благотворительный акт должен быть направлен на подъем условий их существования на высший уровень, сродни тому, какой занимаем мы сами. Тогда любой человек будет как Бог, видишь ли. В результате не будет никаких Богов, а только люди. Мы должны отдать им наши знания, науки и искусства, а сделав это, мы разрушим их простодушную веру и уберем весь базис их надежд на лучшее — потому что лучший путь для уничтожения веры и надежды — это позволить им реализоваться. Почему мы должны позволить людям страдать от этого груза коллективной божественности, как того желают Акселерационисты, когда мы и так даруем им это индивидуально, если они того заслуживают? В шестидесятилетнем возрасте человек проходит через Залы Кармы. Его судят, и если он делал добро, подчинялся правилам и ограничениям своей касты, оплачивал ритуалы Небу, продвигался вперед интеллектуально и морально, он воплощается в более высокой касте, а иногда получает божественность и приходит жить сюда, в Город. Каждый человек время от времени получает заслуженный десерт — например, ограждение от несчастных случаев; и, таким образом, каждый человек скорее, чем общество в целом, может получить божественное наследие, которое честолюбивые Акселерационисты желают оптом раскидать перед всеми, даже перед не готовыми. Как видишь, эта позиция страшно несправедлива и ориентирована на низшие касты. На самом же деле они желают понизить требования божественности. Требования эти строги по необходимости. Дашь ли ты силу Шивы, Ямы или Агни в руки ребенка? Если ты не дура, ты этого не сделаешь. Ты не захочешь проснуться утром и увидеть, что мира не существует. Именно это и могли вызвать Акселерационисты, поэтому их остановили. Теперь ты знаешь об этом учении все... Ну, я вижу, тебе жарко. Могу я повесить твою одежду и принести тебе выпить? Очень хорошо... Так на чем мы остановились, Майя? Ах, да, таракан в пудинге... Так вот, Акселерационисты уверяли, что все, только что сказанное мною, было бы правдой, если бы не тот факт, что порочна сама система. Они клеветают на честность тех, кто разрешает перевоплощение. Некоторые даже осмеливались утверждать, что Небо содержит бессмертную аристократию своевольных гедонистов, играющих с миром. Другие смеют говорить, что лучшие люди никогда не получают божествен-

ности, но в конце концов встречаются с реальной смертью или воплощением в низшие формы жизни. Кое-кто мог бы даже сказать, что ты сама была выбрана для обожествления потому только, что твоя первоначальная форма и стать поразили воображение некоего похотливого божества, а вовсе не из-за твоих явных добродетелей, милочка... Смотри-ка, у тебя, оказывается, полно веснушек! Да, об этих вещах проповедовали трижды проклятые Акселерационисты. Эти обвинения, которые поддерживает отец моего разума, я стыжусь произносить. Что человек может сделать с таким наследством, кроме как удивляться? Этот человек представляет последнюю ересь среди Богов. Он — явное зло, но он и великая фигура, этот отец моего разума, и я уважаю его, как в древности сыновья уважали отцов своих тел... Теперь тебе холодно? Иди сюда, позволь мне... Сюда... Сюда... Теперь сотни для нас иллюзию, моя любимая, чтобы мы вошли в мир, свободный от таких глупостей... Вот так. Повернись сюда... Пусть в этом бункере будет новый Эдем, моя влажногубая с зелеными глазами... Что главное во мне в этот миг? Истина, моя любовь, — и искренность, и желание разделить...

* * *

Ганеша, Бог-творец, шел с Шивой по лесу Канибурха.

— Бог Разрушения, — сказал он, — как я понимаю, ты нашел уже наказание для тех, кто отметил слова Сиддхарты не просто ухмылкой.

— Ясное дело, — сказал Шива.

— Сделав так, ты уничтожаешь его эффективность.

— Какую эффективность? Что ты имеешь в виду?

— Убей вон ту зеленую птицу на молодой ветке.

Шива двинул трезубцем, и птица упала.

— Теперь убей ее самца.

— Я его не вижу.

— Ну, любую другую из ее стаи.

— Ни одной не вижу.

— И не увидишь, потому что эта лежит здесь мертвая. Так что, если желаешь, убей сначала тех, кто слушал слова Сиддхарты.

— Я уловил смысл твоих слов, Ганеша. Пока он останется на свободе.

Ганеша, Бог-творец, смотрел на джунгли вокруг. Хотя он шел по царству призрачных кошек, он не боялся зла: рядом с ним шел Бог Хаоса, и Трезубец Разрушения защищал его.

Вишну-Вишну-Вишну смотрел на Брам-Брам-Брам...
Они сидели в Зале Зеркал.

Брама крепко держался на Восьмисложной Тропе, триумф которой есть Нирвана.

Выкурив три сигареты, Вишну откашлялся.

— Ты хотел что-то сказать? — спросил Брама.

— Могу я осведомиться, зачем этот буддийский трактат?

— Ты не нашел его чарующим?

— Нет, не слишком.

— Это уж твое лицемерие.

— Что ты хочешь сказать?

— Учитель должен показывать хотя бы умеренный интерес к собственным урокам.

— Какой еще Учитель? Какие уроки?

— Конечно, Татхагата. Зачем бы еще в недавние годы Бог Вишну стал воплощаться среди людей, как не для того, чтобы учить Пути Просветления?

— Я?...

— Приветствую тебя, реформатор, убравший из людских мозгов страх реальной смерти. Те, кто не рождается снова среди людей, теперь уходят в Нирвану.

Вишну улыбнулся.

— Лучше объединиться, чем бороться за искоренение?

— Почти эпиграмма.

Брама встал, взглянул на зеркала, взглянул на Вишну.

— Итак, когда мы отделаемся от Сэма, ты будешь истинным Татхагатой.

— Как мы избавимся от Сэма?

— Я еще не решил, но готов выслушать совет.

— Не могу ли я посоветовать, чтобы он был воплощен в джек-птицу?

— Можешь. Но тогда кто-нибудь может пожелать, чтобы джек-птица воплотилась в человека. Я чувствую, что у него есть заступники.

— Ну, у нас еще есть время рассмотреть эту проблему. Спешить некуда, раз он теперь под охраной Неба. Я сообщу тебе свои мысли насчет этого дела, как только они у меня будут. Сразу нелегко.

Затем они вышли из Зала.

Вишну вышел из Сада Радостей Брам; как только он ушел, сюда вошла Богиня Смерть. Она обратилась к восьмилучной статуе с виной, и статуя стала играть.

Услышав музыку, подошел Брама.

— Кали! Любезная Дама! — возвестил он.
— Могуч Брама, — ответила она в рифму.
— Да, — согласился Брама, — так могуч, как только можно пожелать. А ты так редко бываешь здесь, что я безмерно рад твоему визиту. Пройдемся по цветущим тропинкам и поговорим. Ты прекрасно одета.

— Спасибо.

Они пошли по цветущим тропинкам.

— Как идут приготовления к свадьбе?

— Хорошо.

— Вы проведете медовый месяц на Небе?

— Нет, мы планируем провести его подальше отсюда.

— Где же, могу я спросить?

— Мы еще не решили.

— Время летит на крыльях джек-птицы, дорогая. Если ты и Бог Яма пожелаешь, можете пожить в моем Саду Радостей.

— Спасибо, Создатель, но это слишком роскошное место, чтобы два разрушителя проводили здесь время и чувствовали себя легко. Мы поедem куда-нибудь подальше.

— Как хотите. — Он пожал плечами. — Что еще у тебя на уме?

— Что с тем, кого называют Буддой?

— С Сэмом? Твоим бывшим любовником? А что с ним, в сущности? Что ты хотела бы знать о нем?

— Как он... Как с ним поступят?

— Я еще не решил. Шива советовал мне подождать некоторое время, прежде чем что-нибудь сделать. Таким образом мы можем проверить его воздействие на общество Неба. Я решил, что Вишну станет Буддой ради исторических и теологических целей. А что касается самого Сэма, я прислушаюсь к любому разумному совету.

— Ты однажды предлагал ему божественность.

— Да. Однако он не согласился.

— Что, если ты снова это сделаешь?

— Зачем?

— Не будет существовать теперешней проблемы, а он не очень талантлив индивидуально. Его таланты делают его ценным добавлением к пантеону.

— Такая мысль появлялась и у меня. Теперь он должен бы согласиться, поскольку тут — быть или не быть. А я уверен, что он хочет жить.

— Есть средства точно удостовериться в этом.

— А именно?

— Психозонд.

— А если это покажет недостаток обязательств к Небу, и будет...

— Не может ли быть изменен сам его мозг, скажем, Богом Марой?

— Никогда не думал, что ты грешишь сентиментами, Богиня. Но ты, похоже, очень хочешь, чтобы он продолжал существовать, хоть в любой форме.

— Возможно.

— Ты знаешь, что если с ним сделать такую вещь, он уже не будет прежним. Он очень изменится. И его талант может пропасть вовсе.

— С течением лет все люди естественно меняются; меняются мнения, верования, убеждения. Одна часть мозга может спать, а другая бодрствовать. Талант, мне кажется, трудно уничтожить, пока остается сама жизнь. А жить лучше, чем умереть.

— Может быть, ты и убедишь меня в этом, Богиня, если у тебя есть время.

— Сколько времени?

— Скажем, три дня.

— Пусть будет три дня.

— Тогда давай перейдем в мой Павильон Радостей и поговорим о пустяках.

— Прекрасно.

— Где сейчас Бог Яма?

— Он работает в своей мастерской.

— И долго он там пробудет?

— По крайней мере, три дня.

— Это хорошо. Да, для Сэма тут может быть некоторая надежда. Хотя это и против моих лучших мыслей, но я, пожалуй, могу оценить положение. Да, смогу.

Восьмирукая статуя Богини, уныло играющая на вине, роняла музыку вокруг них, пока они шли по саду.

* * *

Хальба жила в дальнем конце Неба, возле края дикости. Дворец, называвшийся Грабеж, был так близок к лесу, что животные, проходя через прозрачную стену, наталкивались на него. Из комнаты под названием Похищение можно было видеть сумрачные тропы джунглей.

В этой комнате, где стены были увешаны сокровищами, украденными в прошлых жизнях, Хальба приняла Сэма.

Хальба была Богом/Богиней воров.

Никто не знал истинного пола Хальбы, потому что она имела привычку менять его в каждом воплощении.

Сэм смотрел на гибкую, темнокожую женщину в желтом сари и в желтом же покрывале. Сандалии и ногти ее были цвета корицы, а на черных волосах она носила тиару.

— Ты мне симпатичен, — сказала Хальба мягким, мурлыкающим голосом. — Только в те сезоны жизни, когда я воплощаюсь в мужчину, я поднимаю свой атрибут и занимаюсь грабежом по-настоящему.

— Но ты и теперь можешь принять свой аспект?

— Конечно.

— И поднять свой атрибут?

— Вероятно.

— Но ты не хочешь?

— Нет, пока я в виде женщины. Когда я мужчина, я могу поручиться, что украду что угодно и откуда угодно... Видишь, на дальней стене висят мои трофеи? Большой плащ из синих перьев принадлежал Срите, главе демонов Катапутхи. Я украл это из его пещеры, когда его адские собаки спали, споенные мною же. Ту меняющую форму драгоценность я взяла из Купола Жара, забравшись туда с помощью присасывающихся дисков на запястьях, коленях и пальцах ног, в то время как Матери внизу...

— Довольно! — сказал Сэм. — Я знаю все эти сказки, Хальба, потому что ты постоянно их рассказываешь. Прошло очень много времени с тех пор, как ты предпринимала рискованное воровство, и я полагаю, что слава далекого прошлого нуждается в частичном повторении. Иначе даже старшие Боги забудут, кем ты была когда-то. Я вижу, что пришел не туда, и постараюсь найти какое-нибудь другое место.

Он встал, как бы собираясь уйти. Хальба шевельнулась.

— Подожди.

— Да? — Сэм остановился.

— Ты мог бы, по крайней мере, рассказать мне о краже, которую ты замышляешь. Может, я дам совет...

— А на что мне даже самый лучший совет, о Царь Воров? Мне нужны не слова, а действия.

— Тогда, может быть... Расскажи!

— Ладно, — сказал Сэм, — хотя я сомневаюсь, что тебя заинтересует столь трудная задача...

— Брось эти детские психологические опыты; лучше расскажи, что ты хочешь украсть.

— В Музее Неба, крепко построенном и постоянно охраняемом...

— И который всегда открыт. Дальше.

— В этом здании, в витрине с компьютерной защитой...
— Достаточно ловкий человек может вывести ее из строя.
— В этой витрине на манекене висит серая кольчужная униформа. Рядом много всякого оружия.

— Чья?

— Древняя одежда того, кто сражался в северных походах во время войны против демонов.

— Не твоя ли?

Сэм сдержал улыбку и продолжал:

— Мало кто знает, что частью этой выставки является предмет, который когда-то назывался Талисманом Связующего. Возможно, он теперь утратил свои свойства, а возможно и нет. Он служил для фокусировки особого атрибута Связующего, и Связующий думает, что этот предмет снова ему понадобится.

— Каков из себя предмет?

— Большой широкий пояс из раковин, обвивающий талию костюма. По цвету — розовый и желтый. Он набит микросхемами, которые сегодня, вероятно, нельзя дублировать.

— Не бог весть какая великая кража. Я, пожалуй, подумаю о ней даже и в этом теле...

— Мне это нужно быстро, или совсем не нужно.

— Как скоро?

— За шесть дней.

— А что ты мне заплатишь, когда я отдам его в твои руки?

— Ничего не заплачу, потому что у меня ничего нет.

— Да? Ты пришел на Небо без богатства?

— Да.

— Несчастный!

— Если мне удастся сбежать, ты можешь назвать свою цену.

— А если тебе не удастся, я ничего не получу.

— Похоже, что так.

— Я подумаю. Может, мне покажется интересным сделать такую вещь, и чтобы ты был обязан мне за любезность.

— Только прошу тебя, не раздумывай слишком долго.

— Иди, сядь рядом со мной. Связующий Демонов, и расскажи о днях своей славы — когда ты с бессмертной Богиней ездил по миру и сеял хаос, как семена.

— Это было давно, — сказал Сэм.

— А могут эти дни вернуться, если ты добьешься свободы?

— Могут.

— Приятно слышать. Да...

— Ты сделаешь это?

— Приветствую тебя, о Сиддхарта! Освободитель!

- Приветствую тебя?
- И молния, и гром. Они могут прийти снова!
- Это хорошо.
- А теперь расскажи мне о днях своей славы. А я снова расскажу о моей.
- Идет.

* * *

Продираясь через лес, Кришна в поясе из перьев преследовал Богиню Ратри, которая не согласилась лечь с ним после обеда. День был чистым и благоухающим, но и вполонину не таким благоухающим, как полуночно-синее сари, которое он держал в левой руке. Она бежала далеко впереди, под деревьями, и он следовал за ней, изредка теряя ее из виду, когда она сворачивала на боковую тропу.

Она стояла на бугре, подняв обнаженные руки над головой и соединив кончики пальцев. Глаза ее были полузакрыты, ее единственная одежда — длинная черная вуаль — шевелилась на белом сверкающем теле.

Тут он понял, что она приняла свой аспект и, вероятно, готова принять атрибут.

Задышавшись, он шагнул к бугру перед ней; она открыла глаза, опустила руки и улыбнулась ему.

Когда он потянулся к ней, она крутнула вуаль ему в лицо, и он услышал ее смех — где-то в безмерной ночи, которой она окутала его.

Ночь, черная, беззвездная, безлунная, без единого проблеска, без искорки откуда бы то ни было. Ночное время, родственное слепоте, упало на него.

Он захрипел, и сари было вырвано из его пальцев. Он стоял, дрожа, и слышал вокруг себя ее смех.

— Ты слишком много позволяешь себе, Бог Кришна, — сказала она, — и оскорбляешь святость Ночи. За это я накажу тебя, оставив эту тьму на Небе на некоторое время.

— Я не боюсь темноты, Богиня, — хихикнул он.

— Тогда у тебя и в самом деле вместо мозгов половые железы. Что ж, оставайся затерянным и слепым в чаще Канибурхи, чьих жителей не нужно подгонять... А не бояться, я думаю, иногда рискованно. До свидания, Темный. На свадьбе, наверно, увидимся.

— Подожди, дорогая Богиня. Может, примешь мои извинения?

— Да, потому что ты обязан извиниться.

— Тогданими ночь, которую ты наложила.

- В другой раз, Кришна, когда я буду готова.
  - А что я буду делать до тех пор?
  - Говорят, сэр, что ваша свирель может очаровать самого страшного зверя. Если это правда, советую взять свирель и начать самую нежную мелодию. А я пока подготовлюсь к тому, чтобы снова впустить в Небо дневной свет.
  - Ты жестока, Богиня!
  - Такова жизнь, Мастер Свирели. — И она ушла.
- Он начал играть, размышляя о мрачном.

* * *

Они шли. Ехали с неба на полярных ветрах, через море и сушу, над горящими снегами, под ними и сквозь них. Изменяющие форму плыли по белым полям, и небесные странники падали вниз, как листья; над пустынями звучали трубы, и колесницы снегов с грохотом шли вперед; свет вылетал из их боков, подобно копьям; белые перья мощного дыхания тянулись над ними и за ними; они шли, солнцеглазые, в золотых ратных рукавицах, лязгая и скользя, торопясь и кружась, шли, сияя перевязями, масками-оборотнями, огненными шарфами, дьявольской обувью, морозными ножными латами и крепкими шлемами; а на другом конце мира, лежавшего за их спиной, были сборища в Храмах с пением и приношением жертв; процессии и молитвы, жертвоприношения и раздачи, великолепия и красочность. Ибо страшная Богиня должна была обвенчаться со Смертью, и все надеялись, что происходящее смягчит их обоих. Праздничный дух заразил также и Небо, и с собранием Богов и полубогов, героев и благородных, верховных жрецов, раджей-фаворитов и браминов высокого ранга, — этот дух набрал силу и энергию и закружился, как многоцветный вихрь, грохоча в головах живущих от Первого до последнего.

Итак, они вошли в Небесный Город, въезжая на подушках на спине Птицы Гаруды, кружась в небесных гондолах, проезжая через артерии гор, сверкая в мокрых снегах и ледяных тропах пустынь, заставляя Шпиль в милую высоту звенеть от их пения и смеясь в чарах короткой и неожиданной тьмы, что спустилась и снова быстро рассеялась; и про дни и ночи их прихода поэт Адазай сказал, что они напоминают по крайней мере шесть различных вещей (он всегда был щедр на сравнения): миграцию ярких птиц через молочный океан, не имеющий волн; процессию музыкальных нот через мозг не очень хорошего композитора; школу глубоководных рыб, чьи тела в завитках и канавках света, который поднимается от какого-нибудь фосфоресцирующего растения в холодных колодцах

морских глубин; Спираль Туманности, внезапно обрушившуюся в центре; шторм, каждая капля которого становится пером, певчей птицей или драгоценностью; и (возможно, наиболее убедительное) на Храм, полный страшных, обильно украшенных статуй, внезапно оживших и запевших, внезапно бросившихся через весь мир с яркими знаменами, играющими на ветру, потрясающих дворцы и сшибающих верхушки башен, чтобы встретиться в центре всего, разжечь огромный костер и танцевать вокруг него, постоянно рискуя, что либо огонь, либо танец полностью выйдут из-под контроля.

Они шли.

* * *

Когда в Архивах зазвенел тайный тревожный сигнал, Тэк выхватил Сверкающее Копье из гнезда в стене. В разное время дня тревога должна была поднимать разных часовых. Получив предупреждение о возможном таком случае, Тэк порадовался, что сигнал не звонил в другое время. Он поднялся на уровень Города, к Музею на холме.

Но было уже поздно.

Витрина была открыта, служитель лежал без сознания. Никого другого в Музее не было из-за предпраздничных приготовлений в Городе.

Здание Музея стояло так близко от Архива, что Тэк успел заметить двоих, спускавшихся с другой стороны холма.

— Стой! — закричал он, размахивая Сверкающим Копьем, но боясь пользоваться им.

Те повернулись к нему.

— Ты включила сигнал тревоги! — обвинил один другого, поспешно застегивая на себе пояс. — Уходи прочь, а я буду иметь дело с этим!

Тэк увидел, что один из них — женщина.

— Я не включала сигнала тревоги! — закричала она.

— Уходи отсюда!

Мужчина повернулся к Тэку, а женщина продолжала отступать вниз по холму.

— Положи его назад, — задыхаясь, сказал Тэк. — Раз уж ты его взял — верни. Может быть, мне удастся покрыть...

— Нет, — сказал Сэм. — Слишком поздно. Теперь я равен любому здесь, и это мой единственный шанс уйти. Я знаю тебя, Тэк из Архива, и не хочу убивать тебя. Так что беги отсюда — и быстро!

— Яма через минуту будет здесь. И...

— Я не боюсь Ямы. Нападай на меня или беги немедленно!

— Я не могу напасть на тебя.

— Тогда — до свидания! — и, сказав это, Сэм поднялся в воздух, как воздушный шар.

Пока он парил над землей, на склоне холма появился Бог Яма с оружием в руках. Это была тонкая сверкающая трубка с маленьким прикладом и широким спусковым механизмом.

Он поднял оружие вверх и прицелился.

— Твой последний шанс! — крикнул он, но Сэм продолжал подниматься.

Яма выстрелил; высоко наверху треснул купол.

— Он принял свой аспект и взял атрибут, — сказал Тэк. — Он связал энергию твоего оружия.

— Почему ты не остановил его? — спросил Яма.

— Я не мог, Господин. Я был захвачен его атрибутом.

— Ладно, — сказал Яма. — Третий часовой схватит его.

* * *

Связав своей волей гравитацию, Сэм поднялся.

Пока он летел, в нем усиливалось ощущение преследующей его тени. Она затаилась где-то на окраине поля его зрения, но, как он ни вертел головой, ускользала от взгляда. Но она все время была здесь, и увеличивалась.

Впереди преграда. Неподалеку ворота. Талисман мог открыть запоры, мог согреть человека на холоде, мог перенести его в любое место мира...

Послышался звук хлопающих крыльев.

— Лети! — прогремел голос в его голове. — Увеличивай скорость, Связующий! Лети быстрее! Быстрее!

Это было самое странное ощущение из всех, когда-либо испытанных им: он чувствовал, что движется вперед и вперед, но ничего не менялось — ворота не приближались. При всем ощущении страшной скорости он не двигался.

— Быстрее, Связующий! Быстрее! — кричал дикий бухающий голос. — Соревнуйся с ветром и молнией в скорости движения!

Сэм старался остановить испытываемое чувство движения.

Затем его ударили ветры, могучие ветры, кружащиеся над Небом. Он боролся с ними, но голос звучал совсем рядом, хотя он не видел ничего, кроме тени.

— Чувства — это лошади и объекты дорог, по которым они путешествуют, — сказал голос. — Если разум связан с мозгом, который отвлечен в сторону, он теряет проницательность.

И Сэм узнал великие слова Хатхи Упанишады, гремевшие позади него.

— В этом случае, — продолжал голос, — чувства становятся неуправляемыми, подобно плохим, одичавшим лошадям в руках слабого возницы.

Небеса над Сэмом взорвались молниями, и тьма окутала его.

Он старался связать энергию напавшего на него, но не нашел ничего, что можно было бы схватить.

— Это нереально! — выкрикнул он.

— Что есть реальность, а что — нет? — спросил голос. — Твои лошади убежали от тебя.

Секунда ужасающего мрака, словно он проходил через вакуум чувств. Потом — боль. Потом — ничего.

* * *

В деловых сношениях плохо быть самым старым из младших Богов.

Он вошел в Зал Кармы, попросил аудиенции с представителем Колеса, очутился в присутствии Бога, который два дня тому назад отказался проверить его.

— Ну? — спросил он.

— Я извиняюсь за отсрочку, Бог Муруган. Наш персонал был занят приготовлениями к свадьбе.

— Значит, они бражничали вместо того, чтобы готовить мне новое тело?

— Не говори так, Господин, словно это и в самом деле твое тело. Это тело дается тебе взаймы Великим Колесом в соответствии с твоими теперешними кармическими нуждами...

— И оно не готово, потому что материал пропили?

— Оно не готово, потому что Великое Колесо вращается в манере...

— Я хочу иметь тело самое позднее завтра вечером. Если оно не готово, Великое Колесо может стать джаггернаутом для управляющих им! Ты слышишь меня и понимаешь, Бог Кармы?

— Я слышу тебя, но твоя речь не подходит для этого места...

— Пересадку рекомендовал Брами, и он хочет, чтобы я появился на праздновании свадьбы в новом теле. Не сообщить ли ему, что Великое Колесо неспособно выполнить его желания, потому что поворачивается слишком медленно?

— Нет, Господин. Тело будет готово вовремя.

— Прекрасно.

Он повернулся и вышел.

Бог Кармы сделал за его спиной древний мистический знак.

- Брама!
- Да, Богиня?
- Насчет моего намека...
- Да, будет сделано, как ты просила, сударыня.
- Я хотела бы по-другому...
- По-другому?
- Да, Господин. Я хотела бы человеческую жертву.
- Нет...
- Да.
- Ты еще более сентиментальна, чем я думал.
- Так будет это сделано или нет?
- Откровенно говоря, в свете недавних событий я предпочел бы этот способ.
- Значит, решено?
- Пусть будет по твоему желанию. Теперь в нем оказалось больше силы, чем я думал. Не будь часовым Бог Иллюзии... я не предполагал, что тот, кто был так долго спокоен, мог оказаться таким... талантливым, как ты выразилась.
- Ты отдашь мне это существо в мое полное распоряжение, Создатель?
- С удовольствием.
- И добавишь на десерт Царя Воров?
- Да. Пусть будет так.
- Спасибо, Могучий.
- Не за что.
- Есть за что. Спокойной ночи.
- Спокойной ночи.

Говорят, что в этот день, в этот великий день Бог Вайю остановил ветры Неба, и тишина сошла на Небесный Город и лес Канибурхи. Читрагупта, слуга Бога Ямы, готовил огромный погребальный костер на Брошенном Море из ароматического дерева, смолы, благовоний, ароматов и дорогих одежд; и на этот костер он положил Талисман Связующего и громадный плащ из синих перьев, принадлежавший Срите, главе демонов Катапутны; он также положил меняющую форму драгоценность Матерей из Купола Жара и шафрановую накидку из пурпурной роши Алондила, которая, как говорили, принадлежала Будде Татхагате. После ночи Праздненства Первых была полная утренняя тишина. В небе не было видно никакого движения. Говорили, что демоны невидимо пролетали по верхней части воздушного пространства, но боялись приближаться к собранным здесь предметам Власти. Говорили, что было много знаков и знамений, означающих падение мо-

гущества. Теологи и святые историки говорили, что тот, кого звали Сэм, отрекся от своей ереси и отдал себя на милость Тримурти. Говорили также, что Богиня Парвати, которая была то ли его женой, то ли матерью, то ли сестрой, а то и, может быть, всеми ими, бежала с Неба, чтобы жить в скорби и печали среди ведьм восточного континента, которых считала родственницами. На заре великая Птица Гаруда, лошадь Вишну, клюв которой раздроблял колесницы, шевельнулась в момент пробуждения в своей клетке и издала единственный хриплый крик; он пронесся по Небу, дробя стекла, эхом прокатываясь по стране, будя всех спящих. В спокойном лете Неба начался день Любви и Смерти.

Улицы Неба были пусты. Боги до времени сидели по домам в ожидании. Все порталы Неба охранялись.

Вор и тот, кого почитатели называли Махасаматман (считая его Богом), были освобождены. В воздухе внезапно похолодало, и это было предзнаменование.

Высоко-высоко над Небесным Городом, на платформе, венчающей Шпиль высотой в милю, стоял Бог Иллюзии, Мара, Мастер Снов. На нем был его многоцветный плащ. Мара поднял руки, и энергия других Богов вливалась через них, добавляясь к его энергии.

В его мозгу формировался сон. Затем Мара швырнул его, как высокая волна бросает воду на берег.

Во все века, начиная от сотворения Богом Вишну Города и диких мест, они существовали рядом, но реально не соприкасались, смежные, однако отдаленные друг от друга великим расстоянием мысли, а не просто природным пространством. Вишну, Хранитель, сделал это не без причин. Сейчас он не совсем одобрял подъем этого барьера, даже на ограниченное время. Он не хотел видеть что бы то ни было из диких мест в Городе, который, по его замыслу, увеличивал совершенное торжество форм над хаосом.

Тем не менее, властью Мастера Снов призрачным кошкам дано было право временно появляться на всем Небе.

Они неустанно бродили по темным вневременным тропам джунглей, которые были частью иллюзии. Там, в месте, что существовало лишь наполовину, их глазам представляли новые видения, а с ними являлись неутомимость и стремление к охоте.

Среди мореплавателей, разносящих слухи и легенды по всему миру и вроде бы знающих все, шли разговоры, что призрачные кошки, охотившиеся в этот день, вовсе не были настоящими кошками. В разных местах мира, где Боги проходили позднее, рассказывалось, что кое-кто из Небесного Отряда

переселился на этот день в тела белых тигров Канибурхи, чтобы участвовать в охоте по улицам Неба за вором-неудачником и за тем, кого называли Буддой.

Говорят, что когда он бродил по улицам Города, древняя джек-птица трижды облетела вокруг него, села на его плечо и спросила:

— Не ты ли Майтрейя, Бог Света, которого мир ждет много лет и о чьем приходе я когда-то пророчествовал в своей поэме?

— Нет, меня зовут Сэм, — ответил он, — и я готов уйти из мира, а не возвращаться в него. Кто ты?

— Я птица, которая когда-то была поэтом. Каждое утро я взлетаю, когда рев Гаруды знаменует новый день. Я летел по дорогам Неба, выглядывая Бога Рудру, чтобы нагадить на него, когда почувствовал власть дикого, идущего по стране. Я летал далеко и видел многое, Бог Света.

— Что же видел ты, птица, которая была поэтом?

— Я видел незажженный погребальный костер на краю мира, и туманы дрожали над ним. Я видел Богов, опаздывающих, торопящихся через снега, пробивающихся через верхние слои воздуха, кружившихся над куполом. Я видел молящихся на ранга и непатхья, репетирующих Маску Крови для свадьбы Смерти и Разрушения. Я видел Бога Вайю, поднявшего руки и остановившего ветры, что кружились по Небу. Я видел многоцветного Мару, стоящего на шпиле высокой башни, и чувствовал, что грядет власть дикого — потому что видел призрачных кошек, потревоженных в лесу и спешащих сюда. Я видел слезы мужчин и женщин. Я слышал смех Богини. Я видел сверкающее копьё, поднятое против утра, и слышал клятву. И, наконец, я видел Бога Света, о котором я писал давно-давно:

«Всегда умирающий, но никогда не умерший;
Всегда конечный, но никогда не конченный;
Невидимый мраком,
Одетый в свет,
Он идет к краю мира,
Когда утро заканчивает ночь.
Эти строки были написаны
Морганом, свободным,
Который в день своей смерти
Увидит исполнение этого пророчества».

Птица взъерошила перья и замолкла.

— Я рад, птица, что у тебя был случай увидеть так много — сказал Сэм, — и что от придуманной тобой метафоры ты

получил некоторое удовлетворение. К сожалению, поэтическая истина сильно отличается от того, что окружает в основном дело жизни.

— Приветствую тебя, Бог Света! — сказала птица и взлетела в воздух. В полете ее пронзила стрела, выпущенная из окна тем, кто ненавидел джек-птиц.

Сэм бросился вперед.

Говорят, что призрачные кошки, взявшие его жизнь и чуть позднее — жизнь Хальбы, были на самом деле Бог и Богиня, и это вполне возможно.

Говорят также, что у призрачных кошек, убивших их, это была не первая и не вторая попытка. Несколько тигров погибло от Сверкающего Копья, которое проникло в них, само выдернулось, задрожало, очищаясь от крови, и вернулось в руку метателя. Тэк Сверкающее Копье, однако, и сам упал, пораженный в голову стулом, брошенным Богом Ганешей, который тихо вошел в комнату за спиной Тэка. Некоторые говорили, что позднее Сверкающее Копье было уничтожено Богом Агни, но другие утверждают, что Богиня Майя забросила его за пределы Брошенного Мира.

Вишну был недоволен и, говорят, позднее упирал на то, что Город нельзя было марать кровью, что если Хаосу показать вход, он рано или поздно войдет.

Но младшие Боги его осмеяли, потому что он считался наименьшим в Тримурти, а его идеи относились к тем временам, когда он просто был среди Первых. По этой причине он отказался принимать какое-либо решение и удалился в свою башню. Бог Варуна Справедливый отвернул свое лицо от дел и пошел в Павильон Тишины на Брошенном Море, где наблюдал чары комнаты, называемой Страх.

Поставленная театром масок «Маска Крови» была очень привлекательна. Она была написана поэтом Адазай, известным своим элегантным языком и принадлежавшим к антиморганистской школе. «Маска Крови» сопровождалась мощными иллюзиями, которые Мастер Снов наводил специально для этого случая. Там говорилось, что Сэм в этот день тоже ходил в иллюзии, и что, как участник дикого, он проходил частично в темноте, в ужасном запахе, через области плача и стенаний и снова видел все ужасы, какие знал в своей жизни. Они возникали перед ним, яркие или тусклые, молчащие или грохочущие, свежесорванные из ткани его памяти и капающие эмоциями своего рождения в его жизнь, пока она не кончилась.

То, что осталось, было отнесено к погребальному костру в Брошенном Море, положено на самый верх и сожжено под пе-

ние. Бог Агни поднял свои темные очки, посмотрел некоторое время на костер, и затем взметнулось пламя. Бог Вайю поднял руку, и пришел ветер, чтобы раздуть костер. Когда все было кончено, Бог Шива разметал пепел за пределы Мира движением своего трезубца.

Все это рассматривалось, как настоящие и впечатляющие похороны.

Давно не виданная в Небе свадьба прошла во всем блеске традиций. Шпиль высотой в милю ослепительно сиял, как ледяной сталагмит. Дикое было отстранено, призрачные кошки снова ходили по улицам города, не видя их. Их мех приглаживался как бы ветром; широкие ступени были пологими склонами, здания — утесами, статуи — деревьями. Ветры, что кружились по Небу, захватывали звук и рассеивали его. В Сквере, в центральной части Города, был зажжен священный костер. Девственницы, собранные для этого случая, подкладывали в костер чистое, сухое, ароматическое дерево, которое трещало и горело почти без дыма, если не считать случайных клубов чистейшего белого цвета. Сурья, солнце, сияла так ярко, что день дрожал прозрачностью. Жених в сопровождении всликой процессии друзей и вассалов в красном был проведен через Город в Павильон Кали, где их встретили ее слуги и отвели в обеденный зал. Там служил хозяином Бог Кубера; он рассаживал гостей — числом триста — попеременно на черные и красные стулья вокруг длинных столов черного дерева, инкрустированных костью. Всем подали мадхупарку — смесь меда, творога и услаждающих душу приправ; гости пили вместе с одетой в голубое свитой новобрачной; свита эта, тоже в количестве трехсот человек, вошла в зал, неся двойные чаши. Когда все уселись и выпили мадхупарки, Кубера выступил с речью. Она пересыпалась шутками и касалась попеременно то практической мудрости, то ссылок на древние записи. Затем легион жениха отправился в павильон Сквер, а невеста двинулась со свитой туда же, но с другой стороны. Яма и Кали порознь вошли в этот павильон и сели по обеим сторонам небольшой занавески. Затем пелись древние песни, и Кубера убрал занавеску, дав возможность молодым впервые за этот день взглянуть друг на друга. Кубера говорил, призывая Кали заботиться о Яме в ответ на обещание блага, богатства и радости, которые будут даны ей. Потом Яма взял Кали за руку и повел ее вокруг костра, ее вассалы связали вместе одежду Кали и Ямы, а Кали бросила в костер жертвенные зерна. После того Кали встала на жернов, поднялась с Ямой на семь ступеней, насыпая на каждую ступеньку по горсточке риса. С неба

пошел легкий дождь; он продолжался всего несколько секунд — освящение происходящего благословляющей водой. Затем вассалы и гости составили одну процессию и двинулись через Город к Павильону Ямы, где было устроено великое пиршество и веселье, и где была представлена Маска Крови.

Когда Сэм встретился со своим последним тигром, тигр медленно наклонил голову, зная, что это охота. Сэму некуда было бежать, поэтому он стоял на месте и ждал. Кошка тоже некоторое время выжидала. В эту минуту орда демонов пыталась спуститься в город, но Власть дикого не пускала их. Все видели, что Богиня Ратри плачет, и ее имя внесли в список. Так из Архивов был временно посажен в башню под Небом. Слышали, как Яма сказал: «Жизнь не воскресает», как будто он считал, что это все-таки возможно.

Все это рассматривалось, как настоящая и впечатляющая смерть.

Свадебные торжества длились семь дней, и Бог Мара навел один сон за другим вокруг пирующих. Как на магическом ковре, он переносил их по стране иллюзий, воздвигал дворцы из цветочного дыма на столбах воды и огня, поднимал скамьи, на которых сидели гости, в каньоны звездной пыли, кораллом и миррой выводил из равновесия их чувства, навел на них все их аспекты и заставлял вспоминать прототипы, на которых они основали свою силу, так что Шива танцевал на кладбище Танец Разрушения и Танец Времени, прославляя легенду об аннигиляции трех летающих городов Титана, а Кришна Темный двигался в Танце Борца в память его победы над черными демонами Бана, Лакшми танцевала Танец Статуи, и даже Бог Вишну был вынужден снова сделать несколько па Танца Амфоры, а Муруган в новом теле насмехался над миром со всеми его океанами и танцевал Танец Триумфа на этих водах, как на подмостках, танец, который он танцевал после убийства Суры, укрывшегося в глубинах моря. Когда Мара делал жест — появлялись магия, цвет, музыка и вино. Была поэзия, игры, песни и смех. Был спорт с могучими испытаниями силы и ловкости. В общем, требовалась сила Богов, чтобы вынести полностью все семь дней удовольствий.

Все это рассматривалось как настоящая и впечатляющая свадьба.

Когда все это кончилось, молодые уехали с Неба побродить по миру, получить удовольствие от перемены мест. Они уехали без слуг и вассалов, чтобы бродить свободно. Они не объявляли, какие места намерены посетить и сколько времени

потратят... на то, чтобы она забеременела, как говорили небесные шутники.

После их отъезда пирушка продолжилась. Бог Рудра, оценив отличное качество сомы, взгромоздился на стол и начал произносить речь насчет новобрачной — речь, за которую Яма, без сомнения, вышвырнул бы его вон, если бы слышал. В данном же случае Бог Агни шлепнул Рудру по губам и был немедленно вызван на дуэль в аспекте, на всем протяжении Неба.

Агни взлетел на вершину горы позади Канибурхи, а Рудра занял позицию возле Брошенного Мира. Когда подали сигнал, Рудра послал прочерчивающую жаркий след стрелу за много миль в направлении противника. Однако Агни обнаружил стрелу в полете за пятнадцать миль и сжег ее в воздухе дуновением Мирового Огня, а затем послал тот же Огонь в виде иглы света, которая коснулась Рудры и сожгла его в пепел, а заодно пробила купол за его спиной. Честь Локапала требовала выдвижения нового Рудры, и он вышел из рядов полубогов занять место погибшего старого.

Один раджа и два верховных жреца умерли весьма красочно от отравления. Для их посиневших останков были устроены погребальные костры. Бог Кришна поднял свой аспект и играл музыку, лучше которой не бывало, а Гвари Прекрасная смягчилась и пришла к нему снова. Сарасвати в сиянии своей славы танцевала Танец Наслаждения, и тогда Бог Мара снова сотворил побег Хальбы и Будды через Город. Это последнее видение многих, однако, встревожило, и в это время были записаны многие имена. Потом в их среду рискнул войти демон с телом юноши и головой тигра и со страшной яростью кинулся на Бога Агни. Его отогнала объединенная сила Ратри и Вишну, но ему удалось исчезнуть в бестелесности, прежде чем Агни успел наложить на него свой жезл.

В последующие дни на Небе произошли перемены.

Тэка Сверкающее Копье судили Мастера Кармы и переселили его в тело обезьяны; в его мозг было вложено предупреждение, что, когда бы он ни предстал для обновления, он снова попадет в тело обезьяны и будет бродить по миру в этой форме до тех пор, пока Небо не проявит милосердие и не снимет с него эту участь. Затем его выслали в джунгли юга и там оставили сбрасывать свой кармический груз.

Бог Варуна Справедливый собрал своих слуг и уехал из Небесного Города, чтобы поселиться где-нибудь на земле.

Некоторые из его клеветников сравнивали его уход с уходом Ниррити Черного, Бога тьмы и коррупции, который, оставляя Небо, наполнил его злой волей и миазмами многих

темных проклятий. Клеветники Варуны были не очень многочисленны, однако, поскольку всем было известно, что титул Справедливого он заслужил, то его осуждение легко могло отразиться на ценности осуждавших; поэтому мало кто говорил о нем непосредственно после его ухода.

Много позднее, в дни Небесных Чисток, были изгнаны на землю другие Боги. Их уход совпал со временем, когда в Небе вновь появился Акселерационизм.

Брама, самый могущественный из четырех порядков Богов и восемнадцати хозяев рая, Создатель всего, Господин Верховного Неба и всего под ним, из чьего пупа вырастал лотос и чьи руки вспенивали океаны, тот, кто в трех своих шагах заключал все миры, барабаны славы которого наводили ужас на его врагов, в чьей правой руке было Колесо Закона, тот, кто связывал катастрофы, пользуясь змеей, как веревкой — Брама все больше и больше чувствовал себя смущенным и теряющим рассудок после того, что явилось результатом данного им Госпоже Смерти необдуманного обещания. Но затем он решил, что поступил бы точно так же и без ее подсказки. Главный эффект ее действий состоял в том, что ему было кого упрекать за свое нынешнее неприятное состояние. Его же называли Брамой Непогрешимым.

Когда празднества закончились, купол Неба пришлось чинить в нескольких местах.

Музей Неба впоследствии получил вооруженного стражника, обязанного все время находиться в помещении Музея.

Несколько охотничьих отрядов демонов составляли планы, но дальше стадии планирования не шли.

Был назначен новый архивариус, который решительно ничего не знал о своих родителях.

Призрачные кошки Канибурхи были почтены символическим изображением во всех Храмах страны.

В последнюю ночь празднеств одинокий Бог вошел в Павильон Тишины на Брошенном Мире и на долгое время поселился в комнате под названием Память. Затем он долго смеялся и вернулся в Небесный Город, а его смех был воплощением юности, красоты, силы и чистоты, и ветры, кружащие по Небу, подхватили этот смех и понесли далеко по стране, и все, кто слышал его, изумлялись странной, вибрирующей ноте торжества, содержавшейся в нем.

Все это рассматривалось как настоящее, впечатляющее время Любви и Смерти, Ненависти и Жизни, Безумия.

Глава 6

После смерти Браммы в Небесном Городе начался период беспорядков. Несколько Богов даже выгнали с Неба. Каждый боялся, чтобы его не приняли за Акселерациониста; и, как если бы это было суждено, в этот период как раз каждого и подозревали в Акселерационизме. Хотя Сэм Великодушный умер, дух его, как говорили, продолжал жить и насмехаться. А в дни недовольства и интриг, которые привели к Великой Битве, прошел слух, что, возможно, жив не только его дух...

Когда солнце страдания закатывается,
Приходит покой, Господин тихих звезд,
В этот мир творения,
В это место дымных спиралей мандалы.
Глупец говорит себе,
Что его мысли — всего лишь мысли...

Сараха (98-99).

Это случилось ранним утром. Брама находился неподалеку от бассейна пурпурного лотоса в Саду Радостей, у подножия статуи голубой Богини с виной.

Девушка, нашедшая его, сначала подумала, что он отдыхает, потому что глаза его были открыты. Но уже через минуту она поняла, что он не дышит, и искаженное лицо его не изменяет выражения.

Она затряслась, ожидая конца света. Бог умер — значит, естественно, последует светопреставление. Но через некоторое время она решила, что внутренние связи между сущностями могут поддержать мироздание на час-другой. И в таком случае, подумала она, благоразумнее будет довести информацию о грозящей Юге до сведения того, кто лучше умеет обращаться с этим.

Она сказала об этом первой наложнице Браммы; та прибежала посмотреть лично и признала, что ее Господин действительно умер, и обратилась к статуе голубой Богини, которая немедленно начала играть на вине. Затем первая наложница послала сообщение Вишну и Шиве, чтобы они срочно пришли в Павильон.

Они так и сделали, и привели с собой Бога Ганешу.

Они осмотрели останки, убедились в истинности событий и заперли обеих женщин в их покоях до казни. Затем стали совещаться.

— Нам срочно нужен другой Создатель, — сказал Вишну. — Открылось вакантное место.

— Я предлагаю Ганешу, — сказал Шива.

- Отказываюсь, — сказал Ганеша.
- Почему?
- Я не люблю быть на виду. Я бы предпочел оставаться где-нибудь за сценой.
- Тогда давай рассмотрим какие-нибудь альтернативы, и побыстрей.
- Не разумнее ли сначала установить причину происшедшего события?
- Нет, — сказал Ганеша. — Первым делом нужно избрать ему преемника. Даже вскрытие тела может подождать. Небо не должно оставаться без Брамь.
- Как скажешь — может, кого-нибудь из Локапал?
- Пожалуй.
- Яму?
- Нет. Он слишком серьезный, слишком добросовестный — он техник, а не администратор. К тому же он, по-моему, эмоционально нестабилен.
- Кубера?
- Больно уж хитер и ловок. Я боюсь Куберы.
- Индра?
- Слишком своеволен.
- Может, Кришна?
- Чрезмерно фриволен. Никакой рассудительности.
- Кого же ты посоветуешь?
- Какова наша величайшая проблема в настоящее время?
- Не думаю, чтобы у нас сейчас были какие-нибудь большие проблемы, — сказал Вишну.
- Тогда разумнее было бы иметь какую-то прямо сейчас, — сказал Ганеша. — По-моему, наша величайшая проблема — Акселерационизм. Сэм вернулся и мутит воду.
- Да, — сказал Шива.
- Акселерационизм? Зачем пинать дохлую собаку?
- Ах, она как раз и не сдохла. Среди людей. И это также отвлечет внимание от преемственности внутри Тримурти и создаст хотя бы поверхностную солидарность в Городе. Если, конечно, ты не собираешься взять на себя кампанию против Ниррити и его зомби.
- Покорно благодарю.
- Не стоит.
- М-м-м... Значит, наша величайшая проблема в настоящее время — Акселерационизм?
- Именно. Акселерационизм — наша величайшая проблема.
- Кто ненавидит его больше всего?

— Ты?
— Вздор. Кроме меня.
— Скажи, Ганеша.
— Кали.
— Сомневаюсь.
— А я нет. Два зверя, Буддизм и Акселерационизм, тянут одну колесницу. Будда презирал Кали. А она женщина. Она поведет кампанию.

— Тогда ей придется отказаться от женственности.
— Не говори пустяков.
— Ладно — Кали.
— А как же Яма?
— А что Яма? Я беру его на себя.
— И я тоже.
— И я.
— Прекрасно. Поезжайте тогда через планету на громовой колеснице и на спине великой Птицы Гаруды. Найдите Яму и Кали. Верните их на Небо. Я останусь ждать вашего возвращения и разберусь, что случилось с Брамой.
— Да будет так.
— Согласен.
— До свидания.

* * *

— Уважаемый торговец Вама, подожди! У меня есть кое-что сказать тебе.

— Да, Кабада? Чего тебе?
— Трудно подобрать слова для того, что я хочу сказать. Но они относятся к некоему состоянию дел, которое вызывает заметное чувство у твоих соседей...

— Да? Давай дальше.
— Насчет атмосферы...
— Какой атмосферы?
— Может, ветры, бризы...
— Ну и что ветры?
— И то, что они переносят.
— Например?
— Запах, уважаемый Вама.
— Какой запах?
— Запах... ну... фекальной массы.
— Фе... А! Да, правильно. Все правильно. Немного такого может быть. Я забыл, потому что привык к нему.
— Могу я спросить о причине?
— Запах происходит от продукта дефекации, Кабада.

— Это я знаю. Я имел в виду спросить о том, почему они присутствуют, а не об их источнике.

— Они присутствуют из-за ведер в задней комнате моего дома, полных этого самого...

— Да?

— Да. Я собираю продукцию моей семьи. Уже восемь дней.

— Для какой цели. почтенный Вама?

— Разве ты не слышал об одной вещи, поразительной вещи, в которую эти самые продукты спускаются — в воду, а затем дергают рычаг, и все это с мощным звуком уходит глубоко под землю?

— Я слышал о таком...

— О, это правда, это правда! Есть такая вещь. Ее недавно изобрел один человек, имени которого я не знаю, и у нее большие трубы, а сверху сидение без дна. Это самое удивительное открытие века, и у меня оно будет через несколько лун.

— У тебя? Такая вещь?

— Да. Она будет установлена в маленьком помещении, которое я пристроил к задней части дома. Возможно, я в ту ночь дам обед и позволю всем моим соседям воспользоваться этой вещью.

— Это поистине поразительно. И ты очень великодушен.

— И я так думаю.

— Но... Но запах?

— Запах из-за ведер, которые я сохраняю до устройства этой вещи.

— Зачем?

— Я должен иметь в своей кармической записи, что этой вещью начали пользоваться восемь дней назад, а не несколько лун спустя. Это покажет мое быстрое продвижение в жизни.

— А! Теперь я вижу мудрость твоих поступков, Вама. Я не хочу стоять на дороге у человека, который ищет себе лучшего. Прости меня, если я создал у тебя такое впечатление.

— Прощаю.

— Твои соседи любят тебя и запах, и все прочее. Когда ты перейдешь в высшее состояние, прошу тебя помнить об этом.

— Конечно.

— Такой прогресс, наверное, пойдет быстро.

— Наверняка.

— Почтенный Вама, мы будем наслаждаться воздухом со всеми его острыми предзнаменованиями.

— Это всего лишь второй мой жизненный цикл, дорогой Кабада, но я чувствую, что меня коснулось назначение.

— И я тоже. Только не забывай благословения Просвет-

ленного, которому мой двоюродный кузен Вазу дал убежище в своей пурпурной роще.

— Как я могу забыть? Махасаматман был Богом тоже. Некоторые говорят — Вишну.

— Врут. Он был Буддой.

— Добавляю тогда и его благословение.

— Отлично. Прощай, Кабада.

— Прощай, почтенный.

* * *

Яма и Кали вернулись в Небо. Они спустились в Небесный Город на спине Птицы Гаруды. Они вошли в Город вместе с Вишну и, нигде не останавливаясь, прошли прямо к Павильону Брамь.

В Саду Радостей они встретили Шиву и Ганешу.

— Послушайте, Смерть и Разрушение, — сказал Ганеша. — Брама умер, и об этом знаем только мы пятеро.

— Как могло это случиться? — спросил Яма.

— Похоже, его отравили.

— Вскрытие делали?

— Нет.

— Тогда я сделаю.

— Хорошо. Но есть другое дело, более серьезное.

— Назови его.

— Его преемник.

— Да. Небо не может без Брамь.

— Точно... Кали, как ты смотришь на то, чтобы стать Брамь, золотым седлом и серебряными шпорами?

— Не знаю...

— Тогда подумай, и быстро. Тебя сочли лучшей кандидатурой.

— А Бог Агни?

— Он не так высоко в списке. И он, похоже, не настолько антиакселерационист, как госпожа Кали.

— Понятно.

— И мне тоже.

— Значит, он хороший Бог, но не великий?

— Да. Но кто мог убить Брамь?

— Не имею представления. А ты?

— Также нет.

— Но ты найдешь его, Бог Яма?

— Угу. С моим аспектом.

— Может, вы хотите посоветоваться вдвоем?

— Да.

— Тогда мы пока оставим вас. Через час вместе пообедаете в Павильоне.

— Да.

— Да.

— Пока.

— Пока.

— Пока.

* * *

— Богиня!

— Да?

— Со сменой тел автоматически происходит развод, если не будет подписано продолжение контракта.

— Да.

— Брама должен быть мужчиной.

— Да.

— Откажись.

— Но, Яма...

— Ты колеблешься?

— Это так неожиданно, Яма...

— Однако, ты задержалась, чтобы обдумать это.

— Я должна была.

— Кали, ты причиняешь мне страдания.

— В мои намерения это не входило.

— Я требую, чтобы ты отказалась от предложенного.

— Я — Богиня по собственному праву, а не только как твоя жена, Бог Яма.

— Что это означает?

— Что я решаю сама.

— Если ты примешь предложение, Кали, тогда между нами все кончится.

— Похоже на то.

— Что, черт побери, представляет собой Акселерационизм? Подумаешь — гроза над муравейником! Почему они вдруг так ополчились на него?

— Видимо, им нужно на что-то ополчиться.

— Почему выбрали тебя руководить этим?

— Не знаю.

— Нет ли у тебя особых причин быть антиакселерационисткой, моя дорогая?

— Не знаю.

— Как Бог, я еще юн. Но я слышал, что герой ранних дней мира — Калкин, с которым ты ездила, — и есть тот самый Сэм. Если у тебя были основания ненавидеть своего

прежнего Господина, и если Сэм и вправду он, тогда я понимаю, почему они вербуют тебя выступить против дела, которое он начал. Это правда?

— Возможно.

— Тогда, если ты любишь меня и ты в самом деле моя жена — пусть выбирают другого Браму.

— Яма...

— Они ждут твоего решения через час.

— Они его получат.

— Какое оно?

— Прости меня, Яма...

* * *

Яма уехал из Сада Радостей до обеда. Хотя это выглядело опасным нарушением этикета, все знали, что Яма — самый дисциплинированный из Богов, и поняли этот факт и его причины. Так что он оставил Сад Радостей и поехал к месту, где Небо кончалось.

Он пробыл этот день и последующую ночь на Брошенном Море, и его никто не тревожил никакими призывами. Он провел какое-то время в каждой из пяти комнат Павильона Тишины. О чем он думал — его дело, и мы тоже не будем касаться этого. Утром он вернулся в Небесный Город и узнал о смерти Шивы.

Трезубец Шивы прожег еще одну дыру в куполе, но его голова была раздроблена, как было установлено, тупым предметом.

Яма пошел к своему другу Кубере.

— Ганеша, Вишну и новый Брами уже предложили Агни занять место Разрушителя, — сказал Кубера — Я думаю, он согласится.

— Это великолепно для Агни, — сказал Яма. — Кто убил Бога?

— Я много думал об этом, — сказал Кубера, — и считаю, что в случае с Брамой это был кто-то достаточно близкий, чтобы Брами принял от него отравленное питье, а в случае с Шивой — кто-то, хорошо знающий, как захватить его врасплох. Кроме одного свидетеля, никто не знает.

— Одно и то же лицо?

— Готов поспорить, что это так.

— Может, это часть заговора Акселерационистов?

— Трудно поверить. Те, кто симпатизирует Акселерационизму, не имеют настоящей организации. Акселерационизм слишком недавно на Небе, чтобы считать его чем-то стоящим.

Интриги, возможно. Похоже, что делала это низкая личность сама по себе, без помощи сторонников.

— Какие причины?

-- Вендетта. Или какое-нибудь младшее божество желало стать старшим. Почему вообще кто-то кого-то убивает?

— Ты не думал о ком-нибудь конкретно?

— Главнейшая проблема, Яма, — устранить подозрения, а не искать их. Расследование передадут в твои руки?

— Не уверен, но думаю, что да. Но я найду того, кто это сделал, и убью его.

— Почему?

— Мне нужно что-то сделать, кого-то...

— Убить?

— Да.

— Мне жаль, мой друг.

— Мне тоже. Тем не менее, это моя привилегия и мое намерение.

— Я бы хотел, чтобы ты вообще не говорил со мной насчет этого дела. Оно явно конфиденциальное.

— Я никому не скажу, если ты не скажешь.

— Уверяю тебя, что не скажу.

— И знай, что я займусь кармическим слежением, психозондированием.

— Я упоминал об этом. Пусть будет так.

— До свидания, мой друг.

— До свидания.

Яма ушел из Павильона Локапала. Через некоторое время туда вошла Богиня Ратри.

— Приветствую тебя, Кубера.

— Приветствую, Ратри.

— Почему ты сидишь один?

— Потому что нет никого, кто разделит бы мое одиночество. А почему ты пришла одна?

— Потому что некому пойти со мной.

— Ты хочешь совета или разговора?

— Того и другого.

— Садись.

— Спасибо. Я боюсь, Кубера.

— Голодна?

— Нет.

— Возьми плод и чашу сомы.

— Хорошо.

— Чего же ты боишься, и как я могу помочь тебе?

— Я видела, что Бог Яма вышел отсюда...

— Да.

— Взглянув в его лицо, я увидела, что он — Бог Смерти и что есть сила, которой должны бояться даже Боги...

— Яма силен, и он мой друг. Смерть могущественна, и она никому не друг. Но они оба существуют вместе, и это удивительно. Агни тоже силен, и он Огонь. Он мой друг. Кришна может быть сильным, если пожелает. Но он никогда не желает этого. Он изнашивает тела с фантастической скоростью. Он пьет сому и занимается музыкой и женщинами. Он ненавидит прошлое и будущее. Он мой друг. И, наконец, в Локапале я, и я не силен. Тело, которое я ношу, почему-то быстро жиреет. И я для моих трех друзей скорее отец, нежели брат. Их чувствами я ценю музыку, любовь и огонь, потому что все это — жизнь, и я люблю своих друзей как людей или как Богов. Но другой Яма пугает меня тоже, Ратри. Потому что, когда он принимает свой аспект, он — вакуум, который вгоняет в страх беднягу-толстяка. Тогда он никому не друг. Так что не стесняйся того, что боишься моего друга. Ты знаешь, что когда Бог встревожен, его аспект бросается поддержать его, о Богиня Ночи, как даже сейчас в этой беседе становится темнее, хотя день далеко не кончен. Ты проходила мимо встревоженного Ямы.

— Он вернулся так неожиданно.

— Да.

— Могу я спросить, почему?

— Боюсь, что это дело конфиденциальное.

— Оно касается Брамь?

— Почему ты так думаешь?

— Я уверена, что Брама умер. Я боюсь, что Яму призвали сюда, чтобы он нашел убийцу. Я боюсь, что он найдет меня, хотя бы я призвала на Небо всю столетнюю ночь. Он найдет меня, и я не смогу встать лицом к вакууму.

— Что ты знаешь о предполагаемом убийстве?

— Я уверена, что последняя видела Брамь живым, или первая видела его мертвым — в зависимости от того, что означали его судороги.

— При каких обстоятельствах?

— Я пришла в его Павильон вчера рано утром, чтобы просить его сменить гнев на милость и позволить Парвати вернуться. Мне сказали, что он в Саду Радостей, и я пошла туда...

— Кто сказал?

— Одна из его женщин. Я не знаю ее имени.

— Ладно, давай дальше. Что произошло затем?

— Я нашла его у подножия голубой статуи. Он весь дергался. И дыхания не было. Затем он перестал дергаться и затих.

Сердце его не билось, пульса не было. Я снова призвала часть ночи, чтобы она укрыла меня, и ушла из Сада.

— Почему ты не позвала на помощь? Может быть, было еще не поздно.

— Потому что я хотела его смерти. Я ненавидела его за то, что он сделал с Сэмом, за то, что он выгнал Парвати и Варуну, за то, что он сделал с архивариусом Тэком, за...

— Хватит. Это затянется на весь день. Ты сразу ушла из Сада, или сначала вернулась в Павильон?

— Я прошла мимо Павильона и увидела ту девушку. Я сделала себя видимой и сказала ей, что не нашла Брам и вернусь позднее... Но ведь он умер, не так ли? Что я теперь буду делать?

— Возьми еще плод и еще сомы.

— И Яма придет за мной?

— Конечно. Он придет за каждым, кто был замечен поблизости от того места. Это был, без сомнения, быстродействующий яд, и ты пришла как раз перед моментом смерти. Так что Яма, естественно, придет к тебе и сделает тебе психозондирование, как и всем другим. Выяснится, что ты не убивала. Так что я советую тебе просто ждать, пока тебя возьмут под стражу. И никому больше не говори об этой истории.

— А что мне сказать Яме?

— Если он доберется до тебя раньше, чем я его увижу, скажи ему все, включая и разговор со мной. Это потому, что я предположительно ничего не знаю о случившемся. Смерть одного из Тримурти всегда хранится в тайне как можно дольше, даже ценою жизней.

— Но Боги Кармы прочтут это в твоей памяти, когда ты встанешь перед судом для обновления.

— Лишь бы они не прочитали это в твоей памяти сегодня. О смерти Брам будут знать очень немногие. Поскольку Яма, вероятно, будет проводить официальное расследование и он сам — конструктор психозонда, я не думаю, что в работу с машинами будет втянут кто-то посторонний. Но мне нужно обсудить этот факт с Ямой, или намекнуть ему — немедленно.

— Пока ты не ушел...

— Да?

— Ты сказал, что лишь немногие могут знать об этом, даже если придется пожертвовать жизнями... Не означает ли это, что я...

— Нет. Ты будешь жить, потому что я стану защищать тебя.

— Зачем это тебе?

— Ты — мой друг.

Яма управлял машиной, зондирующей мозг. Он проверил тридцать семь субъектов, имевших доступ к Бrame в его Саду в течение всего дня до богоубийства. Одиннадцать из них были Богами и Богинями, включая Ратри, Сарасвати, Вайю, Мару, Лакшми, Муругана, Агни и Кришну.

Из этих тридцати семи Богов и людей никто не был признан виновным.

Кубера-искусник стоял рядом с Ямой и просматривал психоленты.

— Что же теперь, Яма?

— Не знаю.

— Может, убийца был невидим?

— Может быть.

— Но ты этого не думаешь?

— Нет, не думаю.

— А если каждого в городе заставить пройти через зонд?

— Много народу приезжает и уезжает каждый день через множество входов и выходов.

— А ты не думал, что это мог быть кто-то из Ракшасов? Они снова распространились по земле, как ты знаешь, и они ненавидят нас.

— Ракшасы не отравляют своих жертв. К тому же, я не думаю, чтобы Ракшас мог войти в Сад из-за отпугивающих демонов курений.

— Так что же теперь?

— Вернусь в свою лабораторию и подумаю.

— Не могу ли я сопровождать тебя в Большой Зал Смерти?

— Пожалуйста, если желаешь.

Кубера пошел с Ямой. Пока Яма размышлял, Кубера внимательно рассматривал каталог лент, который Яма вел, когда экспериментировал с первыми зондирующими машинами. Конечно, ленты были бракованные, неполные; одни только Боги Кармы хранили ленты жизнеописания каждого в Небесном Городе. И Кубера это, конечно, знал.

В месте, называемом Кинсет, у реки Ведры, был заново открыт печатный пресс. Эксперименты со сложным водопроводом тоже шли в этом месте. На сцене появились также два очень искусных храмовых художника, а старый стекольщик сделал пару бифокальных очков и начал вытачивать еще.

Итак, налицо были свидетельства того, что один из городов-государств возрождается.

Брама решил, что пора выступить против Акселерационизма.

В Небе был создан военный отряд, Храмы в городах, близких к Кинсету, призывали верующих готовиться к священной войне.

Шива-Разрушитель носил только символ трезубца, потому что его настоящая сила была в огненном жезле, который он носил на боку.

Брама золотого седла и серебряных шпор носил меч, колесо и лук.

Новый Рудра носил лук и колчан старого.

Бог Мара носил сверкающий плащ, все время меняющий цвет, и никто не мог сказать, какого рода его оружие и на какой колеснице он ехал, поскольку пристальный взгляд на него вызывал головокружение, а все вокруг него меняло формы, кроме его лошадей, из чьих ртов все время капала кровь и дымилась там, где падала.

Из полубогов было набрано пятьдесят, все еще старающихся подчинить себе блуждающие атрибуты, мечтающих усилить аспект и отличиться в бою.

Кришна воевать отказался и ушел в Канибурху играть на свирели.

* * *

Кубера нашел его далеко за городом; он лежал на поросшем травой склоне холма и смотрел в звездное небо.

— Добрый вечер.

Он повернул голову и кивнул.

— Как поживаешь, дорогой Кубера?

— Довольно хорошо, Бог Калкин. А ты?

— Вполне хорошо. Нет ли у тебя сигаретки?

— Никогда не хожу без них.

— Спасибо.

— Огонька?

— Да.

— Что это была за джек-птица, которая кружила над Буддой, прежде чем мадам Кали выпустила из нее кишки?

— Давай поговорим о более приятных вещах.

— Ты убил слабого Брамму, и его заменило могучее существо.

— Да?

— Ты убил сильного Шиву, но его заменила равная сила.

— Жизнь полна перемен.

— Чего ты добивался? Мести?

— Месть — это часть личной иллюзии. Может ли человек убить то, что не жило и не умирало по-настоящему, а существует лишь в отражении Абсолюта?

— Ты проделал чертовски хорошую работу, даже если это всего лишь переустройство.

— Спасибо.

— Но зачем ты это сделал? И я предпочел бы простран-
ный ответ.

— Я намеревался смахнуть всю иерархию Неба. Но похоже, что это должно разделить участь всех добрых намерений.

— Расскажи, зачем ты это сделал.

— Если ты расскажешь, как ты меня обнаружил...

— Вполне честно. Так говори, зачем?

— Я решил, что человечеству лучше будет жить без Богов. Если бы я ликвидировал их всех, люди могли бы снова придумать консервные ножи и открывать банки, не боясь гнева Неба. Мы уже достаточно попирали ногами этих бедняг. Я хочу дать им шанс к освобождению, чтобы они создавали то, что хотят.

— Только для своей жизни, своей жизни.

— Иногда да. А иной раз и нет. Как и Боги.

— Ты, вероятно, последний Акселерационист в мире, Сэм. Но никто бы не подумал, что ты также и самый беспощадный.

— Как ты нашел меня?

— Мне пришло в голову, что в числе подозреваемых должен бы находиться Сэм, если бы не тот факт, что он умер.

— А я предполагал, что это достаточно надежная защита от обнаружения.

— Вот я и спросил себя, нет ли какого-нибудь средства, с помощью которого Сэм мог бы избежать смерти. Я ничего не мог придумать, кроме обмена телами. Тогда я спросил себя, кто брал себе новое тело в день смерти Сэма? Только Бог Муруган. Правда, получалось не совсем логично, поскольку он сделал это после смерти Сэма, а не до нее. Я как-то упустил это. Ты — Муруган — был среди тридцати семи подозреваемых, прошел психозонд и был признан Богом Ямой невиновным. Казалось, что я действительно шел по ложному следу... пока не подумал об очень простой вещи — проверить запись. Сам Яма мог бы сбить психозонд, так почему бы не сделать этого кому-то другому? Я вспомнил, что атрибут Калкина включал в себя контроль над молниями и электромагнитным феноменом. Он мог разрегулировать машину своим мозгом таким образом, что она не заметила

ущерба. Значит, надо было учитывать не то, что читала машина, а как она это читала. Как нет двух одинаковых отпечатков ладони или пальцев, так нет и мозговых записей одного и того же рисунка. Но при переходе из одного тела в другое сохраняется та же самая мыслематрица, хотя она и включается в другой мозг. Каковы бы ни были мысли, проходящие через мозг, запись самих мысленных рисунков всегда уникальна. Я сравнил твою запись и запись Муругана, которую нашел в лаборатории Ямы. Они не были подобны. Я не знаю, как ты выполнил обмен телами, но я узнал тебя.

— Очень мудро, Кубера. Кто еще знаком с этими удивительными рассуждениями?

— Пока никто. Боюсь, что Яма скоро дознается. Он всегда решает проблемы.

— Почему ты поставил под угрозу свою жизнь, отыскивая меня?

— Человек, достигший нашего, моего возраста, обычно становится рассудительным. Я знал, что ты, по крайней мере, выслушаешь меня, прежде чем ударить. И знаю также, что, поскольку я хочу сказать хорошее, мне вреда не будет.

— Что ты предлагаешь?

— Я достаточно симпатизирую тому, что ты сделал, чтобы помочь тебе бежать с Неба.

— Спасибо, но не надо.

— Ты хочешь выиграть в этом состязании или нет?

— Хочу, но я сделаю это своими методами.

— Как?

— Я вернусь в город и уничтожу столько Богов, сколько удастся, пока меня не остановят. Если падет достаточное количество крупных, то мелкие не сумеют удержать Небо.

— А если погибнешь ты? Что будет с миром и с делом, которое ты затеял? Сможешь ли ты восстать снова, чтобы защитить их?

— Не знаю.

— Как ты ухитрился устроить возвращение?

— Одно время я был одержим демоном. Он, пожалуй, любил меня и сказал мне однажды, когда мы были в опасности, что он «укрепил мое пламя», так что я мог бы существовать вне своего тела. Я забыл об этом и вспомнил лишь тогда, когда увидел свое искромсанное тело, лежавшее подо мной на улице Неба. Я знал, что есть только одно место, где я могу добыть себе новое тело — Павильон Богов Кармы. Там Муруган требовал обслуживания. Как ты сам только что сказал, моя сила — управление электричеством. Я научился делать это, не задевая

мозга. Ток на мгновение прервался, я вошел в новое тело Муругана, а Муруган отправился в ад.

— Тот факт, что ты рассказал мне все это, указывает, кажется, на то, что ты намерен отправить и меня вслед за Муруганом.

— Мне очень жаль, Кубера, потому что я люблю тебя. Если ты дашь мне слово, что забудешь все то, что узнал, и будешь ждать, пока это дело обнаружит кто-то другой, тогда я позволю тебе уйти живым.

— Рискованно.

— Я знаю, что ты никогда не нарушал данного тобою слова, хотя ты так же стар, как холмы Неба.

— Кого первого ты хочешь убить?

— Конечно, Бога Яму, потому что он ближе всех следует за мной по пятам.

— Тогда тебе придется убить меня, Сэм, потому что он брат Локапал и мой друг.

— Уверяю тебя, мы оба пожалеем, если я вынужден буду убить тебя.

— Не получил ли ты от знакомства с Ракшасом его пристрастия к пари?

— Какого рода пари?

— Твоя победа — я дам тебе слово молчать; моя — ты полетишь со мной на спине Гаруды.

— И в чем состязание?

— Ирландский отбой.

— С тобой, жирный Кубера? Мне, в моем прекрасном новом теле?

— Да.

— Тогда бей первым.

* * *

На темном холме в дальней стороне Неба Сэм и Кубера стояли лицом к лицу.

Кубера отвел назад правый кулак и выбросил его в челюсть Сэма.

Сэм упал, полежал секунду и медленно поднялся на ноги.

Потирая челюсть, он встал на прежнее место.

— Ты сильнее, чем кажешься, Кубера, — сказал он и нанес удар.

Кубера лежал на земле, со свистом втягивая воздух.

Он изо всех сил пытался встать, застонал, но все-таки поднялся.

— Я не думал, что ты встанешь, — сказал Сэм.

Кубера повернулся к нему. Темная влажная полоса спускалась по его подбородку. Когда он встал твердо, Сэм вздрогнул.

Беги под тенью ночи. Спасайся! Под скалу. Прячься! Ярость обратит твои кишки в воду. Решетки трут твой позвоночник...

— Бей! — сказал Сэм.

Кубера улыбнулся и ударил.

Сэм лежал, дрожа, и голос ночи, смешанный со звуками насекомых, ветром и вздохами травы, доносился до него.

Трепещи, как последний упавший лист. В твоей груди глыба льда. В твоём мозгу нет слов, а только цвета паники...

Сэм потряс головой и встал на колени.

Упади снова, свернись в клубок и рыдай. Ибо каково у человека начало, таков и его конец. Мир — это черный катящийся шар. Он давит все, чего коснется. Он катится на тебя. Беги! Ты выиграешь минуту, может быть, час, прежде чем он навалится на тебя...

Он поднял руки к лицу, опустил их, взглянул на Куберу и встал.

— Ты построил в Павильоне Тишины комнату, называемую Страхом. Теперь я вспомнил твою силу, старый Бог. Но ее недостаточно.

Невидимый конь бежит по пастбищам твоего мозга. Ты узнаешь его по отпечаткам копыт, каждый из которых — рана...

Сэм встал в позицию, сжал кулак.

Небо трещит над тобой. Земля может разверзнуться под твоими ногами. А что это за высокая, похожая на тень, фигура, что хочет встать за твоей спиной?

Кулак Сэма вздрогнул, но он выбросил его вперед.

Кубера покачнулся, голова его дернулась в сторону, но он устоял на ногах.

Сэм стоял, трепеща, когда Кубера занес руку назад для последнего удара.

— Старый Бог, ты плутуешь, — сказал Сэм.

Кубера улыбнулся кровоточащим ртом, и его кулак вылетел вперед, как черный шар.

* * *

Яма разговаривал с Ратри, когда тишину ночи нарушил крик проснувшейся Гаруды.

— Такого еще не бывало, — сказал он.

Небеса медленно стали раскрываться.

— Может, Бог Вишну собирается выехать...

— Он никогда не ездит ночью. Я совсем недавно говорил с ним, и он ничего не сказал насчет этого.

- Значит, какой-то другой Бог рискнул сесть на нее.
— Нет! К загону, Богиня! Быстро! Мне может понадобится твоя сила.
Он потянул ее за собой к воздушному стойлу Птицы.

* * *

Гаруда была разбужена и отвязана, но колпак еще оставался на ее глазах.

Кубера принес потерявшего сознание Сэма в загон и привязал к седлу. Затем он спустился и повернул последнюю ручку. Верх клетки откатился. Кубера взял длинный металлический крюк и пошел обратно к веревочной лестнице. От Птицы невыносимо воняло. Гаруда беспрерывно двигалась и топорила перья длиной в два человеческих роста.

Кубера медленно взобрался на нее.

Как раз когда он привязывался к сидению, к клетке подошли Яма и Ратри.

— Кубера! Что за безумие? — закричал Яма. — Ты же никогда не любил высоты!

— Важное дело, Яма, — ответил Кубера, — а ехать в громовой колеснице — трратишь целый день.

— Какое дело? И почему бы не взять гондолу?

— На Гаруде быстрее. Я расскажу тебе, когда вернусь.

— Может, я могу помочь тебе?

— Нет. Спасибо.

— А Бог Муруган может?

— В этом случае — да.

— Вы никогда не были в хороших отношениях.

— Мы и сейчас не в хороших. Но мне нужны его услуги.

— Эй, Муруган! Ты почему молчишь?

— Он спит, Яма.

— Но у тебя лицо в крови, брат.

— Со мной произошел небольшой несчастный случай.

— И Муруган тоже плохо выглядит...

— От того же несчастного случая.

— Что-то тут неладно, Кубера. Подожди, я войду в клетку.

— Отойди, Яма!

— Локапалы не приказывают друг другу. Мы равны.

— Отойди, Яма! Я снимаю колпак Гаруды!

— Не делай этого!

Кубера внезапно наклонился с крюком и снял колпак с высокой головы Птицы. Гаруда закинула голову и снова крикнула.

— Ратри! — сказал Яма, — наложи тьму на глаза Гаруды, чтобы она не смогла видеть.

Яма двинулся к входу в клетку. Тьма, как грозовая туча, окутала голову Птицы.

— Ратри! — сказал Кубера. — Сними этот мрак и наложи его на Яму, или все пропало.

Ратри поколебалась секунду, но послушалась.

— Иди быстрее ко мне! — крикнул Кубера. — Поднимайся на Гаруду, поедешь с нами! Ты нам чертовски нужна!

Ратри вошла в клетку и пропала из виду, так как тьма расползалась, как чернильная лужа, и Яма ощупью искал дорогу.

Веревочная лестница была сброшена, и Ратри поднялась на Гаруду.

Гаруда завизжала и подскочила в воздух, потому что Яма двигался вперед с кинжалом в руке и резанул первое, что попало ему под руку.

Ночь окутала их, и Небо осталось далеко внизу.

Когда они набрали высоту, начал приближаться купол. Гаруда спешила к воротам, не переставая визжать.

Они прошли через ворота, и Кубера поторопил Птицу.

— Куда мы едем? — спросила Ратри.

— В Кинсет, на реке Ведра, — ответил он. — А это Сэм. Он жив.

— Что случилось?

— Он тот, кого ищет Яма.

— Он найдет его в Кинсете?

— Без сомнения, Богиня. Без сомнения. Но прежде, чем он найдет его, мы, возможно, подготовимся получше.

* * *

В дни, предшествующие Великой Битве, в Кинсет пришли защитники. Кубера, Сэм и Ратри дали предупреждение. Кинсет уже знал, что его соседи поднимаются, но не знал о небесных мстителях, готовых прийти.

Сэм обучал войска, которые должны были сражаться с Богами, а Кубера — тех, кто будет сражаться с людьми.

Для Богини Ночи были выкованы черные доспехи, на которых было написано: «Охраняй нас от волка и волчицы, и от ночного вора».

А на третий день перед палаткой Сэма на равнине за городом поднялась огненная башня.

— Владыка Адского Колодца пришел сдержать свое обещание, о Сиддхарта, — сказал голос в его голове.

— Тарака! Как ты нашел меня... и как узнал меня?

— Я смотрю на пламя, что является истинной твоей сущностью, а не на плоть, скрывающую его. Ты же знаешь.

— Я думал, что тебя нет в живых.

— Почти так и было. Эти двое действительно пьют жизнь глазами! Даже жизнь такого существа, как я.

— Я же тебе говорил. Ты привел с собой свои легионы?

— Да. Привел.

— Это хорошо. Боги скоро будут здесь.

— Я знаю. Я много раз бывал в Небе на ледяных шапках его гор, а мои шпионы и сейчас там. Поэтому я знаю, что они готовы идти сюда. Они также приглашают людей принять участие в сражении. Хотя они и не считают, что им нужна людская помощь, но думают, что люди пригодятся для разгрома Кинсета.

— Да, это понятно, — заметил Сэм, созерцая громадный вихрь желтого пламени. — Еще что нового?

— Идет Красный.

— Я его ждал.

— Идет к своей смерти. Я должен победить его!

— У него будет с собой репеллент.

— Тогда я найду способ убрать репеллент или убить Красного на расстоянии. Он будет здесь с наступлением ночи.

— Как он идет?

— На летающей машине — не такой большой, как громовая колесница, которую мы пытались украсть — но очень скоростной. Я не мог напасть на нее в полете.

— Он один?

— Да, если не считать того, кто при машинах.

— Какие машины?

— Много машин. Его летающая машина битком набита странным оборудованием.

— Плохое предзнаменование.

Башня полыхнула оранжевым.

— Но едут также и другие.

— Ты только что сказал, что он один.

— Правильно.

— Тогда поясни мне истинный смысл твоих слов.

— Другие не с Неба.

— Откуда же?

— С тех пор, как ты уехал с Неба, я много путешествовал по миру и искал связи с теми, кто тоже ненавидит Богов. Кстати, в твоём прошлом воплощении я пытался спасти тебя от кошек Канибурхи.

— Я знаю.

— Боги сильны. Сильнее, чем были раньше.

— Теперь скажи, кто идет помогать нам.

— Бог Ниррити Черный, который ненавидит все, но больше всего — Богов Неба. Так что он посылает тысячу неживых сражаться на равнине возле Ведры. Он сказал, что после битвы мы, Ракшасы, можем выбрать себе тела из тех выращиваемых им безмозглых существ, которые уцелеют.

— Мне не улыбается помощь Черного, но выбора у меня нет. Когда они придут?

— Ночью. Но Далисса будет здесь раньше. Я уже чувствую ее приближение.

— Далисса? Кто...

— Последняя из Матерей Страшного Жара. Она единственная скрылась в глубинах, когда Дурга и Бог Калкин направлялись морем в купол. Все ее яйца были передавлены, и она больше не может откладывать их, но она несет в своем теле пылающую энергию Морского Жара.

— И ты думаешь, она станет помогать мне?

— Она никому не станет помогать. Она последняя в роду. Она будет только наблюдателем.

— Имей в виду, что особа, которую знали под именем Дурги, теперь носит тело Браммы, главного нашего врага.

— Да, это делает вас обоих мужчинами. Она могла принять другую сторону и остаться женщиной. Но теперь она связала себя. Она сделала выбор из-за тебя.

— Эта помощь чуточку уравнивает положение.

— Сейчас Ракшасы гонят слонов, слизардов и больших кошек, чтобы напустить их на наших врагов.

— Хорошо.

— И призвали элементарей огня.

— Очень хорошо.

— Далисса уже близко. Она будет ждать меня на дне реки и выплывет, когда понадобится.

— Передай ей привет от меня, — сказал Сэм, поворачиваясь к входу в палатку.

— Передам.

Сэм опустил за собой клапан.

* * *

Когда Бог Смерти спустился с Неба на равнину возле Ведры, Тарака Ракшас кинулся на него в образе большой кошки из Канибурхи, но тотчас же отлетел назад. На Яме был демонский репеллент, из-за которого Тарака не мог подойти близко.

Ракшас откатился, сбросил кошачью форму и стал вихрем серебряных пылинок.

— Бог Смерти! — взорвалось в голове Ямы. — Помнишь Адский Колодец?

И тут же камни и песок втянулись в вихрь и метнулись по воздуху к Яме, который запахнул плащ, прикрыл его полой глаза, но не тронулся с места.

Через некоторое время буря утихла. Яма не шевелился. Вокруг него все было усыпано обломками, но рядом с ним не было ни камешка.

Яма опустил край плаща и посмотрел на вихрь.

— Что за колдовство? — услышал он. — Как тебе удастся устоять?

Яма продолжал смотреть на Тараку.

— Как тебе удастся кружиться? — спросил он.

— Я — величайший из Ракшасов. Я однажды вынес твой смертельный взгляд.

— А я — величайший из Богов. Я устоял против всего твоего легиона в Адском Колодце.

— Ты лакей Тримурти.

— Ты ошибаешься. Я пришел сюда сражаться против Неба во имя Акселерационизма. Ненависть моя велика, и я принес оружие, чтобы использовать его против Неба.

— Тогда, я полагаю, мне придется отказаться от удовольствия продолжать сейчас нашу битву.

— Я бы счел это разумным.

— И ты в самом деле хочешь, чтобы тебя проводили к нашему вождю?

— Я и сам найду дорогу.

— Тогда — до встречи, Бог Яма!

— До свидания, Ракшас.

Тарака взлетел, как горящая стрела, в небо и исчез из виду.

* * *

Некоторые говорят, что Яма разрешил свою задачу, когда стоял в темноте большой птичьей клетки. Другие же полагают, что он повторил соображения Куберы, пользуясь лентами в Большом Зале Смерти. Как бы то ни было, он, войдя в палатку на равнине у Ведры, приветствовал находящегося там человека, назвав его Сэмом. Этот человек положил руку на свое лезвие и встал перед Ямой.

— Смерть, ты предвосхищаешь битву, — сказал он.

— Были изменения, — ответил Яма.

— Какого рода?

— Изменение позиции. Я пришел сюда воспротивиться воле Неба.

— Каким образом?

— Сталью. Огнем. Кровью.

— С чего такая перемена?

— В Небе произошел развод. И предательство. И позор. Богиня зашла слишком далеко, и теперь я знаю причину, Бог Калкин. Я не одобряю твой Акселерационизм, но и не отрицаю его. Для меня важно лишь то, что это единственная сила в мире, могущая противостоять Небу. И, понимая это, я присоединяюсь к тебе, если ты примешь мой меч.

— Я приму твой меч, Бог Яма.

— И я подниму его против любого из небесной шайки, за исключением лишь самого Брами, против которого я не встану.

— Договорились.

— Тогда позволь мне быть твоим возничим.

— Я бы не против, но у меня нет боевой колесницы.

— Я привез специальную колесницу. Я долгое время работал над ней, и она еще не вполне закончена, но и такой будет достаточно. Я должен собрать ее в эту ночь, потому что сражение начнется завтра утром на заре.

— Так я и думал. Ракшас предупредил меня о приближении войск.

— Да, я видел их, когда пролетал над ними. Главная атака будет с северо-востока, через равнину. Боги присоединятся позднее. Но, без сомнения, войска идут со всех сторон, включая и реку.

— Мы контролируем реку. Далисса из Жара ждет на дне. Когда придет время, она поднимет волны, заставит их кипеть и захлестывать скамьи галер.

— Я думал, что Жар весь вымер.

— Да, кроме Далиссы. Она последняя.

— Как я понял, Ракшасы будут сражаться вместе с нами?

— Да, и другие...

— Кто другие?

— Я принял помощь... безмозглых тел, их боевой отряд... от Бога Ниррити.

Яма прищурился и раздул ноздри.

— Это плохо, Сиддхарта. Рано или поздно его нужно будет уничтожить, и нехорошо быть в долгу у такого типа.

— Я знаю, Яма, но я в отчаянном положении. Они прибывают ночью...

— Если мы победим, Сиддхарта, опрокинем Небесный Город, сломаем древнюю религию, освободим людей для тех-

нического прогресса, то оппозиция все равно будет. Ниррити, который все эти столетия ждал смерти Богов, будет атакован и повержен. Будет ли так, или все начнется сначала — во всяком случае, Боги Города несколько более тактичны в своих некрасивых действиях.

— Я думаю, мы должны принять помощь независимо от того, просили мы о ней или нет.

— Да, но приглашая его или принимая его предложение, ты в любом случае будешь обязан ему.

— Ну, когда дело дойдет до расплаты, тогда и посмотрим.

— Это политично, согласен. Но мне это не нравится.

Сэм налил сладкого темного кинсетского вина.

— Я думаю, Кубера захочет позднее с тобой повидаться, — сказал он, предлагая Яме стаканчик.

— Что он делает? — спросил Яма, выпивая вино одним глотком.

— Тренирует войска и ведет класс по двигателям внутреннего сгорания для местных ученых, — сказал Сэм. — Даже если мы проиграем, что-то останется и будет совершенствоваться.

— Если это принесет какую-то пользу, то им нужно знать не только описание машины...

— Он в эти дни говорил до хрипоты, и писцы все записывали за ним — геологию, рудное дело, металлургию, химию нефти...

— Будь у нас больше времени, я бы помог. А сейчас, если хоть десять процентов сохранится, и то будет достаточно. Не завтра-послезавтра, но...

Сэм допил свое вино и снова наполнил стаканчики.

— За завтрашний день, возникший!

— За кровь, Связующий, за кровь и убийство!

— Часть крови может быть и нашей собственной, Бог Смерти. Но все равно, мы возьмем с собой достаточное количество врагов...

— Я не могу умереть, Сиддхарта, иначе как по собственному желанию.

— Как это может быть, Бог Яма?

— Позволь Смерти иметь свои маленькие секреты, Связующий. А то я могу отказаться выполнить свою долю работы в этой битве.

— Как угодно, Бог.

— За твоё здоровье и долгую жизнь!

— За твои.

День сражения заалел зарей, будь-то бедро девушки, которое только что ущипнули. С реки потянулся легкий туман. Мост Богов сиял золотом на востоке, тянулся обратно, темнел в уходящей ночи, разделял небо как бы горящим экватором.

Воины Кинсета ждали за городом, на равнине у Ведры. Пять тысяч человек с мечами, луками, пиками и пращами ждали сражения. В первых рядах стояла тысяча зомби под предводительством живых сержантов Черного, которые направляли все их движение барабанным боем и полотнищами черного шелка, выющимися по ветру, как дымные змеи, над шлемами зомби.

Пятьсот копьеносцев держались в тылу. Серебряные циклоны — Ракшасы — висели в воздухе. Время от времени вдали слышался рев зверей джунглей. Пять элементарей сверкали на остриях пик и на столбе для флага.

В небе не было ни облачка. Трава на равнине была еще влажной и блестящей. Воздух был холодный, земля еще достаточно мягкая, чтобы видны были отпечатки ног. Серый, зеленый и желтый цвета под небом били в глаза. Ведра кружилась в берегах, собирая листья деревьев. Говорят, что каждый день повторяет историю мира: выходит из темноты и холода в начинающееся тепло и смутный свет, сознательно щурит глаза в середине утра, пробуждает мысли скачком нелогичной и несвязной эмоции, спешит к полуденному теплу, медленно, болезненно склоняется в пыль, к таинственному полусвету, к концу энтропии, которая есть ночь.

Начался день.

Далеко в конце поля стала заметна темная линия. Звук трубы прорезал воздух, и эта линия двинулась вперед.

Сэм стоял в своей боевой колеснице во главе строя, в сверкающей броне и с длинным серым копьем смерти. Он услышал слова Смерти, которая носила красное и была его возникшим.

— Их первая волна кавалерии на слизардах.

Сэм искоса взглянул на далекую линию.

— Это она, — сказал возникший.

— Прекрасно.

Он сделал жест копьем, и Ракшасы двинулись вперед, как приливная волна белого света. Двинулись и зомби...

Когда белая волна и темная линия сошлись, послышалась сумятица голосов, шипение и грохот оружия.

Темная линия остановилась, над ней дымились громадные густки пыли.

Затем пришли звуки поднимающихся джунглей, когда собранные хищные звери были выпущены на фланг врагов.

Зомби шли медленно, в такт барабанному бою, а огненные элементали летели перед ними, и там, где они пролетали, трава засыхала.

Сэм кивнул Смерти, и колесница медленно двинулась вперед на воздушных подушках. За ней двигалась армия Кинсета. Бог Кубера спал в наркотическом сне, подобном смерти, в тайном подвале под городом. Богиня Ратри ехала на черной кобыле позади строя копыеносцев.

— Их атака отбита, — сказал Сэм.

— Да.

— Вся их кавалерия сброшена на землю, и звери все еще свирепствуют среди них. Они до сих пор не перестроили свои ряды. Ракшасы обрушились лавиной на их головы, как дождь с неба. Теперь на них идет волна огня.

— Да.

— Мы уничтожим их. Уже сейчас они видят безмозглых дружинников Ниррити, идущих на них, как обычные люди, ровным шагом и без страха, их барабаны отбивают такт, а в их глазах нет ничего, вообще ничего. А глядя поверх их голов, враги видят здесь нас в грозовом облаке, и видят, что твоей колесницей правит Смерть. Их сердца бьются чаще, холодеют бицепсы и бедра. Видишь, как звери проходят среди них?

— Да.

— Пусть не будет звуков рога в наших рядах, потому что это не сражение, а убийство.

— Да.

Зомби убивали все на своем пути, и если падали, то падали без слова, потому что для них все было одинаково, а слова для неживых не имеют никакого значения.

Они очистили поле, и свежая волна воинов пошла на них. Но кавалерия была разбита. Пешие солдаты не могли устоять перед копьями и Ракшасами, перед зомби и пехотой Кинсета.

С острыми, как бритвы, краями боевая колесница, ведомая Смертью, врезалась во врага, как пламя прокатывается по полю. Стрелы и копья в полете поворачивали под прямым углом, не задевая ни колесницы, ни стоявших в ней. Темные огни плясали в глазах Ямы, когда он сжимал двойное колесо, управляющее ходом колесницы. Снова и снова безжалостно направлял он колесницу на врага, а копьё Сэма разило как змеиный язык, когда они проезжали через ряды воинов.

Неизвестно откуда прозвучал сигнал к отступлению, но уже мало кто мог ответить на призыв.

— Протри глаза, Сиддхарта, — сказал Яма, — и прикажи строиться заново. Нам надо усилить атаку. Манджушри Меч должен отдать приказ. Боги наблюдают и оценивают наши силы.

— Да, Смерть, я знаю.

Сэм поднял копьё, как сигнал, и в отрядах началось новое движение. Затем над ними нависла тишина. Вдруг не стало ни ветра, ни звука. Небо было ясное. Земля была серо-зеленая, утоптанная. Вдали призрачной оградой поднималась пыль.

Сэм оглядел ряды и показал копьём вперед. И в то же мгновение раздался удар грома.

— Боги сейчас выйдут на поле, — сказал Яма, глядя вверх.

Наверху пронеслась громовая колесница. Однако разрушительного дождя не последовало.

— Почему мы еще живы? — спросил Сэм.

— Я думаю, они больше хотят нашего позорного поражения. А может, боятся использовать громовую колесницу против ее создателя... и справедливо боятся.

— В таком случае... — сказал Сэм и подал сигнал к атаке.

Колесница повезла его вперед.

Сзади шли силы Кинсета.

* * *

Раздался звук небесной трубы.

Линия воинов-людей противника расступилась. Вперед выехали пятьдесят полубогов.

— Сиддхарта, — сказал Смерть, — Бог Калкин никогда не бывал побит в сражении.

— Знаю.

— У меня с собой Талисман Связующего. На погребальном костре сожгли поддельный, а настоящий я оставил у себя для изучения. Но мне никогда не везло: минутку подержал — и вот, сейчас надену на тебя.

Сэм поднял руки, и Смерть застегнул на его талии пояс из раковин.

Сэм дал знак армии Кинсета остановиться, и Смерть повез его одного навстречу полубогам.

Над головами некоторых полубогов играли нимбы раннего аспекта. У других было странное оружие для фокусировки их странного атрибута. Пламя шло понизу и лизало колесницу. Ветры хлестали ее. Грохочущий шум падал на нее. Сэм сделал жест копьём — и первые три противника зашатались и упали наземь со своих слизардов.

Смерть направил колесницу в гущу полубогов. У нее были

острые, как бритва, края, а ее скорость втрое превышала скорость лошади и вдвое — слизарда.

Пока он ехал, вокруг него возникал туман, окрашенный кровью. Тяжелые метательные снаряды летели к нему и исчезали, свернув в ту или иную сторону. Ультразвук штурмовал уши, но каким-то образом частично гасился.

Сэм с бесстрастным лицом поднял копьё высоко над головой. Внезапная ярость пробежала по его лицу, и с верхушки копьё соскочили молнии.

Слизарды и всадники загорелись и скорчились.

Запах горелой плоти ударил в его ноздри. Он засмеялся, и Смерть повернул колесницу для второго захода.

— Вы наблюдаете за мной? — крикнул Сэм в небо. — Продолжайте! Вы сделали ошибку!

— Не надо! — сказал Смерть. — Рано еще! Никогда не насмехайся над Богом, пока он не умер!

И колесница снова понеслась через ряды полубогов, и никто не мог коснуться ее.

Звуки трубы наполнили воздух, и святая армия хлынула на помощь своим застрельщикам.

Воины Кинсета выступили вперед, чтобы вступить с нею в бой.

Сэм стоял в колеснице, а снаряды тяжело падали вокруг него, не попадая в цель. Смерть вез его через ряды врагов, пронзая их теперь уже как клин, а не как рапира. Сэм запел, и его копьё было похоже на змеиный язык, и иногда трещало, когда с него сыпались яркие вспышки. Талисман на его талии горел бледным огнем.

— Мы возьмем их! — сказал Сэм.

— На поле только полубоги и люди, — сказал Смерть. — Боги все еще проверяют твою силу. Из них мало кто помнит полную мощь Калкина.

— Полная мощь Калкина? Она никогда не выпускалась, о Смерть. Никогда — за все века ее существования. Пусть выйдут против меня теперь, и небеса будут плакать над их телами, и Ведро станет цвета крови!... Вы слышите меня, Боги? Выходите против меня! Я вызываю вас сюда, на это поле! Здесь вы встретитесь с моей силой!

— Нет! — сказал Смерть. — Еще не время!

Громовая колесница вновь пронеслась над ними.

Сэм поднял копьё, и пиротехнический ад разверзся вокруг движущейся колесницы.

— Не следовало бы показывать им, что ты можешь это делать. Еще рано!

Затем в мозгу Сэма зазвучал голос Тараки:

— Они теперь идут по реке, о Связующий. А другой отряд штурмует ворота города!

— Скажи Далиссе, чтобы поднялась и энергией Жара заставила Ведру кипеть! Пошли Ракшасов к воротам Кинсета, чтобы уничтожить захватчиков!

— Слушаюсь, Связующий! — И Тарака исчез.

Луч слепящего света вылетел из громовой колесницы и врезался в ряды защитников.

— Время настало, — сказал Смерть и махнул плащом.

В самом заднем ряду Богиня Ратри привстала на стременах и подняла черную вуаль, которая была накинута на броню.

С обеих сторон раздались вопли, потому что солнце скрыло свое лицо и темнота спустилась на поле. Стебель света исчез из-под колесницы и сияние прекратилось.

Но из невидимого источника возникло слабое мерцание, когда Бог Мара влетел на поле в своей многоцветной колеснице, запряженной изрыгающими реки крови конями.

Сэм повернулся к нему, но между ними вклинилось громадное количество воинов; однако, прежде чем они успели пробиться к Маре, он уже ехал через поле, убивая всех на своем пути.

Сэм поднял копье, но его мишень расплылась и изменилась, и молнии пролетали либо позади нее, либо по сторонам.

Вдали, в реке, появился мягкий свет. Он жарко пульсировал, и что-то вроде щупальцев на миг всколыхнулось под водой.

Из города донеслись звуки сражения. Воздух был полон демонов. Земля, казалось, шевелилась под ногами воинов.

Сэм поднял копье и прочертил светящуюся линию, которая поднялась в небо, вызывая еще дюжину богов спуститься на поле.

Звери рычали, кашляли и выли, бегая между шеренгами сражающихся и убивая людей обеих сторон.

Зомби продолжали убивать; черные сержанты подгоняли их непрерывным боем барабанов; огненные элементали вцеплялись в грудь мертвых, как будто питались ими.

— Полубогов мы разбили, — сказал Сэм. — Давай теперь попробуем одолеть Бога Мару.

Они высматривали его на другом конце поля среди воплей и стонов, — едущего по тем, кто скоро будет трупом, и по тем, кто уже был им.

Увидев цвета его колесницы, они бросились преследовать его. Наконец он повернулся к ним в коридоре тьмы. Смутно и издали доносились звуки битвы. Смерть уже остановил колесницу, и они смотрели сквозь ночь в глаза друг другу.

— Ты будешь сражаться, Мара? — крикнул Сэм. — Или мы должны гнать тебя, как собаку?

— Не говори мне о своих родителях — кобеле и суке, о Свя-
зующий! — ответил Мара. — Это ведь ты, Калкин? Твой пояс и
твоя манера воевать. Твои молнии поражают одинаково и дру-
зей, и врагов. Ты и в самом деле каким-то образом жив, а?

— Это я, — сказал Сэм, уравнивая копьё.

— Идохлый Бог правит твоей тележкой?

Смерть поднял левую руку ладонью вперед.

— Я обещаю тебе смерть, Мара, — сказал он. — Если не
от руки Калкина, то от моей. Если не сегодня, так в другой
день, но она все равно между нами.

Пульсация на руке стала учащаться.

Смерть наклонился вперед, и колесница быстро поехала
к Маре. Кони Мастера Снов попятись, выпустив огонь из
ноздрей.

Сэм и Смерть прыгнули вперед. Стрелы Рудры искали их
в темноте, но, приближаясь к Смерти или его колеснице, сво-
рачивали в сторону и взрывались, давая на мгновение слабое
освещение.

Вдалеке тяжело шагали слоны, гонимые Ракшасом через
равнину.

Послышался мощный ревуший звук.

Мара стал гигантом, а его колесница — горой. Его кони,
скакавшие вперед, вытянулись в бесконечность. С копья Сэма
сорвалась молния, как струя с фонтана.

Над Марой внезапно закрутилась снежная метель, косми-
ческий холод проник в его кости. В последний момент Мара
повернул свою колесницу и выскочил из нее.

Сэм и Мара столкнулись на борту колесницы. Раздался
скрежет, и оба медленно опустились на землю.

С оглушительным ревом и пульсацией света река вспучи-
лась, готовая взорваться. Стремительная волна пронеслась
через поле, когда Ведро вышла из берегов.

Вопли усилились. Лязг оружия продолжался. Барабаны
Ниррити все еще бухали в темноте, а сверху донесся странный
звук, когда громовая колесница быстро понеслась к земле.

— Куда он делся? — закричал Сэм.

— Скрылся. Но он не может прятаться вечно.

— Черт побери! Так мы победили или проиграли?

— Хороший вопрос. Ответа на него у меня пока нет.

Вода пенилась над стоявшей колесницей.

— Мы можем снова пустить ее в ход?

— В темноте и в захлестывающей воде — нет.

— Что же будем делать?

— Курить и набираться терпения.

Через некоторое время над ними завис Ракшас.

— Связующий! — рапортовал он. — Новые нападающие на город имеют на себе этот чертов репеллент!

Сэм поднял копьё, и с острия слетела молния. Поле на мгновение осветилось, как от фотовспышки.

Всюду лежали мертвые, кучками и по одному. Между ними валялись трупы животных. Несколько больших кошек еще бродили, выбирая пищу. Огненные элементали улетели от воды, которая покрывала грязью упавших и хлестала тех, кто еще мог стоять. На поле лежали холмы из разбитых колесниц и мертвых слизардов и лошадей. По полю все еще шли, повинаясь приказу, зомби с пустыми глазами, убивая все живое перед собой. Барабаны все еще били, но уже иногда запинались. Из города слышались звуки битвы.

— Найди Богиню в черном, — приказал Сэм Ракшасу, — и скажи, чтобы сняла темноту.

— Слушаюсь, — ответил демон и полетел к городу.

Снова засияло солнце, и Сэм прикрыл глаза рукой.

Под голубым небом и золотым мостом резня выглядела еще ужаснее.

В дальнем конце поля на возвышении стояла громовая колесница.

Зомби убили последнего человека в поле зрения. Когда они повернулись, ища оставшихся в живых, барабаны смолкли, и зомби сами упали на землю.

Сэм и Смерть стояли в колеснице и оглядывались в поисках живых.

— Никакого движения, — сказал Сэм. — А где Боги?

— Может быть, в громовой колеснице.

Вернулся Ракшас.

— Защитники не могут удержать город!

— Боги участвуют в штурме?

— Там Рудра, и его стрелы производят страшную панику. Бог Мара там. Брама, я думаю, тоже, и много других. Очень большое смятение. Я спешил доложить.

— Где Госпожа Ратри?

— Она вошла в Кинсет, в свой Храм.

— Где остальные Боги?

— Не знаю.

— Я поеду в город, — сказал Сэм, — и помогу защитникам.

— А я — к громовой колеснице, — сказал Смерть, —

чтобы взять ее и использовать против врагов — если ею еще можно пользоваться. Если нет — остается Гаруда.

— Да, — сказал Сэм и поднялся в воздух.

Смерть выскочил из колесницы.

— Удачи тебе.

— И тебе тоже.

Они проследовали по месту резни, каждый по-своему.

* * *

Он поднялся на небольшую возвышенность. Его красные кожаные сапоги бесшумно ступали по траве.

Он перекинул через плечо свой алый плащ и осмотрел громовую колесницу.

— Она повреждена молниями.

— Да, — согласился он и посмотрел на хвостовую часть, на того, кто говорил.

Броня Бога сияла как бронза, хоть не была бронзой, и украшена фигурами змей. На сверкающем шлеме — бычьи рога, а в левой руке — трезубец.

— Брат Агни, ты появился на земле.

— Я больше не Агни, а Шива, Бог Разрушения.

— Ты надел его доспехи на новое тело и взял его трезубец. Но никто не может так быстро овладеть трезубцем Шивы. Вот поэтому ты и носишь на правой руке белую перчатку и очки на лбу.

Шива поднял руку и опустил очки на глаза.

— Это правда, я знаю. Убери свой трезубец, Агни. Дай мне твою перчатку и жезл, твой пояс и твои очки.

Шива покачал головой.

— Я уважаю твою мощь, Бог Смерти, твою скорость и твою силу, твою ловкость. Но ты стоишь слишком далеко, чтобы это помогло тебе сейчас. Ты не можешь подойти ко мне, потому что я сожгу тебя раньше. Смерть, ты умрешь! — Он потянулся к жезлу и поясу.

— Ты хочешь повернуть дар Смерти против дарителя? — Кроваво-красный ятаган появился в руке Смерти.

— Прощай, Дхарма. Твои дни кончились. — Агни потянул жезл.

— Во имя прошлой дружбы, — сказал Красный, — я сохраню тебе жизнь, если ты сдашься.

Жезл закачался.

— Ты убил Рудру, защищая имя моей жены!

— Я сделал это, чтобы сохранить честь Локапалы. А теперь я Бог Разрушения и один из Тримурти!

Он нацелил огненный жезл, а Смерть завертел перед ним своим алым плащом.

Вспышка света была так ослепительна, что за две мили, на стенах Кинсета защитники увидели ее и были потрясены.

* * *

Враги вошли в Кинсет. Теперь здесь были пожары, вопли, удары металла о дерево, металла о металл.

Ракшасы опрокидывали дома на врагов, к которым не могли подойти близко. Врагов, как и защитников, осталось очень мало. Основная масса обеих армий погибла на равнине.

Сэм стоял на вершине самой высокой башни Храма и смотрел вниз, на павший город.

— Я не мог спасти тебя, Кинсет, — сказал он. — Я пытался, но недостаточно.

Далеко внизу, на улице, Рудра натянул свой лук.

Молнии упали на Рудру, и стрела взорвалась.

Когда воздух очистился и Рудра встал, посреди обугленной земли был маленький кратер.

На дальней крыше появился Бог Вайю и призвал ветры, чтобы раздувать пожары. Сэм снова поднял копье, но на дюжине крыш стояла дюжина Вайю.

— Мара! — закричал Сэм. — Покажись, Мастер Снов! Если осмелишься!

Вокруг него слышался смех.

— Когда я буду готов, Калкин, — раздался голос из дымного воздуха, — я осмелюсь. Но я могу выбрать... У тебя не кружится голова? Что, если ты свалишься оттуда на землю? Подхватят ли тебя Ракшасы? Станут ли твои демоны спасать тебя?

Молнии полетели вниз на все близкие к Храму здания, но сквозь шум слышался смех Мары. Он замер в отдалении, и затрещали новые пожары.

Сэм сел и смотрел на горящий город. Звуки сражения прекратились. Осталось только пламя.

Резкая боль возникла в его голове и исчезла. Затем появилась снова и осталась. Она распространилась на все тело, и Сэм вскрикнул.

Брама, Вайю, Мара и четверо полубогов стояли внизу на улице.

Сэм попытался поднять копье, но его рука так дрожала, что копье выпало, загрохотало на камнях и исчезло.

Скипетр с черепом и колесом был направлен на Сэма.

— Спускайся, Сэм! — сказал Брама, легко двигая скипетром, отчего боль усилилась и стала жгучей. — В живых остались только ты и Ратри. Ты последний! Сдавайся!

Сэм с трудом поднялся и вцепился руками в свой сверкающий пояс. Покачнувшись, он сказал сквозь стиснутые зубы:

— Прекрасно! Я спущусь, как бомба, прямо на вас!

Но небо то темнело, то светлело, то снова темнело.

Над звуками пожара поднялся мощный крик.

— Это Гаруда! — сказал Мара.

— Зачем бы Вишну приходить сейчас?

— Гаруду украли, разве ты забыл?

Громадная птица пикировала на горящий город, как гигантский феникс на свое охваченное огнем гнездо.

Сэм повернул голову вверх и увидел, что на глаза Гаруды внезапно опустился колпак. Птица взмахнула крыльями и нырнула вниз, к Богам, которые стояли у Храма.

— Красный! — закричал Мара. — Наседник в красном!

Брама повернул свой визжащий скипетр, держа его обеими руками, к голове пикирующей птицы.

Мара сделал жест, и крылья Гаруды, казалось, загорелись.

Вайю поднял руки, и ветер обрушился на верховое животное Вишну, разбивающее клювом колесницы.

Птица снова закричала и распахнула крылья, замедляя спуск. На ее голову обрушились Ракшасы, тычками и уколами принуждая птицу спускаться.

Она замедлила спуск, но не остановилась. Боги бросились враспынную.

Гаруда ударилась о землю, и земля задрожала.

Яма выбрался из ее спинных перьев, соскочил с ятаганом в руке, сделал три шага и упал. Мара появился из развалин и ударил Яму по затылку ребром ладони.

Сэм прыгнул еще до того, как был нанесен удар, но опоздал. Скипетр снова завизжал, и все завершилось вокруг Сэма. Он старался прервать свое падение, но лишь замедлил его.

Земля в сорока футах, в тридцати, в двадцати...

Земля была окутана тусклым кровавым туманом, затем почернела.

— Бог Калкин, наконец, побежден в бою, — тихо сказал кто-то.

* * *

Брама, Мара и два оставшихся в живых полубога понесли Сэма и Яму из умирающего города Кинсета на берег Ведры. Богиня Ратри шла за ними с веревкой на шее.

Они положили Сэма и Яму в громовую колесницу, которая была в значительно худшем состоянии, чем они оставили ее: в правом борту зияла громадная дыра, а часть хвостового оборудования отсутствовала. Они заковали пленников в цепи, сняв Талисман Связующего и малиновый плащ Смерти. Затем послали сообщение на Небо, и через некоторое время пришла небесная гондола и увезла их в Небесный Город.

— Мы победили, — сказал Брами. — Кинсета больше нет.

— Дорого он обошелся нам, я считаю, — сказал Мара.

— Но мы победили!

— И Черный снова шевелится.

— Он хочет проверить наши силы.

— И что он думает о них? Мы потеряли целую армию, и даже Боги умирали в этот день.

— Мы сражались со Смертью, с демонами и с Калкиным, с Ночью и с Матерью Жара. Ниррити больше не поднимет руки против нас после такой победы, как эта.

— Могуч Брами, — сказал Мара и отвернулся.

* * *

Боги Кармы были вызваны, чтобы судить пленников.

Богиня Ратри была изгнана из Небесного Города и приговорена жить на земле как смертная, и перевоплощаться всегда в немолодые тела наиболее уродливого вида, которые не могли бы нести полную силу ее аспекта и атрибута. Ей была оказана такая милость, потому что ее признали лишь соучастницей, обманутой Куберой, которому она доверяла.

Когда пошли за Богом Ямой, чтобы привести его на суд, то обнаружили, что он умер в камере. В его тюрбане был маленький металлический ящичек. Он взорвался.

Боги Кармы провели вскрытие тела и совещались.

— Почему он не принял яд, если хотел умереть? — спросил Брами. — Пилюлю спрятать куда легче, чем эту коробку.

— Вполне возможно, — сказал один из Богов Кармы, — что где-то на земле у него припрятано другое тело, и он намеревался переселиться в него с помощью радио-прибора, который был поставлен на самоуничтожение после использования.

— Разве это можно сделать?

— Конечно, нет. Оборудование пересадки сложное и громоздкое. Но Яма хвастался, что может сделать все. Он однажды пытался убедить меня, что такой прибор можно сделать. Но между двумя телами должен быть прямой контакт с помощью грифелей и проводов. А такой крошечный прибор не мог бы генерировать достаточной энергии.

— Кто сделал твой психозонд? — спросил Брама.

— Бог Яма.

— А громовую колесницу Шивы? А огненный жезл Агни? Твой страшный лук, Рудра? Трезубец? Сверкающее копьё?

— Яма.

— Тогда я скажу тебе, что приблизительно в то же время, когда действовал этот крохотный ящичек, в Большом Зале Смерти вроде бы сам по себе крутился громадный генератор. Он действовал не более пяти минут, а потом сам собою выключился.

— Радиоволны?

Брама пожал плечами.

— Пора приговаривать Сэма.

Это было сделано. Поскольку Сэм уже однажды умер, но без особого эффекта, решили, что приговаривать его к смерти не имеет смысла.

По общему решению он был переселен. Но не в другое тело. Была воздвигнута радиобашня. Одурманенного наркотиками Сэма положили на нужное место, передаточные провода были присоединены к нему, как полагается, — только не было другого тела. Вместо него провода были присоединены к конвертеру башни.

Его атман проецировался вверх, через открытый купол, в громадное магнитное облако, которое окружало всю планету и называлось Мостом Богов.

Затем ему был дан единственный знак отличия: вторичные похороны в Небе. Бог Яма получил первые, и Брама, следя за поднимающимся от погребального костра дымом, задумался, где сейчас Яма на самом деле.

— Будда ушел в Нирвану, — сказал Брама. — Объявите это в Храмах! Пойте на улицах! Славен был его путь! Он реформировал старую религию, и мы стали лучше, чем были! А те, кто думает иначе, пусть вспомнят о Кинсете!

Так и было сделано.

Но Бога Куберу они так и не нашли.

Демоны были свободны.

Ниррити был силен.

И где-то в мире были те, кто помнил бифокальные очки и смывные туалеты, химию нефти и двигатели внутреннего сгорания, и тот день, когда солнце спрятало свое лицо от правосудия Неба.

Вишну слышал, что дикость, наконец, вошла в Город.

Его иногда называли Майтрейя, что значит Бог Света. После возвращения из Золотого Облака он поехал во дворец Камы в Кейпур, где строил планы и укреплял свою силу против Дня Юги. Мудрец сказал однажды, что никто никогда не видел Дня Юги, но узнает его, когда он пройдет. Ибо день этот начинается так же, как всякий другой, и проходит так же, повторяя историю мира.

Иногда его называли Майтрейя, что означает Бог Света...

Мир есть жертвенный костер, солнце — его топливо, солнечные лучи — его дым, день — его пламя, стрелки компаса — его угли и искры. В этот костер Боги приносят веру, как возлияние. Из этой жертвы родится Повелитель Луны.

Дождь, о Гаутама, есть костер, год — его топливо, тучи — его дым, молнии — его пламя, угли, искры. В этот костер Боги приносят Повелителя Луны, как возлияние. Из этой жертвы родится дождь.

Этот мир, о Гаутама, есть костер, земля — его топливо, огонь — его дым, ночь — его пламя, луна — его угли, звезды — его искры. В этот костер Боги приносят дождь, как возлияние. Из этой жертвы происходит пища.

Мужчина, о Гаутама — это костер, его открытый рот — топливо, его дыхание — дым, его глаза — угли, его уши — искры. В этот костер Боги кладут пищу, как возлияние. Из этой жертвы родится сила поколений.

Женщина, о Гаутама, есть костер, ее волосы — пламя, ее прелести — угли и искры. В этот костер Боги приносят силу поколений, как возлияние. Из этой жертвы родится человек. Он живет, пока живется.

Когда человек умирает, его приносят, чтобы предложить костру. Костер становится его костром, топливо — его топливом, дым — его дымом, пламя — его пламенем, угли — его углями, искры — его искрами. В этот костер Боги приносят человека, как возлияние. Из этой жертвы человек возникает в сияющей пышности.

Брихадараньяка Упанишады (VI, 9-14)

В высоком голубом дворце со стройными шпилями и филигранными воротами, где пахнет солью моря, и крики морских существ летят в чистом воздухе времени ощущений жизни и наслаждения, Бог Ниррити Черный разговаривал с человеком, которого привели к нему.

— Морской капитан, как тебя зовут? — спросил он.

— Ольвигг, Господин, — ответил капитан. — Почему ты убил мою команду, а меня оставил в живых?

— Потому, что я хотел бы спросить тебя, капитан Ольвигг.

— О чем?

— О многом. О том, что старый морской капитан может знать из своих путешествий. Как держится мой контроль над южными морскими путями?

— Сильнее, чем я думал, иначе меня бы здесь не было.

— Другие боятся рисковать, или нет?

— Боятся.

Ниррити подошел к окну оглядеть море. Через некоторое время, стоя спиной к пленнику, он сказал:

— Я слышал, что на севере после битвы в Кинсете идет большой научный прогресс.

— Я тоже слышал, и знаю, что это правда. Я видел паровую машину. Печатный пресс прочно вошел в жизнь. Ноги мертвого слизарда дергаются от гальванического тока. Теперь выплавляют лучшую сталь. Снова изобретены микроскоп и телескоп.

Ниррити снова повернулся лицом к нему, и они изучающе смотрели друг на друга.

Ниррити был невысок, с подмигивающим глазом, с легкой улыбкой, темными волосами, схваченными серебряным обручем, крупным носом и глазами цвета его дворца. Он носил черное и ему недоставало загара.

— Почему Богам Города не удалось остановить этот прогресс?

— Я думаю, потому что они ослабели, если ты это хотел услышать, Господин. После бедствия у Ведры они почему-то боятся подавить прогресс силой. Говорят также, что в городе постоянные раздоры между полубогами и оставшимися старшими. Это сделано новой религией. Люди больше не боятся Неба, как боялись раньше. Они больше хотят защищаться; и теперь, когда они лучше экипированы, Боги не очень желают встать против них.

— Значит, Сэм победил. Через столько лет, но все-таки побил их.

— Да, Рэнфри. Я чувствую, что это правда.

Ниррити глянул на двух стражников, стоявших по бокам Ольвигга.

— Выйдите, — приказал он, и, когда те вышли, спросил:

— Ты знаешь меня?

— Да, капеллан. Потому, что я — Ян Ольвигг, капитан «Звезды Индии».

— Ольвигг? Сомнительно что-то.

— Однако это правда. Я получил это, теперь уже старое, тело в тот день, когда Сэм разгромил Мастеров Кармы в Махартхе. Я был там.

— Один из Первых, и... и христианин!

— Иногда. Когда у меня истощается запас клятвенных слов хинди.

Ниррити положил руку ему на плечо.

— Тогда твоя истинная сущность должна очень страдать от того богохульства, которое они произвели!

— А я не слишком вникаю в них... И они в меня.

— Надеюсь. Но Сэм сделал то же самое — смешал множество ересей, похоронил истинное Слово даже глубже...

— Оружие, Рэнфри, — сказал Ольвигг. — Ничего более. Я уверен, что он хотел быть Богом не больше, чем ты или я.

— Возможно. Но я хотел бы, чтобы он выбрал другое оружие. Если он победит, их души все равно пропали.

Ольвигг пожал плечами.

— Я не теолог, как ты.

— Но ты поможешь мне? За века я создал могучую армию. У меня есть люди и машины. Ты говоришь, что наши враги ослабели. Мои бездушные создания — не рожденные от мужчины и женщины — не знают страха. У меня есть небесные гондолы — много. Я могу добраться до их Города на полюсе. Я могу разрушить их Храмы здесь, на земле. Я думаю, пора очистить мир от их скверны. Истинная вера должна взойти снова! Скоро! Это должно быть скоро...

— Я уже сказал, что я не теолог. Но я тоже хотел бы видеть Город побежденным, — сказал Ольвигг. — Я помогу тебе, чем смогу.

— Тогда мы захватим несколько городов, оскверним их Храмы и посмотрим, какое действие это окажет.

Ольвигг кивнул.

— Ты будешь советовать мне. Будешь осуществлять моральную поддержку, — сказал Ниррити и наклонил голову. — Давай помолимся вместе.

* * *

Старик долгое время стоял перед Дворцом Камы в Кейпуре, глядя на его мраморные столбы. Наконец девушка пожала его и вынесла ему хлеба и молока. Хлеб он съел.

— Выпей и молоко, дедушка. Оно питательно и поддержит твое тело.

— К черту! — сказал старик. — К черту молоко! К черту мое тело! Главное — это мой дух!

Девушка отпрянула.

— Разве так отвечают на милостыню?

— Я возражаю не против твоей милостыни, девушка, а против твоего выбора напитка. Не можешь ли ты уделить мне глоток хоть самого дрянного вина из кухни?.. Каким гости пренебрегают, а повар даже не плеснет его на обрезки мяса? Я жажду выжимок из винограда, а не из коровы.

— Может, тебе еще меню принести? Убирайся, пока я не позвала слуг!

Он пристально поглядел ей в глаза.

— Не обижайся, госпожа, прошу тебя. Нищенство мне трудно дается.

Она посмотрела в черные глаза на морщинистом, загорелом лице. В уголках его губ играла чуть заметная улыбка.

— Ладно... Иди за мной. Я провожу тебя в кухню и посмотрим, что там найдется. Хотя я, собственно, не понимаю, почему я должна это делать.

Улыбка его стала шире, когда он пошел за девушкой, следя за ее походкой.

— Потому что я хотел, чтоб ты это сделала, — ответил он.

* * *

Тарака, Ракшас, был не в духе. Летя над облаками, он думал о путях власти. Когда-то он был самым могущественным. До дней Заключения не было никого, кто мог бы устоять перед ним. Затем пришел Сиддхарта Связующий. Тарака знал его раньше, еще как Калкина, и знал, что он силен. В конце концов он решил, что они должны встретиться, что он, Тарака, должен проверить силу атрибута, который, как говорили, собирается принять Калкин. Когда они сошлись вместе в тот давно прошедший день, когда от их ярости пылали вершины гор, в тот день победил Связующий. А при второй их встрече, столетия спустя, Тараке удалось побить Связующего даже более полно. Но Связующий был единственным, и теперь он ушел из мира. Из всех живых только Связующий взял верх над Владыкой Адского Колодца. Затем Боги бросили вызов его силе. В прежние времена они были слабы, старались тренировать свои мутантские силы наркотиками, гипнозом, медитацией, нейрохирургией и выковывали свои атрибуты — и вот, века спустя, их силы выросли. Четверо их вошло в Адский Колодец, всего лишь четверо, и все легионы Тараки не смогли отбросить их. Один из них, Шива, был силен, но позднее Связующий убил его. Так и должно было быть, ибо Тарака считал Связующего равным себе. Женщину Тарака не учитывал. Она всего лишь женщина, и она требовала помощи от

Ямы. Но Бога Агни, чей дух был ярким, слепящим пламенем, — этого Бога Тарака, можно сказать, боялся. Он вспомнил, как однажды Агни вошел один во дворец Паламайдсу и бросил ему, Тараке, вызов. Тарака не смог остановить его, хоть и пытался, и увидел, как сам дворец был разрушен силою огня Агни. И в Адском Колодце ничто не могло остановить его. Тарака обещал тогда себе, что со временем проверит силу Агни, как сделал это с силой Сиддхарты, чтобы либо одолеть ее, либо быть связанным ею. Но это обещание Тарака так и не выполнил: Бог Огня сам пал перед Красным, который был четвертым в Адском Колодце. Красный каким-то образом повернул пламя Агни против него же в день битвы за Кинсет. Это означало, что величайшим был Красный. Ведь даже Связующий предупреждал Тараку насчет Ямы-Дхармы, Бога Смерти. Да, тот, чьи глаза выпивают жизнь, был самым могущественным из оставшихся в мире. Тарака чуть не погиб от этой силы в громовой колеснице. Однажды он еще раз хотел проверить эту силу, но быстро отступился, потому что он и Яма оказались союзниками в битве. Говорили, что Яма вскоре после этого умер в Городе. Позднее же говорили, что он все еще бродит по земле. Говорят, что как Бог Смерти он не может умереть иначе, как по своему желанию. Тарака принял это как факт, понимая, что это означает. Это значит, что он, Тарака, вернется на юг, на остров голубого дворца, где Бог Зла, Ниррити Черный, ждет его ответа. Начиная с Махартхи и дальше от моря на север, Ракшасы добавят свою мощь к мощи Черного, разрушат Храмы в шести самых больших городах юго-запада, зальют улицы этих домов кровью их жителей и беспламенных легионов Черного — чтобы боги пришли защищать и встретили бы свою гибель. Если Боги не придут, они покажут этим свою слабость. Тогда Ракшасы будут штурмовать Небо, и Ниррити снесет Небесный Город; Шпиль в милую высоту упадет, купол будет разбит вдребезги, большие белые кошки Канибурхи будут смотреть на развалины, павильоны Богов и полубогов покроются полярным снегом. И все это, в сущности, по одной причине, помимо скуки, помимо приближения последних дней Богов и людей в мире Ракшасов: когда бы ни пришла эта могучая битва и могучие деяния, кровавые деяния и, огненные деяния — придет и он, Тарака знал, придет Красный, где бы он ни был, обязательно придет, потому что его аспект притянет его к его королевству. Тарака знал, что будет искать, ждать, ничего не делать до того дня, когда он посмотрит в темные огни, горящие в глазах Смерти...

Брама уставился на карту, затем оглянулся на хрустальный экран, вокруг которого обвился бронзовый Наг, зажавший в зубах хвост.

- Пожар, о жрец?
- Пожар, Брама... Весь район складов!
- Прикажи людям гасить.
- Они уже делают это, Могучий.
- Тогда зачем ты беспокоишь меня с этим делом?
- Боимся, Великий.
- Чего боитесь?

— Черного, чье имя я не могу назвать в твоём присутствии, чья сила неуклонно растёт на юге, того, кто контролирует морские пути, подрывая торговлю...

— Почему ты опасешься назвать передо мной имя Нирити? Я знаю Черного. Ты думаешь, что пожары — его затея?

— Да, Великий — через какого-нибудь негодяя, которому он заплатил. Многие говорят, что он хочет отрезать нас от остального мира, отнять наши богатства, уничтожить наши склады и истощить наш дух, и поэтому он собирается...

— Захватить тебя, конечно.

— Ты сказал это, Могучий.

— Это вполне возможно, жрец. Так скажи, ты думаешь, что твои Боги не встанут рядом с тобой, если Бог Зла нападет?

— В этом не было никогда никакого сомнения, Могушественнейший. Мы только хотели напомнить тебе о такой возможности и возобновить наши постоянные мольбы о милосердии и божественной защите.

— Ты это сделал, жрец. Не бойся.

На этом Брама закончил передачу.

— Он нападет.

— Конечно.

— Хотел бы я знать, насколько он силен. Кто-нибудь знает, Ганеша?

— Ты спрашиваешь меня, Повелитель? Своего скромного политического советника?

— Никого другого я здесь не вижу, скромный Бог-творец. Ты знаешь кого-нибудь, кто имеет информацию?

— Нет, Повелитель. Не знаю. Все избегают это отвратительное существо, как будто оно само — реальная смерть. Вообще-то, так оно и есть. Как тебе известно, три полубога, посланные мною на юг, не вернулись.

— А ведь они тоже были сильны, верно? Давно это было?

— По крайней мере год назад, когда мы послали нового Агни.

— Да, он был не очень хорош — пользовался зажигательными гранатами... но силен.

— Морально, возможно. Когда Богов мало, приходится выбирать из полубогов.

— В старину я взял бы громовую колесницу...

— В старину громовой колесницы не было. Бог Яма...

— Заткнись! Сейчас у нас громовая колесница есть. Я думаю о трубочисте, который наклонится над дворцом Ниррити.

— Брама, я думаю, что Ниррити может остановить громовую колесницу.

— Почему ты так думаешь?

— По некоторым рапортам из первых рук я понял, что он пользовался самонаводящимися ракетами против военных судов, посланных за его разбойниками.

— Почему ты не сказал мне об этом раньше?

— Эти рапорты получены совсем недавно. И сейчас я впервые мог завести разговор об этом.

— Значит ты не думаешь, что мы должны напасть?

— Нет. Подожди. Пусть он двинется первый, чтобы мы могли судить о его силе.

— Но это означает — пожертвовать Махартхой?

— Ну и что? Ты никогда не видел павшего города? Какую пользу принесет ему Махартха сама по себе, и надолго ли понадобится ему? Если мы не сможем снова вытребовать ее — вот тогда пусть трубочист наклонит свою широкополую шляпу... над Махартхой.

— Ты прав. Это будет полезно — правильно оценить его силы и оттянуть часть их назад. Но нам надо подготовиться.

— Да. Что ты прикажешь?

— Подними все силы Города. Вызови Бога Индру с восточного континента, и немедленно!

— Твоя воля будет исполнена.

— И подними тревогу в остальных пяти городах на реке — в Ланандре, Кейпуре, Кильбаре...

— Немедленно.

— Тогда иди.

— Я уже ушел.

* * *

Время — океан; пространство — его вода; Сэм решительно встал в середине.

— Бог Смерти, — окликнул он, — перечисли наши силы.

Яма потянулся и зевнул, затем поднялся с алого ложа, на котором дремал, почти невидимый. Он перешел комнату и пристально посмотрел в глаза Сэму.

— Здесь мой атрибут, без подъема аспекта.

Сэм встретил его взгляд, выдержал его.

— Это ответ на мой вопрос?

— Частично. Но в основном это проба твоей силы. Похоже, что она вернулась. Ты выносишь мой смертельный взгляд дольше любого смертного.

— Я знаю, что моя сила возвращается. Я ее чувствую. Сейчас многое возвращается. В течение тех недель, что мы прожили во дворце Ратри, я размышлял о своих прежних существованиях. Не все они были пропащими, Бог Смерти. Я решил это сегодня. Хотя Небо побивало меня в каждой попытке, каждая победа дорого им стоила.

— Да, ты, очевидно, человек предназначения. Теперь они явно слабее, чем в то время, когда ты бросил им вызов в Махартхе. Но слабость эта относительная, потому что люди стали сильнее. Боги разбили Кинсет, но не разбили Акселерацию. Они пытались похоронить буддизм в своих собственных учениях, но не смогли. Может, твоя религия на сюжет написанной тобою легенды помогла поддержать Акселерацию в каком-то смысле — я не знаю, и Боги тоже не знают. Это послужило хорошим затемнением, оно отвлекло их внимание от вреда, который оно могло нанести, а поскольку это было принято как учение, их усилия подавить его вызвали некоторый подъем антидемократических чувств. Можно подумать, что тебе это было внушено свыше, если бы ты не был так умен.

— Спасибо. Не желаешь ли моего благословения?

— Нет. А ты моего не желаешь?

— Позднее — возможно, Смерть. Но ты не ответил на мой вопрос. Пожалуйста, скажи, какими силами мы располагаем?

— Хорошо. Скоро придет Бог Кубера.

— Кубера? Где он?

— Он много лет жил в потаенном месте, позволяя просачиваться в мир научным знаниям.

— Столько лет! Его тело, вероятно, совсем уж древнее! Как он ухитрился?

— Ты помнишь Нарadu?

— Моего бывшего врача из Капила?

— Его самого. Когда ты распустил своих копыеносцев после битвы в Махартхе, он ушел со слугами в глухие места. Он взял с собой все оборудование, которое ты отобрал в Зале Кармы. Я нашел его много лет назад. После Кинсета, после моего

побега с Неба с помощью Пути Черного Колеса, я вывел Куберу из подвала под разрушенным городом. Позднее он сам связался с Нарадой, который теперь держит в холмах тайную мастерскую тел. Они с Куберой работают вместе. Мы также устроили еще несколько таких мастерских в разных местах.

— И Кубера идет сюда? Хорошо!

— А Сиддхарта все еще Принц Капи, и его призыв к отрядам в принципе должен быть услышан. И мы послали этот призыв.

— Их, вероятно, горсточка. Но все равно, приятно знать...

— И Бог Кришна.

— Кришна? Что ему делать на нашей стороне? Где он?

— Был здесь. Я нашел его на другой день после нашего прибытия. Он действительно путался тут с одной из девушек. Жалко смотреть.

— Как так?

— Стар. До жалости стар и изношен, но все еще выпивоха и юбочник. Его Аспект пока служит ему, периодически показывая кое-что от его былой гениальности и колоссальной жизненной неспособности. Его выгнали с Неба после Кинсета за то, что он не пожелал сражаться против меня и Куберы, как это сделал Агни. Он полстолетия бродил по миру, пил, любил, играл на свирели и старел. Кубера и я несколько раз пытались найти его, но он все время перемещался. Это общая потребность талантливых Божеств-ренегатов.

— Зачем он нам?

— Как только я нашел его, я послал его к Нараде за новым телом. Он должен был поехать туда с Куберой. Его силы тоже всегда быстро восстанавливаются после пересадки.

— Но зачем он нам?

— Не забывай, что именно он победил черного демона Бану, против которого боялся выступить даже Индра. Трезвый, он один из самых страшных бойцов в мире. Яма, Кубера, Кришна и, если хочешь, Калкин! Мы станем новыми Локападами и будем держаться вместе.

— Я бы не прочь.

— В таком случае так и будет. Пусть Боги высылают против нас своих стажеров! Я был Мастером Нового Оружия. Просто стыд, что здесь должно быть так много индивидуального и экзотического оружия. Я трачу свою гениальность и свое искусство на каждый предмет в отдельности, вместо массового производства главным образом наступательных средств. Но большинство паранормальных способностей требует как раз этого. У не-

которых всегда имеется атрибут, чтобы противостоять любому массовому оружию. Пусть-ка встанут перед Адской Пушкой и будут разнесены по волокнам, или скрестят мечи с Электромечом, или окажутся перед Фонтанным Щитом с его струями цианида и диметилсульфоксида — вот тогда узнают, что перед ними встал Локапал!

— Теперь я понимаю, Смерть, почему любой Бог, даже Брама, может умереть и быть замененным другим — любой, кроме тебя.

— Спасибо. У тебя есть какой-нибудь план?

— Пока нет. Мне нужно больше информации о силах внутри Города. Небо демонстрировало свою мощь в последние годы?

— Нет.

— Нет ли какого-нибудь способа проверить их, не обнаруживая себя? Может, Ракшасы...

— Нет, Сэм, я не доверяю им.

— И я тоже. Но иногда с ними можно иметь дело.

— Как ты имел с ними дело в Адском Колодце или в Паламайду?

— Хорошо сказано. Может, ты и прав. Я подумаю об этом. Интересно, как обстоят дела у Черного?

— За последние годы он овладел морями. Говорят, его легионы растут и он строит военные машины. Я однажды говорил тебе о своих опасениях на этот счет. Давай-ка держаться от Ниррити подальше, насколько это возможно. Общес с нами у него только одно: желание сокрушить Небо. Он не Акселерационист и не Деикрат, и в случае успеха он может установить Темный Век еще хуже того, из которого мы начали вылезать. Лучше всего нам было бы спровоцировать драку между Ниррити и Богами Города, выждать, а затем стрелять в победителей.

— Пожалуй, ты прав, Яма. Но как это сделать?

— Мы не можем, но, возможно, скоро это произойдет само собой. Махартха раболепно встала на колени, отвернувшись от моря. Ты стратег, Сэм, а я только тактик. Мы вернули тебя, чтобы ты сказал нам, как действовать. Прошу тебя, подумай об этом хорошенько, раз уж ты снова стал самим собой.

— Ты всегда подчеркиваешь эти последние слова.

— Угу, молитвенник. Потому что ты не пробовал битвы с тех пор как вернулся из Нирваны... Скажи-ка, ты можешь заставить буддистов сражаться?

— Вероятно, но для этого я опять должен стать той личностью, которую теперь нахожу неприятной.

— Ну... может, и не придется, но держи это в уме на случай, если нам будет туго. Однако надежнее было бы каждую

ночь упражняться перед зеркалом в той эстетической речи, которую ты выдал в монастыре Ратри.

— Не склонен.

— Понятно. Ну, делай это как-то по-другому.

— Лучше я буду практиковаться с рапирой. Принеси мне ее, и я дам тебе урок.

— Хо! Отлично! Получу урок и сам стану новообращенным.

— Тогда перейдем во двор, и я стану просвещать тебя.

* * *

Когда Ниррити в своем голубом дворце поднял руки, с палуб его боевых кораблей поднялись к небу ракеты и по дуге понеслись над городом Махартха.

Когда он застегнул свою черную нагрудную пластину, ракеты спустились на город, и начались пожары.

Когда он надел сапоги, его флот вошел в гавань.

Когда его черный плащ был застегнут у горла, а черный стальной шлем надет на голову, его сержанты начали бить в барабаны под палубами кораблей.

Когда он подвесил меч к поясу, бездушные существа зашевелились в трюмах судов.

Когда он натянул перчатки из кожи и стали, его флот под ветром, направляемым Ракшасами, подошел к порту.

Когда он жестом приказал младшему стюарду Ольвигу следовать за ним во двор, всегда молчащие воины поднялись на палубы и встали перед горящей гаванью.

Когда заурчали машины в черной небесной гондоле и дверь открылась, первый из его кораблей бросил якорь.

Когда Ниррити и Ольвиг вошли в гондолу, первый отряд вошел в Махартху.

Когда они долетели до Махартхи, город был взят.

* * *

В зеленых уголках сада пели птицы. Рыбы, похожие на старинные монеты, лежали на дне голубого бассейна. Цветы были в основном красные, с крупными лепестками, но вокруг ее каменной скамьи попадались и желтые.

Она положила руку на белую стальную спинку скамьи и смотрела, как по плитам скользили его сапоги, когда он шел в ее направлении.

— Сударь, это частный сад, — сказала она.

Он остановился и взглянул на нее. Он был мускулистым,

загорелым, с темными глазами и бородой. Лицо его ничего не выражало до тех пор, пока он не улыбнулся. Одет он был в голубое и кожаное.

— Гости не ходят сюда, — добавила она, — для них есть сады в другом крыле. Пройдите через ту арку...

— В моем саду, Ратри, ты всегда была желанной гостьей, — сказал он.

— Ты...

— Кубера.

— Бог Кубера! Но ты не...

— Не жирный. Знаю. Новое тело, и оно тяжело работало. Изготавливало оружие Ямы, транспортировало его...

— Когда ты прибыл?

— Сию минуту. Я привел обратно Кришну вместе с грузом взрывателей, гранат, осколочных мин...

— Боги! Это было так давно...

— Да. Очень. Но я должен перед тобой извиниться, поэтому и пришел. Меня это мучило много лет. Прости меня, Ратри, за ту давнюю ночь, когда я втравил тебя в это дело. Мне необходим был твой Атрибут, поэтому я и втянул тебя. Вообще-то я не люблю таким образом пользоваться людьми.

— Я в любом случае скоро оставила бы Город, Кубера, так что не чувствуй себя чрезмерно виноватым. Конечно, я предпочла бы более приятную форму, чем та, в которой я сейчас. Но это не главное.

— Я дам тебе другое тело, Богиня.

— В другой раз, Кубера. Прошу, садись. Сюда. Ты голоден? Хочешь пить?

— Да и да.

— Вот фрукты, вот сома. Может, предпочтешь чай?

— Спасибо, сома лучше.

— Яма говорил, что Сэм излечился от своей святости.

— Хорошо. Он очень нужен. Он составлял какие-нибудь планы для нас... как действовать?

— Яма не говорил. Но, может быть, Сэм не сказал Яме.

На ближайшем дереве сильно затряслись ветви, и Тэк приземлился на четвереньки. Он пробежал по плитам и остановился перед скамьей.

— Эта болтовня разбудила меня, — заворчал он. — Кто этот парень, Ратри?

— Бог Кубера, Тэк.

— Если ты не разыгрываешь меня, то... ох, какая перемена!

— То же самое можно сказать и о тебе, Тэк из Архивов. Почему ты все еще обезьяна? Яма мог бы переселить тебя.

— Как обезьяна я более полезен, — ответил Тэк. — Я отличная обезьяна, куда лучше, чем собака. Я сильнее человека. И кто отличит одну обезьяну от другой? Я останусь в этой форме до тех пор, пока не будет более нужды в моих особых услугах.

— Похвально. Были еще известия о передвижениях Ниррити?

— Его корабли подходят ближе к большим портам, чем в прошлом, — сказал Тэк. — И их стало гораздо больше. Больше пока ничего не известно. Похоже, что Боги боятся его, раз не уничтожают.

— Да, — сказал Кубера, — потому что он — неизвестная величина. Я склонен думать, что это ошибка Ганеши. Именно он позволил Ниррити без помех оставить Небо и взять с собой свое оборудование. Я думаю, Ганеша хотел иметь какого-нибудь доступного врага Неба, чтобы Небо не расслаблялось. Но он, видимо, никогда не думал, что не техник сможет так использовать оборудование, как это сделал Ниррити, и создать армию, которой он теперь командует.

— Логичное рассуждение, — сказала Ратри. — Даже я слышала, что Ганеша часто действовал таким образом. Что он сделает теперь?

— Отдаст Ниррити первый город, который тот атакует, и будет наблюдать за его средствами нападения и оценивать его силы... если сможет убедить Брамудержаться подальше, а затем ударит по Ниррити. Махартха должна пасть, и мы должны быть поблизости. Интересно будет последить.

— Но ты чувствуешь, что мы должны делать что-то большее, а не только наблюдать? — спросил Тэк.

— Да, конечно. Сэм знает, что мы должны иметь в руках как можно больше деталей, а затем соединить их. Мы выступим так же быстро, как всякий другой, Тэк, и это будет скоро.

— В сущности, — сказал Тэк, — я всегда мечтал сражаться на стороне Связующего.

— В ближайшее время, я уверен, почти все желания либо будут выполнены, либо будут разбиты.

— Еще сомы? Еще фруктов?

— Спасибо, Ратри.

— А тебе, Тэк?

— Банан, если можно.

* * *

В тени леса, на вершине высокого холма восседал Брами, как статуя Бога на горгулье, и смотрел вниз на Махартху.

— Они оскверняют Храм.

— Да, — ответил Ганеша. — Чувства Черного не изменились с годами.

— С одной стороны это внушает жалость. С другой — пугает. У его армии винтовки и пистолеты.

— Да. Он очень силен. Давай вернемся в гондолу.

— Минутку.

— Я боюсь, Повелитель, не чрезмерно ли они сильны... в этом смысле.

— На что ты намекаешь?

— Они не могут переплыть реку. Если они хотят атаковать Лананду, им придется идти по суше.

— Это верно. Если только у него нет достаточного количества небесных кораблей.

— А если они хотят атаковать Кейпур, они должны идти еще дальше.

— Ну да! А если они хотят атаковать Кильбар, то должны опять же идти еще дальше. Объясни, что ты хочешь сказать.

— Чем дальше они идут, тем сильнее их логические проблемы, тем уязвимее они становятся для партизанской войны на их пути...

— Ты, кажется, предполагаешь, что я ничего не делаю, а только беспокою их? Что я позволю им идти и захватывать города один за другим? Они окопаются тут, пока не придет подкрепление для удержания того, что они захватили; только тогда они двинутся дальше. Разве что не хватит пищи. Если мы подождем...

— Посмотри вниз!

— Что там?

— Они готовятся уходить.

— Не может быть!

— Брама, ты забыл, что Ниррити фанатик, сумасшедший. Ему не нужны ни Махартха, ни Лананда, ни Кейпур. Он хочет уничтожить наши Храмы и нас самих. В этих городах его интересуют не тела, а души. Он пройдет по стране, уничтожая каждый символ нашей религии, который встретит, пока мы не станем с ним драться. Если мы ничего не сделаем, он, скорее всего, пошлет миссионеров.

— Значит, мы должны что-то сделать!

— Ослабим его, пока он идет. Когда он ослабеет достаточно — ударим! Отдай ему Лананду, и Кейпур тоже, если понадобится. Даже Кильбар и Хамсу. Когда он ослабеет, разобьем его. Мы обойдемся и без этих городов. Сколько их мы сами уничтожили? И не вспомнишь!

— Тридцать шесть, — сказал Брама. — Давай вернемся

в Небо, и я обмозгую это дело. Если я последую твоему совету, а он уйдет прежде, чем достаточно ослабнет, мы многое потеряем.

— Готов поспорить, что не уйдет.

— Ты не свои кости бросаешь, Ганеша, а мои. Смотри, с ними эти проклятые Ракшасы. Давай-ка уедем побыстрее, пока они нас не засекли.

— Да. Быстро!

Они повернули своих слизардов вглубь леса.

* * *

Кришна отложил свирель, когда к нему прибыл посланец.

— Да? — спросил он.

— Махартха пала...

Кришна встал.

— И Ниррити готовится идти на Лананду.

— Что делают Боги для защиты городов?

— Ничего. Вообще ничего.

— Пойдем со мной. Локапалы собираются совещаться.

Кришна оставил свирель на столе.

* * *

В эту ночь Сэм стоял на самом высоком балконе дворца Ратри. Дождь с ветром бил его, словно холодными гвоздями. Железное кольцо на левой руке горело изумрудным блеском.

Молния падала, падала, падала и остановилась.

Он поднял руку, и гром ревел и ревел, похожий на смертный крик всех драконов, которые жили когда-то, где-то...

Спустилась ночь, когда огненные элементали встали перед Дворцом Камы.

Сэм поднял обе руки, и элементали, как один, поднялись в воздух и зависли высоко в ночи.

Он сделал жест, и они полетели над Кейпуром, с одного конца города до другого. Там они закружились кольцом, затем разделились и стали танцевать в грозе.

Он опустил руки. Элементали вернулись и снова встали перед ним.

Он не двигался. Он ждал.

Спустя сто ударов сердца из ночи пришло и сказало ему:

— Кто ты, чтобы командовать рабами Ракшасов?

— Приведи ко мне Тараку, — сказал Сэм.

— Смертные мне не приказывают!

— Тогда посмотри на пламя моей истинной сущности, по-

ка я не привязал тебя к металлическому флагштоку на то время, пока он стоит.

— Связующий! Ты жив?

— Приведи мне Тараку, — повторил Сэм.

— Сейчас, Сиддхарта. Твоя воля будет исполнена.

Сэм хлопнул в ладоши, элементали взвились к небу, и над Сэмом снова была темная ночь.

* * *

Владыка Адского Колодца принял человеческую форму и вошел в комнату, где в одиночестве сидел Сэм.

— Последний раз я видел тебя в день Великой Битвы, — сказал Тарака. — Потом я слышал, что Боги нашли способ обезвредить тебя.

— Как видишь, они этого не сделали.

— Как ты пришел снова в мир?

— Бог Яма — Красный — вернул меня обратно.

— Его сила и в самом деле велика!

— Это достаточно доказано. Как дела у Ракшасов?

— Хорошо. Мы продолжаем нашу борьбу.

— Да? Какими методами?

— Мы помогаем твоему старому союзнику — Черному, Богу Ниррити в его кампании против Богов.

— Я так и думал. Поэтому я и вызвал тебя.

— Хочешь поехать с ним?

— Я обдумал это очень основательно и, несмотря на возражения моих товарищей, очень хочу ехать с ним, но при условии, что он заключит договор с нами. Я хочу, чтобы ты передал ему мое предложение.

— Какое предложение, Сиддхарта?

— Что Локапалы — Яма, Кришна, Кубера и я — будем сражаться вместе с ним против Богов и приведем с собой всех поддерживающих нас, всю силу и оборудование, если он согласится не воевать с последователями буддизма и индуизма, пока они существуют в мире, с целью обращения их в его веру, и, кроме того, не станет подавлять Акселерационизм, как делали Боги. Когда он даст тебе ответ, посмотри на его пламя и скажешь мне, искренне ли он говорил.

— Ты думаешь, он согласится?

— Думаю. Он знает, что если Боги не будут больше силой насаждать индуизм, как они это делают, Ниррити получит обращенных. Он знает, что я сумел сделать с буддизмом, несмотря на оппозицию Богов. Он считает, что его путь единственно правильный и предназначен для выигрыша в соревно-

вании. Я думаю, он согласится на честное соревнование. Передай ему это предложение и принеси ответ. Идет?

Тарака пошел волнами. Лицо его и левая рука стали дымом.

— Сэм...

— Что?

— Какой путь правильный?

— Ты спрашиваешь меня? Откуда мне знать?

— Смертные называют тебя Буддой.

— Это только потому, что у них недостаток языка и избыток невежественности.

— Нет. Я смотрю на твое пламя и называю тебя Богом Света. Ты связываешь смертных, как связывал нас. Ты отпускаешь их, как отпускал нас. Твоя сила наложила на них веру. Ты тот, кем называл себя.

— Я лгал. Я сам никогда в это не верил и сейчас не верю. Я мог бы так же легко выбрать другой путь — скажем, религию Ниррити — только распятие мешает. Я мог бы выбрать религию, называемую ислам, только знаю, как она смешивается с индуизмом. Мой выбор был основан на расчете, а не на внушении, и я — никто.

— Ты — Бог Света.

— Ладно, иди, передай мое предложение, а о религии поговорим в другой раз.

— Локапалы, ты сказал, это Яма, Кришна, Кубера и ты?

— Да.

— Значит, Яма действительно жив. Скажи, Сэм, пока я не ушел... ты можешь победить Яму в битве?

— Не знаю. Но не думаю. И не думаю, что кто-нибудь может.

— А он может победить тебя?

— Вероятно, в честном бою. В прошлом, когда мы встречались как враги, мне всякий раз либо везло, либо удавался какой-нибудь трюк. Недавно я фехтовал с ним, и ему нет равных. Он чрезвычайно разносторонен в способах уничтожения.

— Понятно, — сказал Тарака; его правая рука и половина груди расплылись. — Ну, спокойной ночи тебе, Сиддхарта. Я уношу с собой твое послание.

— Спасибо, и тебе тоже доброй ночи.

Тарака весь превратился в дым и вылетел в грозу.

* * *

Тарака кружился высоко над миром. Гроза бушевала вокруг него, но он почти не обращал внимания на ее ярость.

Гремел гром, падал дождь, и Моста Богов не было видно.

Но Тараке ничто не мешало.

Ибо он был Тарака Ракшас, Властелин Адского Колодца...

И он был самым могущественным существом в мире после Связующего.

Теперь Связующий сказал ему, что есть существо еще более великое... И они будут сражаться вместе, как раньше.

Как вызываяще он держался в своем Красном и в своей Мощи! В тот день. Полстолетия назад. У Ведры.

Уничтожить Яму-Дхарму, победить Смерть, чтобы доказать превосходство Тараки...

Доказать превосходство Тараки было куда важнее, чем победить Богов, которые так или иначе должны когда-то умереть, поскольку они не Ракшасы.

Следовательно, предложение Связующего к Ниррити — с которым, как сказал Связующий, Черный должен согласиться — нужно передать только грозе, и Тарака посмотрит на ее пламя и узнает, что гроза сказала правду.

Потому что гроза никогда не лжет... И всегда говорит НЕТ!

* * *

Черный сержант привел его в лагерь.

Он выглядел роскошно в своих сверкающих доспехах, и он не был взят в плен: он сам подошел к сержанту и заявил, что у него есть сообщение для Ниррити. По этой причине сержант решил не убивать его немедленно. Он отобрал у пришельца оружие и провел его в лагерь — в лес неподалеку от Лананды — оставил его под охраной, а сам пошел доложить вождю.

Ниррити и Ольвиг сидели в черной палатке. Перед ними была развернута карта Лананды.

Разрешив привести пленника в палатку, Ниррити оглядел его и отпустил сержанта.

— Кто ты? — спросил он.

— Ганеша из Города. Тот самый, что помог тебе в твоей борьбе с Небом.

Ниррити, по-видимому, задумался.

— Ну, я помню своего друга прежних дней. Зачем ты пришел ко мне?

— Потому что для этого настало время. Ты наконец предпринял великий крестовый поход.

— Да.

— Я хотел бы частным образом посоветоваться с тобой об этом.

— Говори.

— А как насчет этого парня?

— Говори при Яне Ольвигге все, что хочешь сказать мне. Говори, что у тебя на уме.

— Ольвигг?

— Да.

— Точно. Я пришел сказать тебе, что Боги Города слабы. Слишком слабы, я думаю, чтобы победить тебя.

— Я тоже так думаю.

— Но они не настолько слабы, чтобы не повредить тебе, и крепко, когда выступят. Если они соберут все свои силы в подходящий момент, неизвестно, куда качнутся весы.

— Я имел это в виду, когда начал борьбу.

— Лучше, если твоя победа будет стоить менее дорого. Ты знаешь, что я симпатизирую христианам.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Я провел кое-какую партизанскую войну только для того, чтобы сказать тебе: Лананда твоя. Боги не станут защищать ее. Если ты пойдешь дальше, как сейчас — не закрепляя своих завоеваний — и пойдешь на Кейпур — Брама и его не станут защищать. Но когда ты пойдешь на Кильбар, а силы твои истощатся в боях за первые три города и нашими рейдерами по пути — тогда Брама ударит всей силой Неба; так что ты можешь пасть, не дойдя до стен Кильбара. Все силы Небесного Города наготове и ждут, когда ты подойдешь к воротам четвертого города по реке.

— Понятно. Это полезно знать. Значит, они боятся того, что я несусь.

— Конечно. Ты понесешь это до Кильбара?

— Да. И возьму Кильбар. Я пошлю за своим самым мощным оружием, прежде чем атаковать этот город. Силы, которые я держу в запасе для самого Небесного Города, будут выпущены на моих врагов, когда они явятся защищать обреченный Кильбар.

— Они тоже принесут мощное оружие.

— В таком случае, когда мы встретимся, исход, в сущности, не будет зависеть ни от них, ни от меня.

— Есть способ подтолкнуть весы, Рэнфри.

— Да? Что ты еще придумал?

— Многие полубоги недовольны ситуацией в Городе. Они жаждут продолжать кампанию против Акселерационизма и против последователей Татхагаты. Они были разочарованы, что этого не последовало после Кинсета. И Бог Индра вызван с западного континента, где он ведет войну с ведьмами. Индра

может оценить чувства полубогов, и его последователи охотно перейдут на другое поле битвы.

Ганеша поправил свой плащ.

— Говори дальше, — сказал Ниррити.

— Когда Боги придут в Кильбар, — сказал Ганеша, — может случиться, что они не станут сражаться в защиту его.

— Понятно. А что ты выиграешь от всего этого, Ганеша?

— Удовлетворение.

— И больше ничего?

— Я хотел бы, чтобы ты запомнил день, в который я нанес тебе визит.

— Так и будет. Я не забуду, и ты получишь от меня вознаграждение... Стража!

Полотнище палатки откинулось, и в палатку вошел тот, кто привел Ганешу.

— Проводи этого человека, куда он пожелает, и отпусти невредимым, — приказал Ниррити.

— Ты веришь ему? — спросил Ольвигг, когда Ганеша ушел.

— Да, — сказал Ниррити, — но придется впоследствии отдать ему его серебрики.

* * *

Локапалы совещались в комнате Сэма во Дворце Камы в Кейпуре. Присутствовали также Тэк и Ратри.

— Тарака сказал мне, что Ниррити не хочет договариваться с нами, — сказал Сэм.

— Хорошо, — сказал Яма. — Я все-таки опасался, что он согласится.

— А сегодня утром они напали на Лананду. Тарака уверен, что они возьмут город. Это будет чуть потруднее, чем с Махартхой, но он уверен в их победе. Я тоже.

— И я.

— И я.

— Затем он пойдет сюда, на Кейпур. А потом Кильбар, Хамсу, Гайятри. Он знает, что где-то на этом пути Боги выступят против него.

— Наверняка.

— Так что мы в середине, и перед нами несколько возможностей. С Ниррити мы не можем иметь дела. Как вы думаете, можем мы иметь его с Небом?

— Нет! — сказал Яме, стукнув кулаком по столу. — На чьей стороне ты, Сэм?

— На стороне Акселерации. Если бы дело можно было

свести к переговорам, а не обязательно к кровопролитию, было бы лучше всего.

— Я скорее соглашусь иметь дело с Ниррити, чем с Небом!

— Так давайте проголосуем, как голосовали за установление контакта с Ниррити.

— И ты потребуешь единогласного решения?

— Таковы были мои условия при вступлении в Локапалы. Вы просили меня руководить вами, и я требую власти разрубать узы. Позволь мне объяснить мою позицию, прежде чем говорить о голосовании.

— Давай объясняй.

— Насколько я понимаю, Небо в последние годы заняло более либеральную позицию по отношению к Акселерации. Официально ничего не изменилось, но против Акселерации не делалось ни шагу — предположительно из-за разгрома, который они учинили в Кинсете. Я прав?

— По существу, да, — сказал Кубера.

— Они, похоже, решили, что слишком дорого производить подобные действия всякий раз, когда Наука поднимет свою опасную голову. В той битве с ними сражался народ, люди. Против Неба. А люди, в противовес Богам, имеют семьи, связи, которые их ослабляют, и к тому же они связаны обязанностью хранить в чистоте кармическую запись, если хотят нового рождения. И все-таки они сражались. Поэтому Небо в последние годы проявляло несколько большую терпимость. Поскольку такая ситуация реально существует, Богам нечего терять. В сущности, они могли бы показать свою благосклонность, дать Акселерации благословляющий жест милосердия. Я думаю, они захотят сделать уступку, чтобы Ниррити не...

— Я хочу видеть, как падет Небо, — сказал Яма.

— Понятно. И я тоже. Но подумай хорошенько. При том, что ты дал человечеству за последние полстолетия, может ли Небо держать его по-прежнему в кабале? Небо почувствовало это в тот день в Кинсете. Еще одно-два поколения — и их власть над смертными пропадет. В этой битве с Ниррити они очень повредят себе, даже если победят. Дай им еще несколько лет клонящейся к упадку славы. С каждым годом они будут становиться все более бессильными. Они достигли своего пика. Теперь они идут под уклон.

Яма закурил.

— Ты хочешь, чтобы кто-нибудь убил за тебя Брамму? — спросил Сэм.

Яма молчал, возбужденно затагиваясь. Затем сказал:

— Может быть. Не знаю. Не хочу думать об этом. Но, наверное, это все-таки так.

— Ты хотел бы получить мою гарантию, что Брама умрет?

— Нет! Если ты попробуешь это сделать, я сам тебя убью!

— Ты не знаешь, хочешь ли ты видеть Браму живым или мертвым. Видимо, твоя любовь и ненависть равны. Ты составил еще до молодости, Яма, и она была единственным существом, о котором ты когда-нибудь заботился. Я прав?

— Да.

— Значит, я не могу отвечать за тебя, за твои личные проблемы, но ты сам должен отделить их от проблемы насущной.

— Ладно, Сиддхарта. Я голосую за то, чтобы остановить Ниррити здесь, в Кейпуре, если Небо поддержит нас.

— У кого-нибудь есть возражения?

Все молчали.

— Тогда отправимся в Храм и потребуем связи.

Яма отбросил сигарету.

— Я не буду говорить с Брамой.

— Разговор поведу я, — сказал Сэм.

* * *

Или, пятая нота арфы, зазвенела в Саду Пурпурного Лотоса.

Когда Брама включил экран в своем Павильоне, он увидел мужчину в сине-зеленом тюрбане Уратхи.

— Где жрец? — спросил Брама.

— Лежит в стороне, связанный. Я могу его притащить, если ты желаешь услышать одну-две молитвы...

— Кто ты такой, что носишь тюрбан Первого и входишь в Храм с оружием?

— У меня странное ощущение, что все это однажды происходило со мной, — ответил человек.

— Отвечай на мои вопросы!

— Хочешь ли ты, Богиня, чтобы Ниррити остановили? Или отдашь ему все города по реке?

— Ты испытываешь терпение Неба, смертный. Ты не выйдешь из Храма живым.

— Твои угрозы смерти ничего не значат для главы Локапал, Кали.

— Локапал больше нет, и у них не может быть главы.

— Ты смотришь на него, Дурга.

— Яма? Это ты?

— Нет, но он здесь, со мной, а также Кришна и Кубера.

— Агни умер. Каждый новый Агни умирал после...

— Кинсета. Я знаю, Канди. Я не был членом первоначальной группы. Рилд не убил меня. Призрачная кошка, оставшаяся безымянной, хорошо поработала, но все-таки недостаточно хорошо. А теперь я вернулся обратно по Мосту Богов. Локапалы выбрали меня своим лидером. Мы будем защищать Кейпур и бить Ниррити, если Небо поможет нам.

— Сэм! Не может быть, чтобы это был ты!

— Тогда называй меня Калкиным или Сиддхартой, Связующим, Буддой, Майтрейей, но все это — Сэм. Я пришел поклониться Трем и заключить сделку.

— Назови ее.

— Люди могут ужиться с Небом, но Ниррити — дело другое. Яма и Кубера доставили в город оружие. Мы можем укрепить город и создать хорошую защиту. Если Небо добавит свою мощь, Ниррити встретит в Кейпуре свое падение. Мы это сделаем, если Небо санкционирует Акселерацию, религиозную свободу и конец правления Богов Кармы.

— Не много ли, Сэм...

— Первые два условия требуют согласия на то, чтобы кое-что существовало и имело право на развитие; третье же произойдет независимо от того, нравится это тебе или нет, так что я даю тебе возможность проявить милосердие.

— Мне надо подумать...

— Даю тебе минуту. Я подожду. Если ты скажешь — нет, мы удаляемся и позволяем Рэнфри взять город и разорить этот Храм. После того, как он возьмет еще несколько городов, мы встретимся с ним. Здесь нас, конечно, не будет. Мы подождем, пока все кончится. Если ты к тому времени все еще будешь при исполнении обязанностей, у тебя уже не будет никакой возможности принять решение об условиях, которые я только что тебе поставил. Если тебя не будет, мы, я думаю, сумеем взяться за Черного, помириться с ним и с тем, что останется от его зомби. В любом случае мы получаем, что хотим. Последний способ для тебя даже легче.

— Ладно, договорились! Я немедленно соберу армию. Мы пойдем вместе в эту последнюю битву, Калкин. Ниррити умрет в Кейпуре! Оставь кого-нибудь в помещении коммуникатора, чтобы мы могли быть в контакте.

— Я сделаю эту комнату своей штаб-квартирой.

— Теперь развяжи жреца и давай его сюда. Он получит несколько божественных приказов, а вскоре и божественное посещение.

— Хорошо, Брама.

— Сэм, подожди! После сражения, если мы останемся живы, я хотел бы поговорить с тобой... насчет общего культа.

— Ты хочешь стать буддистом?

— Нет, снова женщиной...

— Для всего есть место и время; для этого сейчас нет ни того, ни другого.

— Когда настанет время, я буду здесь.

— Я сейчас дам тебе твоего жреца. Не выключай коммуникатор.

* * *

После падения Лананды Ниррити служил молебен в развалинах этого города, моля о победе над другими городами. Его черные сержанты медленно ударили в барабаны, и зомби упали на колени. Ниррити молился до тех пор, пока пот не покрыл его лицо как бы блестящей стеклянной маской и не проник внутрь его протезной брони, которая умножала его силу. Только тогда он поднял лицо к небесам, посмотрел на Мост Богов и сказал:

— Аминь!

* * *

Когда Ниррити шел к Кейпуру, Боги ждали.

Войска из Кильбара ждали, как и войска Кейпура.

Ждали полубоги, герои и благородные.

Ждали брамины высокого разряда, ждали многочисленные приверженцы Махасаматмана. Эти последние носили название Божественной Эстетики.

Ниррити посмотрел на заминированное поле, ведущее к городским стенам, и увидел у ворот четырех конных всадников — Локапал; рядом с ними полоскалось на ветру знамя Неба.

Он опустил подзорную трубу и повернулся к Ольвиггу.

— Ты был прав. Интересно, Ганеша там, внутри?

— Скоро узнаем.

Ниррити продолжал движение вперед.

* * *

В этот день поле удерживал Бог Света. Клевреты Ниррити так и не вошли в Кейпур. Ганеша пал от меча Ольвигга, когда пытался нанести удар в спину Бrame, дравшемуся с Ниррити на холме. Затем Ольвигг упал, зажав живот, и пополз к скале.

Брама и Черный переглянулись, когда голова Ганеши покатилась вниз.

— Это он говорил мне о Кильбаре, — сказал Ниррити.

— Ему нужен был Кильбар, — сказал Брама, — и он хотел приобрести Кильбар. Теперь я знаю, почему.

Они бросились друг на друга, и броня Ниррити сражалась за него с силой многих.

Яма пришпорил коня на подъеме и неожиданно был засыпан песком и пылью. Он поднес к глазам край плаща и услышал над собой смех.

— Где теперь твой смертельный взгляд, Яма-Дхарма?

— Ракшас! — зарычал Яма.

— Да. Это я, Тарака.

И Яма внезапно был окачен галлонами воды; лошадь его встала на дыбы и опрокинулась на спину.

Яма стоял на ногах с мечом в руке, когда крутящееся пламя приняло человеческую форму.

— Я смыл с тебя этот проклятый репеллент, бог смерти. Теперь я уничтожу тебя собственными руками!

Яма сделал выпад. Он разрубил своего серого противника от плеча до бедра, но на Тараке не оказалось ни крови, ни следа удара.

— Меня ты не убьешь, как убил бы человека, о Смерть! Но гляди, что я сделаю с тобой!

Тарака прыгнул на Яму, прижал его руки к бокам и швырнул его на землю. Поднялся фонтан искр.

Брама наступил коленом на спину Ниррити и оттянул его голову назад, от энергии черной брони. Как раз в это время Бог Индра спрыгнул со своего слизарда и занес свой меч, Громовую Стрелу, над Брамой. Он услышал, как хрустнула шея Ниррити.

— Тебя защищает твой плащ! — закричал Тарака, борясь с Ямой на земле, и взглянул в глаза Смерти...

Яма сбросил с себя обессиленного Тараку, отшвырнул его прочь и бросился к Бrame, даже не подобрав свой меч. Когда он поднялся на холм, Брама парировал удары Громовой Стрелы; кровь струилась из обрубка его левой руки и из ран на голове и груди. Ниррити стальным захватом сжимал его лодыжку.

Яма закричал и выхватил кинжал. Индра отступил, чтобы его не достал меч Брам, и повернулся к Яме.

— Кинжал против Громовой Стрелы, Красный? — спросил он.

— Ага, — сказал Яма и взмахнул правой рукой, перекинув кинжал в левую руку для настоящего удара.

Острие вошло в предплечье Индры. Индра выронил Громовую Стрелу и ударил Яму в челюсть. Яма упал, но при падении подсек ноги Индры и увлек его за собой.

Теперь Аспект Ямы полностью владел им, и под его взглядом Индра стал как бы засыхать. Как раз в момент смерти Индры Тарака прыгнул на спину Яме. Яма пытался освободиться, но на его плечи словно навалилась гора.

Брама, лежавший рядом с Ниррити, сорвал с себя броню, смоченную демонским репеллентом, и швырнул ее через разделявшее их пространство; броня упала рядом с Ямой.

Тарака отскочил. Яма повернулся и взглянул на него. Тогда Громовая Стрела прыгнула с того места, где упала, и полетела в грудь Ямы.

Яма схватил обеими руками лезвие, когда острое было в нескольких дюймах от его тела. Оно продвигалось вперед, и кровь из ладоней Ямы капала на землю.

Брама обратил смертельный взгляд на Властелина Адского Колодца, и этот взгляд вытягивал из Тараки саму силу жизни.

Острое коснулось груди Ямы. Яма рванулся в сторону, и лезвие прошло от грудной кости к плечу.

Глаза Ямы стали как два копия. Ракшас потерял человеческую форму и обратился в дым. Голова Браммы упала на грудь.

Тарака завизжал, когда Сиддхарта подскочил к нему на белой лошади, а в воздухе слышался треск и запах озона.

— Нет, Связующий! Удержи свою силу! Моя смерть принадлежит Яме...

— О, глупый демон! — сказал Сэм. — Не надо было...

Но Тарака больше не существовал.

Яма упал на колени рядом с Брамой и стал затягивать жгут на обрубке его левой руки.

— Кали! — говорил он. — Не умирай! Поговори со мной, Кали!

Брама задышался. Глаза его открылись, но тут же закрылись снова.

— Слишком поздно, — пробормотал Ниррити, повернул голову и взглянул на Яму. — Или, вернее сказать, как раз вовремя. Ведь ты Азраил? Ангел Смерти?

Яма хлестнул его, и кровь на его руке размазалась по лицу Ниррити.

— «Блаженны нищие духом, ибо их есть Царствие Небесное, — сказал Ниррити. — Блаженны плачущие, ибо они утешатся. Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю...»

Яма снова хлестнул его.

— «Блаженны алчущие и жаждущие правды, ибо они насытятся. Блаженны милостивые, ибо и они помилованы будут. Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят...»

— «И блаженны миротворцы, ибо они будут наречены

сынами Божьими», — сказал Яма. — Входишь ты в этот кадр, Черный? Чей ты сын по той работе, что ты сделал?

Ниррити улыбнулся.

— «Блаженны изгнанные за правду, ибо их есть Царствие Небесное».

— Ты сумасшедший, — сказал Яма, — и только поэтому я не возьму твою жизнь. Отдай ее сам, когда будешь готов, а это произойдет скоро.

Он поднял Брамму на руки и пошел обратно к городу.

— «Блаженны вы, когда будут поносить вас и всячески неправедно злословить за Меня...»

— Воды? — спросил Сэм, откупоривая фляжку и поднимая голову Ниррити.

Ниррити взглянул на него, облизнул губы и слегка кивнул. Тонкая струйка воды медленно полилась ему в рот.

— Кто ты? — спросил Ниррити.

— Сэм.

— Ты? Ты снова возродился?

— Это не в счет, — сказал Сэм. — Мне это не составило труда.

Слезы брызнули из глаз Черного.

— Однако это означает, что ты победил. — Он задохнулся. — Я не понимаю, почему Он допустил это...

— Это только один мир, Рэнфри. Кто знает, что делается на других? И я желал выиграть, в сущности, не сражение. Ты это знаешь. Мне жаль тебя и жаль все. Я согласен со всем, что ты говорил Яме, и с этим так же согласны последователи того, кого они называли Буддой. Я уж не помню теперь, я ли был Буддой, или им был другой. Но теперь я отошел от этого. Я снова буду человеком и позволю людям хранить того Будду, который живет в их сердцах. Каков бы ни был источник, послание было чистым, поверь мне. Только по этой причине оно пустило корни и стало расти.

Рэнфри проглотил еще немного воды.

— «Всякое дерево доброе приносит и плоды добрые,» — сказал он. — Воля более сильная, чем моя, определила мне умереть на руках Будды, избравшего этот Путь для этого мира... Дай мне свое благословение, о Гаутама. Я умираю...

Сэм наклонил голову.

— «Идет ветер к югу, и переходит к северу, кружится, кружится на ходу своем, и возвращается ветер на круги своя. Все реки текут в море, но море не переполняется; к тому месту, откуда реки текут, они возвращаются, чтобы опять течь. Что было, то и будет, и что делалось, то и будет делаться. Нет

памяти о прежнем; да и о том, что будет, не останется памяти у тех, которые будут после...»

Затем Сэм накрыл Черного его белым плащом, потому что Ниррити умер.

* * *

Ян Ольвигг был принесен на носилках в город. Сэм послал за Куберой и Нарадой, чтобы они встретили его в Зале Кармы, потому что Ольвигг явно не мог остаться живым в его теперешнем теле.

Когда они вошли в Зал, Кубера споткнулся о мертвое тело человека, лежавшее в проходе.

— Кто это? — спросил он.

— Мастер.

Еще трое носителей желтого колеса лежали в коридоре, ведущем в их передаточные комнаты. Все трое были вооружены.

Возле аппаратуры они нашли еще одного. Удар меча поразило его точно в центр желтого круга, и человек казался хорошо использованной мишенью. Рот его был открыт для крика, который он так и не издал.

— Не могли ли это сделать горожане? — спросил Нарада. — В последние годы Мастера Кармы стали очень непопулярны.

— Нет, — сказал Кубера, когда приподнял запятнанную простыню, покрывавшую тело на операционном столе, заглянул под нее и снова опустил. — Нет, не горожане.

— А кто же?

Кубера бросил взгляд на стол.

— Там Брама, — сказал он.

— Ох!

— Видимо, кто-то сказал Яме, что он не может пользоваться оборудованием, чтобы делать пересадку.

— Тогда где же Яма?

— Не имею представления. Но нам лучше побыстрее заняться делом, если мы хотим помочь Ольвиггу.

— Да. Давай!

* * *

Высокий молодой человек вошел во Дворец Камы и спросил Бога Куберу. Он нес на плече длинное сверкающее копьё и, пока ждал, без усталости ходил взад и вперед.

Кубера вошел, глянул на копьё, на юношу и сказал только одно слово.

— Да, это Тэк, — подтвердил копьеносец. — Новос

копье, новый Тэк. Теперь уже нет надобности оставаться обезьяной, вот я и не остался. Близится время отъезда, и я зашел проститься с тобой и Ратри...

— Куда ты направляешься, Тэк?

— Хочу посмотреть остальной мир, Кубера, прежде чем ваши механизмы отнимут у него всю магию.

— Этот день близок, Тэк. Не могу ли я уговорить тебя остаться здесь подольше?

— Нет, Кубера, спасибо, но капитан Ольвигт торопится идти. Мы идем вместе.

— Куда же вы хотите идти?

— На запад, на восток... кто знает? В какую-нибудь из четырех сторон... Скажи, Кубера, кто сейчас владеет громовой колесницей?

— Первоначально она принадлежала Шиве. Но Шивы больше нет. Долгое время ею пользовался Брами...

— Но Браммы больше нет. В первый раз Небо без Браммы — правит Вишну, охранитель. Так что...

— Колесницу построил Яма. Если она принадлежит кому-нибудь, то, конечно, ему...

— И он не пользуется ей, — закончил Тэк. — Вот я и думаю не могли бы мы с Ольвигтом позаимствовать ее для нашего путешествия?

— Что ты имеешь в виду, говоря, что Яма не пользуется ею? За три дня, прошедшие после битвы, его никто не видел...

— Привет, Ратри, — сказал Тэк, и в комнату вошла богиня Ночи. — «Храни нас от волка и волчицы, оберегай нас от вора, о Ночь, и будь добра к нам на нашем пути».

Он поклонился, и она коснулась его головы. Затем он посмотрел ей в лицо, и на один великолепный миг богиня заняла все пространство, глубины и высоты. Ее сияние разгоняло тьму...

— Теперь я должен идти, — сказал Тэк. — Спасибо тебе за твое благословение.

Он быстро повернулся и пошел из комнаты.

— Подожди! — сказал Кубера. — Ты говорил о Яме. Где он?

— Видел его в гостинице Трехголовой Огненной Курицы, — сказал Тэк через плечо. — Если хочешь искать его, то он там. Но лучше бы подождать, пока он сам придет к тебе.

И Тэк ушел.

* * *

Когда Сэм подошел к Дворцу Камы, он увидел Тэка, быстро сбежавшего по лестнице.

— Тэк, доброе утро! — сказал Сэм, но Тэк ответил, толь-

ко когда почти налетел на него и резко остановился, заслоняя рукой глаза от солнца.

— Доброе утро!

— Куда спешешь, Тэк? Спозаранку, даже без завтрака, торопишься воспользоваться новым телом?

Тэк засмеялся.

— Ну да, Бог Сиддхарта. У меня свидание с приключением.

— Да, я слышал. Я разговаривал прошлой ночью с Оливиггом. Желаю вам всех благ в вашем путешествии.

— Я хотел бы сказать тебе, — сказал Тэк. — Я знал, что ты победишь. Я знал, что ты найдешь ответ.

— Это был не общий ответ, а только частный. Этого мало. Это и в самом деле была маленькая битва. Ее могли выиграть и без меня.

— Я имею в виду все вообще, — сказал Тэк. — Ты фигурировал во всем, что привело к этому. Ты должен был быть здесь.

— Полагаю, что должен был. Да, наверное, должен был быть... Всегда все случается так, что меня тянет к дереву, в которое вскоре ударит молния.

— Предназначение, сударь.

— Боюсь, что скорее случайная общественная совесть и некоторое право на совершение ошибок.

— Что хочешь теперь делать, Повелитель?

— Не знаю, Тэк. Еще не решил.

— Поедем с нами? Вокруг мира? С приключениями?

— Спасибо, нет. Я устал. Может, я попрошусь на твою прежнюю работу и стану Сэмом из Архивов.

Тэк снова засмеялся.

— Сомневаюсь. Я еще увижусь с тобой, Бог. А пока до свиданья.

— До свиданья. Да, еще кое-что...

— Что?

— Нет, ничего. На одну минуту ты напомнил мне кого-то, кого я когда-то знал. Это неважно. Удачи тебе!

Он хлопнул Тэка по плечу и прошел мимо.

Тэк заторопился дальше.

* * *

Содержатель гостиницы сказал Кубере, что у них есть гость, подходящий по описанию; он на втором этаже, в задней комнате, но, кажется, не хочет, чтобы его беспокоили.

Кубера поднялся на второй этаж.

На его стук никто не ответил, и он дернул дверь. Она была закрыта на засов изнутри. Кубера налег на дверь.

Наконец он услышал голос Ямы:

— Кто там?

— Кубера.

— Уходи, Кубера.

— Нет. Открой. Я буду ждать, пока ты не откроешь.

— Минутку.

Через некоторое время засов отодвинулся и дверь слегка приоткрылась.

— Выпивкой от тебя не пахнет, так что, я бы сказал, у тебя девка.

— Нет, — ответил Яма, не глядя на Куберу. — Что тебе надо?

— Я чую беду. И хотел бы помочь тебе, если смогу.

— Не сможешь, Кубера.

— Откуда ты знаешь? Я ведь тоже мастер — правда в другом роде.

Яма подумал, затем открыл дверь шире и отступил.

— Входи.

На полу сидела девушка, едва вышедшая из детского возраста. Перед ней лежала куча различных предметов. Она пришла к себе коричневую с белым куклу и смотрела на Куберу широко раскрытыми испуганными глазами, но он сделал жест, и она улыбнулась.

— Кубера, — сказал Яма.

— Ку-бра, — сказала девочка.

— Это моя дочь, — сказал Яма. — Ее зовут Мурга.

— Я не знал, что у тебя есть дочь.

— Она умственно отсталая. Какое-то повреждение мозга.

— Врожденное, или эффект пересадки?

— Эффект пересадки.

— Понятно.

— Это моя дочь, — повторил Яма. — Мурга.

— Да, — сказал Кубера.

Яма опустил на колени рядом с девочкой и взял кубик.

— Кубик, — сказал он.

— Кубик, — повторила она.

Он взял ложку.

— Ложка.

— Ложка.

Он взял мячик и держал его перед ней.

— Мячик.

— Мячик, — сказала девочка.

Он снова взял кубик и показал ей.

— Мячик, — сказала она.

Яма бросил кубик.

— Помоги мне, Кубера.

— Охотно, Яма. Если есть какой-нибудь способ, мы найдем его.

Он сел рядом с девочкой и поднял руки.

Ложка пошла к ложкам, мячик к мячикам, кубик — к кубикам, и девочка засмеялась. Казалось, даже кукла изучала предметы.

— Локапалы никогда не пропадут, — сказал Кубера, а девочка подняла кубик, долго смотрела на него и затем назвала.

* * *

Стало известно, что после событий в Кейпуре Бог Варуна вернулся в Небесный Город. Примерно в то же время система продвижения в рангах Неба стала нарушаться. Боги Кармы были заменены Хранителями Персдачи, и их функции были отделены от Храмов. Был снова изобретен велосипед. Было воздвигнуто семь буддийских гробниц. Дворец Ниррити сделался галерей искусства и Павильоном Камы. Праздненство в Алондиле открывается каждый год, и его танцорам нет равных. Пурпурная роща все еще существует, и верующие ухаживают за ней.

Кубера остался в Кейпуре с Ратри. Тэк уехал с Ольвигом в громовой колеснице в неизвестном направлении. В Небе правит Вишну.

Те, кто молится семерым Риши, благодарят их за велосипед и за своевременное воплощение Будды, которого они называют Майтрейя — Бог Света, то ли потому, что он управлял молниями, то ли потому, что он воздерживался от этого. Другие продолжают называть его Махасаматманом и говорят, что он был Богом. Сам он по-прежнему предпочитает отбрасывать Маха- и -атман и продолжает называть себя Сэмом. Он никогда не уверял, что он Бог, однако же никогда не говорил, что он не Бог. Обстоятельства были таковы, что ни то, ни другое не могло быть полезным. И он не остался со своим народом на достаточно долгое время, чтобы оправдать многие теологические сцены. О его последних днях ходит несколько противоречивых рассказов.

Общим для всех этих легенд является одно: однажды в сумерки, когда он ехал на лошади по берегу реки, к нему явилась громадная красная птица, хвост которой был втрое длиннее ее тела.

В ту же ночь, перед рассветом он уехал из Кейпура, и никто его больше не видел.

Некоторые говорят, что появление птицы случайно совпа-

ло с его отъездом, и что эти два события никак не связаны. Он уехал искать покой под укрывающей личностью шафрановой накидкой, потому что выполнил задачу, ради которой вернулся, и, говорят, уже устал от шума и славы своей победы. Может быть, птица напомнила ему о том, как быстро проходит такой блеск. А может, и нет, если он уже и так настроился уехать.

Другие говорят, что он вовсе не надевал снова шафрановую накидку, а птица была посланцем Потусторонних Сил, вызывавших его обратно в мир и покой Нирваны, чтобы он познал Вечный Великий Покой, вечное блаженство, и слушал песни звезд на берегах великого океана. Думают, что он перешел Мост Богов. И говорят, что он не вернулся.

Кое-кто говорит, что он принял новую личность и все еще ходит среди людей, чтобы охранять их и направлять во времена раздоров, предупреждать эксплуатацию низших классов власть имущими.

А еще говорят, что птица была посланцем, но не другого мира, а этого, и что послание было не ему, а держателю Громовой Стрелы, Богу Индре, который посмотрел в глаза Смерти. Такую красную птицу никто никогда раньше не видел, хотя теперь стало известно, что они существуют на восточном континенте, где Индра воевал с ведьмами. Если птица имела какое-то подобие разума в своей огненной голове, она могла нести сообщение о какой-то большой нужде этой отдаленной страны. Следует помнить, что Богиня Парвати, которая была Сэму одновременно то ли женой, то ли матерью, то ли сестрой, то ли дочерью, то ли всеми ими, улетела с Неба во времена призрачных кошек, чтобы жить с ведьмами, своими родственницами. Если птица несла такое сообщение, рассказывающие эту легенду ничуть не сомневаются, что Сэм немедленно отправился на восточный континент спасать Парвати от какой-то опасности.

Таковы четыре версии о Сэме и о красной птице, которая вызвала его отъезд, высказанные моралистами, мистиками, социальными реформаторами и романтиками. Каждый может, осмелюсь сказать, выбрать версию по своему вкусу. Однако пусть не забывает, что таких птиц на западном континенте нет, а на восточном они, похоже, в изобилии.

Приблизительно через полгода Яма-Дхарма уехал из Кейпура. Об отъезде Бога Смерти многие люди имели достаточную информацию, но ничего особенного не известно. Он оставил свою дочь Мургу на попечении Ратри и Куберы, и она выросла в поразительно красивую женщину. Возможно, он поехал на восток, а может, и за море, потому что в других ме-

стах есть легенда о том, как Красный выступил против власти Семи Властителей Комлата в стране ведьм. Но об этом никто точно не знает, как и о реальном конце Бога Света.

Но поглядите вокруг...

Смерть и Свет всюду, всегда, начинают, кончают, борются, ждут в Сновидении Безымянности, которое есть мир, слова, горящие внутри Сансары, могущие творить вещи красоты.

В то время как носители шафрановых накидок все еще размышляют о Пути Света, девушка по имени Мурга ежедневно посещает Храм, чтобы положить перед своим тайным светом в его гробнице единственное принимаемое им поклонение — цветы.

КРАТКИЙ СЛОВАРЬ МИФОЛОГИЧЕСКИХ ИМЕН И ПОНЯТИЙ, ИСПОЛЬЗОВАННЫХ В КНИГЕ

АГНИ — Бог огня, домашнего очага, жертвенного костра. Главный из земных богов, основной функцией которого является посредничество между ними и людьми. Один из четырех (восьми) хранителей мира (Локапал).

АСПАРЫ — женские полубожественные существа, населяющие небо, реки, горы, и т. д. Возникли при пахтанье океана богами и асурами. Жены гандхарвов, небесные танцовщицы и куртизанки, ублажавшие в раю Индры павших в бою воинов.

АТМАН — «душа», субъективное, психическое и сущностное начало, основа. Тожественен Брахману — высшей объективной реальности, в которой все начинается, существует и заканчивается. Как Атман, так и Брахман непостижимы и невербализуемы.

АХИМСА — в восточной религиозной этике* строжайший запрет на причинение вреда любым живым существам, поскольку каждое из них обладает живой (душой) и равноценно другим.

БОДХИСАТТВА (будд.) — существо, достигшее состояния просветления и личного освобождения от сансары — круга перерождений, но решившее остаться в общении с людьми и миром для оказания им посильной помощи. Бодхисаттвой может стать как человек, достигший степени просветления Будды, так и просветленное небесное существо. Грядущий в мир новый Будда — Майтрея — пребывает сейчас в состоянии бодхисаттвы, ожидая своего пришествия в мир. В раннем буддизме бодхисаттвой считался Будда Шакьямуни в предыдущих перерождениях.

БРАМА (БРАХМА) — Высшее Божество, Творец мира, открывающий триаду верховных индуистских Богов (Тримурти) и противостоящий в ней охранителю мира Вишну и разрушителю мира Шиве. Срок его жизни определяет время существования вселенной (кальпа). Основа Брахмана (см. Атман).

БУДДА («Просветленный») — наивысший предел духовного развития для человека. Его мирской функцией является проповедь Дхармы. Каждый Будда имеет свое поле влияния (буддакшетру), ограниченное во времени и в пространстве. Имеет многочисленные синонимические наименования, среди которых — Татхагата, Сугата и др. Число будд считается бесконечным, срок их жизни не огра-

---

* Во всех случаях, когда принадлежность термина специально не оговаривается, он относится к индуистской традиции.

ничен даже разрушением мира. В то же время все Будды тождественны друг другу.

БАЙЮ (ВАЮ) — в индуистской, ведийской и иранской мифологии — Бог ветра. Связан с Индрой, имеет право на первый глоток сомы, часто сопровождает Индру в битвах. Иногда выступает как даритель (Картикейе дарит колесницу, Кали — уши, лук и стрелы). Один из охранителей мира (Локапала).

ВАРУНА — Бог, связанный с космическими водами, охранитель истины и справедливости, наряду с Индрой, величайшим из богов ведийского пантеона. Наставник богов, царь над миром, хранитель высшего закона. Обладает чудесной силой майя. Позднее — один из Локапал. Подчинен Тримурти.

ВИШНУ — один из высших богов индуистской мифологии, составляющий вместе с Брамой и Шивой божественную триаду Тримурти. В ведах — помощник Индры в борьбе против демона Вритры. Рама и Кришна являются аватарами (воплощениями) Вишну. Во всех своих проявлениях олицетворяют энергию благоустройства космоса.

ГАНДХАРВЫ — группа полубогов, вредоносные духи воздуха, лесов и вод. В то же время, будучи мужьями небесных танцовщиц аспар, они — небесные певцы и музыканты. Божественный риши Нарада считается одним из царей гандхарвов.

ГАНЕША — сын Шивы и Парвати, владыка низших божеств — ганы, составляющих свиту Шивы. Бог мудрости и устранитель препятствий. Изображается с головой слона и одним бивнем.

ГАРУДА — царь птиц, ездовое животное Бога Вишну. Постоянный враг Нагов (змей).

ГАУТАМА — в древнеиндийской мифологии один из семи великих риши. В буддизме родовое имя исторического Будды Шакьямуни (VI-V вв. до н.э.), ведущего происхождение от этого риши. Известен также под именем Сиддхарта. Североиндийский царевич, в возрасте 16 лет осознавший неустойчивость сансары и в поисках путей самосовершенствования покинувший дворец. В возрасте 35 лет достиг бодхи и стал Буддой. После этого стал проповедовать Дхарму, на основе которой возникло буддийское вероучение. В 80 лет достиг нирваны. Последний земной Будда настоящего мира.

ДАКИНИ — жестокие и свирепые демонические существа женского пола, свита богини Кали. В буддийской мифологии ваджраяны (тантрическая форма буддизма) — женская форма Будды, покровительствующая буддистам.

ДУРГА — супруга Шивы, Парвати в одной из ее грозных ипостасей, проявление творческой энергии Шивы. Богиня-воительница

ца, защитница богов и мирового порядка от демонов. Одной из ее форм считается Богиня Кали.

ДХАРМА — (будд.) — учение Будды Шакьямуни. В индуизме — Бог справедливости, персонификация «дхармы» — закона, правопорядка, добродетели. В пуранах в смысле вершителя порядка и справедливости отождествляется с Ямой. Сын Браммы.

ИНДРА — Бог грома и молнии, глава богов ведийской мифологии, позднее — Локапала. Бог битвы, одновременно связан с плодородием и мужской силой. Сын Ратри; брат-близнец Агни. Отождествляется с Сурьей.

КАЛИ — одна из ипостасей жены Шивы, олицетворение разрушительного, уничтожающего аспекта его божественной энергии. Истребительница демонов.

КАЛКИН — в индуизме грядущий судья и спаситель человечества.

КАМА — Бог любви, сын Дхармы, вышедший из сердца Брахмана; сын Лакшми. Нарушил подвижничество Шивы, что привело к браку Шивы и Парвати.

КАРТИКЕЯ (КАРТТИКЕЯ) — второе имя Сканды, предводителя войска богов. Шестиголовый сын Агни и Свахи. По другому мифу, сын Шивы и Парвати, рожденный ради уничтожения асура Тараки. В южной Индии отождествляется с дравидским богом войны Муруганом. Считается также Богом — покровителем воров.

КРИШНА — воплощение Вишну. В джайнской и буддийской мифологии фигура отрицательная (у буддистов — глава черных демонов, враг Будды). У индуистов — недобрые свойства Кришну объясняются непостижимостью его природы. По пураническим сказаниям, имел 16108 жен, обладая способностью пребывать со всеми одновременно. В средние века наибольшую популярность приобрел образ Кришны-любownika.

КУБЕРА — Бог богатства, владыка якшей. Внук великого риши Пуластыи. Один из Локапалов, страж скрытых в земле сокровищ. Шива считается его близким другом и покровителем. Отличался уродливым телом (большой живот, две руки, три ноги, один глаз).

ЛАКШМИ — Богиня счастья, богатства и красоты, супруга Вишну. Иногда отождествляется с богиней мудрости Сарасвати, но в некоторых священных текстах Лакшми и Сарасвати — жены-соперницы Брахмы. Вишну и Лакшми олицетворяют основные начала стихии и бытия.

ЛОКАПАЛЫ — «охранители мира», божества-властители стран света, охраняющие их. Первоначально их четыре, позднее — во-

семь. У каждого из них — свой слон, поддерживающий землю в соответствующей стороне света. Локапалы были поставлены Брахмой. К локапалам относят Индру, Яму, Варуну, Куберу (иногда вместо него — Агни или Сому), Сому, Сурью, Агни, Вайю, иногда Ниррити и Шиву (под именем Ишаны).

МАЙТРЕЙЯ — в буддийской мифологии ботхисаттва и Будда грядущего мирового порядка. В данный момент обитает в небе тушита, где ждет времени своего прихода в мир людей в качестве Будды.

МАЙЯ — в ведийской мифологии божественная способность к перевоплощению, в более общем смысле — иллюзия, обман. Позднее персонифицируется как Богиня Майя (Махамайя), жена Бога любви Камы. Иногда отождествляется с Дургой. Также — иллюзорность бытия, воплощенная в Вишну.

МАНДЖУШРИ — ботхисаттва, в ваджраяне — один из трех главных ботхисаттв. Олицетворяет мудрость.

МАРА — в буддийской мифологии Божество, персонифицирующее зло и все то, что приводит к смерти живые существа. Его главная функция — создание препятствий ботхисаттвам.

МУРУГАН — у древних тамилы Бог охоты, войны, победы. Его культ слился с культом Сканды-Картикеи, сына Шивы.

НАГИ — полубожественные существа со змеиным туловищем. Постоянно враждовали с царем птиц Гарудой. Нагам принадлежит подземный мир, они считаются мудрецами и магами, способными оживлять мертвых и менять облик. Благоклонно относятся к буддизму и часто выступают его горячими приверженцами.

НАРАДА — полубожественный мудрец, один из семи великих риши, исполняющий функции посредника между богами и людьми. Глава гандхарвов (в некоторых легендах), изобретатель первого струнного инструмента — вины. В вишнуйской мифологии — одно из воплощений Вишну.

НИРВАНА — наивысшее состояние сознания в буддизме, противоположное сансаре, когда отсутствуют перерождения. Только человек из всех живых существ может достичь нирваны и стать Буддой. Будды теоретически уже не могут вернуться в сансару. Встречающийся в книге термин «Освобождение» иногда используют как синоним нирваны.

НИРРИТИ — в индийской мифологии персонифицированное разрушение, распад, смерть. Ниррити — жена или дочь Адхармы, мать найрритов (демонов), подвластных локапале Кубере. В книге ошибочно мужское Божество.

ПАРВАТИ — одно из имен жены Шивы. От брака Шивы и Парва-

ти родилась Сканда, победитель асура Тараки, и слоноподобный Бог Ганеша.

ПИШАЧИ — злобные вредоносные демоны, насылающие болезни, нападающие на людей и питающиеся их мясом и кровью. В поздневедийской мифологии три группы демонических существ — асуры, ракшасы и пишачи — противостоят трем группам «благих» существ — богам, людям и питарам («отцам»).

ПРАДЖАПАТИ — в древнеиндийской мифологии Божество — творец всего сущего (также эпитет Савитара и Сомы). Главный Бог и отец богов, единственный, кто существовал вначале; творец асуров. Уже в сутрах отождествляется с Брамой, затем становится эпитетом Браны и даже его ипостасью.

ПРЕТЫ — в древнеиндийской мифологии духи умерших, некоторое время остающиеся жить среди людей. Часто отождествляются с бхутами, демонами из свиты Шивы; существа, враждебные людям. В буддизме — духи, которые не могут удовлетворить своих желаний.

РАКШАСЫ — один из основных классов демонов. В отличие от асуров, враждующих с богами, ракшасы враждуют в основном с людьми. Во многих мифах ракшасами, вследствие дурных деяний или проклятия, становятся смертные люди, гандхарвы и другие полубожественные существа. Это ночные чудовища устрашающего вида или великаны-людоеды.

РУДРА — Божество грозы, ярости, гнева, ведийский предшественник Шивы. Связан с разрушением, смертью, сексуальной силой. Позднее имя Рудры стало одним из прозвищ Шивы.

САНСАРА — обозначение мирского бытия, связанного с цепью перерождений и переходов из одного состояния в другое. Идея сансары присутствует в индуизме, джайнизме и буддизме; в последнем цепь перерождений безначальна, но может быть прервана нирваной, которой, однако, в состоянии достичь только люди.

САРАСВАТИ — Богиня реки с тем же названием, главной для ведийских ариев. Позднее Богиня красноречия и мудрости, супруга Браны, покровительница наук и искусств.

СЕМЕРО РИШИ — семь божественных мудрецов, связанных с богами. Некогда были медведями, потом образовали созвездие Большой Медведицы. Принесли первую жертву богам. Разные источники называют разные имена в составе семи Риши. Среди них Готама, Бхарадваджа, Вишвамित्रа, Джамад-agni, Васиштха, Кашьяпа, Атри, а также Маричи, Ангирас, Пулаха, Крату, Пуластья, Бхригу, Дакша, Вьяса, Гаутама, Канва, Вальмики, Ману, Вибхандака.

СИДДХАРТА — имя собственное исторического Будды Гаутамы (Шакьямуни).

СИТАЛА — Богиня оспы в индуистской мифологии.

СОМА — божественный напиток и Божество этого напитка (а позже — и луны). Божество Сомы — локапала. Иногда отождествляется с Ямой. Напиток сома — галлюциноген, вызывающий экстатическое состояние, дает бессмертие и силу для подвигов.

Города **СУМЕРУ (МЕРУ)** — огромная золотая гора, центр земли и вселенной, на которой живут высшие Боги, Гандхарвы, риши и др. Ганга с небес стекает сначала на Меру, а оттуда на землю. Расположена к северу от Индии, за Гималаями. Север в индуизме, кстати, ассоциируется со злом, и, возможно, Железные горы имели это ввиду, расположив город богов на полюсе.

СУРЬЯ — Бог солнца, всевидящее око Митры, Варуны, Агни. Один из локапал. То же имя носит дочь Сурьи.

ТАНТРА — как у индуистов, так и у буддистов общее название ряда эзотерических дисциплин, связанных с постижением и овладением различными формами космической и психической энергии. Вообще — высшее знание для посвященных.

ТАРАКА — асура (высший класс демонов, противостоящих богам и владеющих майей), сын победителя Индры — Ваджранги, дарованный тому Брамой, чтобы отомстить Индре за обиды. Тарака во главе асуров побеждает Индру в битве. Поскольку по слову Браны Тараку мог убить только сын Шивы, Брама под давлением других богов советует женить Шиву на Уме (Парвати), а от этого брака и рождается победитель Тараки Сканд (Карттикейя).

ТАТХАГАТА (букв. «так ушедший») — эпитет Гаутамы Будды, который, однако, мог употребляться по отношению к любому архату (в хинаяне) или как синоним слова «Будда» (в махаяне).

ТРИМУРТИ («троеликий») — божественная триада Браны, Вишну и Шивы — главных богов индуистского пантеона, позднее — три ипостаси единого верховного бога. Боги Тримурти рассматриваются как воплощение трех гун (качеств): Брама — это раджа (страстность, активность) и имеет функцию творения; Вишну — саттва (ясность, уравновешенность) с функцией хранения; Шива — тамас (пассивность, бессознательность) с функцией разрушителя.

ЧИТРАГУПТА — писец Ямы. Когда посланцы Ямы приводят ему душу умершего, Читрагупта докладывает о всех ее делах и поступках на земле.

ШАКТИ — творческая энергия божества, персонифицированная в его супруге. Одна из ипостасей жены Шивы (Девы, Сати, Дурги,

Парвати). Воплощение супружеской верности (Сати), сексуальной страсти (йони, женский половой орган — важнейший символ Шакти), творческой (Джаганматри — Богиня-мать) и разрушительной (Кали, Дурга) силы.

ШАФРАНОВЫЕ НАКИДКИ — принадлежность одежды монахов — последователей буддизма.

ШИВА — один из триады верховных богов индуизма (Тримурти). Одновременно Бог-создатель и Бог-разрушитель, сокрушитель демонов, уничтожитель мира и богов в конце каждой кальпы (мирового периода). Воплощением космической энергии Шивы, регулирующей мировой порядок, является его оргиастический танец тандава.

ЮГА — в индуистской мифологии обозначение мирового периода. Всего насчитывается четыре Юги: критаяуга («золотой» век), третаюга (появление несправедливости, порока, жертвоприношений), двапараюга (в мире начинают преобладать зло и пороки, появляются болезни) и калиюга (полный упадок добродетели, жизнь полна зла, войн, царят ложь, злоба, алчность). По традиции сейчас идет 6-е тысячелетие калиюги, начавшейся в полночь 17/18 февраля 3102 г. до н.э. Вероятно, под «Югой» и «днем Юги» Железны подразумевает калиюгу. С индуистской точки зрения понятие «день Юги» лишено смысла.

ЯКШИ — полубожественные существа, родившиеся из столпы Брамь одновременно с ракшасами. В отличие от последних (с которыми они враждуют), якши обычно благожелательны к людям. Слуги Бога богатства Куберы, охраняющие его сокровища. Глава якшей — локапал Вайшравана.

ЯМА — владыка царства мертвых (в ведийском пантеоне, однако, Богом нигде не назван). Будучи не только владыкой, но и судьей царства мертвых, отождествляется с Дхармой, Богом справедливости, причем его власть в этом качестве простирается и на мир живых... Один из локапал. Изображается одетым в красное платье.

Составил Игорь Мальский

ПОВЕЛИТЕЛЬ СНОВИДЕНИЙ

*Джуди,
С дубовой роцей по правому
полю щита и с волком, перехо-
дящим из нее в левое.*

Fidus et audax*

I

Как бы все это ни было красиво, с кровью и всем прочим, Рендер чувствовал, что конец уже близок.

Поэтому, решил он, лучше, чтобы каждая микросекунда равнялась минуте; возможно, нужно также увеличить температуру... Где-то на периферии мира темнота прекратила свое сокращение.

Что-то похожее на крещендо не доходящего до сознания громового раската было остановлено на одной яростной ноте. Нота была дисциплинатором стыда, боли и страха. Форум задышался.

Цезарь скрючился снаружи неистовствующего круга. Его ладонь закрывала глаза, но он не мог не дать себе смотреть, сегодня — нет! У сенаторов не было лиц, их плащи были запятнаны кровью, и голоса их были похожи на крики птиц. С нечеловеческим бешенством вонзали они кинжалы в лежащее тело. Все, кроме одного — Роджера.

Лужа крови, в которой он стоял, продолжала расползаться. Его рука поднималась и опускалась с механической регулярностью, и гортань, вероятно, испускала птичьи крики, но он был одновременно и участником, и далеким посторонним. Он был Рендер, формировщик.

Скрючившись, терзаясь и завидуя, Цезарь выкрикивал свои протесты.

— Вы казнили его! Вы убили Марка Антония — безвинного и безобидного гражданина!

Рендер повернулся к нему. Кинжал в его руке был огромен и покрыт запекшейся кровью.

---

* — «Верный и отважный» (лат.)

— Так! — сказал он. Лезвие двигалось из стороны в сторону. Завороженный остротой стали, Цезарь покачивался в том же ритме.

— Почему? — закричал он. — Почему?

— Потому что, — ответил Рендер, — он был римлянин более благородный, чем ты!

— Ты лжешь! Это не так!

Рендер пожал плечами и вернулся к закланию.

— Это неправда, — кричал Цезарь, — неправда!

Рендер вновь обернулся и повел кинжалом. Цезарь следовал его колебаниям, как кукла.

— Неправда? — улыбнулся Рендер. — А кто ты такой, что задаешь вопросы об этой казни? Ты — никто. Ты смеешь умалять величие того, что происходит? Убирайся!

Человек с розовым лицом резко поднялся на ноги. Его волосы местами свалились, местами были прилизаны, тога в беспорядке. Он повернулся и пошел, оглядываясь через плечо. Он отошел далеко от круга убийц, но сцена не стала выглядеть меньше. Она сохранила электрическую четкость. Он почувствовал себя еще более далеким, еще более одиноким и ненужным. Рендер обогнул незамеченный ранее угол и стал перед ним слепым нищим. Цезарь схватился за его платье.

— У тебя сегодня есть плохое предзнаменование для меня?

— Опасайся! — издевался Рендер.

— Да, да — вскричал Цезарь, — опасаться, хорошо! Чего мне опасаться?

— Ид...

— Да, Ид...

— Октемберских ид!

Он отпустил его одежду.

— О чем ты? Что такое Октембер?

— Месяц!

— Ты лжешь! Месяца Октембер нет!

— И это и есть тот самый день, которого должен бояться благородный Цезарь — несуществующий день несуществующего месяца, который никогда не наступит в календаре!

Рендер исчез за другим, неожиданно возникшим углом.

— Подожди! Вернись!

Рендер засмеялся, и с ним засмеялся Форум. Птичьи крики слились в хор нечеловеческой насмешки.

— Ты дразнишь меня! — зарыдал Цезарь.

Форум был как печь, и испарина покрыла узкий лоб, острый нос и маленькую челюсть Цезаря стекловидной маской.

— Я тоже хочу быть убитым! — всхлипывал он. — Это несправедливо!

Одним невидимым движением пальца Рендер разорвал на части и запихал в черный мешок Форум, сенаторов и ухмыляющийся труп Антония. Последним исчез Цезарь.

Чарльз Рендер сидел перед девятью десятками белых кнопок и двумя красными, не смотря ни на одну из них. Его правая рука тихо двигалась по расположенной на уровне колен консоли, нажимая одни кнопки, пропуская другие и находя свой путь к следующим в порядке, предусмотренном процедурой возвращения. Ощущения затухали, чувства сводились к ничему. Полномочный Представитель Эриксон познал забвение материнского чрева. Раздался слабый щелчок. Рука Рендера скользнула к концу нижнего ряда кнопок. Нажатие красной кнопки требовало сознательного решения. Волевого, если угодно.

Рендер поднял руки и снял корону с волосами Медузы — с соединениями и миниатюрными элементами слежения. Он выскользнул из-за своего полустола-полуложа, поднял капюшон, подошел к окну и, разминая сигарету, включил его на прозрачность. *«Дам минуту в камере, — решил он, — не больше. Сегодня был решающий... Хоть бы снег не пошел. Чертовы облака...»*

Под глинистого цвета небом светились гладкие, желтые квадраты и высокие, стеклянно-серые башни. Город состоял из квадратных вулканических островов, освещенных вечерним светом, и обтекаемых громяхющими и нигде не замедляющимися реками спешащего транспорта.

Рендер отвернулся от окна и подошел к лежащему рядом со столом большому яйцу, гладкому и блестящему. Оно отразило его лицо, размазав орлиность носа, превратив глаза в серые блюдца, а волосы в солнечные лучи на небе; его красноватый галстук сделался широким языком вампира. Он улыбнулся и, перегнувшись через стол, нажал красную кнопку.

Яйцо с шипением потеряло свою блестящую прозрачность и посередине его появилась горизонтальная трещина. Сквозь матовую оболочку Рендер будто видел, как морщится Эриксон, крепко сжимая веки в борьбе против возвращения в сознание со всем, что оно несло. Верхняя половина яйца поднялась вертикально, обнажив его, скрючившегося и розового. Открыв глаза, он не посмотрел на Рендера, а встал и начал одеваться. Рендер использовал это время для проверки камеры.

Он наклонился над столом и начал нажимать на кнопки: температурный контроль, полный диапазон — проверено; звуки — он поднял наушники — колокола, жужжание,

скрипка, свист, крики, стоны, шум транспорта, прибор — проверено; модуль обратной связи, содержащий проанализированный собственный голос пациента — проверено; активатор ложа, цветное освещение, стимулянты вкусовых ощущений... Рендер закрыл яйцо, отключил питание и задвинул камеру в нишу, закрыв ладонью дверь. Ленты зарегистрировали правильную последовательность действий.

— Садись, — сказал он Эриксону.

Эриксон сел, продолжая суетливо возиться со своим воротником.

— Ты все помнишь, — сказал Рендер, — так что подводить итоги нет необходимости. Утаить что-либо невозможно. Я там был.

Эриксон кивнул.

— Тебе должна быть ясна важность этого эпизода.

Эриксон снова кивнул, наконец обретая голос.

— Но разве это считается? — спросил он. — Ведь это ты построил этот сон и контролировал его все время. На самом деле я его и не видел так, как я обычно вижу сны. Твоя возможность устраивать события подвела платформу под все, что ты собираешься сказать.

Рендер медленно покачал головой, стряхнул пепел в южное полушарие, сделанной в виде глобуса пепельницы и посмотрел Эриксону в глаза.

— Я всего лишь подготовил сцену и формы. Но ты сам сделал их эмоционально значимыми и придал им статус символов, соответствующих твоей проблеме. Если бы сон не был правильным аналогом твоего состояния, он бы не вызвал таких реакций. Он не переживался бы со всей этой страстностью.

— Ты анализируешься уже много месяцев, — продолжил Рендер, — и все, что я видел, убеждает меня в том, что твой страх быть убитым не имеет под собой никаких оснований.

Эриксон вытаращился на него.

— Так какого же, по-твоему, черта мне страшно?

— Тебе страшно, — сказал Рендер, — потому что тебе очень хочется быть убитым.

Эриксон улыбнулся, вновь обретая уверенность.

— Уверяю вас, доктор, я никогда не пытался покончить с собой и у меня нет ни малейшего желания расстаться с жизнью.

Он достал и зажег сигарету. Его рука слегка дрожала.

— Придя ко мне летом, — сказал Рендер, — ты жаловался на страх перед возможностью покушения на твою жизнь. Но в плане причин, по которым кто-то может захотеть тебя убить, ты высказывался очень неясно.

— Мое положение! Невозможно быть Полномочным и не иметь врагов!

— Да, — ответил Рендер, — но ты, похоже, сумел. Когда я с твоего разрешения поговорил с охраной, я узнал, что ни у кого из них нет ни малейшего указания на то, что твои страхи имеют основание. Никакого!

— Они плохо искали. Или не там, где надо.

— Боюсь, что дело не в этом.

— Почему?

— Потому что, повторяю, у твоих чувств нет никакого объективного основания. Будь искренен! Ведь у тебя нет никакой информации, говорящей о том, что кто-то ненавидит тебя так, что готов убить!

— Я получаю много угрожающих писем!..

— Как и все Полномочные Представители. И все они — по крайней мере за последний год — были отслежены. Их писали безобидные психи. Есть ли у тебя хоть одно настоящее свидетельство?

Эриксон молча смотрел на конец своей сигареты.

— Я пришел к тебе за советом, как к коллеге, — сказал он наконец. — И позволил тебе соваться в мои мозги в надежде, что ты найдешь там что-то, с чего мои детективы могли бы начать работу. Кого-то, кого я сильно обидел или, может, какой-нибудь законопроект...

— И я ничего не нашел. Ничего, кроме истинной причины твоего беспокойства. И сейчас ты, конечно, не хочешь выслушивать диагноз и стараешься меня увести...

— Я не стараюсь!

— Тогда слушай! Потом, если захочешь, прокомментируешь, но учти, что ты шатаешься здесь уже полгода, не желая признавать того, что я говорил тебе дюжиной разных способов. Сейчас я скажу тебе все прямо, а дальше ты делай с этим, что хочешь.

— Прекрасно!

— Во-первых, — сказал Рендер, — ты очень хочешь иметь врага или врагов...

— Великолепно!

— Потому что это единственная альтернатива тому, чтобы иметь друзей...

— У меня много друзей!

— Потому что никому не хочется быть никем — человеком, к которому никто не испытывает никаких настоящих чувств. Ненависть и любовь — первичные формы человеческих отношений. Не имея одной из них, ты стал искать дру-

гую. Ты так к ней стремился, что убедил себя, что она есть. Но на все есть цена. Попытка удовлетворить истинную потребность суррогатами не даст удовлетворения. Ты получаешь всего лишь беспокойство и дискомфорт. Дело в том, что во всех таких проявлениях душа должна быть открытой, а ты замкнулся. Ты не искал человеческих отношений вовне, ты просто создал то, что тебе было нужно из собственного материала. И сейчас ты очень нуждаешься в сильных отношениях с другими людьми.

— Дрянь!

— Можешь не принимать, — сказал Рендер. — Но я советую принять это.

— Я плачу тебе полгода за то, чтобы ты помог мне узнать, кто хочет меня убить! А ты садишься и сообщаем мне, что я все это придумал из желания быть кому-то ненавистным!

— Или любимым.

— Это абсурд! Я общаюсь со столькими людьми, что мне приходится носить за лацканом камеру с магнитофоном, чтобы запомнить, кого как звать!

— Я говорил не о количестве тех, с кем ты встречаешься. Скажи, ведь сон имел большое значение для тебя?

Несколько секунд было слышно тиканье стенных часов.

— Да, — признал, наконец, Эриксон, — но твоя интерпретация все равно абсурдна! И даже если принять, что ты прав, как бы я, по-твоему, мог от всего этого освободиться?

Рендер откинулся на спинку стула.

— Переведи энергию в другие каналы. Начни общаться с людьми в качестве Джо Эриксона, а не Полномочного Представителя Эриксона. Найди что-нибудь, что бы ты мог делать вместе с кем-то, может, даже какое-то соперничество, и займись настоящих друзей или врагов. Первое, конечно, предпочтительнее. Все это время я пытаюсь заставить тебя сделать именно это.

— Тогда скажи мне еще кое-что!

— Пожалуйста!

— Если предположить, что ты прав, то почему же никто никогда не относился ко мне ни хорошо, ни плохо? Я член правительства. Я все время встречаюсь с людьми. Так почему же все ко мне нейтрально — как к вещи!

Рендер хорошо знал детали карьеры Эриксона. И именно поэтому он сохранил свое истинное мнение при себе — оно просто не имело конструктивного значения. Ему хотелось процитировать Данте — о душах, отвергнутых небом, как недостойных, но не принятых и преисподней из-за того, что они и не грешили, о тех, кто всегда имели паруса наготове для любого вет-

ра, не имея собственного пути и не заботясь о том, к какому берегу они пристанут. Именно такой была долгая и бесцветная, полная лояльности и перемен взглядов карьера Эриксона.

— Сейчас в таком положении оказываются все больше и больше людей, — произнес он, — в основном из-за деперсонализации индивидуума в социометрической группе. Даже поучения друг другу люди сейчас читают в основном вынужденно. Нас сейчас много.

Эриксон кивнул. Рендер внутренне улыбнулся. *«Иногда грубя, затем поучая...»*

— Мне начинает казаться, что ты, возможно, и прав, — сказал Эриксон. — Иногда я таким себя и вижу — деперсонализированной социальной единицей...

Рендер взглянул на часы.

— Что ты будешь с этим делать — это, конечно, решать тебе. Думаю, что дальнейший анализ был бы пустой тратой времени. Мы теперь оба знаем, в чем дело. Я не могу взять тебя за руку и показать, как жить дальше. Я могу указать причины и посочувствовать. И когда тебе нужно будет обсудить то, что ты собираешься сделать, и связать это с моим диагнозом — приходи.

— Я приду, — кивнул Эриксон. — И будь проклят этот сон! Он меня задел. Ты их делаешь живыми, как сама жизнь — более живыми. Я скоро его забуду.

— Надеюсь!

— Ладно, доктор! — Эриксон поднялся и протянул руку. — Я, вероятно, вернусь через пару недель. Я честно попробую эту чертову социализацию. — Он улыбнулся слову, которому раньше хмурился. — Я даже, пожалуй, сейчас и начну. Может, выпьем там внизу, на углу?

Рендер пожал ладонь, принадлежащую, казалось, человеку изнуренному, как актер после слишком успешной пьесы. Ему было почти что грустно говорить: «Спасибо, но у меня встреча». Он помог Эриксону надеть пальто, протянул ему шляпу и проводил его до двери.

— Спокойной ночи.

— Спокойной ночи.

Посмотрев на беззвучно закрывшуюся дверь, Рендер очертил темную Астрахань красной крепостью и, положив сигарету в южное полушарие, откинулся на стуле, заложив руки за голову, и закрыл глаза.

— Еще бы не более живые, — сообщил он, ни к кому конкретно не обращаясь. — Их сформировал я.

Улыбаясь, он стал шаг за шагом вспоминать весь сон, думая при этом, что было бы неплохо, если бы его мог видеть кто-нибудь из его бывших наставников. Сон был хорошо построен, мощно исполнен и идеально подходил к данной ситуации. Что ж, он был Рендер, формировщик, один из примерно двухсот или около того специальных аналитиков, чье собственное психическое развитие позволяло им входить в невротические образы, не унося оттуда ничего, кроме эстетического удовлетворения от своей уклончивой мимики.

Рендер продолжал вспоминать. Когда-то и его самого анализировали — и он оказался человеком с гранитной волей, сверхстабильным аутсайдером, способным выдержать василисковый взгляд установок, пройти невредимым мимо химер извращений, заставить темную Мать Медузу закрыть глаза перед кадуцеем своего искусства. Его анализ был простым. Девять лет назад (ему казалось, что гораздо раньше) он перенес намеренную инъекцию новокаина в наиболее болезненную часть духа. Это было после автокатастрофы и смерти Руфи и Миранды, их дочери. Тогда он и стал чувствовать себя отрешенным. Возможно, он и не хотел восстанавливать некоторые эмоции. Возможно, его собственный мир был теперь основан на некоторой жестокости чувств. Если это и было правдой, он строил его достаточно умно и, вероятно, считал, что такой мир имеет свои преимущества.

Его сыну Питеру было уже десять. Он учился в частной школе и писал отцу каждую неделю. Письма становились все более и более художественными, показывая признаки раннего развития, которое Рендер только одобрял. Летом он возьмет мальчика с собой в Европу.

А что касается Джилл — Джилл Девилль (какое сочное и нелепое имя — он любил ее за него!) — ее интерес к нему продолжал возрастать. Иногда он подумывал о том, не проявление ли это ее приближающегося среднего возраста. И его сильно увлек ее немелодичный гнусавый голос, внезапный интерес к архитектуре, беспокойство по поводу неудаленной родинки с правой стороны ее в остальном безупречного носа. Ему, пожалуй, следовало бы позвонить ей сейчас же и отправиться вдвоем на поиски нового ресторана. Но почему-то ему не хотелось этого делать.

Прошло уже несколько недель с тех пор, как Рендер последний раз был в своем клубе, который назывался «Куропатка и Скальпель», и сейчас ему сильно захотелось поужинать

одному за дубовым столом, в комнате с тремя каминами, под светильниками в виде факелов и кабаньими головами. Он вложил в телефон перфорированную членскую карточку. Раздалось два гудка.

— Добрый вечер. «Куропатка и Скальпель», — произнес голос. — Чем могу быть полезен?

— Это Чарльз Рендер, мне нужен столик через полчаса.

— На сколько человек?

— Я один.

— Хорошо, сэр! Через полчаса. Я правильно расслышал: Р-е-н-д-е-р?

— Верно.

— Благодарю вас.

Рендер встал из-за стола. За окном угасал день. Монолиты башен светились теперь своим внутренним светом. Мягкий снежок, похожий на сахарную пудру, просеивался сквозь облака, обращаясь на стеклах в блестящие бусинки. Рендер надел пальто, выключил свет и закрыл дверь офиса. На промокашке у миссис Эджес было написано: «Звонила мисс Девилль». Он позвонит ей завтра и скажет, что допоздна работал над лекцией. Повернув последний выключатель, Рендер натянул на голову шапку и вышел, заперев за собой внешнюю дверь. Спуск привел его в подвал, где стояла машина. В подвале было холодно, и шаги громко отдавались от стен. Рендер прошел мимо рядов автомобилей. Его Спиннер С-7 стоял, освещенный голой лампочкой, похожий на серый кокон, из которого в любой момент могут вырваться турбулентные завихрения. Двойной ряд расходящихся веером антенн только усиливал впечатление. Рендер открыл дверь и включил зажигание. Раздался звук, похожий на жужжание одинокой пчелы, проснувшейся в большом улье. Дверь беззвучно хлопнулась. Рендер поднял и зафиксировал руль, проехал по спиральному пандусу к выезду. Пока ворота медленно поднимались, он включил экран назначения и, вращая ручку, просмотрел карту слева направо и сверху вниз, пока не нашел нужный ему участок Карнеги Авеню. Набрав координаты, он опустил руль. Автомобиль подключился к монитору и выехал на край автостреды. Рендер зажег сигарету. Он оттолкнул свое сидение к центру и стал смотреть сквозь оставленные прозрачными стекла. Было что-то приятное в проносящихся мимо подобно метеорам встречных машинах. Он откинул спинку и стал смотреть вверх.

Он еще помнил время, когда любил снег, ассоциировавшийся у него с романами Томаса Манна и музыкой сканди-

навских композиторов. Сейчас, однако, было еще что-то, от чего он не мог его отделить. Он ясно видел небольшие молочно-белые вихри, обтекающие его старый автомобиль с ручным управлением, затекающие в его обожженные внутренности, чтобы выбелить заково то, что почернело. Он видел это так ясно, как будто шел к своей машине по меловому дну озера, — видел скрывшуюся под водой машину и себя — водителя, не могущего открыть рот из-за опасности захлебнуться. Каждый раз, когда он глядел на падающий снег, он знал, что где-то вода продолжает выбеливать останки. Но девять прошедших лет сняли большую часть боли, и сейчас он видел также, что вечер очень красив.

Он быстро ехал вдоль широких улиц, по высоким мостам, гладкая поверхность которых блестела в свете фар, пронесся сквозь неистовый танец снежинок, похожих на листья клевера, и влетел в тоннель, тускло светящиеся стены которого создавали ощущение нереальности. Наконец, он затемнил стекла и закрыл глаза.

Рендер так и не понял, задремал он на минуту или нет, что, вероятно, означало, что задремал. Почувствовав, как машина замедляет движение, он вернул кресло вперед и восстановил обзор. Почти одновременно зазвучал сигнал отключения. Рендер зарулил на стоянку и остановил машину, получив квитанцию от робота, который торжественно выражал свое отношение к человечеству тем, что показывал каждому, кто к нему обращался, язык-карточку.

Как обычно, и звуки и свет были здесь приглушены. Казалось, что это помещение поглощает их и трансформирует в тепло, ласкает ароматами, такими сильными, что их можно попробовать на вкус, гипнотизирует живым потрескиванием очагов. Рендер с удовольствием отметил, что ему оставили его любимый столик — слева от меньшего из каминов. Он помнил меню наизусть, но тем не менее яростно набросился на него, потягивая «Манхеттен» и обдумывая наилучший способ угодить своему аппетиту. Сеансы формирования всегда вызывали у него зверский голод.

— Доктор Рендер...

— Да? — Он поднял голову.

— С вами хочет поговорить доктор Шелот, — сказал официант.

— Я не знаком с человеком по имени Шелот. Может, ему нужен Бендер — это хирург из Метрополитен клиники, он тоже здесь иногда обедает...

— Нет, сэр. — Официант покачал головой и протянул

Рендеру карточку, на которой заглавными буквами было напечатано его имя. — Доктор Шелот обедает здесь каждый вечер уже две недели и каждый раз просит сообщить, если вы вдруг появитесь.

— Да? — хмыкнул Рендер, — Странно. Почему же он просто не позвонит мне в клинику? — Официант ответил неопределенным жестом. — Ну, хорошо, проводите его сюда.

— Может быть, легче подойти вам... К сожалению, доктор Шелот плохо видит...

— Ладно, пошли.

Рендер встал, смирившись с тем, что покидает свой любимый стол, и сильно опасаясь, что этим вечером он к нему уже не вернется. Они пробрались между столиками, направляясь на следующий этаж. Кто-то, смутно знакомый, махнул рукой из-за дальнего столика у стены. Рендер кивнул в ответ. Студент семинара, то ли Юргенс, то ли Юркинс... Они вошли в маленький зал, в котором были заняты только два стола. Нет, три. Кто-то еще сидел в углу, у дальнего конца темной стойки, наполовину скрытый старинным военным облачением. Туда они и направились.

Они подошли к столу, и Рендер взглянул в темные очки, поднявшиеся при их приближении. Доктор Шелот оказалась женщиной около тридцати лет. Ее низкая золотистая челка частично скрывала маленький серебристый диск, который она носила на лбу и который выглядел как кастровая метка. Рендер затаился. Ее голова слегка дрогнула в направлении яркого огонька. Казалось, что она заглянула прямо ему в глаза. Это было неприятно, хотя Рендер знал: все, что она может различить, — это то, что поступает к ее зрительному нерву по тончайшим имплантированным проводам, соединяющим его с фотопреобразователем, — иными словами, только огонек сигареты.

— Доктор Шелот, это доктор Рендер, — произнес официант.

— Добрый вечер, — сказал Рендер.

— Добрый вечер, — ответила она. — Меня звать Эйлин, и я очень хотела с вами встретиться. — Ему показалось, что он заметил легкую дрожь в ее голосе. — Вы присоединитесь ко мне на обед?

— С удовольствием, — ответил он, и официант придвинул еще один стул.

Рендер сел, заметив, что сидящая напротив женщина уже

заказала себе выпивку. Он напомнил официанту о своем втором «Манхеттене».

— Вы уже заказали? — осведомился он.

— Нет.

— ...И два меню, — начал было он, но прикусил язык.

— Только одно, — она улыбнулась.

— Пусть будет ни одного, — поправился он и начал цитировать.

Они заказали.

— Вы всегда так делаете?

— Что?

— Носите меню в голове.

— Только иногда, — ответил он, — на случай неловких положений. По какому поводу вы хотели меня видеть?

— Вы терапевт-нейроучастник, — сказала она. — Формовщик.

— А вы...

— Штатный психиатр в Государственной Психиатрической. У меня еще год.

— Значит, вы знали Сэма Рискomba.

— Да, это он помог мне получить назначение. Он был моим руководителем.

— И моим очень хорошим другом. Мы вместе учились в Меннингере.

Она кивнула.

— Я часто слышала, как он говорит о вас, — это одна из причин, по которой я хотела с вами встретиться. Он поощрял меня строить дальнейшие планы, несмотря на мои затруднения.

Рендер взглянул на нее. На ней было темно-зеленое, бархатное на вид платье с приколотой слева брошью, похожей на золотую, с красноватым камнем, возможно, рубином, обрамленным контуром кубка. Или это были на самом деле очертания двух профилей, глядящих сквозь камень друг на друга? Это казалось Рендеру отдаленно знакомым, но вспомнить не удавалось. Камень красиво поблескивал в рассеянном свете.

Рендер взял у официанта свою выпивку.

— Я хочу стать нейроучастником, — произнесла она.

Если бы она обладала зрением, Рендер подумал бы, что она внимательно смотрит на него, стараясь уловить какой-нибудь отклик в выражении его лица. Он не мог в точности понять, что она хочет услышать в ответ.

— Я хвалю ваш выбор, — произнес он, — и уважаю вашу решимость. — Он постарался вложить в голос улыбку. — Но это нелегко, и не все требования являются академическими.

— Я знаю, — сказала она — Но я слепа от рождения, и дойти до моего сегодняшнего положения тоже было нелегко.

— От рождения? — повторил он. — Я думал, что вы потеряли зрение недавно. Значит, вы проходили спецкурсы, делали диплом и работали в интернатуре... Это действительно впечатляет.

— Спасибо, — сказала она, — но это на самом деле не так впечатляюще. Я слышала о первых нейроучастниках — Бартельмеце и других — когда была ребенком, тогда я и решила, что хочу быть одной из них. С тех пор моя жизнь управлялась только этим желанием.

— Что вы делали в лабораториях? — спросил он. — Не будучи в состоянии увидеть образец, заглянуть в микроскоп?.. А все эти книги?

— Я нанимала людей читать мне вслух. Я все запоминала. В школе понимали, что я хочу идти в психиатрию, они разрешили мне проходить лаборатории по специальной программе. Рассечением трупов со мной занимались ассистенты, которые мне все описывали. Я могу различать вещи наощупь... и у меня память вроде вашей с меню. — Она чуть улыбнулась. — О качестве феноменов психоучастия может судить только сам терапевт, в момент вне времени и пространства, как мы нормально их знаем, когда он стоит посреди мира, поднятого из снов другого человека, распознает неевклидову архитектуру аберраций, берет своего пациента за руку и ведет по этому миру. И если ему удастся привести его обратно на обычную землю, значит, его суждения были обоснованными, а действия — оправданными.

— Из «Почему здесь нет психометрии», — отозвался Рендер.

— Написано Чарльзом Рендером, Доктором Медицины.

— Наш обед приближается, — заметил он, поднимая бокал, в то время как к ним подвозили срочно приготовленную еду.

— Это одна из причин, по которой я хотела с вами встретиться, — продолжила она, поднимая свой стакан. — Я хочу, чтобы вы помогли мне стать формовщиком.

Ее пустой, как у статуи, взгляд за темными стеклами снова искал его.

— Ваша ситуация совершенно уникальна, — сказал он. — Слепота от рождения нейроучастника не может существовать — по вполне очевидным причинам. Прежде чем я смогу что-либо вам посоветовать, мне нужно рассмотреть все аспекты этой проблемы. Но давайте пока поедим. Я умираю с голоду.

— Хорошо. Но моя слепота не означает, что я никогда не видела.

Он не спросил ее, что она имела в виду, потому что перед ним стояла свиная грудинка, а у локтя была бутылка Шамбертена. Он, однако, выждал достаточно, чтобы заметить, когда она подняла из-под стола левую руку, что она не носила колец.

— Интересно, идет ли еще снег, — произнес он, когда они пили кофе. — Когда я подъезжал к стоянке, он валил довольно сильно.

— Надеюсь, что да, — сказала она, — хоть он и рассеивает свет, и я вообще ничего не могу сквозь него увидеть. Люблю чувствовать, как он падает вокруг и садится мне на лицо.

— Как вы передвигаетесь?

— Моя собака, Зигмунд — я отпустила ее на вечер, — Эйлин улыбнулась, — она может провести меня всюду. Она овчарка — мыют.

— О? — Рендеру стало любопытно. — Он хорошо говорит? Она кивнула.

— Эта операция была у него не так успешна, как у некоторых других. У него словарь из четырехсот слов, но, по-моему, говорить ему больно. Он довольно умен. Когда-нибудь вы с ним познакомитесь.

Рендер слегка задумался. Он разговаривал с такими животными на последних медицинских конференциях и был поражен комбинацией способности к рассуждениям и преданности владельцам. Понадобились большие переделки в хромосомах, за которыми следовала тонкая эмбриохирurgia, чтобы дать собаке мыслительные способности большие, чем у шимпанзе. Чтобы собака получила возможность заговорить, были необходимы несколько последовательных операций. Большинство таких экспериментов оканчивалось провалом, и дюжина или около того щенят в год, на которых они были успешными, оценивались в районе ста тысяч долларов каждый. Рендер понял тогда, зажигая сигарету и мгновение подержав пламя, что камень в медальоне мисс Шелот — настоящий рубин. Он начал подозревать, что ее поступление в школу медицины могло, в дополнение к ее аттестату, основываться на осязатом вкладе на счет выбранного ею колледжа. Но, возможно, я несправедлив, подумал он про себя с укором.

— Да, — сказал Рендер, — мы можем сделать статью о собачьих неврозах. Он когда-нибудь говорит о своем отце, этот «сын самки овчарки»?

— Он никогда не видел своего отца, — спокойно сказала

Шелот. — Его вырастили отдельно от остальных собак. Не думаю, чтобы он был типичным. Вряд ли можно изучать функциональную психологию собак по мутанту.

— Думаю, что вы правы, — не стал настаивать он. — Еще кофе?

— Нет, спасибо.

Решив, что настало время продолжить обсуждение, он сказал:

— Значит, вы хотите стать формовщиком...

— Да.

— Я ненавижу быть тем, кто разрушает чьи-либо устремления, — сказал он ей. — Бегу от этого, как от отравы. Но только не в случае, когда они не имеют никаких реальных оснований. Тут я могу быть безжалостным. Поэтому — честно, откровенно и со всей искренностью — я не вижу, как этого можно достичь. Возможно, вы прекрасный психиатр — но стать когда-нибудь нейроучастником вы не сможете ни физически, ни ментально. Что же касается оснований...

— Подождите, — сказала она. — Пожалуйста, не будем говорить об этом здесь. Я устала от людей вокруг. Возьмите меня поговорить куда-нибудь в другое место. Может, я смогу убедить вас, что способ есть.

— Почему бы и нет? — Пожал он плечами. — У меня полно времени. Назовите место сами. Куда?

— Блайндспин?

Рендер подавил невольный смешок, услышав это выражение, но она рассмеялась вслух.

— Прекрасно, — сказал он, — но я все еще хочу пить.

Была заказана бутылка шампанского. Шампанское появилось в разноцветной корзинке «Пей за рулем», и Рендер, несмотря на ее протесты, выписал чек. Они встали: Эйлин была высокого роста, но он был выше.

Блайндспин.

Одно слово, обозначающее множество разных занятий, связанных с автоматически управляемым автомобилем. Мчась по стране в уверенных руках невидимого шофера, с затемненными стеклами, в темной ночи под высоким небом, с шинами, рвущими дорогу как четыре призрачных циркулярных пилы, начав с какой-нибудь стартовой линии, заканчивая в том же месте, никогда не зная, куда едешь или где был только что, можно на мгновение зажечь чувство индивидуальности в са-

мом холодном мозгу, породить посредством отделения от всего мгновение самосознания. Это потому, что движение сквозь темноту есть первичная абстракция самой жизни — по крайней мере, так сказал один из комедиантов, и все присутствующие рассмеялись.

По существу, феномен, называемый Блайндспин — кружение вслепую, — вначале распространился (можно подозревать) среди некоторой части молодых членов общества, когда управляемые автострады лишили их возможности использовать автомобили некоторыми, более индивидуальными способами, которые не одобряло Национальное Управление Контроля Движения. Нужно было что-то придумать.

Что и было сделано.

Первая, смертельно опасная реакция состояла в простой уловке: после въезда на управляемую автостраду отключался контрольный передатчик. В результате машина переставала существовать для монитора, и управление передавалось тем, кто в ней сидит. Ревнивый, как божество, монитор не мог вытерпеть отрицания своего запрограммированного всезнания: он метал громы и молнии в ближайшую к месту последнего контакта Контрольную станцию, посылая на поиски исчезнувшей машины крылатых серафимов.

Но дорог много, и они хорошо вымощены, так что зачастую поиски запаздывали. Ускользнуть от наблюдения поначалу было довольно просто.

Остальные машины вели себя так, будто бунтовщика не существует. Зажатый на участке дороги с интенсивным движением, нарушитель должен был немедленно испариться в случае общего ускорения или перестройки движения, требующей проезда через теоретически свободное место, которое он занимает. Это вызвало в первые дни мониторингового контроля целую серию столкновений. Позднее мониторинговые устройства стали гораздо более умными, а механизированные ограничители уменьшили количество аварий. Тяжесть травм и контузий, когда они все-таки случались, оставалась, однако, неизменной.

Следующий шаг основывался на свойстве управляемого движения, которое было настолько очевидным, что его не сразу заметили. Мониторы направляли людей туда, куда они хотели, только потому, что те сообщали им, что хотят туда отправиться. Человек, набирающий произвольный набор координат, не имеющих отношения ни к какой карте, либо

оставался в неподвижном автомобиле с горящим сигналом «проверьте координаты», либо неожиданно сметался в произвольном направлении. Последнее имеет некоторую романтическую притягательность в том, что предоставляет скорость, неожиданные виды и свободные руки. А кроме того, это вполне легально; можно путешествовать таким образом по обоим континентам, нужны только достаточные средства и запас жизненных сил.

Как всегда в таких случаях, практика просочилась вверх через возрастные границы. Вот так и приходит конец свету, заявил комедиант.

Конец или нет, но машина, построенная для движения по управляемым автострадам, является подвижной жизнеобеспечивающей ячейкой, с санузелом, посудным шкафчиком, холодильником и игровым столом. Кроме того, она легко вмещает двоих, и с некоторой теснотой — троих. Порой бывают случаи, когда тесно уже вдвоем.

Рендер выехал со стоянки на боковой проезд и остановил машину.

— Хотите наступать какие-нибудь координаты?

— Лучше вы. Мои пальцы знают их слишком много.

Рендер произвольно нажал на кнопки. Спиннер выехал на автостраду. Затем Рендер задал скорость, и машина переместилась на скоростную полосу.

Фары Спиннера выжигали отверстия в темноте. Город быстро уносился назад; он тлел по обеим сторонам дороги, волнуемый неожиданными порывами ветра, скрываемый белыми вихрями, затененный ровной завесой серого пепла. Рендер знал, что их скорость почти вдвое ниже той, которая была бы в ясную сухую ночь.

Он не затуманил окна, а откинулся назад и смотрел наружу. Эйлин «смотрела» вперед, на свет. Минут десять или пятнадцать они молчали.

С ускорением движения город сжался в пригород. Вскоре начали появляться короткие участки открытой дороги.

— Расскажите мне, как выглядит то, что снаружи, — попросила она.

— А почему вы не попросили меня описать наш обед или доспехи, выставленные около стола?

— Потому что я попробовала первое и коснулась второго. Здесь другое.

— Снаружи падает снег. Уберите его, и то, что останется — чернота.

— А что еще?

— На дороге слякоть. Когда она начнет замерзать, езда станет ползанием, если только мы не убежим от этой метели. Слякоть выглядит как старый темный сироп, начинающий засахариваться.

— Есть что-нибудь еще?

— Это все, леди.

— А снег идет сильнее или слабее, чем когда мы вышли из клуба?

— Пожалуй, сильнее.

— Вы нальете мне выпить? — спросила она его.

— Конечно.

Они развернули сидения внутрь, и Рендер поднял стол. Он достал из шкафа два стакана.

— Ваше здоровье, — сказал он, наполнив их.

— За вас.

Рендер опустил свой стакан. Она глотнула из своего. Он ждал ее следующего замечания. Он знал, что двое не могут играть в Сократическую игру, и ожидал еще вопросов перед тем, как она скажет то, что хочет сказать.

Она спросила:

— Что было самым прекрасным из того, что вы видели?

Да, решил он, я угадал верно.

Рендер ответил, не задумываясь:

— Затопление Атлантиды.

— Я серьезно.

— Я тоже.

— Может, объясните подробнее.

— Я затопил Атлантиду, — сказал он, — лично я.

Это было около трех лет назад. И Господи, это было красиво! Повсюду были башни из слоновой кости, золотые храмы и серебряные балконы. Там были опаловые мосты и малиновые флаги, и молочно-белые реки между лимонно-желтыми берегами. Там были нефритовые шпилы и старые, как мир, деревья, щекочущие животы облаков, и корабли в огромной морской гавани Ксанаду, построенные тонко, как музыкальные инструменты, покачивающиеся с приливом. Двенадцать принцев королевства сторожили в двенадцати колонном колизее Зодиака, чтобы послушать грека-тенор-саксофониста, который должен был играть на заходе солнца.

— Грек, конечно, был моим пациентом — параноик. Этиология у этой штуки довольно сложная, но я набрел на все

это в его сознании. Я на время отпустил поводья, и в конце мне пришлось расколоть Атлантиду пополам и погрузить ее на полные пять лотов. Он снова играет, и вы, несомненно, слышали его звуки, если вам вообще нравятся такие звуки. Он хороший музыкант. Я все еще периодически с ним встречаюсь, но он больше не последний потомок величайшего менестреля Атлантиды. Он просто отличный саксофонист конца двадцатого века.

Но иногда, когда я вспоминаю апокалипсис, происшедший в видении человека с манией величия, приходит ускользающее чувство потерянной красоты — потому что на одно мгновение его аномально сильные чувства были моими чувствами, а он чувствовал, что его мечта — самая прекрасная в мире.

Он заново наполнил бокалы.

— Это не совсем то, что я имела в виду, — произнесла она.

— Я знаю.

— Я имела в виду что-нибудь реальное.

— Это было более реально, чем реальность, уверяю вас.

— Я не сомневаюсь, но...

— ...Но я разрушил основание, которое вы выстраивали для своих аргументов. О'кей, извините. Я дам их вам обратно. Вот нечто, что могло быть реальным.

Мы движемся вдоль края огромной чаши с песком. В нее медленно сползает снег. Весной снег растает, воды уйдут в землю или испарятся от солнечного тепла. Тогда останется только песок. Ничего не растет на песке, кроме случайного кактуса. Никто не живет, кроме змей, нескольких птиц, насекомых, тварей, роющих норы, и одного или двух странствующих койотов. В полдень все они будут искать тень. В любом месте, где стоит старый воротный столб, или скала, или кактус, заслоняющий солнце, вы увидите жизнь, сжавшуюся перед стихиями. Но цвета таковы, что в них трудно поверить, и стихии, кажется, более красивы, чем то, что они уничтожают.

— Здесь нет такого места, — сказала она.

— Раз я говорю, значит оно есть, не так ли? Я его видел.

— Да... Вы правы.

— И не имеет значения, картина ли это женщины по имени О'Киф, или что-то прямо за нашим окном, не правда ли? Если я это видел?

— Я признаю правильность диагноза, — сказала она. — Вы хотите дочитать его до конца?

— Нет, продолжайте.

Он еще раз наполнил маленькие стаканы.

— У меня повреждены глаза, — сказала она, — но не мозг.

Он поднес огонь к ее сигарете.

— Я смогу видеть другими глазами, если я войду в другой мозг.

Он зажег свою сигарету.

— Нейроучастие основано на том факте, что две нервные системы могут разделять те же самые импульсы, те же самые фантазии...

— Контролируемые фантазии.

— Я бы могла проводить терапию и в то же время получать подлинные зрительные впечатления.

— Нет, — сказал Рендер.

— Но вы не знаете, что это значит — быть отрезанным от целой системы стимулов! Знать, что любой идиот монголоид может испытывать что-то, чего ты никогда не узнаешь, и что он не ценит этого, потому что он, как и ты, был осужден на суде биологической случайности, где нет справедливости — только случайность, чистая и простая.

— Вселенная не изобретала справедливости. Это сделал человек. И, к сожалению, человек должен жить во Вселенной.

— Я прошу о помощи не Вселенную, а вас!

— Извините, — сказал Рендер.

— Почему вы мне не поможете?

— В настоящий момент вы демонстрируете мою основную причину.

— Которая в том, что...?

— Эмоции. Все это слишком много для вас значит. Когда терапевт находится в фазе с пациентом, он наркоэлектрически отключен от большинства собственных телесных ощущений. Это необходимо, потому что его мозг должен быть полностью поглощен имеющейся задачей. Необходимо также, чтобы и его эмоции подверглись такому же отключению. Это, конечно, невозможно, человек всегда в какой-то степени переживает. Но эмоции врача сублимируются в какое-то общее оживление — или, в моем случае, в некоторую артистическую задумчивость. Для вас, однако, «видение» будет означать слишком много. Вы будете в постоянной опасности потерять контроль над сном.

— Я с вами не согласна.

— Конечно, вы не согласны. Но факт остается: вы будете иметь дело — и иметь дело постоянно — с психически больными людьми. Мощь неврозов невообразима для девятилетия, запятая и так далее процентов населения, потому что мы никогда не можем адекватно судить об интенсивности наших собственных чувств — не говоря уж о чужих, которые мы видим только снаружи. Вот почему никакой нейроучастник

никогда не возьмется лечить полностью развившегося психотика. Немногие пионеры в этой области сейчас лечатся сами. Это было бы похоже на заплыв в Мальстрим. Если врач теряет за время сеанса свое верховенство, он из Формировщика превращается в Формируемого. Когда нервные импульсы искусственно усилены, синапсы отвечают цепной реакцией. Эффект переноса становится почти мгновенным.

Пять лет назад я очень много катался на лыжах. Это потому, что я был клаустрофобом. Я должен был бежать в горы, и чтобы преодолеть это, мне понадобилось шесть месяцев — и все из-за крошечной осечки, которая произошла в неизмеримую долю мгновения. Мне пришлось передать пациента другому врачу. И это была очень маленькая отдача. Если бы там были вы, то вы бы могли попасть на всю оставшуюся жизнь на отдых в больницу.

Она допила свое шампанское, и Рендер снова наполнил стаканы. Ночь проносилась мимо. Они оставили город далеко позади, дорога была открытой и чистой. Темнота между падающими хлопьями становилась все гуще. Спиннер набирал скорость.

— Ладно, — признала она, — может, вы и правы. Но все-таки, я думаю, что вы можете мне помочь.

— Как? — спросил он.

— Приучите меня к видению так, чтобы образы потеряли свою новизну, а эмоции улеглись. Возьмите меня в пациенты и отберите эту страсть видеть. Тогда все, что вы говорили до сих пор, будет неприменимо. Тогда я буду в состоянии научиться отдавать все свое внимание терапии. Я сублимирую удовольствие от зрения во что-нибудь другое.

Рендер задумался.

Это, по-видимому, возможно. Но это будет слишком трудным предприятием.

Но это может также и войти в историю терапии.

Никто не был достаточно квалифицирован, чтобы это попробовать, никто не пытался делать это до сих пор.

Эйлин Шелот была редким — нет, уникальным объектом, потому что она, вероятно, была единственным человеком в мире, сочетавшим необходимые знания с единственной в своем роде проблемой.

Он осушил свой стакан, наполнил его снова, налил и ей.

Он все еще размышлял над проблемой, когда снова зажегся сигнал «Поменяйте координаты», машина заехала в тупик и остановилась. Он отключил сигнал и долго сидел, задумавшись.

Мало кому и очень редко случалось слышать от него что-либо, касающееся его оценки собственного мастерства. Колле-

ги считали его скромным. Но тем не менее, тот самый день, когда начнет практиковать нейроучастник, лучший из всех будет днем, когда попавшего в беду Хомо сапиенса будет лечить кто-то, лишь в неизмеримой малости уступающий ангелам.

Выпивки оставалось на два раза. Затем он закинул опустошенную бутылку в заднее отделение.

— Знаете что? — сказал он наконец.

— Что?

— Может, это стоит попробовать.

Он наклонился вперед, чтобы набрать новые координаты, но она его опередила. Когда он нажал на кнопку и С-7 развернулся, она его поцеловала. Ее щеки под темными очками были влажными.

II

Самоубийство задело его сильнее, чем должно было, к тому же накануне позвонила и отменила свой визит миссис Ламберт, так что Рендер решил провести утро в задумчивости. Соответственно, он вошел в офис, хмуро куря сигару.

— Вы видели...? — спросила миссис Эджес.

— Да. — Он сбросил пальто на стул, стоящий в дальнем углу комнаты. Подошел к окну, посмотрел вниз. — Да, — повторил он, — я ехал с прозрачными стеклами. Когда я проезжал, они там еще убирали.

— Вы его знали?

— Я до сих пор не знаю, кто это. Откуда?

— Мне только что позвонила Присс Талли — она принимает инженерное оборудование на восемьдесят шестом. Она говорит, что это был Джеймс Иррицари, дизайнер по рекламе, офис которого вниз по коридору от них. Оттуда высоко падать. Он, наверное, был без сознания, когда упал, правда? Он ударился о здание. Если вы откроете окно и наклонитесь, там видно — вон там, слева — место, где...

— Неважно, Бенни. А ваша подруга имеет понятие, почему он это сделал?

— Да нет. Его секретарша с криком выбежала в холл. Кажется, она зашла в его кабинет с какими-то чертежами, как раз когда он залезал на подоконник. На столе была записка: «Я получил все, что хотел. К чему тянуть?» Довольно смешно, да? Я не имею в виду, что смешно...

— Да. Вы что-то знаете о его делах?

— Женат. Двое детей. Хорошая профессиональная репу-

тация. Здравомыслящий как и любой другой. Он мог себе позволить иметь офис в этом здании.

— Боже мой, — Рендер обернулся, — у вас там что, досье где-то?

— Знаете, — она пожала толстыми плечами, — у меня подруги по всему этому улюю. Мы всегда разговариваем, когда нечего делать. Присси, к тому же, моя невестка.

— Вы хотите сказать, что если я сейчас нырну в это окно, моя биография пройдет по кругу за ближайшие пять минут?

— Вероятно, — она скривила свои яркие губы в улыбку, — плюс — минус две минуты. Но не делайте этого сегодня, ладно? Знаете, это как-то выведет всех из шока, и первый прыжок не будет иметь того эффекта, как если бы он был один. Да и в любом случае, — продолжила она, — вы — чистильщик мозгов. Вы этого не сделаете.

— Вы идете против статистики, — заметил он, — Врачи вместе с юристами ухитряются делать это втрое чаще, чем представители других профессий.

— Ого! — она приняла обеспокоенный вид. — Отойдите-ка от моего окна! Тогда мне придется работать у доктора Хансона, а он — недотепа.

Рендер подошел к ее столу.

— Я никогда не знаю, когда воспринимать вас всерьез, — заключила секретарша.

— Я ценю вашу заботу, — кивнул он, — в самом деле, ценю. В сущности, я никогда не сдавался статистике — по ней я должен был вылететь из нейротерапии четыре года назад.

— Хотя... Вы бы попали в заголовки, — размышляла она, — все эти репортеры спрашивали бы меня о вас... Почему они это делают, а?

— Кто?

— Кто угодно.

— Как я могу знать, Бенни? Я всего лишь скромный волнователь душ. Если бы я мог нащупать общую причину и, может, найти способ предугадать это дело — ну, тогда это, пожалуй, было бы лучше для последних известий, чем если бы я просто прыгнул. Но я не могу этого сделать, потому что единственной и простой причины нет — я так думаю.

— О!

— Около тридцати пяти лет назад это была бы девятая по частоте смерть в Соединенных Штатах. Сейчас она шестая по Северной и Южной Америке. Думаю, что в Европе — седьмая.

— И никто никогда не узнает, почему Ирицарри прыгнул?

Рендер выдвинул стул и уселся. Он стряхнул пепел в ее

маленький блестящий подносик. Она быстро опустошила его в корзину и многозначительно кашлянула.

— Всегда можно сделать какие-то предположения, — сказал он, — и человек моей профессии сделает их обязательно. Первое, на что нужно посмотреть, это черты характера, которые могут predispose человека к периодической депрессии. Люди, которые держат свои эмоции под жестким контролем, или которые совестливы, или вынужденно обращают внимание на всякие мелочи... — он стряхнул на ее поднос новый комочек пепла, подождал, пока она потянулась к мусорной корзине, быстро притянул ее руку обратно и улыбнулся злой улыбкой. — Короче, — закончил он, — некоторые черты, которые бывают у людей, чьи профессии предполагают не групповую, а индивидуальную деятельность, — медицина, юриспруденция, искусство.

Бенни задумчиво посмотрела на шефа.

— Впрочем, не беспокойтесь, — хихикнул он, — я чертовски доволен жизнью.

— Сегодня с утра вы, похоже, не в настроении.

— Питер звонил. Он вчера повредил в спортзале щиколотку. Они должны лучше контролировать такие занятия. Я думаю поменять ему школу.

— Еще раз?

— Да, возможно. Я посмотрю. Сегодня днем мне позвонит их старший преподаватель. Мне не нравится перекидывать его с места на место, но я хочу, чтобы он закончил школу целым.

— Ребенок не может вырасти без одного или двух таких происшествий. Это — статистика.

— Статистика не означает предначертания, Бенни. Это у каждого свое.

— Статистика или предначертание?

— Думаю, и то, и другое.

— А по-моему, если что-то должно случиться, то оно должно случиться.

— А по-моему, нет. Я считаю, что человеческая воля в сочетании со здоровым умом может хранить какую-то степень контроля за событиями. Если бы я так не думал, я бы не занимался своим нынешним рэкетом.

— Мир — это машина, ну, вы знаете: причина — следствие. Статистика предполагает вероятность...

— Человеческое сознание — не машина, и я не знаю ни причин, ни следствий. Никто не знает.

— Но у вас, я помню, степень по химии. Вы же ученый, Док!

— Значит, я троцкистский уклонист, — он улыбнулся и потянулся. — Вы тоже когда-то преподавали балет. — Он встал и взял свое пальто.

— Кстати, звонила мисс Девиль, просила оставить записку: «Как насчет Сент-Мориса?»

— Слишком роскошно, — решил он вслух, — это будет Давос.

Поскольку самоубийство задело его сильнее, чем должно было, Рендер запер дверь кабинета, затемнил окна и включил фонограф. Он оставил гореть только настольную лампу.

«Как изменилось качество человеческой жизни, — написал он, — с того времени, как началась индустриальная революция?»

Он поднял лист и перечитал предложение. Это была тема, которую его просили обсудить в ближайшую субботу. Как обычно в таких случаях, он не знал, что ему сказать, потому что хотел сказать слишком многое, и имел всего лишь час на то, чтобы сказать все, что хочет. Он поднялся и стал ходить по комнате, заполненной теперь Восьмой симфонией Бетховена.

«Способность причинять боль, — произнес он, активизировав фонограф щелчком по микрофону на лацкане, — эволюционировала в прямой зависимости от развития технологии». Воображаемая аудитория оставалась спокойной. Он улыбнулся. «Способность человека нанести кому-нибудь увечье умножилась массовым производством; его возможность ранить при персональном контакте чью-то душу расширилась в том же отношении, в котором расширились возможности коммуникации. Это все хорошо известно, и это не то, что я хочу сегодня обсудить. Я хочу поговорить о том, что я назову автопсихомимикрией — о самогенерирующих комплексах, которые, на первый взгляд, довольно похожи на классические образцы, но на самом деле говорят о радикальном распылении психической энергии. Они присущи только нашему времени...».

Он остановился, чтобы взять сигару и найти дальнейшие слова.

«Автопсихомимикрия», — подумал он вслух, — самоподдерживающийся комплекс имитации — почти что навязчивая идея.

Например, джазовый музыкант, половину своих выступлений проводящий на взводе, несмотря на то, что он никогда не принимал наркотики, вызывающие привыкание, да и вообще, он почти не помнит никого, кто бы это делал, — современные стимуляторы и транквилизаторы совершенно без-

опасны. Подобно Дон-Кихоту, он устремляется за легендой, в то время как сама музыка дает достаточный выход его напряжению. Или мой сирота времен корейской войны, который жив сегодня благодаря Красному Кресту, ЮНИСЕФ и приемным родителям, которых он никогда не видел. Он так хотел иметь семью, что придумал ее себе. И что же? Он ненавидел своего воображаемого отца и нежно любил свою воображаемую мать — ведь он был очень образованным мальчиком и горячо стремился к традиционным полуистинным комплексам. Почему?

Сегодня уже все образованны настолько, что разбираются во всех почтенных классических психических нарушениях. Многие причины этих нарушений сегодня удалены — не радикально, как в случае с моим теперь уже выросшим сиротой, но с заметным эффектом. А мы живем в невротическом прошлом — опять-таки, почему? Потому что наше настоящее сплошь замешано на физическом здоровье, безопасности и благосостоянии. Мы уничтожили голод, хотя сирота какого-нибудь лесного племени предпочел бы получить банку консервов от человеческого существа, которое его любит, чем регулярное горячее питание из установленного в джунглях автомата.

Физическое благополучие стало сегодня более чем правом каждого человека. И реакция на это проявилась в области благополучия духовного. Благодаря развитию технологии исчезли причины многих социальных проблем, и вместе с ними исчезли и многие причины душевных расстройств. Но между черным вчера и белым завтра есть долгое серое сегодня; наполненное ностальгией и страхом перед будущим, которое не может проявиться в чисто материальной плоскости и которое выражается сейчас в целенаправленном поиске образцов страстей прошлого...»

Коротко зазвенел телефон, но Рендер не услышал его из-за звучащей Восьмой.

«Нам страшно то, чего мы не знаем, — продолжал он, — и мы совершенно не знаем нашего завтра. Собственно говоря, моей области психиатрии не существовало еще тридцать лет назад. Наука способна развиваться настолько быстро, что у человечества появляется беспокойство — я бы даже сказал тревога — по поводу логического результата этого развития: полной механизации всего в этом мире».

Он проходил мимо стола, когда телефон зазвенел снова. Он отключил микрофон и приглушил Восьмую.

— Алло?

— Сент-Мориц? — произнесла она.

- Давос! — твердо ответил он.
- Чарли, ты просто невыносим!
- Джилл, дорогая, ты — тоже.
- Обсудим вечером?
- Тут нечего обсуждать.
- Но ты заедешь за мной в пять?

Он замешкался с ответом, потом отозвался:

- Да, в пять. Почему не работает экран?
- Я сделала прическу. Снова хочу тебя удивить.

Он подавил идиотский смешок и сказал:

— Надеюсь, что приятно. Ну, хорошо, до встречи, — он дождался ее «До свидания» и отключил связь.

Он вернул окнам прозрачность, выключил свет на столе и выглянул наружу. Вновь серая пелена над головой и множество медленных снежных хлопьев, кружащихся, в промежутках между порывами ветра, медленно падающих и наконец теряющихся во всеобщем кружении...

Он увидел также, когда открыл окно и высунулся наружу, то место слева, где Ирицарри оставил свой предпоследний след в этом мире.

Он закрыл окно и дослушал симфонию. Прошла неделя со времени их слепого кружения с Эйлин. Ей назначено на час дня.

Он вспомнил, как концы ее пальцев касались его лица, как листья или тельца насекомых, когда она познавала его внешность древним способом всех слепых. Это воспоминание было несомненно приятным. Почему, хотел бы он знать.

Далеко внизу влажный клочок земли стал снова чист; под тонким свежим покрывалом снега он был скользким, как стекло. Портье торопливо вышел наружу и посыпал его солью, пока кто-нибудь не поскользнулся и не ушибся.

Зигмунд был похож на оживший миф о Фенрире. Когда Рендер сказал миссис Эджес: «Пусть войдут», дверь начала открываться, затем резко распахнулась шире и на него направилась пара дымчато-желтых глаз. Глаза были посажены на странно деформированной собачьей голове.

У Зигмунда не было низкого собачьего лба, слегка отклоняющегося кверху; это был высокий косматый череп, на котором глаза выглядели даже более глубоко посаженными, чем они были на самом деле. Рендер слегка вздрогнул от размера и формы этой головы. Все мутанты, которых он видел до сих пор, были еще щенками. Зигмунд был полностью выросшим, его серая с черным шерсть местами топорщилась, и он выгля-

дел из-за этого более крупным, чем обычный представитель его породы.

Он странно, не по-собачьи, посмотрел на Рендера и издал рычание, которое было настолько похоже на «Здравствуйте, доктор», что это не могло быть случайностью. Рендер кивнул и встал.

— Здравствуй, Зигмунд, — ответил он, — заходите.

Пес повернул голову, пригнувшись к комнате, будто бы решая, можно ли доверить ей то, что он охраняет. Затем он вернул свой взгляд на Рендера, утвердительно кивнул и плечом открыл дверь. Все вместе длилось, может, одну неловкую секунду. Эйлин следовала за ним, слегка касаясь двойного ошейника. Пес бесшумно ступал по толстому ковру — с опущенной головой, будто держа след. Он ни разу не посмотрел Рендеру в глаза.

— Значит, это Зигмунд? ... Как вы, Эйлин?

— Прекрасно... Да, он очень хотел прийти со мной, а я хотела, чтобы вы с ним познакомились.

Рендер провел ее к стулу и усадил. Она отстегнула поводок и положила его на пол. Зигмунд сел рядом с ним, продолжая наблюдать за Рендером.

— Как дела в Городской Психиатрической?

— Как всегда. Можно мне стрелкнуть сигарету, доктор? Я забыла свои.

Он поместил сигарету между ее пальцами и поднес зажигалку. На Эйлин был темно-синий костюм, а ее очки были цвета голубого пламени. Серебряный кружок на ее лбу отразил свет зажигалки; она продолжала смотреть в ту же точку и после того, как он убрал руку. Ее волосы до плеч казались слегка более светлыми, чем в тот вечер, когда они встретились: сегодня они были цвета новенькой медной монеты.

Пододвинув носком свой глобус-пепельницу, Рендер уселся на край стола.

— Вы говорили, что вы слепы, но это не означает, что вы никогда не видели. Я тогда не спросил у вас, что это значит. Но я хочу спросить сейчас.

— У меня был сеанс нейроучастия с доктором Рискомбом, — ответила она, — до того, как с ним произошел несчастный случай. Он хотел приучить меня к визуальным впечатлениям. К сожалению, второй сеанс так и не состоялся.

— Понимаю. Чем вы занимались на этом сеансе?

Она скрестила лодыжки, и Рендер отметил их красивую форму.

— В основном, цветами. Довольно подавляющее впечатление.

— Насколько хорошо вы их помните? Как давно это было?

— Месяцев шесть назад — но я их не забуду никогда. Я даже видела с тех пор цветные сны.

— Насколько часто?

— По несколько раз в неделю.

— Какие они несут ассоциации?

— Ничего особенного. Просто сопровождают остальные раздражители — довольно случайным образом.

— Как именно?

— Ну, например, когда вы задаете мне вопрос, я «вижу» какой-то желто-оранжевый образ. Когда вы поздоровались, это было что-то серебристое. Сейчас, когда вы просто сидите и слушаете меня молча, вы ассоциируетесь с глубоким, почти фиолетовым синим.

Зигмунд перевел взгляд на боковую панель стола.

«Интересно, слышит ли он, что там крутится магнитофон? — подумал Рендер. — И если да, может ли он догадаться, что это и для чего».

Если так, то пес, несомненно, скажет об этом Эйлин. Она, конечно, знает, что это принято в практике, но ей может быть неприятным напоминание о том, что он рассматривает ее случай, как терапию, а не как простой процесс адаптации. Если бы это имело хоть какой-нибудь смысл — он внутренне улыбнулся этой мысли — он бы поговорил с псом наедине.

Опять-таки внутренне он пожал плечами.

— Тогда я сегодня сконструирую довольно простой мир, — сказал он наконец, — и познакомлю вас с основными формами.

Она улыбнулась, и Рендер взглянул на оживший миф, сидящий рядом с ней, вывалив язык: *«Тоже улыбается?»*

— Спасибо, — сказала она.

Зигмунд завилял хвостом.

— Ну, тогда, — Рендер поместил свою сигарету рядом с Мадагаскаром, — я сейчас вытащу и проверю «яйцо». А пока, — он нажал незаметную кнопку, — немного музыки поможет расслабиться.

Она начала что-то говорить в ответ, но ее слова заглушила увертюра Вагнера. Рендер снова нажал на кнопку, и на некоторое время вновь стало тихо.

— Хм, хм. Я думал, будет Респиги.

Чтобы найти «Римские сосны», понадобилось еще два нажатия.

— Можно было оставить, — заметила она. — Мне нравится Вагнер.

— Нет, спасибо, — ответил он, открывая шкаф. — Я бы заблудился во всех этих лейтмотивах.

Большое яйцо выкатилось в кабинет бесшумно, как белое облако. Подталкивая его к столу, Рендер слышал за спиной тихое рычание. Он быстро обернулся.

Подобно мелькнувшей птичьей тени Зигмунд вскочил, пересек комнату и сейчас обходил машину вокруг, обнюхивая — хвост напряжен, уши прижаты, клыки обнажены.

— Спокойно, Зиг, — сказал Рендер, — это всеканальная нейроустановка. Она не кусается и ничего такого. Это просто механизм, вроде как машина — телевизор или посудомойка. Она нам сегодня нужна, чтобы показать Эйлин, как выглядят некоторые вещи.

— Не люблю, — пророкотал пес.

— Почему?

Ответа он не получил: Зигмунд вернулся к Эйлин и положил голову ей на колени.

— Не люблю, — повторил он, смотря на нее снизу.

— Почему?

— Нет слов, — ответил он. — Мы сейчас пойдем домой?

— Нет, — ответила она, — ты сейчас свернешься в углу и поспишь, а я свернусь в этой машине и сделаю то же самое — примерно.

— Нехорошо, — поникнув, сказал он.

— Иди, — подтолкнула она, — ляг и веди себя прилично.

Он подчинился, но заскулил, когда Рендер затемнил окна и коснулся кнопки, трансформирующей стол в кресло оператора.

Он заскулил еще раз, когда яйцо, уже соединенное с пультом, разошлось посередине и верхушка отошла, обнажив внутренность.

Рендер сел. Его стул превратился в подогнанное по телу кресло и наполовину вошел под консоль. Он выпрямился, стул выдвинулся обратно и снова превратился в стол. Он коснулся стола, и часть потолка освободилась, поменяла форму и опустилась, нависнув над его головой подобно большому колоколу. Он встал и подошел к камере. Респиги наговаривал о соснах и тому подобном. Рендер отключил телефоны снизу яйца, наклонился над ним и оперся о стол. Закрыв плечом одно ухо и прижимая к другому телефон, он начал нажимать свободной рукой на кнопки. Музыку затопили тысячи ветров и пересекли мили авто-

страд, раздался шум обратной связи; прозвучало: «...Сейчас, когда вы просто сидите и слушаете меня молча, вы ассоциируетесь с глубоким синим, почти фиолетовым...»

Он переключил на лицевую маску и начал просмотр: один — корица, два — прелые листья, три — мускус... и далее вниз — через жажду, вкус меда, уксуса и соли, обратно вверх через сирень и мокрый асфальт, предгрозового запаха озона и все основные обонятельные и вкусовые отметки утра, дня и вечера.

Ложе нормально плавало в ртути, магнитно стабилизированной стенками яйца. Он установил ленты. Камера была в прекрасном состоянии.

— Отлично, — сказал Рендер оборачиваясь, — все проверено.

Она положила очки поверх сложенной одежды. Она разделась, пока Рендер проверял машину. Его немного взволновала узкая талия, большая грудь с темными сосками, длинные ноги. Для женщины ее веса она была очень хорошо сложена, решил он.

Впрочем, глядя на Эйлин, он понял, что, конечно, главное, что его раздражает — что она его пациентка.

— Я готова, — сказала она, и Рендер подошел к ней.

Взяв ее за талию, он подвел Эйлин к машине. Ее пальцы ощутили внутренность камеры. Помогая ей забраться внутрь, он заметил, что у нее ярко зеленые глаза. Этого он тоже не одобрил.

— Удобно?

— Да.

— Отлично, все готово. Я закрываю. Приятных снов.

Верхняя оболочка медленно опустилась. Закрывшись, она сделалась непрозрачной, затем блестящей. Рендер видел свое искаженное отражение. Он двинулся по направлению к столу. Перед ним, не давая пройти, встал Зигмунд. Рендер наклонился, чтобы погладить его по голове, но пес отдернулся в сторону.

— Возьми меня, с ней, — прорычал Зигмунд.

— Боюсь, старик, что это невозможно сделать, — с ложным сочувствием ответил Рендер. — А кроме того, мы никуда не идем. Мы просто подремлем, прямо здесь, в этой комнате.

Похоже было, что пес не успокоился.

— Почему?

Рендер вздохнул.

Спор с собакой был, пожалуй, самым нелепым из того, что могло придти ему в голову, когда он был трезв.

— Зиг, — сказал он, — я стараюсь помочь ей узнать, как выглядят вещи. Ты, конечно, очень хорошо водишь ее по ми-

ру, который она не видит, но сейчас ей нужно узнать, как он выглядит, и я собираюсь показать ей его.

— Тогда я буду ей не нужен.

— Ты будешь нужен, обязательно. — Рендер чуть не рассмеялся. Трогательность была тут так тесно связана с абсурдностью, что ему было трудно удержаться. — Я не могу восстановить ее зрение, — объяснил он, — я только хочу передать ей несколько зрительных образов, как бы одолжить ей мои глаза ненадолго. Соображаешь?

— Нет, — сказал пес, — возьми мои.

Рендер выключил музыку. *«Отношения мутантов с хозяевами могут потянуть томов на шесть, — решил он, — на немецком».*

Он показал на дальний угол.

— Ляг вон там, как тебе велела Эйлин. Это будет недолго, и когда все кончится, вы уйдете так же, как и пришли — ты поведешь. Хорошо?

Зигмунд не ответил, но повернулся и пошел в угол. Его хвост вновь поник.

Рендер сел и опустил колокол — операторский вариант камеры. Он был один перед девятью десятками белых и двумя красными кнопками. Мир заканчивался в темноте за консолью. Он ослабил узел галстука и расстегнул воротник, вынул из гнезда шлем и проверил его связи и соединения. Надевая его, он надвинул на нижнюю часть лица полумаску и опустил сверху темный экран, пока они не соприкоснулись. Поместив правую кисть в ременную лямку, он одним щелчком отключил сознание пациента.

Формовщик не оперирует кнопками в полном сознании. Он просто желает те или иные состояния. Его мускульная реакция приводит к появлению почти незаметного давления на чувствительные датчики, захват скользит в нужное положение и побуждает палец к разгибанию. Кнопка оказывается нажатой. Манипулятор продолжает движение.

Рендер почувствовал покалывание в переносице; он слышал запах свежескошенной травы. Внезапно он оказался летящим в огромном сером просвете между мирами...

Через время, которое показалось очень длинным, Рендер почувствовал, что он приземлился на очень странной Земле. Он ничего не видел; о том, что он прибыл, ему подсказало чувство присутствия. Это была самая темная из темных ночей, которые он когда-то знал. Он пожелал, чтобы тьма рассеялась. Ничего не произошло.

Часть его сознания вновь пробудилась, часть, о которой он

не знал, что она спит; он вспомнил, в чей мир он вошел. Он прислушался к ее присутствию. Он услышал страх и ожидание.

Он пожелал цвета. Сперва, красный...

Он почувствовал связь. Затем пришел отклик.

Все стало красным; он жил в сердце бесконечного рубина.

Оранжевый. Желтый...

Он был заключен в кусок янтаря.

Теперь зеленый; он добавил испарения раскаленного знойного моря. Голубой и вечерняя прохлада.

Затем он напряг сознание и вызвал все цвета сразу. Они пришли в виде больших вращающихся языков. Он разделил их на части и навязал им форму. На черном небе выгнулась раскаленная радуга.

Он начал борьбу за коричневый и серый под ногами. Они явились мерцающими движущимися лоскутами.

Где-то возник благоговейный страх. Однако без признаков истерии, так что он продолжил формирование.

Он сумел создать горизонт, темнота над ним иссякла. Небо стало бледно голубым, и он осмелился поместить на нем несколько темных туч. Его попытки создать глубину и расстояние встречали сопротивление, и он усилил картину очень слабым шумом прибоя. В то время как он заставлял уплывать облака, медленно пришел слуховой образ расстояния. Чтобы успокоить вздымающуюся волну акрофобии, он быстро воздвиг высокий лес. Паника угасла.

Рендер сосредоточился на высоких деревьях — дубах и елях, тополях и сикиморах. Он разбрасывал их как копья, клоками зеленого, коричневого и желтого, разворачивал густой ковер влажной от утренней росы травы, набросал в разных местах серые валуны и зеленоватые бревна, спутал и свил ветви над головой, опустив на долину ровную тень.

Результат был потрясающим. Казалось, что весь мир вздрогнул, подавив рыдание, и замолк.

Он чувствовал сквозь тишину ее присутствие. Он решил, что будет лучше всего быстро создать землю, чтобы иметь реальные позиции, и подготовить почву для дальнейших операций. Потом можно будет вернуться, что-то поменять и залечить результаты травмы в последующих сеансах; но то, что он создал, было минимумом, необходимым для того, чтобы начать.

С самого начала он понял, что молчание было результатом удаления. Эйлин сделала свое существование имманентным деревьям и траве, камням и кустам, она персонализиро-

вала их формы, связывала их с осязательными ощущениями, звуками, теплом, запахами.

Он качнул ветви деревьев слабым ветерком, создал сразу за пределами видимой области журчание ручья. Появилось чувство радости; он разделил его.

Она переносила все очень хорошо; он решил расширить рамки упражнения. Он позволил своему сознанию странствовать среди деревьев, переживая одновременно мгновенное раздвоение зрения, видя при этом огромную руку, движущуюся в алюминиевой повозке к белому кругу.

Теперь он был рядом с ручьем и осторожно искал ее.

Он тек вместе с водой. Он еще не обрел формы. Он направил ручей по мелкой ложбинке и по камням; всплеск воды перешел в журчание. По его настоянию вода зазвучала, зашумела отчетливей.

— Где ты? — спросил ручей.

— Здесь! Здесь!

— Здесь!

— ...и здесь! — ответили деревья, кусты, камни, трава.

— Найди что-нибудь одно, — сказал ручей, расширяясь, окружая небольшую скалу, затем поворачивая вниз по склону, устремляясь к голубому озеру.

— ...Не могу, — был ответ ветра.

— Ты должна, — ручей расширился и влился в пруд, забурлил на поверхности, затем успокоился и отразил ветви и темные облака. — Сейчас!

— Хорошо, — эхом откликнулся лес, — я сейчас.

Над озером поднялся туман и поплыл к берегу.

— ...Сделай это, — прозвенел туман.

— ...Вот...

Она выбрала маленькую иву. Она раскачивалась на ветру, металась, опускала ветви в воду.

— Эйлин Шелот, — сказал он, — посмотри на озеро.

Ветер поменял направление; ива согнулась.

Ему было нетрудно вспомнить ее лицо, ее тело. Дерево закрутилось, будто не имеющее корней. Эйлин стояла в самом сердце тихого взрыва листвы; она испуганно смотрела в глубокое темно-синее зеркало сознания Рендера, в озеро.

Она закрыла лицо руками, но это не могло заставить ее не видеть.

— Посмотри на себя, — сказал Рендер.

Она опустила руки и внимательно посмотрела вниз. Затем, изучая себя, медленно повернулась во все стороны. Наконец:

— У меня чувство, что я довольно красива, — сказала

она. — Это правда, или мне так кажется, оттого, что вы испытываете ко мне желание?

Говоря, она оглядывала все вокруг, ища шейпера*.

— Это правда, — сказал Рендер из ниоткуда.

— Спасибо.

Закружилось что-то белое, и она оказалась одетой в шелковое платье с поясом. Свет вдаль сделался почти невыносимо ярким. Самое низкое облако окрасилось снизу в бледно-розовый цвет.

— Что там? — спросила она, повернувшись в том направлении.

— Я покажу тебе восход, — сказал Рендер, — и, наверное, не очень хороший, — это мой первый восход в таких обстоятельствах.

— Где ты? — спросила она.

— Везде, — ответил он.

— Появись, пожалуйста, чтобы я могла тебя увидеть.

— Хорошо.

— В своем обычном виде.

Он пожелал оказаться рядом с ней на берегу, — там и очутился.

Ослепленный металлическим блеском, он посмотрел вниз. Мир на мгновение отступил, затем снова стал стабильным. Шейпер засмеялся, но когда подумал о чем-то, его смех затих.

На нем были латы, стоявшие рядом со столом в «Куропатке и Скальпеле» в тот вечер, когда они встретились. Эйлин протянула руку и коснулась их.

— Это одеяние было около нашего стола, — сказала она, проводя пальцами по пластинам и сочленениям. — В тот вечер ты ассоциировался у меня с ними.

— ...и сейчас ты меня в них запихнула, — заметил он. — Ты — волевая женщина.

Латы исчезли, он был в своем сером костюме, свободно повязанном красном галстуке, и на лице его было профессиональное выражение.

— Посмотри на меня настоящего. — Он слегка улыбнулся. — А теперь — восход. Я собираюсь использовать все цвета. Смотри!

Они сели на появившуюся позади зеленую парковую скамейку, и Рендер показал в направлении, в котором, как решил он, будет восток.

---

* Шейпер — от английского слова «shape» («форма»). В данном тексте эквивалент слову «формовщик». (Прим. ред.)

Солнце медленно проходило свои утренние превращения. Впервые в этом мире оно, подобно Богу, воплотилось и отразилось в озере и рассеяло облака, и сделало так, что земля мягко засветилась под дымкой, поднимающейся над влажным лесом.

Глядя не отрываясь, смотря прямо в разгорающееся пламя, Эйлин долгое время не двигалась и не произносила ни звука. Рендер ощущал ее восхищение.

Она смотрела на источник всего света: его свет отражался от пылающего на ее лбу подобно капле крови блестящего кружка.

Рендер заговорил:

— Это солнце, это облака, — он хлопнул в ладоши, тучи закрыли солнце и наверху тихо загрохотало, а это — гром, — закончил он.

Пошел дождь, разбивая поверхность озера, щекоча их лица и громко стуча по листве и затем мягко капая с ветвей над головой, пропитывая их одежду и волосы, обращая комья коричневой земли в грязь. Небо застлала вспышка молнии, и секундой позднее раздался новый раскат грома.

— ...А это — летняя гроза, — продолжал он лекцию. — Ты видишь, как дождь меняет листву и нас самих. То, что ты только что видела на небе перед раскатом грома, было молнией.

— ...Слишком много, — сказала она. — Пожалуйста, давай остановимся на минуту.

Дождь мгновенно прекратился и сквозь тучи прорвалось солнце.

— Чертовски хочется сигарету, — сказала она, — но я оставила свои в другом мире.

Как только это было сказано, между ее пальцами уже появилась зажженная сигарета.

— Она будет безвкусной, — странным голосом произнес Рендер. Мгновение он смотрел на нее, затем заметил:

— Я не давал тебе сигареты. Ты ее выудила из моего сознания.

Дым, кружась, поднимался и рассеивался вверх.

— ...Это означает, что сегодня я уже второй раз недооцениваю силу, с которой притягивает вакуум в твоем сознании — на том месте, где должно было быть зрение. Ты очень быстро осваиваешь новые впечатления. Ты доходишь до того, что ощупью идешь к новым образам. Будь осторожна. Старайся сдерживать этот импульс.

— Это как голод, — сказала она.

— Пожалуй, нам лучше закончить сегодняшний сеанс.

Их одежда снова была сухой. Завела песню птица.

— Нет, постой. Пожалуйста! Я буду осторожна. Я хочу видеть больше.

— Мы всегда можем сюда вернуться, — сказал Рендер. — Но я думаю, можно сделать еще что-нибудь одно. Есть ли что-то, что тебе очень сильно хотелось бы увидеть?

— Да. Зиму. Снег.

— Отлично, — шейпер улыбнулся, — тогда закутайся в этот мех...

После ухода пациентки день заскользил быстро. Рендер был в хорошем настроении. Он чувствовал себя опустошенным и вновь наполненным. Он хорошо прошел первый этап. Он решил, что, пожалуй, он достигнет цели. Его удовлетворение было сильнее его страха. С этим воодушевлением он и вернулся к работе над своей речью.

«... И что это такое — способность причинять боль?» — спросил он у микрофона.

— Мы живем в удовольствии и мы живем в боли, — ответил он себе. — И то и другое может подавлять, и то и другое может возбуждать. Но хотя удовольствие и боль коренятся в биологии, условия для них создаются обществом: значит, нужно вынести оценки. Из-за того, что огромные массы людей во всех городах мира каждый день лихорадочно перемещаются в пространстве, стало необходимым существование полностью механизированного контроля за этими передвижениями, абсолютно неживых надсмотрщиков за этими передвижениями. С каждым днем они прогрызают себе дорогу в новые области — водят наши машины, управляют нашими самолетами, опрашивают нас, диагностируют наши болезни, — и я даже не могу рискнуть на вынесение моральной оценки этому вторжению. Они стали необходимыми. В конечном счете, их существование может оказаться благотворным.

Однако утверждение, которое я хочу сделать, заключается в том, что зачастую мы не знаем своих сокровищ. Мы не можем точно сказать, что значит для нас та или иная вещь, пока она не взята из нашей жизни. Когда перестает существовать что-то ценное, высвобождается заключенная в нем психическая энергия. Мы ищем новые ценности, чтобы поместить в них нашу — ману, если угодно, или, если не угодно, либидо. И ни одна из вещей, исчезнувших за последние три, четыре или пять десятилетий, не была, сама по себе, чрезвычайно значимой; и ни одна из вещей, обретших существова-

ние за то время, не является особенно враждебной по отношению к людям, которых она заменила, или к людям, которых она как-то контролирует. Но общество состоит из многих вещей, и когда они меняются слишком быстро, результаты становятся непредсказуемыми. Внимательное изучение душевных болезней зачастую очень показательно в смысле стрессов общества, в котором возникла эта болезнь. Если мании укладываются в группы и классы, то по ним можно сказать что-то о неблагополучии общества. Карл Юнг показал, что когда сознание постоянно фрустрируется в поисках ценностей, поиски переносятся из подсознания в область бессознательного; потерпев неудачу и там, оно будет выискивать свой путь в гипотетическом коллективном подсознании. Он заметил, анализируя послевоенных экс-нацистов, что чем дольше они искали что-либо, что подняло бы их жизни из руин — после того, как они пережили период классического иконоборчества, а затем падение и новых идей, — чем дольше они искали, тем, казалось, глубже в прошлое забирались они в коллективное подсознание своего народа. Сами их сны стали заимствовать образы из тевтонских мифов.

Это, в гораздо менее драматическом смысле, происходит и сегодня. Бывают исторические периоды, когда коллективные тенденции сознания обращаются в себя или в прошлое сильнее, чем в другое время. Мы переживаем сейчас именно такой период донкихотства в первичном смысле этого слова. Это происходит потому, что способность ранить есть в наше время способность игнорировать, не принимать в расчет, — и это уже не является прерогативой человеческих существ...

Тут его прервал звонок. Он выключил фонограф и коснулся телефона.

— Чарльз Рендер слушает, — сказал он ему.

— Это Поль Чартер, — прошепелявил телефон, — я старший преподаватель в Диллинге.

— Да?

Изображение прояснилось. Рендер увидел человека, глаза которого были близко посажены под высоким лбом. Лоб был сильно изрезан морщинами, рот при разговоре кривился.

— Я хочу снова принести свои извинения по поводу того, что произошло. Снаряд был неисправен...

— Разве вы не можете позволить себе нормального оборудования? Ваша плата достаточно высока.

— Это была новая партия снарядов. Это был фабричный дефект.

— Разве никто не несет ответственности за класс?

— Да, но...

— Почему он не проверил оборудование? Почему он не был рядом, чтобы предотвратить падение?

— Он был рядом, но все произошло слишком быстро, чтобы он успел что-то сделать. А что касается проверки спортивных снарядов и выявления фабричных дефектов, то это не его работа. Послушайте, мне очень жаль, что так вышло. Я очень люблю вашего мальчика. Я могу заверить вас, что ничего подобного больше не произойдет.

— Тут вы совершенно правы. Но этого не произойдет по той причине, что я забираю его завтра утром и перевожу в школу, которая принимает необходимые меры предосторожности.

Нажатием пальца Рендер прекратил разговор.

Через несколько минут он встал и прошел в угол, частично отгороженный книжными полками. Ему потребовалось только мгновение, чтобы достать и открыть шкатулку, в которой лежало недорогое ожерелье и фотография в рамке, на которой были мужчина, похожий на него, но несколько моложе, женщина с темными, убранными наверх волосами и маленьким подбородком, и между ними двое детей — девочка, держащая в объятиях малыша и улыбающаяся прямо перед собой скупающей улыбкой. Рендер, как и раньше в таких случаях, смотрел несколько мгновений, поглаживая ожерелье, затем закрыл шкатулку и снова запер ее на много месяцев.

Бум! Бум! — звучал бас. Тонг-тонг-тонг-а-тонг, — били барабаны.

Цветные фильтры прожекторов заливали удивительных металлических танцоров красным, зеленым, синим и ужасным желтым светом.

ЛЮДИ? вопрошала афиша.

Роботы? (непосредственно снизу).

ПРИХОДИТЕ И ПОСМОТРИТЕ САМИ (наискосок, прописными буквами).

Они так и сделали.

Рендер и Джилл сидели за микроскопическим столиком у стены, под рисованными углем шаржами на широко неизвестные личности (в субкультурах 14-миллионного города так много личностей). Наморщив от удовольствия нос, Джилл смотрела туда, где сегодня находится фокус этой конкретной субкультуры, поднимая иногда плечи до ушей, чтобы подчеркнуть беззвучный смех или тихое восклицание, потому что выступающие были слишком людьми — то, как черный робот

проводил пальцами по руке серебристого, когда они расставались и расходились...

Рендер делил свое внимание между Джилл, танцорами и вредным на вид отваром, который ничто так не напоминал, как ведро пшеничной браги, посыпанной водорослями, сквозь которые мог в любой момент подняться Кракен и утащить вниз на погибель какое-нибудь несчастное судно.

— Чарли, я думаю, на самом деле они — люди!

Рендер отвел свой взгляд от ее волос и качающихся серег. Он посмотрел на окруженных музыкантами танцоров на полу, чуть ниже уровня столиков. В этих металлических оболочках могли быть люди. Если так, то их танец — образец большого мастерства. Хотя производство достаточно легких сплавов не представляет проблемы, танцору непросто выделять курбеты так долго и с такой, кажется, совершенно не требующей усилий свободой — будучи с головы до ног закованным в латы и так, чтобы ничего не скрипнуло, не стукнуло.

Беззвучно...

Они скользили подобно двум чайкам; большая, цвета полированного антрацита, и другая, похожая на лунный луч, падающий через окно на обернутый в шелк манекен.

Даже когда они соприкасались, не было ни звука, или, если он и был, то его полностью скрывали ритмы оркестра.

Бум-бум! Тонга-тонг!

Рендер взял новый бокал.

Танец медленно превратился в апаш. Рендер сверился со своими часами. Слишком долго для нормальных артистов, решил он. Это должны быть роботы. Когда он взглянул снова, черный робот подбросил партнершу футов, наверное, на десять и повернулся к ней спиной.

Звука сталкивающегося металла не было.

Интересно, сколько стоит такая установка, — подумал он.

— Чарли! Не было ни звука! Как они это делают?

— В самом деле? — спросил Рендер.

Прожекторы снова засветили желтым, затем красным, затем синим, затем зеленым.

— Казалось бы, это должно повредить их механизмы, правда?

Белый робот медленно пошел назад, а черный начал вращать кистью руки, держа между пальцами зажженную сигарету. Когда он механически прижал ее к своему безгубому безликому лицу, раздался смех. Серебряный робот преградил ему дорогу. Он снова отвернулся, бросил сигарету, растер ее

медленно и бесшумно, затем вдруг неожиданно повернулся к своей партнерше. «Снова подбросит?» — подумал Рендер.

Медленно, подобно длинноногим восточным птицам, они возобновили свои движения, плавно, с множеством поворотов.

Что-то глубоко в Рендере находило это забавным, но он уже ушел слишком далеко, чтобы задаться вопросом, что именно было веселым. И вместо этого он продолжал высматривать на дне стакана Кракена.

Джилл стиснула его бицепс, вновь привлекая его внимание к сцене.

Под искажающим силуэты лучом прожектора черный робот медленно-медленно поднял серебряного над головой, и затем, держа его в таком положении, начал вращать — руки вытянуты, спина прогнута, ноги расставлены — вначале почти незаметно. Потом все быстрее и быстрее.

Неожиданно они закружились с невообразимой скоростью, и фильтры на прожекторах закружились с ними в едином движении.

Рендер встряхнул головой, чтобы сбросить оцепенение.

Силуэты двигались так быстро, что должны были упасть — будь то люди или роботы. Но они не падали. Они обратились в живую мандалу, в однородную серую фигуру. Рендер опустил взгляд.

Затем движение становилось все медленнее, медленнее и медленнее. Танцоры застыли. Музыка прекратилась.

Наступила темнота. Ее заполнили аплодисменты.

Когда свет снова зажегся, два робота стояли неподвижно, как статуи, лицом к аудитории. Очень, очень медленно они поклонились.

Аплодисменты усилились.

Роботы повернулись и исчезли.

Снова зазвучала музыка, свет стал более ярким. Еле слышимые до этого голоса стали громче. Рендер убил Кракена.

— Что ты об этом думаешь? — спросила она.

Рендер сделал серьезное лицо:

— Человек ли я, которому снится, что я робот, или робот, которому снится, что я человек? — он ухмыльнулся и добавил: — Я не знаю.

Она весело хлопнула его по плечу; он высказал замечание о том, что она пьяна.

— Нет, — запротестовала она, — во всяком случае, не сильно! Не так, как ты!

— Все-таки, я думаю, что тебе нужно показаться с этим

доктору. Вроде меня. И сейчас же. Давай уйдем отсюда и покатаемся.

— Не сейчас, Чарли! Я хочу взглянуть на них еще раз, ладно? Ну пожалуйста!

— Если я выпью еще, я так далеко не разгляжу.

— Тогда закажи чашку кофе.

— Фу-у-у!

— Тогда закажи пиво.

— Нет уж, буду страдать без него.

На площадке танцевали, но у Рендера было чувство, что его ноги будто отнялись. Он зажег сигарету.

— Так ты сегодня беседовал с собакой?

— Да. В этом есть что-то странное...

— Она красивая?

— Это был кобель. И боже мой, до чего уродливый!

— Глупо. Я имела в виду хозяйку.

— Ты же знаешь, я никогда не обсуждаю свою работу, Джилл.

— Ты сказал мне, что она слепа, и про собаку я так же слышала именно от тебя. Я всего лишь хочу знать, красивая она или нет.

— Ну... и да, и нет, — он похлопал ее под столом и сделал неопределенный жест. — Ну, знаешь ли...

— Еще раз то же самое, — сказала она официанту, который неожиданно вынырнул из темноты рядом с ними, кивнул и так же резко исчез.

— Конец моим добрым намерениям, — вздохнул Рендер. — Посмотрим, как тебя будет осматривать не вяжущий лыка пьянчуга, — это все, что я могу сказать.

— Ты быстро протрезвеешь, ты всегда так. Гиппократика и все такое.

Он фыркнул и посмотрел на часы.

— Мне завтра необходимо быть в Коннектикуте. Вытаскивать Пита из этой проклятой школы...

Она вздохнула, уже устав от этой темы.

— Я думаю, ты слишком о нем беспокоишься. Любой ребенок может ударить щиколотку. Это часть процесса взросления. Я сломала кисть, когда мне было семь. Это была случайность. Школа не виновата в том, что такое иногда случается.

— К черту, — сказал Рендер, беря свой черный напиток с черного подноса, который нес черный человек. — Если они не могут работать нормально, я найду кого-нибудь, кто может!

Она пожала плечами.

— Хозяин — барин. Я знаю всего лишь то, что читаю в

газетах. И ты по-прежнему настаиваешь на Давосе, хоть и знаешь, что в Сент-Морице встретишь людей более высокого класса? — добавила она.

— Мы туда едем кататься на лыжах, если ты помнишь. Мне больше нравятся склоны в Давосе.

— Я сегодня ни в чем не могу одержать верх, правда?

Он сжал ее руку.

— Ты всегда держишь надо мной верх, дорогая.

Они пили напитки, курили сигареты и держались за руки, пока люди не покинули танцплощадку и не вернулись к своим микроскопическим столикам; закрутились цветные светопленки, окрашивая облака дыма в цвета от ада до восхода и обратно, и зазвучал бас: Бум!

Тонга-тонг!

— О, Чарли! Вон они снова идут!

...Небо было кристально чистым, ясным. Дороги уходили в бесконечность. Снег прекратился.

Дыхание Джилл было дыханием спящей. С-7 взбирался на мосты города. Сидя совершенно неподвижно, Рендер мог убедить себя, что пьяно только его тело; но каждый раз, как он шевелил головой, Вселенная начинала вокруг него пляску. Когда она это делала, он воображал себя во сне шейпером всего этого.

На одно мгновение это стало правдой. Он обратил назад ход больших часов на небе, улыбаясь в своей дремоте. В следующее мгновение он снова бодрствовал и был серьезен.

Вселенная отомстила ему за наглость. За одно славное мгновение беспомощности, которую он любил больше, чем когда ему помогают, она вновь заставила его заплатить видением озерного дна, и когда он вновь двинулся к обломкам на дне мира — как пловца, такой же немой — он услышал проникающий к нему сквозь земные воды откуда-то с высоты над Землей вой Волка Фенрира, готовящегося пожрать Луну; и когда это произошло, он понял, что вой этот похож на звук труб Суда настолько же, насколько сидящая рядом женщина непохожа на Луну. Во всем. В каждой мелочи. И ему стало страшно.

III

Он был псом.

Но он был не обычным псом.

Он сжал на машине за город, один.

Большой, на вид — за исключением головы — нсмецкая овчарка, он сидел на переднем сиденье, смотря в окно на дру-

гие машины и на то, что было вокруг. Он обгонял остальные машины, потому что двигался по скоростной полосе.

Был холодный день и на полях лежал снег; деревья были одеты в снежные одежды, и птицы в небе и на земле казались особенно черными.

Пес открыл пасть, его длинный язык коснулся стекла, которое затуманилось от его дыхания. Голова пса была больше, чем голова любой собаки, кроме, может быть, ирландского волкодава. Глаза были темными и глубоко посаженными, а пасть была открыта, потому что он смеялся.

Он продолжал гонку.

Наконец, замедляясь, машина двинулась поперек авто-страды, съехала на крайнюю правую полосу и через некоторое время съехала на ответвление. Она проехала несколько миль вверх по проселочной дороге, затем свернула на еще более узкий проезд и остановилась под деревом. Через мгновение мотор заглух и дверь открылась.

Пес вылез из машины и толкнул дверь плечом так, что она пролетела большую часть пути, которую должна была пройти, закрываясь. Убедившись, что габаритные огни погасли, он повернулся и пошел по полю, направляясь к лесу.

Пес осторожно поднял лапы и осмотрел свои следы.

Войдя в лес, он несколько раз глубоко вздохнул. Потом встряхнулся.

Издав странный, не похожий на собачий лай звук, побежал.

Он бежал между деревьев и среди камней, перепрыгивая через замерзшие ручьи и маленькие овражки, вбегал на холмы и скатывался вниз по склонам, пронеслся сквозь остекленные, усыпанные радужными огоньками кусты, бежал вдоль замерзшей речки.

Он остановился и фыркнул, затем принюхался.

Открыл пасть и засмеялся — это было нечто, чему он научился от людей.

Затем, вздохнув очень глубоко, он откинул голову назад и завыл — это было нечто, чему его научили не люди.

На самом деле он не знал, где этому научился.

Его вой прокатился по холмам, и эхо отозвалось между ними звуком горна. Когда пес прислушался к эху, его уши встали торчком.

Затем он услышал ответный вой, похожий и не похожий на его собственный.

Не могло быть воя, совсем похожего на его собственный, потому что его голос не совсем был голосом собаки.

Он прислушался, он принюхался, он завыл снова.

И вновь пришел ответ. На этот раз ближе...

Он ждал, пробуя на вкус ветерки, чтобы разобрать послания, которые они несут.

Навстречу ему на холм поднималась собака, сперва быстро, затем замедляясь до осторожного шага. Она остановилась в футах сорока, глядя на него, затем опустила голову.

Это была какая-то из вислоухих охотничьих собак — большая, не чистой породы...

Пес принялся еще раз и издал тихий звук.

Собака обнажила клыки.

Он начал к ней приближаться, и она не двигалась, пока он не подошел футов на десять. Затем она повернулась и стала отходить.

Он остановился.

Собака внимательно посмотрела на него и начала обходить вокруг. Она перешла на подветренную сторону и принялась.

Наконец, он обратился к ней с каким-то звуком, рожденным глубоко в горле. Звук прозвучал до странности похоже на «Здравствуй».

Собака зарычала. Он шагнул к ней.

— Хорошая собачка, — сказал он.

Она наклонила голову набок.

— Хорошая собака, — сказал он снова.

Он сделал еще шаг в сторону, потом еще. Затем сел.

— ...Оч-чень хорошая собака, — сказал он.

Она слабо завиляла хвостом.

Он поднялся и подошел к ней. Она обнюхала его всего. Он ответил той же любезностью. Она завиляла хвостом, закружилась вокруг него, закинув голову, и дважды что-то пролаяла. Она двигалась по все более широкому кругу, иногда опуская голову к земле. Затем, не поднимая головы, она метнулась в лес.

Он подошел к месту, где она остановилась последний раз, и обнюхал землю. Потом повернулся и пошел по следу между деревьев.

Через несколько секунд он догнал ее, и они побежали бок о бок. Затем он выбежал вперед, след закружился, занырял и запетлял. Наконец, он стал совсем ясным.

Из маленького кустика выпрыгнул кролик.

Он догнал его и схватил своими огромными челюстями. Кролик вырывался, он встряхнул головой. В спине кролика что-то хрустнуло, и сопротивление прекратилось. Он немного подержал его, затем оглянулся. Собака шумно подбежала к нему, вся дрожа. Он бросил кролика к ее ногам.

Собака выжидающе посмотрела на него.

Пес продолжал смотреть на нее.

Она опустила голову и разорвала маленькое тело. В холодном воздухе запахло кровью. Заблудившиеся снежные хлопья опустились на коричневую собачью голову. Она жевала и заглатывала, жевала и заглатывала...

Наконец, и он опустил голову и впился в добычу. Это была горячая сырая плоть. Когда он набросился на нее, собака отскочила назад с замирающим в горле рычанием.

Впрочем, он не был особенно голоден, поэтому оставил добычу и отошел. Собака снова набросилась на еду.

После этого они охотились вместе еще несколько часов.

Он всегда успевал убить первым, но всегда оставлял добычу ей. Они загнали вместе семь кроликов. Последних двух они оставили нетронутыми.

Собака села и стала смотреть на него.

— Хорошая собака, — сказал он ей.

Она завиляла хвостом.

— Плохая собака, — сказал он ей.

Хвост перестал вилять.

— Очень плохая собака.

Ее голова поникла. Она посмотрела на него снизу.

Он повернулся и стал уходить.

Она пошла за ним, держа хвост между задних ног.

Он остановился и оглянулся через плечо.

Собака попыталась приластиться.

Тогда он пять раз пролаял и завыл.

Хвост и уши снова поднялись. Она приблизилась к нему, снова его обнюхивая. Он издал звук, похожий на смех.

— Хорошая собака, — сказал он.

Хвост завилял.

Он снова засмеялся.

— Ми-кро-це-фали-ческая и-ди-от-ка, — сказал он ей.

Хвост продолжал вилять.

Он рассмеялся.

— Хорошая собака, хорошая собака, хорошая собака, хорошая собака, хорошая собака.

Она прокрутилась вокруг себя, опустила голову между передними лапами и посмотрела на него.

Он обнажил клыки и зарычал. Потом он прыгнул на нее и укусил в плечо.

Она взвизгнула и побежала прочь.

— Дура! — прорычал он. — Дура, дура, дура, дура, дура. Ответа не было.

Пес снова завыл, это был звук, не похожий на те, которые может издать любой другой зверь на земле.

Потом вернулся к машине, открыл носом дверь и залез внутрь.

Он нажал кнопку на приборной панели и мотор заработал. Дверь закрылась и зафиксировалась. Он набрал лапой нужные координаты. Машина задним ходом отъехала от дерева, затем двинулась к дороге.

Она быстро въехала на автостраду и исчезла.

Где-то шел человек.

В это промозглое утро можно было надеть пальто потеплее, но ему нравилось это, с меховым воротником.

Держа руки в карманах, он шел мимо ограды. По другую сторону ограды с ревом проносились машины.

Человек не поворачивал головы.

Он мог быть сейчас в любом из многочисленных других мест, но он выбрал это.

Этим промозглым утром он решил пройтись.

Он решил не думать ни о чем, кроме прогулки.

Машины проносились мимо, а он шел медленно, но ровно.

Он не встретил больше ни одного пешехода.

Его воротник был поднят, чтобы защититься от ветра, однако это не помогало защититься от холода.

Он продолжал идти, и утро покусывало его и хватало за одежду. День принял его идущим в свою бесконечную галерею, не прописанного и незамеченного.

Канун Рождества.

...В отличие от Нового Года:

Это время объединения семей, святочных поленьев и разукрашенных — подарками — деревьев, время, когда едят особую еду и пьют особое питье.

Это время человека, а не общества; это время думать о себе и своей семье, а не о человечестве в целом; это время заиндевелых стекол; ангелов, чьи одежды усыпаны звездами; время пылающих купин, плененных радуг, толстых Санта Клаусов в двух парах штанов (потому что малыши, сидящие у них на коленях, так легко заходятся в благоговении); время церковных окон, метелей, святочных песен, колоколов, спектаклей с яслями, приветственных вестей от тех, кто далеко (даже если они живут рядом); время, когда по радио читают Дик-

кенса, время венков и свечей, остролиста и можжевельника, елей, сосен, библейской и средневековой Англии, время «Кто это дитя» и «Маленький город Вифлеем», время рождения и надежды, света во тьме; время накануне свершения, мелькания красного и зеленого, время смены годичного караула, время традиций, одиночества, симпатии, сочувствия, сентиментальности, пения, веры, надежды, милосердия, любви, желаний, стремления, страха, удовлетворения, достижения, веры, обещаний, смерти; время собирать камни и время разбрасывать камни, время обнимать, получать и терять, смеяться, танцевать, оплакивать, порывать, молчать, говорить, умирать и не говорить. Это время разрушать и строить, время сажать и вырывать то, что посажено...

Чарльз Рендер, Питер Рендер и Джилл Девилль вместе начали мирное утро в Канун Рождества.

Квартира Рендера находилась на вершине башни из стекла и стали. В ней чувствовалось некоторое постоянство. Тут были полки с книгами, кое-где они оживлялись статуэтками; на открытых местах висели примитивистские картины, выдержанные в первичных цветах. Маленькие выпуклые и вогнутые зеркала были обрамлены веточками мальвы.

На каминной полке лежали поздравительные открытки. Растущие в горшках растения (два в гостиной, одно в кабинете, два на кухне и куст в спальне) были усыпаны мишурой и увешаны звездами. Квартиру заполняла музыка.

Пуншевая чаша выглядела розовым рубином в алмазном обрамлении. Она принимала парад на низком кофейном столике красного дерева; сопровождающие ее чашки блестели в рассеянном свете.

Было время распаковывать рождественские подарки...

Джилл завернулась в свой подарок.

— Горностай! — воскликнула она. — Как великолепно! Как красиво! Спасибо тебе, дорогой шейпер!

Рендер улыбнулся и выпустил несколько колец дыма.

Ее шуба искрилась на свету.

— Снег, но теплый! Лед, но мягкий..., — сказала она.

— Шкуры убитых животных, — заметил он, — лучшее доказательство доблести охотника. Я добыл их для тебя, взлетая вверх и вниз по Земле и пересекая ее туда и обратно. Я пошел к нежнейшим из белых существ и сказал: «Дайте мне ваши шкуры», и они дали. Велик Рендер-охотник.

— У меня есть кое-что для тебя, — сказала она.

— О?!

— Вот. Вот твой подарок!

Он сорвал обертку.

— Запонки, — сказал он, — тотемические. Три золотых лица, одно над другим. Я, Эго и Суперэго, — так я их назову, самое высшее будет самым восторженным.

— Улыбается нижнее, — сказал Питер.

Рендер кивнул сыну.

— Я не уточнял, которое из них высшее, — сказал он ему, — а улыбается оно потому, что у него свои радости, которые толпа никогда не поймет.

— Бодлер? — спросил Питер.

— Хм, — ответил Рендер, — да, Бодлер.

— ...Сильно искаженный, — сказал его сын.

— Обстоятельства, — произнес Рендер, — это дело времени и случая. Бодлер на Рождество — в этом есть что-то старое и что-то новое.

— Похоже на обряд венчания, — сказал Питер.

Джилл вспыхнула над своим снежным полем меха, но Рендер, казалось, не заметил.

— А сейчас и тебе пора открыть свои подарки, — сказал он.

— Отлично.

Питер разорвал обертку.

— Алхимический набор, — сказал он, — как раз то, что я всегда хотел, — с перегонным кубом, ретортами и с запасом эликсира жизни. Великолепно! Спасибо, мисс Девиль.

— Пожалуйста, называй меня Джилл.

— Конечно, Джилл. Спасибо!

— Открой другой.

— Хорошо.

Он разорвал обертку с мальвой и колоколами.

— Невероятно! — произнес он. — Еще что-то, о чем я всегда мечтал. Что-то из библиотеки и что-то голубое: семейный альбом в голубом переплете и копия Отчета Рендера на слушаниях подкомиссии Сената по Социопатической терапии государственных служащих. А также полные собрания Лофтинга, Грехема и Толкина. Спасибо, папа! — О боже мой, тут еще что-то! Таллис, Морли, Моцарт и старый мертвый Бах. Прекрасные звуки, которые зальют мою комнату. Спасибо, спасибо! Что же я могу дать взамен? Посмотрим... Как насчет вот этого? — Он протянул один пакет отцу, другой — Джилл.

Рендер вскрыл свой, а Джилл — свой.

— Шахматный набор, — сказал Рендер.

— Пудра, — сказала Джилл.

— Спасибо, — поблагодарил Рендер.

— Спасибо, — поблагодарила Джилл.

— Обоим пожалуйста.
— Ты умеешь обращаться с магнитофоном?
— Слушай сам, — сказал Питер и включил свой магнитофон.

Тот заиграл о Рождестве и о святости, о вечере и блестящей звезде, о горячем очаге, праздничной попойке, о пастухах, королях, о свете и о голосах ангелов.

Закончив, Питер отключил магнитофон и отложил его в сторону.

— Очень хорошо, — сказал Рендер.

— Да, хорошо, — сказала Джилл, — очень...

— Спасибо.

— Как новая школа? — спросила Джилл.

— Прекрасно, — ответил Питер.

— Перемена доставила много хлопот?

— Не особенно.

— Почему?

— Потому что я — отличник. Я хороший ученик. Папа меня хорошо подготовил — очень хорошо.

— Но будут другие учителя...

Он пожал плечами.

— Если ты знаешь учителя, ты всего лишь знаешь учителя, — сказал он. — Но если ты знаешь предмет, то ты знаешь предмет. А я знаю много предметов.

— А ты знаешь что-нибудь про архитектуру? — вдруг спросила она.

— А что бы вам хотелось узнать? — спросил он, улыбаясь.

Она откинулась назад и посмотрела в сторону.

— То, что ты спрашиваешь именно так, говорит, что ты знаешь что-то про архитектуру.

— Да, — согласился он, — я знаю. Я ее недавно изучал.

— Это все, что я хотела узнать — в самом деле...

— Спасибо. Я рад, что вы думаете, что я что-то знаю.

— А все-таки, почему ты знаешь архитектуру? Я уверена, что она не входит в обычную программу.

— «Nihil hominum»* — он пожал плечами.

— Ладно, я просто спросила. — Она быстро взглянула в направлении своей сумочки. — Что ты о ней думаешь? — спросила она, доставая свои сигареты.

Он улыбнулся.

— Что можно думать об архитектуре? Это как солнце —

---

* — Ничто человеческое (лат.)

большое, светлое, и оно есть. Это, пожалуй, все — если вы не хотите вдаваться в подробности.

Она снова вспыхнула.

Рендер поднес огонь к ее сигарете.

— Я имею в виду, она тебе нравится?

— Неизменно, если она старая и недалеко, или если она новая и я внутри, а снаружи холодно. Я утилитарен в вопросах физического удовольствия и романтик в тех, что относятся к чувствительности.

— Хорошо, — сказала Джилл и посмотрела на Рендера. — Чему ты учил своего сына?

— Всему, чему мог, — ответил он, — и так быстро, как только мог.

— Для чего?

— Не хочу, чтобы когда-нибудь его обошел кто-то ростом с небоскреб и весь набитый фактами и сведениями.

— Некрасиво говорить о людях так, будто их нет, — сказал Питер.

— Верно, — заметил Рендер, — но хороший тон не всегда является хорошим тоном.

— Звучит так, будто кто-то должен перед кем-то извиниться, — заметил Питер.

— Это решение, которое человек должен принять сам, иначе оно обесценивается.

— В таком случае, — заметил он, — я только что решил, что я никому не должен извинения. Впрочем, если кто-то должен извинение мне, я приму его как джентльмен и в хорошем тоне.

Рендер встал и сверху посмотрел на сына.

— Питер, — начал он.

— Можно мне еще пунша? — спросила Джилл. — Очень вкусно, и мой уже кончился.

Рендер потянулся за чашкой.

— Я налью, — сказал Питер.

Он взял чашку и размешал пунш хрустальным черпаком. Потом он поднялся на ноги, опираясь одним локтем о спинку стула.

— Питер!

Он поскользнулся.

Чашка и ее содержимое полетели на колени Джилл. Пунш земляничного цвета потек потоками по белому меху ее шубы. Чашка скатилась на диван и замерла в центре расширяющегося пятна.

Питер вскрикнул и, опустившись на пол, схватился за щиколотку.

В нижнюю дверь позвонили.

Рендер произнес какой-то длинный медицинский термин на латыни. Наклонившись, он взял одной рукой лодыжку сына, а другой стопу.

— Болит?

— Да!

— Так?

— Да! Вся болит.

— А так?

— С этой стороны... Здесь!

Рендер помог ему подняться и, придерживая его, потянулся за костылями.

— Пойдем. Со мной вместе. У доктора Хейделла внизу есть домашняя лаборатория. Этот лубок снимается. Я хочу просветить твою ногу еще раз.

— Нет! Она не...

— А как насчет моей шубы? — произнесла Джилл.

Звонок зазвенел снова.

— К черту все! — объявил Рендер, нажимая кнопку интеркома.

— Да! Кто это?

Послышался звук дыхания. Затем:

— Хм, это я, босс. Я не вовремя?

— Бенни! Нет, — послушайте, я не хотел на вас огрызаться, просто тут начался ад крошечный. Поднимайтесь. Когда придете, все будет нормально и спокойно.

— ...Да, то есть если вы уверены, что все в порядке. Я хотела зайти только на минуту, мне нужно еще кое-куда.

— Конечно. Я открываю.

Он хлопнул по кнопке.

— Побудь здесь ипусти ее, Джилл. Мы вернемся через несколько минут.

— А как насчет моей шубы? И дивана?

— Все мое время. Не беспокойся. Пошли, Пит.

Он вывел его в холл, где они вошли в лифт, направив его на шестой этаж. По пути вниз их лифт прошелестел мимо того, в котором была Бенни, направляющаяся вверх.

Дверь щелкнула. Однако до того, как она успела открыться, Рендер нажал на кнопку «Стоп».

— Питер, — спросил он, — почему ты ведешь себя как соплиивый подросток?

Питер вытер глаза.

— Черт, у меня же переходный возраст, — сказал он, — а что касается сопливости...

Он высморкался.

Рука Рендера начала подниматься, но опустилась с полдо-роги. Он вздохнул.

— Ладно, потом обсудим.

Он отпустил кнопку «Стоп» и дверь открылась.

Квартира доктора Хейделла находилась в конце коридора. Большая связка можжевельновых и словых шишек висела на двери, обрамляя латунный молоточек.

Рендер поднял и отпустил молоточек.

Изнутри доносились слабые звуки рождественской музыки. Через мгновение послышались шаги и дверь открылась. Перед ними стоял доктор Хейделл, глядя между двумя большими стаканами.

— Так, колядники, — объявил он низким голосом. — Входите. Чарльз и...?

— Мой сын Питер, — сказал Рендер.

— Рад с тобой познакомиться, Питер, — сказал Хейделл. — Входите и присоединяйтесь к вечеринке.

Он распахнул дверь и шагнул в сторону.

Они шагнули в вихрь Рождества, и Рендер объяснил:

— У нас наверху случилось маленькое происшествие. Питер недавно сломал щиколотку и только что снова упал на нее. Я бы хотел воспользоваться твоим рентгеном.

— Конечно, — ответил маленький доктор, — проходите сюда. Очень грустно об этом слышать.

Он провел их через гостиную, в разных местах которой находилось семь или восемь человек.

— Счастливого Рождества!

— Привет, Чарли!

— Счастливого Рождества, Док!

— Как там прочистка мозгов?

Рендер механически поднял руку и кивнул в четырех направлениях.

— Это Чарльз Рендер. Он занимается нейроприсутствием, — объяснил Хейделл остальным, — а это его сын Питер. Мы вернемся через несколько минут. Им нужна моя лаборатория.

Они вышли из комнаты и прошли на два шага в вестибюль. Хейделл открыл изолированную дверь в свою лабораторию, которая обошлась ему во много времени и денег. Потребовалось согласие местных строительных властей, ему пришлось обеспечить более чем полный больничный стандарт экранировки и получить согласие домоуправления, которое, в

свою очередь, основывалось на письменном согласии всех остальных жильцов. Как догадывался Рендер, кое-кого из последних пришлось убеждать аргументами экономического характера.

Они вошли в лабораторию, Хейделл включил свою аппаратуру, сделал необходимые снимки и пропустил их через скоростную проявку и просушку.

— Хорошо, — объявил он, изучив их. — Никаких новых повреждений и перелом хорошо заживает.

Рендер улыбнулся. Он заметил, что у доктора дрожат руки.

Хейделл хлопнул его по плечу.

— Так пошли, попробуй нашего пунша!

— Спасибо, Хейделл. Я так и сделаю. — Он всегда называл его по фамилии, поскольку они оба были Чарльзы. Они выключили аппаратуру и вышли из лаборатории.

Оказавшись снова в гостиной, Рендер пожал несколько рук и сел с Питером на диван. Он потягивал свой пунш, а один из людей, с которым он только что познакомился, завел с ним разговор.

— Так вы шейпер, да?

— Верно.

— Меня всегда интересовала эта область. У нас тут была потасовка в госпитале, как раз на прошлой неделе...

— О?

— Наш штатный психиатр сказал, что нейропия не более и не менее успешна, чем обычные терапевтические курсы.

— Не думаю, что он может судить, особенно, если вы говорите о Майке Мисмайре, как я думаю.

Доктор Минтон развел руками.

— Он сказал, что собрал данные.

— Перемена, которая происходит с пациентом в сеансе нейропии, качественная. Не знаю, что он имеет в виду под «успешностью». Лечение успешно, если вы убираете проблему пациента. Есть много разных способов это сделать — их столько, сколько врачей, — но нейропия качественно превосходит что-либо типа психоанализа, поскольку производит измеримые, органические изменения. Она оперирует прямо с нервной системой, под налетом истинных и стимулированных афферентных импульсов. Она производит желаемое состояние самосознания и подправляет нейрологическую основу так, чтобы она поддерживалась. Психоанализ и родственные области чисто функциональны. Если проблема была решена

при помощи нейропии, вероятность, что она возникнет снова, меньше.

— Тогда почему вы не используете ее для лечения психозов?

— Это делалось, пару раз. Но обычно это слишком рискованное предприятие. Помните, ключевое слово — это «участие». Задействованы две нервные системы, два сознания. Если картина отклонения слишком сильна и оператор не может ее контролировать, то все может превратиться в сеанс обратной терапии — антинейропии. Тогда меняется уже его нейрологические переключатели. И у пациента появляется психоз, реальное органическое повреждение мозга.

— Казалось бы, должен существовать какой-то способ ограничить обратную связь, — сказал Минтон.

— Пока еще нет, — объяснил Рендер, — не существует — такого, чтобы не приносилась в жертву эффективность оператора. Прямо сейчас над этим работают в Вене, но пока, кажется, решение далеко.

— Когда вы его найдете, вы, вероятно, займетесь более существенными умственными расстройствами, — сказал Минтон.

Рендер допил свой пунш. Ему не понравилось ударение, которое собеседник сделал на слове «существенными».

— Ну, а тем временем, — продолжал он через мгновение, — мы лечим то, что можем лечить лучшим способом, какой только знаем, а нейропия, несомненно, лучший из известных способов.

— Некоторые говорят, что на самом деле вы не лечите неврозы, а подкармливаете их, что вы удовлетворяете пациентов тем, что даете им их собственные маленькие миры, где они лелеют свои неврозы — как каникулы от реальности, места, где они — почти как Боги.

— Это не так, — сказал Рендер. — То, что происходит в этих мирах, вовсе не всегда приятно. Они совершенно ничем не управляют; управляет шейпер, или, как вы говорите, Бог. То, что происходит, — урок. Вы учитесь через радость и учитесь через боль. Обычно, это, скорее, болезненно, чем приятно. — Он зажег сигарету и взял вторую чашку пунша. — Так что я не считаю эту критику серьезной.

— ...И это довольно дорого им обходится, — сказал Минтон.

Рендер пожал плечами.

— Вы когда-нибудь прикидывали, сколько стоит Всеканальное Нейропередающее и Приемное Устройство?

— Нет.

— Сделайте это как-нибудь, — сказал Рендер.

Он дослушал рождественскую колядку, отложил сигарету и встал.

— Большое спасибо, Хейделл, — сказал он. — Мне пора идти.

— Что за спешка, — спросил Хейделл. — Останься еще.

— Я бы хотел, — сказал Рендер, — но у меня люди наверху.

— Да? Много?

— Двос.

— Тащи их вниз. Я как раз собирался организовать буфет, здесь всего более чем достаточно. Я их накормлю и дам выпить.

— Ладно, — сказал Рендер, — тогда...

— Прекрасно! — заключил Хейделл. — Почему бы просто не позвонить им отсюда?

Он так и сделал.

— Нога у Питера в порядке, — сказал он.

— Здорово! А как насчет моей шубы? — спросила Джилл.

— Забудь пока. Я о ней позабочусь позднее.

— Я попробовала теплую воду, но она все еще розовая...

— Сунь ее обратно в коробку и больше с ней не возись! Я же сказал, что позабочусь ней.

— Хорошо, хорошо. Мы будем внизу через минуту. Бени принесла подарок Питеру и что-то для тебя. Она зашла по пути к сестре, но говорит, что не спешит.

— Великолепно! Тащи ее вниз. Она знает Хейделла.

— Прекрасно. — Она положила трубку.

Канун Рождества.

...В противоположность Новому Году:

Это время человека, а не общества; это время думать о себе и о своей семье, а не об обществе. Это время многих вещей: время находить и время терять; время хранить и время разбрасывать. Это время сажать и время выдергивать все, что посажено...

Они ели, стоя у буфета. Большинство из них пило теплый «Ронрико» с корицей и гвоздикой, фруктовый коктейль и приправленный имбирем пунш. Они говорили об искусственных легких, кровяных тельцах, о компьютерной диагностике, о бесполезности пенициллина. Питер сидел, сложив руки на коленях, смотря и слушая. Его костыли лежали у ног. Комнату наполняла музыка.

Джилл тоже сидела и слушала.

Когда начинал говорить Рендер, все замолкали. Бенни улыбку и взяла себе еще выпить. Модный доктор или нет, но когда Рендер говорил, звучал голос диск-жокея и логика иезуита. Ее босс был известен. Кто знал Минтона? Кто знал Хейделла? Просто врачи и больше никто. Шейперы были на взлете, а она — его секретарь. О шейперах знали все. Не было ничего особенного в том, чтобы быть кардиологом, специалистом по костям, анестезиологом или терапевтом. Ее босс олицетворял ее понимание славы. Другие девушки всегда расспрашивали ее о нем, о его волшебной машине... О формовщиках писал «Таймс», и Рендеру там было посвящено три абзаца, на два больше, чем любому из остальных, — кроме, конечно, Бартелмеца.

Музыка сменилась на легкую классику. Бенни почувствовала декабрьскую ностальгию, ей захотелось снова танцевать, как это уже было однажды, давным-давно. Врсия года и люди вокруг в соединении с музыкой, пуншем и обстановкой, заставили ее ноги легонько притоптывать, обратив ее мысли к воспоминаниям о софитах, сцене, заполненной цветами и движением, и о ней самой. Она прислушалась к разговору.

— ...Раз уж вы можете передавать их и принимать, то вы можете их и записывать, правда? — спрашивал Минтон.

— Да, — ответил Рендер.

— Я так и думал. Почему они так мало обсуждают дело с этой точки зрения?

— Лет еще пять или десять — может и меньше — и они начнут. Но пока что к использованию записей допущен ограниченный и квалифицированный персонал.

— Почему?

— Ну, — Рендер остановился зажечь новую сигарету, — если быть совсем откровенным, чтобы держать всю область под контролем до тех пор, пока мы не узнаем о ней побольше. Если сделать это общедоступным, это может быть использовано коммерчески — и, вероятно, с бедственными последствиями.

— Что вы имеете в виду?

— Я имею в виду, что я бы мог взять лично стабильного человека и построить в его сознании любой сон, который вы только можете назвать, — и много таких, которые вы назвать не сможете. Сны от насилия и секса к садизму и извращениям, по заданному плану, подобно рассказу с полным присутствием, сны, граничащие с самым безумием, исполнение любых желаний, в любом виде. Я могу даже выбрать какой-нибудь художественный стиль, от экспрессионизма до сюрреализма, если угодно. Сон с насилием в кубистском об-

рамлении? Прекрасно! Вы можете стать даже лошастью Герники. Я могу это сделать. Я могу записать все это и снова проиграть вам или кому-то другому, любое количество раз.

— Бог мой!

— Да, Бог. Я могу сделать Богом и вас, если хотите, и я могу сделать, чтобы создание длилось для вас семь полных дней. Я контролирую чувство времени, и я могу растянуть истинные минуты в субъективные часы.

— Рано или поздно все это вырвется, не так ли?

— Да.

— И каковы будут результаты?

— Никто не знает.

— Босс, — тихо спросила Бенни, — а вы можете оживить воспоминания? Вы можете воскресить что-то из прошлого и сделать его снова живым, будто все происходит снова?

Закусив губу, Рендер посмотрел на нее странным взглядом.

— Да, — сказал он после долгой паузы, — но не стоит этого делать. Это будет поощрять человека жить прошлым, временем, которого уже не существует. Это нанесет вред ментальному здоровью. Это приведет к регрессу, станет еще одним способом нейротического побега в прошлое.

Сюита Щелкунчик закончилась, комнату заполнили звуки Лебединого озера.

— И все-таки, — сказала Бенни, — я бы хотела снова стать лебедем...

Она поднялась и сделала несколько неуклюжих шагов — большой пьяный лебедь в красно-коричневом платье. Она вспыхнула и быстро села. Потом засмеялась, и с ней засмеялись остальные.

— А где бы хотел быть ты? — спросил Минтон Хейделла. Маленький доктор улыбнулся.

— На одном уикенде летом моего третьего года в медицинской школе, — сказал он. — Да, я бы износил эту запись за неделю. А ты, сынок? — спросил он Питера.

— Я еще слишком молод, чтобы иметь хорошие воспоминания, — ответил Питер. — А как насчет вас, Джилл?

— Я не знаю... Думаю, я бы хотела снова стать маленькой, — сказала она, — и чтобы папа — я имею в виду, мой отец, — читал мне воскресным днем, зимой.

Она посмотрела на Рендера.

— А ты, Чарли? — спросила она. — Если бы ты на минуту стал не профессионалом, какое время выбрал бы ты?

— Это, — ответил он, улыбаясь. — Я счастлив прямо здесь, где я нахожусь, и прямо в эту минуту.

— В самом деле, ты в самом деле счастлив?

— Да! — сказал он, взял новую чашку пунша и рассмеялся. — Да, я действительно счастлив.

За его спиной раздался храп. Бенни задремала.

Музыка все звучала и звучала. Джилл все переводила взгляд с отца на сына и обратно. Рендер поменял фиксатор на щиколотке Питера. Мальчик зевал. Она смотрела на него. Кем он станет через десять лет? Или через пятнадцать? Перегоревшим вундеркиндом? Мастером в какой-то пока неизвестной области?

Она смотрела на Питера, который смотрел на своего отца.

— ...Но это может быть подлинным искусством, — говорил Минтон, — и я не вижу, как цензура...

Она посмотрела на Рендера.

— ...Человек не имеет права быть безумным, — говорил он, — не более, чем он имеет право осуществлять самоубийство.

Она коснулась его руки, и он, отдернув ее, подскочил, будто пробудившись от дремоты.

— Я начинаю устать, — сказала она. — Отвезешь меня домой?

— Сейчас, — ответил он, кивая. — Пусть Бенни еще поспит, — и он вернулся к Минтону.

Питер повернулся к ней и улыбнулся.

Неожиданно она почувствовала, что в самом деле очень устала.

До сих пор она всегда любила Рождество.

Наискосок от нее продолжала похрапывать Бенни, на ее лице иногда мелькала слабая улыбка.

Где-то, в другом мире, она танцевала.

Где-то, в другом мире, кричал человек по имени Пьер, может, оттого, что он больше не был человеком по имени Пьер.

Я? Я сама жизнь, как говорит «Тайм», твой еженедельник. Заходи-ка, Чарли. Вот. Видишь? С обложкой всегда так, после того, как прочтешь статью, которая под ней. Впрочем, тогда уже поздно. Ну ладно, они хотели как лучше, но знаешь ли... Пошли мальчика, пусть принесет мне кувшин с водой и тазик, ладно? «Смерть номера» — так они это называли. Говорят, что человек может играть один и тот же номер, двигаясь в огром-

ной и сложной социологической структуре, известной как «окружение», при каждой возможности исполняя свой номер в новые девственные уши. Бог ты мой! Всемирные телекоммуникации спустили эту инвалидную коляску с горы несчетное количество выборов назад. Она сейчас гроыхает где-то в скалах Лимбо. Мы подошли к новой, славной и жизненно важной эре... Так что вы — все люди, везде там — в Хельсинки и в Терредель-Фуэго, — скажите-ка мне, слышали ли вы такой номер, это о старинном комике с тем, что они называли номером. Однажды вечером он выступал по радио и по своей обычной привычке рассказал свой номер. Хорошим, актуальным и основательным был его номер, полным намеков и парадоксов. К сожалению, он остался после этого без работы, потому что все уже знали его номер. В отчаянии, царапая себя глиняными горшочными черепками, он взобрался на перила ближайшего моста. Когда он уже почти что бросился вниз, в текущий там темный символ смерти, его внезапно остановил голос: «Не бросайся вниз, в текущий там темный символ смерти — произнес голос. — Выбрось свои горшочные черепки и слезь с перил». Обернувшись, он увидел странное существо — скажем прямо, довольно уродливое, — все в белом, смотрящее на него с почти беззубой улыбкой. «Кто ты, о странное, улыбающееся существо все в белом?» — спросил он. «Я Ангел Света, — ответило оно, — и я пришел остановить тебя и не дать тебе убить себя». Он покачал головой. «Увы, — сказал он, — но я должен умереть, потому что мой номер весь вышел». Тогда ангел поднял руку, вот так... «Не отчаивайся, — произнес он, — не отчаивайся, потому что мы, Ангелы Света, умеем творить чудеса. Я могу дать тебе другие номера, которые можно будет использовать в этом коротком и утомительном миге смертного существования». Затем: «Молю, — сказал человек, — скажи мне, что я должен сделать, чтобы это чудо случилось?» — «Спи со мной», — ответил Ангел Света. «Но разве это не странно и не по-ангельски?» — спросил он. «Ничуть! — ответил он. — Перечитай внимательно Ветхий Завет, и ты удивишься тому, что ты узнаешь об ангельских отношениях». «Очень хорошо», — согласился он, отбрасывая свои черепки. И они ушли оттуда, и он исполнил другой номер, несмотря на то, что едва ли она была самой миловидной из Дочерей Света. Следующим утром он вскочил в воодушевлении, хлопнул по плечу, которое вчера обнимал в любви, и закричал: «Проснись! Проснись! Тебе пора снабдить меня неистощимым запасом номеров!» Она открыла один глаз и взглянула на комика. «Сколько времени ты исполнял свой номер?» — спросила

она его. «Тридцать лет», — ответил он. «И сколько, в таком случае, тебе лет?», — осведомилась она. «Хм — сорок пять», — ответил он. Тогда она зевнула и улыбнулась. «Разве это не достаточно солидный возраст для того, чтобы перестать верить в Ангелов Света?» — спросила она. Тогда он, конечно, вышел из себя и снова проделал тот, свой другой номер... Дай мне сейчас послушать немного спокойной музыки, а? Хорошо! Прямо вздрагиваешь от этого, правда? Знаешь, почему? Где в наши дни ты слышишь успокаивающую музыку? А? В приемных дантистов, в банках и магазинах — в подобных местах, где всегда приходится долго ждать, пока тебя обслужат! Ты слушаешь успокаивающую музыку, получая при этом сильную травму. Каков результат? Успокаивающая музыка стала самой беспокойной в мире. Кроме того, я от нее всегда хочу есть. Ее играют во всех этих ресторанах, где тебя медленно обслуживают. Это ты им прислуживаешь, вот в чем дело — и они играют эту проклятую успокаивающую музыку. Что ж... Но где же мальчик с кувшином и тазиком? Я хочу умыть руки... Ты слышал об этом адмирале, который долетел до Кентавра? Он открыл расу гуманоидов и принялся изучать их обычаи, фольклор, мораль и табу. Наконец, он коснулся вопроса воспроизведения. Нежное юное существо женского пола взяло его за руку и повело на большую фабрику, где собирали Кентавров. Да, верно — торсы плыли по конвейеру, прикручивались яйца, мозги вставлялись в черепа, прикреплялись ногти, вставлялись внутренности и так далее. Он выразил свое изумление, и она спросила: «А как вы делаете это на Земле?». Тогда, взяв ее за нежную руку, он сказал: «Пойдем со мной за сей холм, и я покажу». Во время его показа она начала истерически смеяться. «В чем дело? — осведомился он. — Почему ты смеешься надо мной?». «Это, — ответила она, — способ, которым мы производим машины...». Обсуши меня, дитя, и подай немного зубной пасты.

«...Айе! Что я, Орфей, должен быть разорван на части подобным тебе! Но может, в чем-то это и верно? Иди же, о Корибант, и исполни на певце свою волю!»

Темнота. Крик.

Тишина...

Аплодисменты!

Она всегда приходила рано и входила в зал одна, она всегда садилась на одно и то же место.

Она садилась в десятом ряду, с правой стороны, и ее единственной проблемой было время антракта: она не замечала, что кто-то хочет пройти.

Она рано приезжала и оставалась до тех пор, пока театр не затихал.

Ей нравились поставленные голоса, вот почему она предпочитала британских певцов американским.

Ей нравились мюзиклы, не столько потому, что ей нравилась музыка, а потому, что ей нравилось ощущать пульсацию голосов. Поэтому ей нравились и пьесы.

Ей нравились Елизаветинцы, но она не любила «Короля Лира».

Ее воодушевляли греческие трагедии, но она терпеть не могла «Короля Эдипа».

Ей не нравился ни «Поставщик чудес», ни «Свет погас».

Она носила темные очки, но не черные. Она не носила трости.

Этой ночью, перед поднятием занавеса к последнему акту, темноту пронизал прожектор. В образованный им круг света вошел человек и спросил: «Есть ли в зале врач?»

Никто не ответил.

— Это срочно, — сказал он. — Если здесь есть доктор, не будет ли он любезен прийти в офис в главном фойе, немедленно.

Говоря, он скользнул по залу взглядом, но никто не двинулся.

— Благодарю вас, — сказал он и покинул сцену.

Ее голова повернулась к светлому кругу, когда тот появился.

После объявления занавес был поднят и движение и голова возобновились.

Она ждала, прислушиваясь. Потом встала и пошла вверх по проходу, касаясь стены кончиками пальцев. Выйдя в фойе, она остановилась.

— Я могу вам помочь, мисс?

— Да, я ищу офис.

— Это прямо здесь, слева от вас.

Она повернулась и двинулась влево, слегка вытянув перед собой руку. Коснувшись стены, она начала быстро водить руками, пока не нащупала дверной косяк. Она постучала и стала ждать.

— Да? — дверь открылась.

— Вам нужен врач?

— Вы врач?

— Верно.

— Быстрее! Сюда!

Она последовала за шагами внутрь и вверх по коридору, параллельному ложам. Затем она услышала, что он поднима-

ется по ступенькам и поднялась за ним. Они подошли к уборной, и она зашла за ним вовнутрь.

— Вот он.

Она пошла на голос.

— Что случилось? — спросила она, протягивая вперед руки.

Они коснулась человеческого тела.

Раздался булькающий хрип и несколько спазматических покашливаний.

— Это рабочий сцены, — сказал человек. — Думаю, он поперхнулся куском лакрицы. Он ее все время жевал. У него, похоже, что-то в горле, но я не могу достать.

— Вы вызвали скорую помощь?

— Да, но посмотрите на него — он синее! Не знаю, будут ли они здесь вовремя.

Она отклонила голову назад и прощупала внутренность глотки.

— Да, там что-то есть. Я тоже не достаю. Дайте мне короткий острый нож, стерильный, быстро!

— Да, мадам, сейчас!

Он оставил ее одну.

Она чувствовала пульсацию сонных артерий. Она положила руки на вздымающуюся грудь. Она отклонила голову еще дальше назад и снова ввела пальцы в горло.

Прошла минута и часть следующей.

Раздался звук торопливых шагов.

— Вот... Мы окунули лезвие в спирт...

Она взяла нож в руки. Вдали послышался звук сирены скорой помощи. Но она не была уверена, что скорая будет вовремя.

Поэтому она провела кончиками пальцев по лезвию и ощупала шею человека.

Потом она слегка повернулась по направлению к присутствию, которое ощущала позади себя.

— Не думаю, что вам стоит на это смотреть. Я собираюсь провести срочную трахеотомию. Это неприятное зрелище.

— Хорошо. Я подожду снаружи.

Шаги удаляются...

Она надавила на нож.

Раздался вдох. Шипение воздуха.

Влажность... бульканье.

Она повернула голову.

Когда в дверях появилась бригада скорой помощи, ее руки вновь обрели уверенность, потому что теперь она знала, что человек будет жить.

— ...Шелот, — сказала она врачу, — Эйлин Шелот, Городская Психиатрическая.

— Я о вас слышал. Вы не...?

— Да, но читать людей легче, чем Брайля.

— Да, я вижу. Можем ли мы связаться с вами в Городской?

— Да.

— Спасибо, доктор. Спасибо, — сказал управляющий.

Она вернулась на свое место, чтобы дослушать спектакль.

После занавеса она осталась сидеть, пока театр не опустел.

Сидя там, она все еще ощущала сцену.

Для нее сцена была фокусом звука, ритма, чувства движения, некоторых нюансов света и темноты — но не цвета: она была для нее центром некоего особого излучения; это был центр пульсаций, сокращений живого в циклах восприятий и переживаний, местом, где те, кто способны к благородным страданиям, страдали благородно; где мудрые французы взмахивали тонкой тканью своих комедий между колонками идей; местом, где черная поэзия нигилистов продавала себя за цену, позволенную со стороны тех, кого она высмеивала; где лилась кровь, раздавались крики и пелись песни; где Аполлон и Дионис ухмылялись из-за кулис; где Арлекин неизменно заставлял Капитана Спеццафера появляться без штанов. Это место, где может быть изображено любое действие, и где на самом деле за любым действием стоят только две вещи: грустное и веселое, трагическое и комическое, иными словами, смерть и любовь; это место героев и не совсем героев, это место, которое она любит, и она видит там единственного человека, чье лицо она знает, видит его идущим, покрытым символами... Чтобы поднять руки против моря бед и все их прекратить — кто вызывал мятежные ветры и поднял ревущую бурю между зеленым морем и лазурным сводом над ним — вот они, жемчужины, что были его глазами...

Что за творение — человек! Бесконечный в чувстве, форме и движении!

Она знает его во всех его ролях. Он — Жизнь!

Он — шейпер...

Он создает и придает движение.

Он более велик, чем герои.

Ум может вместить многое. Он учится. Но он не может научить себя не думать.

Чувства остаются качественно теми же в течение всей жизни; стимулы, на которые они откликаются, подвергаются количественным изменениям, но чувства берутся из одного и того же

набора. Вот почему живет театр: он кросс-культурен, он содержит Северный и Южный полюса человеческих состояний, чувства втягиваются в их поле, как железные опилки.

Ум не может научить себя не думать, но чувства попадают в predetermined классы.

Он — ее театр...

Он — полюса мира.

Он — все, что происходит.

Он — не изображение действия, а само действие.

Она знала что он, Чарльз Рендер, — очень восприимчивый человек.

Она чувствовала, что он — Шейпер.

Ум может вместить много вещей. Но он — больше, чем любая из вещей. Он — это все.

...Она чувствовала это.

Когда она встала, чтобы выйти, звук ее шагов отозвался в опустевшем полумраке эхом. Она поднималась по проходу, и звуки возвращались к ней снова и снова.

Она шла по опустевшему театру, удаляясь от опустевшей сцены. Она была одна.

В конце прохода она остановилась. Стало тихо, как если бы вдали вдруг резко оборвался далекий смех.

Сейчас она не была ни зрителем, ни актером. Она была одна в темном театре.

Она взрезала человеку горло и спасла жизнь.

Сегодня вечером она слушала, сегодня вечером она чувствовала, сегодня вечером она аплодировала.

Сейчас все снова исчезло, и она была одна в темном театре. Ей было страшно.

Человек продолжал идти вдоль дороги, пока не достиг определенного дерева. Он постоял, держа руки в карманах, и долго смотрел на него. Затем он повернулся и пошел назад туда, откуда пришел.

Завтра был другой день.

«О, грустью увенчанная любовь моей жизни, зачем ты покинула меня? Плоха ли я? Я любила тебя сильно, и все места тишины знают мои причитания. Я любила тебя больше себя самой и за это наказана. Я любила тебя больше жизни, со всей ее сладостью, и сладость ее обратилась в миндаль и гвоздику. Я готова отдать свою жизнь для тебя. Зачем ушел ты по морю

на велиkokрылых и многоногих кораблях, забрав с собою Лары и Пенаты и оставив меня здесь одну? Я предамся огню, сгрю. Я предамся огню, пожар испепелит время и выжжет состояние, которое нас разделяет. Я не простая дева, чтобы томиться всю свою жизнь и умереть бледной и с черными глазами. Я — кровь Королей Земли, и рука моя в битве — рука мужа. Мой взлетающий меч разит шлем недруга, и он падает, опережая мой меч. Я никогда не была в печали, господин мой. Но глаза мои мокры от слез, и язык мой издает плач. Дать мне увидеть себя и уйти навсегда — нет искупления этому злу. Я не могу простить тебя, любовь моя, даже тебя. Было время, когда смеялась я над песнями любви и сетованиями дев у реки. Сейчас смех мой вырван, как стрела из раны, и я сама покинула тобой. Я хочу напитать огонь моими воспоминаниями и надеждами. Я хочу отдать огню уже пылающие мысли о тебе, бросить тебя как вирши в огонь, в пепел, спалить твои слова. Я любила тебя, и ты ушел. Никогда больше в этой жизни мне не увидеть тебя, не услышать музыки твоего голоса, не содрогнуться от твоего прикосновения. Я любила тебя, и я покинута, и я одна. Я любила тебя, и слова мои звучали для ушей, которые не слышат, и сама я была для глаз, которые не видят. Плоха ли я, о ветры Земли, омывающие меня и питающие мой костер? Зачем же тогда ты покинул меня, о жизнь сердца в груди моей? И я иду в огонь, к отцу моему, за лучшей встречей. И среди всех любимых не будет другого такого, как ты. Да благословят и сохранят тебя Боги, о свет мой, и пусть их суд за то, что сделал ты сейчас, не будет для тебя тяжел. Знай, я горю для тебя! Огонь! Будь моей последней любовью!»

Когда она качнулась в кругу света и упала, раздались аплодисменты. Затем в комнате потемнело.

Через мгновение свет зажегся снова, и остальные члены клуба «Сыграем в миф» поднялись и подошли поздравить ее с познавательной интерпретацией. Они обсуждали значение фольклорного мотива, от сати до жертвоприношения Брунгильды. Хорошо, основательно — огонь — решили они. «Огонь... моя последняя любовь» — хорошо: Эрос и Танатос в последнем всеочищающем сполохе пламени.

После того, как вся их признательность была выражена, маленький сутулый человечек, со своей похожей на птицу женой, вышел на середину комнаты.

— Элоиза и Абельяр, — объявил человечек.

Воцарилось уважительное молчание.

С ними рядом встал плотный мужчина лет сорока пяти с лицом, лоснящимся от испарины.

— Мой главный кастратор, — сказал Абеляр.

Большой человечек улыбнулся и поклонился.

— Итак, начнем...

Раздался хлопок в ладоши и опустилась темнота.

Подобно роющим ходы в глубине мифическим червям, энергокабели, трубы подземных коммуникаций и пневматической связи тянутся по всему континенту. Перистальтически сокращаясь, они вбирают в себя нефть и электричество, воду и помои, маленькие свертки и большие коробки, и письма. Пройдя по ним, под землей, эти вещи выбрасываются в местах назначения, и работающие там машины забирают их оттуда.

Слепые, они расползаются в стороны, там нет Солнца, они не знают вкуса, и Земля и Вода проходят по ним, не меняясь, они не имеют слуха и обоняния, и Земля — их каменная тюрьма. Они знают только то, чего касаются, и касание есть их существование.

В этом глубоко сокрытая радость червя.

Рендер поговорил со штатным психологом и проверил спортивное оборудование в новой школе. Он осмотрел также жилые помещения и остался доволен.

Однако сейчас, когда он в очередной раз оставил Питера в стенах учебного заведения, он чувствовал какое-то неудовлетворение. Он не вполне понимал, почему. Все казалось в хорошем состоянии, как и было, когда он приходил сюда в первый раз. Питер, казалось, тоже был в хорошем настроении. В исключительно хорошем настроении.

Он вернулся в машину и выехал на автостраду — на это лишенное корней дерево, ветви которого покрывают два континента, а с окончанием постройки Берингова моста будут покрывать весь мир, за исключением только Австралии, ледовых шапок полюсов и островов. Он недоумевал и, недоумевая, не находил ответа на свою тревогу.

Может, ему позвонить Джилл и справиться о ее простуде? Или она все еще злится за свою шубу и все сопутствующее ей в Рождество?

Его руки лежали на коленях, и пейзаж вокруг него двигался вверх и вниз, в то время как он проезжал ряд холмов.

Его рука еще раз потянулась к панели.

— Алло?

— Эйлин, это Рендер. Я не смог позвонить, когда это произошло, но я слышал о трахеотомии, которую вы сделали в Театре...

— Да, — сказала она, — хорошо, что рядом оказалась я и острый нож. Откуда вы звоните?

— Из своей машины. Я только что оставил Питера в школе. Сейчас еду обратно.

— Как он? Его нога..?

— Прекрасно. Мы тут немного перепугались на Рождество, но ничего не случилось. Если вам не неприятно, расскажите, как это все случилось в театре.

— Врач, которому неприятна кровь? — она тихо засмеялась. — Что ж, было уже поздно, прямо перед последним актом...

Рендер откинулся назад, улыбнулся, зажег сигарету и стал слушать.

Снаружи холмы перешли в плоскую равнину, и он пронесся через нее как кегельный мяч прямо по желобу и прямо в лузу.

Он проехал мимо человека, идущего пешком.

Под высокими проводами и над глубокими кабелями он снова шел рядом с гигантской ветвью придорожного дерева, идя сквозь исчерченный снегом воздух.

Мимо проносились машины и немногие из их пассажиров замечали его.

Его руки были в карманах куртки и голова была опущена, поскольку он не смотрел ни на что. Его воротник был поднят и тающая дань небес, снежные хлопья, собралась на полях его шляпы.

На нем были калоши. Земля блестела лужами и местами было немного грязно.

Он продолжал идти пешком, напоминая заплутавший заряд в поле огромного генератора.

— ...Победаем вечером в «Куропатке»?

— Почему бы и нет? — ответил Рендер.

— Скажем, в восемь?

— ...В восемь. Хей, хоп!

Некоторые из снежинок падали с неба, но в основном они, кружась, поднимались с дороги...

Машины высаживали пассажиров на платформы огромного муравейника стоянки. Аэротакси выпускали людей на посадочных площадках вблизи подземных переходов. Но на чем бы они ни прибывали, по Выставочному залу люди ходили пешком.

Здание было четырехугольным, с крышей, похожей на перевернутую суповую миску. Восьмерка нефункциональных треугольников из черного камня составляла украшение каждого угла.

Суповая миска была селективным фильтром. Сейчас она высасывала из серого вечера голубой свет и тускло светила снаружи, несмотря на выпавший вчера грязный снег. Образованный сию потолок был безоблачным летним небом в семь утра, когда еще нет солнца, чтобы нарушить утреннюю прохладу.

Под этим небом люди проходили экспозиции, текли по залу, подобно мелкому потоку по каменистому ложу.

Они образовывали рябь и случайные завихрения, кружились в водоворотах, перемешивались, пузырились, журчали. Иногда их поток искрился и поблескивал...

Они притекали от припаркованных машин за голубым горизонтом.

Пробежав свой путь, они завершали круг возвращением к металлическим облакам, которые породили их для этого бега.

Они были в «Вовне».

«Вовне» называлась организованная Воздушными Силами выставка, которая уже две недели была открыта по двадцать четыре часа в сутки и привлекала посетителей со всего мира.

Это был обзор достижений Человека в Пространстве.

Руководил «Вовне» генерал с двумя звездами, с дюжиной полковников, восемнадцатью подполковниками, множеством майоров, многочисленными капитанами и неисчислимым количеством лейтенантов в штате. Никто никогда не видел генерала, кроме полковников и людей из «Выставки Инкорпорейтед». «Выставке Инкорпорейтед» принадлежал Выставочный Зал рядом с космопортом, и они художественно размещали экспонаты для всех, кто их нанимал.

В начале, справа, когда мы заходили в Зал Поганок (как прозвал его некий комедиант), была Галерея.

В Галерее висели большие фотографии, такие, что зритель мог войти в них и почти что заблудиться в высоких, стройных горах за Лунной Базой III (они выглядели так, будто были готовы начать качаться по ветру, будь там ветер, что-

бы их раскачивать), или побродить по этому подлунному городу, может, проводя рукой по одной из холодных панелей мозга-наблюдателя и чувствуя, как внутри щелкают его быстрые мысли, или, пройдя мимо, войти в ржавого цвета пустыню под зеленоватым небом, кашлянуть раз или два, сплунуть кровавого цвета слюну, обойти вздымающиеся стены надземного посадочного комплекса — сине-серого, монолитного, построенного на развалинах бог знает чего — и войти в ту крепость, где люди движутся как духи в отделении Марсианской техники, почувствовать рукой структуру гласситовых стен и приглушенно вскрикнуть «Ау», или пересечь Меркурианскую площадь, холодея от разыгравшегося воображения, пробуя на вкус цвета — жгуче желтый — корица с апельсином, и, наконец, остановиться в Большом Ледовом Ящике, где Ледяной Гигант бьется с Огненным Человеком, и где каждое отделение изолировано от всех других и имеет отдельное жизнеобеспечение, как в подводной лодке или в транспортной ракете, и, кстати, по той же причине; или выйти дальше в направлении Внешней Пятерки, где тепло — герой, а холод — злодей, постоять там в замерзшей печи над горой, руки в карманах, и посчитать цветные полосы на будто опаловых стенах, увидеть Солнце в виде сверкающей звезды, задрожать, выдохнуть облако пара и согласиться с тем, что это очень замечательно — кружиться тут вокруг Солнца, и картины тоже очень красивые.

За Галереей шли Грав-комнаты, в которые можно было забраться по пахнущим свежесрезанным деревом лестницам. Наверху можно было выбрать по желанию силу тяготения — Лунный вес, Марсианский вес, Меркурианский вес — и съехать вниз на пол Зала на мягкую воздушную подушку, подобную лифту, познавая на мгновение чувство веса в ином мире. Платформа падает, приземление смягчено... Как падение в сено, как падение в пуховую постель.

Затем шли перила на уровне пояса — латунь. Они окружали Родник Миров.

Наклониться, посмотреть вниз...

Будто вычерпнутый в свете бездонный черный колодец...

Это — планетарий.

В нем, светясь, крутились по магнитным линиям миры. Они двигались вокруг пылающего Солнца; расстояние до внешних звезд было сжато, и они холодно и бледно светили сквозь мглу; Земля была изумрудом и бирюзой; Венера — молочным алмазом; Марс — оранжевый щербет; Меркурий — масло; Галлиано — цвета корочки свежее испеченного хлеба.

Еда и драгоценности висели в Роднике Миров. Те, кто

алкали, смотрели, опираясь на перила. Из этих нитей сотканы мечты.

Остальные заглядывали и проходили мимо, идя дальше, чтобы увидеть реконструированную в натуральную величину декомпрессионную камеру Лунной Базы I, или послушать представителя производителей клапанов, приводящего малоизвестные факты о конструкции вакуумных прокладок и мощности воздушных насосов (это был низкий рыжеволосый человек, который помнил много чисел). Либо они проезжали вдоль Зала в вагонах расположенного над головой подвесного монорельса. Или смотрели 20-минутный фильм «Вовне» — особенный, в сопровождении живого рассказчика, а не записи. Они взбирались на вездеходах на свежеосвоенные утесы, управляли клешнями гигантских машин, используемых для внеземной проходки.

Но те, которые испытывали голод, оставались на одном месте.

Они дольше стояли, меньше смеялись.

Они были той частью потока, который поблескивал, образуя затоны.

— Хочешь когда-нибудь полететь?

Мальчик повернул голову, подвинулся на своих костылях.

Он посмотрел на обратившегося у нему подполковника. Офицер был высоким. Загорелые лицо и руки, темные глаза и тонкая, курящаяся коричневая трубка были его самыми заметными чертами, если не считать новой, подогнанной по фигуре, формы.

— А что? — спросил мальчик.

— Ты как раз в том возрасте, когда нужно планировать будущее. Карьеру можно начать заранее. Человек может быть неудачником в тринадцать, если он не думает о будущем.

— Я читал литературу...

— Несомненно. В твоем возрасте все читают. Но сейчас ты видишь образцы — и помни, это только образцы — действительности. Впереди большой, новый рубеж — великий рубеж. Ты не можешь почувствовать это, только читая буклеты.

Над их головами поперек Зала пронесся вагон монорельса. Офицер показал на него трубкой.

— Даже это не то же самое, что проехать на нем над Великим Ледовым Каньоном, — заметил он.

— Тогда это недочет кого-то из тех, кто пишет ваши буклеты, — сказал мальчик. — Любое человеческое пережива-

ние можно описать и интерпретировать, если писатель достаточно хорош.

Офицер прищурился.

— Повтори-ка, сынок.

— Я сказал, что если ваши буклеты не говорят того, что вы хотите, чтобы они говорили, это не недостаток материала.

— Сколько тебе лет?

— Десять.

— Ты, похоже, довольно сообразительный для своего возраста.

Мальчик пожал плечами, поднял костыль и указал им в направлении Галереи.

— Хороший художник мог бы сделать в пятьдесят раз больше, чем эти глянцевые фотографии.

— Это очень хорошие фотографии.

— Конечно, они великолепны. И, вероятно, дорогие. Но любой из этих видов, нарисованный настоящим художником, был бы бесценен.

— Художникам там пока нет места. Сначала идут проходчики, культура идет после.

— А почему бы вам не поменять это и не взять несколько художников? Они могли бы помочь вам найти много новых проходчиков.

— Хм, — сказал офицер, — это интересный взгляд. Хочешь походить со мной немного? Побольше увидеть?

— Конечно, — сказал мальчик. — Почему бы и нет. «Походить» не вполне подходящее слово, но...

Он сделал шаг к офицеру, и они пошли по выставке.

Слева карабкались на стену, справа прогрызали шахты.

— Это правда, что эти штуки устроены, как клешни скорпиона?

— Да, — сказал офицер. — Какой-то сообразительный инженер украл идею у природы. Вот это как раз тот тип мышления, который нам нужен.

Мальчик кивнул.

— Я жил в Кливленде. Ниже по реке у них стояла штука под названием Конвейер Халана — для разгрузки судов-рудовозов. Он основан на принципе ноги кузнечика. Какой-то сообразительный молодой человек с умом как раз такого типа, как вам нужен, лежал как-то на своем заднем дворе, отрывая ноги кузнечикам, когда его осенило: «Эгей, — сказал он, — от этого может быть какая-то польза». Он разорвал на части еще несколько кузнечиков, — и родился Конвейер Халана. Как вы говорите, он украл способ, который природа зря пере-

водила на существа, которые только скачут по полям, жуют листья и портят урожай. Мой отец взял меня однажды в путешествие по реке, и я увидел эти штуки в действии. У них огромные металлические ноги с когтями на концах и они производят самый чертовский неземной шум, который я только слышал, — будто кричат души всех замученных кузнечиков. Боюсь, что у меня не тот склад ума, который вам нужен.

— Что ж, — сказал офицер, — похоже, он у тебя другой.

— Какой другой?

— Тот, о котором ты говорил: ум, который будет видеть, интерпретировать и говорить людям, на что это на самом деле похоже.

— Вы бы взяли меня как летописца?

— Нет, нам пришлось бы взять тебя как-нибудь по-другому. Но это не должно тебя останавливать. Сколько человек призывалось на Мировые Войны с целью написания военных романов? И сколько было написано военных романов, а сколько из них хороших? Знаешь ли, довольно мало. Так что и ты можешь так построить свои планы.

— Возможно, — сказал мальчик.

Они пошли дальше.

— Сюда? — спросил офицер.

Мальчик кивнул и прошел за ним в коридор, затем в лифт. Лифт закрылся и спросил, куда они хотят попасть.

— На суб-балкон, — ответил подполковник.

Движение едва ощутилось, затем двери открылись. Они вышли на узкий балкон, проходящий по ободу суповой миски. Он был окружен гласситом и слабо светился.

Под ними лежали ангары и часть поля.

— Несколько кораблей скоро взлетят, — сказал офицер. — Я бы хотел, чтобы ты на них посмотрел, увидел как они взлетают на своих крыльях из дыма и огня.

— Крылья из огня и дыма, — сказал мальчик, улыбаясь. — Я видел это выражение во многих ваших буклетах. Настоящая поэзия, да, сэр.

Офицер не ответил. Ни одна из металлических башен не двигалась.

— На самом деле, эти — не улетают, — сказал он наконец. — Они просто переправляют материалы и персонал на орбитальные станции. Настоящие корабли не приземляются никогда.

— Да, я знаю. Правда, что кто-то покончил с собой сегодня утром на одной из ваших выставок?

— Нет, — сказал офицер, не смотря на него, — это был

несчастный случай. Он шагнул в Грав-комнаты Марса до того, как платформа стала на место и воздушная подушка установилась. Упал в шахту.

— Тогда почему эта экспозиция не закрыта?

— Потому что все защитные устройства функционируют, как полагается. И предупреждающий световой сигнал и предохранительные перила — все в полном порядке.

— Тогда почему вы называете это случайностью?

— Потому что он не оставил записки. — Вон! Смотри, вон та готовится взлететь! — он показал своей трубкой.

У основания одного из стальных сталагмитов выросли клубы пара. В самой их сердцевине зажегся огонь. Затем огонь показался снизу, на поле выплеснулись волны дыма, взметнулись, поднялись высоко в воздух.

Но не так высоко, как корабль.

...Потому что он уже двигался.

Почти незаметным движением он приподнялся над землей. Вскоре, однако, движение ускорилось.

Неожиданно, выбросив гигантский сполох пламени и мелькнув на сером фоне, он оказался высоко в воздухе.

В небе появился огонек, потом вспышка, и корабль превратился в стремительно удаляющуюся звезду.

— Нет ничего похожего на ракету в полете, — сказал офицер.

— Да, — сказал мальчик, — вы правы.

— Хочешь полететь за ней? — произнес человек. — Ты бы хотел взлететь вслед за этой звездой?

— Да, — ответил мальчик, — когда-нибудь я это сделаю.

— Мое обучение было довольно трудным, а сейчас требования даже еще строже.

Они проследили за взлетом еще двух кораблей.

— А когда вы в последний раз летали сами? — спросил мальчик.

— Недавно... — ответил он.

— Мне, пожалуй, нужно идти. Нужно написать статью для школы.

— Подожди, дам тебе кое-какие наши новые буклеты.

— Спасибо, они у меня все есть.

— Тогда, ладно... Спокойной ночи, парень.

— Спокойной ночи. Спасибо за экскурсию.

Мальчик двинулся обратно к лифту. Офицер остался на балконе, глядя вверх, держа свою погасшую трубку.

Свет и скрюченные борющиеся фигуры...

Затем темнота.

«О, сталь клинков! И боль от их вонзання! Я — много уст, и все сочатся кровью!».

Тишина, затем раздаются аплодисменты.

IV

«...Простота, незатейливость, грубость. Таков Винчестерский собор, — говорил путеводитель. — С колоннами от пола до потолка, похожими на множество древесных стволов, он жестко владеет своим пространством: потолки плоски, каждый пролет, отделенный колоннами, есть сам по себе что-то надежное и стабильное. Кажется, что он отражает что-то в характере Вильгельма Завоевателя. В нем воплощены страстная преданность и любовь. Он будто вышел из легенды времен...»

«Взгляните на древние столицы, — продолжал путеводитель. — С простой флейтой они предвосхитили то, что позднее стало общим мотивом...»

— Тьфу! — произнес Рендер, довольно тихо, поскольку он находился в составе группы в церкви.

— Шшш! — сказала Джилл Девильт (Фотлок — такой была ее настоящая фамилия).

Но Рендер был впечатлителен, и явная фальшь его огорчала.

Ненависть к хобби Джилл стала для него настолько рефлексорной, что он скорее предпочел бы отдохнуть, сидя под восточным устройством, капающим воду ему на голову, чем признать, что иногда ему приятно пройти по аркадам и галереям, проходам и тоннелям, или, задыхаясь, вскарабкаться по высокой винтовой лестнице башни.

Так что он скользил по всему глазами, выжигал все своим неприятием, а затем восстанавливал из еще тлеющих углей пепелища своих воспоминаний, так чтобы позднее суметь все повторить, дав это видение своему пациенту, который только так может это увидеть. Это здание не нравилось ему меньше, чем другие. Да, он отнесет его ей.

Фотографируя окружающее своей мысленной камерой, Рендер ходил вместе со всеми, перекинув через руку плаш. А пальцы его сами собой тянулись к сигарете. Он был очень занят тем, что игнорировал гида, делая это зенитом всех форм человеческого протеста. Ходя по Винчестеру, он думал о своих последних сеансах с Эйлин Шелот.

Он снова бродил с ней.

Где по ветви над головой ходит туда и обратно пантера...

Они бродили...

Там, где голодный олень оглянулся в испуге...

Они остановились, когда она, растопырив пальцы, приложила ладони к вискам, посмотрела на него, и ее губы раздвинулись, будто она хотела о чем-то спросить.

— Рога, — произнес он.

Она кивнула, и олень подошел к ним. Она потрогала его рога, погладила его по носу, осмотрела копыта.

— Да, — сказала она.

Олень повернулся и пошел, а пантера спрыгнула ему на спину и вцепилась в его горло.

Она смотрела, как олень дважды боднул головой и умер. Пантера разодрала добычу; Эйлин отвернулась.

Где гремучая змея на скале греет на солнце свои вялые изгибы...

Она увидела, как змея сворачивается и бьет, сворачивается и бьет, три раза. Потом Эйлин потрогала ее погремущку и обернулась к Рендеру.

— Для чего эти твари?

— Ты должна знать не только идиллию, — сказал он, показывая рукой.

...Где аллигатор с бугристой кожей в глубоком омуте спит.

Она коснулась гравированной кожи. Аллигатор зевнул. Она осмотрела его зубы, устройство челюсти.

Рядом жужжали насекомые. Комар уселся ей на руку и ужалил. Она прихлопнула его и засмеялась.

— Мне удастся сдать экзамен? — спросила она.

— У тебя получается хорошо.

Рендер хлопнул в ладоши, — лес и болото исчезли. Они стояли босиком на шевелящемся песке, и солнечные лучи приходили к ним с поверхности воды высоко над их головами. Между ними проплыла стайка блестящих рыбок, и водоросли качались, поглаживая протекающие струи.

Их волосы поднялись и волновались как водоросли, и их одежда тоже шевелилась. Свернутые в кольца, скрученные и завитые, розовые, голубые и белые, красные и коричневые, перед ними лежали на кораллах и отполированных морем камнях, раскрыв безъязыкие рты, огромные раковины.

Они двигались в зеленом свете.

Она наклонилась в поисках чего-то. Когда она выпрямилась, то держала огромный и тонкий, как яичная скорлупа, бледно-голубой горн, закрученный на одном конце в углубление, которое могло бы быть впадиной от отпечатка гигантского пальца, и вывинчивающийся наружу, к изогнутому концу, лабиринтами тончайших трубочек.

— Это раковина, — сказала она, — Раковина Дедала.

— Раковина Дедала?

— Не ведомо ли тебе предание, милорд, как величайший из хитрецов и искусников Делал однажды спрятался и был иско́м Царем Миносом?

— Что-то припоминаю...

— По всему античному миру искал его царь, но не нашел. Потому что Дедал в своем мастерстве перемен был почти что равен Протею. Но в конце концов один из царских советников придумал план, как его обнаружить.

— И как это было?

— С помощью этой раковины, вот этой самой раковины, которую я держу перед тобой и дарю сегодня тебе, мой искусник.

Рендер взял свое создание и принялся его рассматривать.

— Он послал ее по разным городам Эгейского моря, — объяснила она, — и предложил большую награду человеку, который сможет пропустить по всем ее камерам и коридорам одну единственную нить.

— Кажется, я помню...

— Помнишь ли ты, как это было сделано, или же для чего? Минос понимал, что тот единственный человек, который найдет способ это сделать, будет величайшим из искусников, и он знал также гордыню Дедала, знал, что он возьмется за невозможное, чтобы доказать, что может то, чего не могут другие люди.

— Да, — сказал Рендер, — продевая шелковую нить в отверстие на одном конце раковины и следя за тем, как она появляется на другом. — Да, я помню. Крошечная петелька, закрепленная на талии ползущего насекомого, — насекомого, которое он запустил с одного конца, зная, что оно привычно к темным лабиринтам, и что его сила много превосходит его размеры.

— ...И он нанизал раковину на нить, получил награду и был схвачен царем.

— Пусть это будет уроком всем шейперам — формируй мудро, но не слишком хорошо.

Она рассмеялась.

— Но он, конечно, убежал.

— Конечно.

Они поднялись по коралловой лестнице.

Рендер вытянул нить, приложил раковину к губам и подул в нее.

Одинокая нота зазвучала над морем.

Где выдра кормится рыбой...

Мимо пронеслась маленькая торпеда, вторгаясь в рыбий косяк, хватая их и заглатывая.

Они наблюдали за ней, пока она не вернулась на поверхность.

Они продолжали подниматься по спиральной лестнице.

Их головы поднялись над водой: плечи, руки, бедра стали сухие и теплые лишь на узкой полосе берега. Они вошли в растущий там лес и пошли вдоль потока, стекающего в море.

Где черный медведь ищет мед и коренья, где бобер бьет по илу веслом своего хвоста...

— Не знаю этих слов, — сказала Эйлин, касаясь уха.

— Смотри!

Она посмотрела.

Пчелы в панике жужжали вокруг черного грабителя, ил расплескивался под хвостом грызуна.

— Бобер и медведь, — сказала она. — Куда мы теперь?

— *По растущему сахару, по желтоцветному хлопку, по рису на его влажном поле,* — ответил он и зашагал вперед.

— Что это ты говоришь?

— Посмотри вокруг себя и увидишь. Посмотри на растения, на их формы и цвета.

Они все шли и шли.

— *Мимо восточной хурмы,* — сказал Рендер, — *мимо высокой пшеницы и мимо нежного льна с его голубыми цветками.*

Она опустилась на колени и смотрела, вдыхала аромат, касалась, пробовала его на вкус.

Они шли по полям, и она ощущала под ногами черную землю.

— ...Мне нужно что-то вспомнить, — сказала она.

— *...Мимо темной зеленой ржи,* — сказал он, — *волнующейся на ветру...*

— Подожди минуту, Дедал, — сказала она ему. — Я вспоминаю! Ты награждаешь меня исполнением желания, которого я никогда не высказывала.

— Поднимемся на эту гору, — предложил он, — *...хватаясь в пути за засохшие корни деревьев...*

Они поднялись, оставив землю далеко внизу.

— Скалы и холодный ветер. Здесь высоко, — сказала она. — Куда мы идем?

— На вершину, на самую вершину.

Они поднялись в одно мгновение и стали на вершине горы, а казалось, что на подъем ушли часы.

— Расстояние, перспектива, — сказал Рендер. — Мы прошли все, что ты видишь под собой. Посмотри на поля, лес и море.

— Мы забрались на фиктивную гору, — заявила Эйлин, — я уже однажды взбиралась на такую, не видя ее.

Он кивнул, и ее внимание снова привлек океан, тоже под голубым, но другого цвета небом.

Через некоторое время она обернулась, и они посмотрели вниз с противоположной стороны горы. Снова Время закружилось и протекло вокруг них, они оказались у подножья горы и двинулись вперед.

— *...Идя по заросшей тропинке в траве и продираясь сквозь ветви кустов...*

— Теперь я знаю, — сказала она, хлопая в ладоши. — Теперь я знаю!

— Тогда где мы? — спросил Рендер.

Она сорвала травинку, подержала ее перед ним, потом захватила ее.

— Где? — сказала она. — *Там, где перепел свистит среди деревьев и в пшеничном поле.*

Перепел засвистел и пересек тропу, за ним спешили перепелята.

— Мне всегда хотелось знать о всем этом, — сказала она.

Они пошли по темнеющей дорожке среди деревьев и по пшеничному полю.

— Так много всего..., будто каталог чувств Сирса и Робакса. А что там дальше?

— *Где в канун седьмого месяца летит летучая мышь,* — сказал Рендер, поднимая руку.

Она дернула головой, уклоняясь от атаки — летучая мышь скрылась среди деревьев.

— *Где большой золотой жук каплей падает сквозь мрак,* — продолжала она.

...И он, сверкнув как 24-каратовый метеорит, упал на дорогу у его ног. Мгновение он лежал там, как золотой скарабей, потом уполз сквозь траву на краю тропинки.

— Ты вспомнила? — спросил он.

— Да, вспомнила!

Канун седьмого месяца был холодным; на небе показались бледные звезды. Он на ходу называл созвездия. Месяц скло-

нился над кромкой леса, и на его фоне к нему пролетела другая летучая мышь. Вдали ухнула сова. Снизу послышался стрекот сверчков. Густые вечерние сумерки заполнили мир.

— Мы далеко ушли, — сказала она.

— Как далеко? — спросил он.

— Туда, где из-под корней старого дуба ручей вырывается на лужайку, — ответила она.

— Аийе, — произнес он, протянул руку и оперся о гигантское дерево, к которому они подошли. Из-под его корней вырывался ручей, питающий поток, вдоль которого они шли раньше. Он звучал как связка колокольчиков, звенящая вдаль, взлетая маленьким водопадом и утесая вдаль. Он кружился среди деревьев, зарываясь в землю, петляя и прокладывая свой путь к морю.

Она стала переходить поток вброд, тот выгнулся и вспенился, пролился на нее дождем и, возвращаясь, пробежал по шее, спине, груди, рукам и ногам.

— Заходи, это прекрасный волшебный ручей, — пригласила она.

Но Рендер покачал головой и продолжал ждать. Она вышла, отряхнулась и стала сухой.

— Лед и радуга, — заметила она.

— Да, — сказал Рендер. — Но я забыл большую часть из того, что идет дальше.

— Я тоже, но я помню, что чуть позднее *«пересмешник негромко кричит и плачет»*.

Услышав пересмешника, Рендер вздрогнул.

— Это был не мой пересмешник, — заявил он.

Она рассмеялась.

— Какая разница? Так или иначе настал его черед.

Он покачал головой и отвернулся. Она снова оказалась рядом с ним.

— Извини. Я буду более осторожна.

— Очень хорошо.

Он зашагал по траве.

— Я забыл, что дальше.

— Я тоже.

Они оставили ручей далеко позади.

Они шли по клонящейся траве, по безграничной плоской равнине, и солнце все, кроме самого края, скрылось за горизонтом.

Где длятся закатные тени на безграничной безжизненной прерии...

— Ты что-то сказал? — спросила она.

— Нет. Но я вспомнил. Это место, где на мили вблизи и вдали расползается буйволлов стадо.

Темная масса слева от них постепенно обрела форму; и они различали тела великих бизонов американских равнин. Вдали от родео, скотоводческих выставок и оборотных сторон старых монет, животные стояли, сами по себе, темные, пахнущие землей, медленные, огромные и мохнатые, они стояли все вместе, опустив рогатые головы, покачивая могучими спинами; знак Тельца, неуклонное плодородие весны, блекнувшие в сумерках, оставаясь позади и в прошлом, — может там, где сверкает на солнце птичка-колибри.

Они пересекли огромную равнину и сейчас над ними была луна. Наконец, они подошли к противоположному краю этой местности, где были глубокие озера и другой ручей, пруды и другое море. Они прошли опустевшие фермы и сады и пошли вдоль текущих вод.

— Где лебедь поводит изогнутой шеей, — произнесла она, увидев своего первого лебедя, скользящего в лунном свете по озеру.

— Где, смеясь, срывается с берега чайка, — ответил он, — где смеется она своим почти человеческим смехом.

И в ночи раздался смех, но это был ни смех человека, ни чайки, поскольку Рендер никогда не слышал смеющейся чайки. Звуки хохота, которые он создал, заморозили вечер вокруг них. Он заставил его потеплеть вновь. Он осветил темноту и расцветил ее серебром. Смех затих и умер. Силуэт чайки исчез в направлении океана, кружась, темный и серебристый, серебристый и темный.

— Это, — объявил он, — пожалуй, все на этот раз.

— Но еще есть столько, столько всего, — сказала она. — Ты же носишь в голове меню. Ты помнишь еще что-нибудь оттуда? Там было о куропатках, засыпающих сбившись в кольцо головами наружу, и о цапле с желтым хохолком, ловящей ночью крабов на краю отмели, и о кузнечике на ореховом дереве над родником, и о...

— Там много, очень много всего, — сказал Рендер, — может, даже слишком много.

Они прошли рощи лимонов и апельсинов, места, где кормилась цапля, и кузнечик стрекотал на орешнике над родником, и куропатки спали кольцом на земле, головами наружу.

— Назовешь мне в следующий раз всех животных? — спросила она.

— Да.

Она свернула на маленькую тропинку к ферме, открыла дверь и вошла. Рендер, улыбаясь, пошел за ней.

Чернота.

Густая, полная, настолько черная, насколько может быть только чернота абсолютной пустоты.

В доме не было совершенно ничего.

— В чем дело? — спросила она его откуда-то.

— Незаконное вторжение в сценарий, — объяснил Рендер. — Я собирался опустить занавес, а ты решила, что шоу должно продолжаться. Поэтому я воздержался от того, чтобы давать тебе в этот раз какие-нибудь дополнительные образы.

— Мне не всегда удастся держать это под контролем, — сказала она. — Извини. Давай пойдем назад. Я овладела импульсом.

— Нет, давай пойдем вперед, — сказал Рендер. — Свет!

Они стояли на высоком холме на вершине, и летучие мыши, пролетающие на фоне неполной луны, были металлическими. Вечер был промозглый и с горы лома доносился резкий скрежет. Деревья были металлическими столбами с приклепанными к ним ветвями. Трава под ногами была из зеленого пластика. Гигантское пустое шоссе проходило у подножия холма.

— Где мы, — спросила она.

— Ты получила «Песнь меня», — сказал он, — со всем дополнительным нарциссизмом, который ты только могла туда впихнуть. В этом нет ничего плохого — до некоторого предела. Но ты завела все слишком далеко. Я чувствую, нужно восстановить равновесие. Я не могу позволить себе играть в игры на каждом сеансе.

— Что ты собираешься делать?

— «Песнь не меня», — заявил он, хлопая в ладоши. — Пойдем.

...Где пустыня молит о влаге — сказал где-то голос, в то время как они шли, кашляя.

...Где залитой отходами реке не ведомо ничего живое, — произнес голос, — *и пена на ней цвета ржавчины.*

Они шли вдоль смердящей реки, она зажала нос, но это ей не помогло.

...Где лес подвергнут уничтожению и где пейзаж — куча хлама.

Они шли мимо пней, ступая по обрезкам ветвей, и сухие листья трещали под ногами. Над их головами висела на тонкой нити покрытая рубцами и шрамами луна.

Они шли по равнине как великаны. Земля под листьями была покрыта трещинами.

...Где Земля кровоточит в пустую каверну карьера.

Вокруг валялись брошенные механизмы. Кучи земли и камней лежали в темноте. Огромные полости в земле были заполнены похожими на кровь выделениями.

...Пой, Алюминиевая муза, сказавшая сперва пастуху о том, что мир машин поднялся из хаоса, или, если смерть влечет тебя больше, взгляни на величайшее кладбище.

Они снова были на вершине холма, глядя на горы хлама. В ней было множество тракторов, бульдозеров и самосвалов, кранов и тягачей, грузовиков. Куча была высоко сложена из скрученного металла, ржавого металла, сломанного металла. Рамы, плиты, пружины и балки были брошены вокруг, ковши, лопасти и буры были все раздавлены. Это была братская могила инструментов и машин.

— Что...? — произнесла она.

— Лом, — ответил он. — Это то, о чем не пел Уолт, — вещи, которые ступают на его травинки и вырывают их с корнем.

Они нащупывали свою дорогу сквозь обиталище трупов.

— И которые прокляты, — добавил он, — некоторым образом.

— Эта машина срыла индейский могильный холм, а эта срубила старейшее дерево на континенте. Эта вырыла тоннель, который отвел реку, из-за чего зеленая долина обратилась в пустыню. Эта вломила в стены домов наших предков, а эта возвела стропила гигантских башен, которые из заменили.

— Ты очень несправедлив, — заметила она.

— Конечно, — согласился Рендер. — Всегда нужно заманиваться на большее, если тебе нужно сделать малое. Помнишь, я взял тебя туда, где пантера ходит туда и обратно по суку над головой, и где гремучая змея греет свои вялые изгибы на скале, и где аллигатор в жестких буграх спит в болоте. Ты помнишь, что я сказал, когда ты спросила: «Зачем эти существа?».

— Ты сказал: «Тебе нужно знать не только идиллию».

— Верно, и поскольку ты еще раз так захотела одержать верх, я решил, что немного больше боли и немного меньше удовольствия укрепят мою позицию.

— Да, — сказала она, — я знаю. Но эта картина механизмов, выстилающих дорогу в ад... Значит, воистину все либо черное, либо белое. А это какое?

— Серое, — ответил он ей. — Пойдем чуть дальше.

Они обошли кучу банок, бутылок и кроватных пружин. Он наклонился над выступающим куском металла и открыл люк.

— Взгляни на скрытое от веков во чреве этой великой цистерны.

Фантастическое сияние заполнило черную полость цистерны мягким зеленым светом, струящимся оттуда, где оно пылало внутри ящика с инструментами, дверцу которого Рендер придерживал.

— О...

— Святой Грааль, — объявил он, — это энантиадромия, моя дорогая. Круг замыкается на себя. Когда он проходит мимо своего начала, начинается спираль. Как я могу судить? Грааль может быть спрятан и в машине. Я не знаю. Вещи изменяются с течением времени. Дружья становятся врагами, вредное становится полезным. Но я не пожалею времени, чтобы рассказать тебе короткую сказку, коль скоро ты усладила меня легендой о греке, Дедале. Ее рассказал мне пациент по имени Ротман, он изучал каббалу. Этот Грааль, который ты видишь перед собой, символ света и чистоты, святости и небесного величия — откуда он?

— Неизвестно, — сказала она.

— Да, но есть традиция, легенда, которую знал Ротман: Грааль был дан Мелхиседеком, Первосвященником Израиля, и ему было предназначено достичь рук Мессии. Но откуда взял его Мелхиседек? Он вырезал его из гигантского изумруда, который нашел в пустыне, — изумруда, выпавшего из короны Шамаэля, Ангела Тьмы, когда он был низвергнут. Таков твой Грааль — от света к мраку, от света к мраку, и кто знает, для чего? Какой смысл всего этого? Энантиадромия, моя дорогая. Прощай, Грааль!

Он закрыл крышку и наступила темнота.

Позже, проходя по Винчестерскому Собору, где везде были плоские потолки, а справа от него статуя, обезглавленная Кромвелем (как утверждал путеводитель), он вспомнил их следующий сеанс. Он вспомнил свое почти нежелание, Адамово сопротивление, когда он называл всех проходящих перед ним животных, ведомых, конечно, тем, которого она хотела видеть первым, окрашенных его беспокойством. Он почувствовал себя почти буколически после того, как посидел над старым текстом по ботанике, сформировал и затем назвал полевые цветы.

Пока они держались вне городов, далеко от машин. Ее чувства при виде простых, осторожно показанных объектов, были пока слишком сильны, чтобы рискнуть погрузить их в городской хаос, — он построит ей город постепенно...

Высоко над собором что-то быстро пролетело, издавая гул.

Рендер на мгновение взял руку Джилл в свою и улыбнулся в ответ на ее взгляд. Зная его приверженность красоте, Джилл обычно прилагала огромные усилия, чтобы ее достичь. Но сегодня ее волосы были просто убраны назад и собраны на затылке, отчего губы и веки казались бледны, а ее открытые для обозрения уши выглядели крошечными и белыми.

— Посмотри на древние столицы, — прошептала она. — Своей простой флейтой они предвосхитили то, что позднее стало общим мотивом.

— Тьфу! — сказал он.

— Шш! — сказала стоящая поблизости маленькая загорелая женщина, чье лицо, казалось, рассыпалось на кусочки и снова собиралось каждый раз, когда она надувала и поджимала губы.

Позднее, когда они брели обратно к своему отелю, Рендер спросил:

— О'кей в Винчестере?

— О'кей в Винчестере.

— Рада?

— Рада.

— Хорошо, тогда мы можем сегодня днем выехать.

— Хорошо.

— В Швейцарию...

Она остановилась и принялась крутить пуговицу своего пальто.

— А мы не можем побыть здесь еще день или два — посмотреть кое-какие старые шато? В конце концов, они здесь рядом, через пролив, а ты можешь, пока я буду смотреть, перепробовать все местные вина...

— Ладно, — согласился он.

Она посмотрела на него, слегка удивленная.

— Как? Без спора? — Она улыбнулась. — Где твой боевой дух?

— Позволить мне так себя провести.

Потом Джилл взяла его за руку, и они пошли, а он говорил:

— Вчера, когда мы носились по внутренностям этого старого замка, я услышал слабый стон, а затем голос вскрикнул: «Ради всего святого, Монтрезор!» Думаю, что это был мой боевой дух, потому что в том, что это был не мой голос, я уверен. Я бросил *der geist der stets verneint** Мы едем во Францию. *Allons!***

— Ренди, дорогой, это будет только еще один или два дня...

---

* Дух вечного отрицания (нем.)

** Здесь: Вперед (франц.)

— Аминь, — сказал он, — хотя мои уже смазанные лыжи портятся от бездействия.

Так они и сделали, и утром третьего дня, когда она заговорила с ним о замках Испании, он громко заметил, что в то время, как психологи, когда напиваются, только звереют, о психиатрах известно, что они напиваются, звереют и ломают всякие вещи. Восприняв это как скрытую угрозу по отношению к собранному ею Веджвудовскому фарфору, она покорила его желанию кататься на лыжах.

Свободен! Рендер чуть было не выкрикнул это.

У него стучало в висках. Он наклонился и резко повернул налево. В лицо ударил ветер, ледяные кристаллы выстрелили в него и оцарапали щеку.

Он был в движении. Да — мир кончился в момент, когда Вейсфлюх и Дорфтали были оставлены далеко внизу.

Его лыжи были двумя сверкающими реками, бегущими по замерзшим холмистым равнинам; мороз не мог сковать их в движении. Он скользил вниз. Вдали от всех комнат в мире. Вдали от удушливого недостатка интенсивности, вдали от всех подносимых на ложечке дневных благ, от убийственной поступи насильственного изумления, от гидры праздности — прочь!

Уносясь вниз, он чувствовал сильное желание оглянуться через плечо, как будто хотел увидеть, не послал ли мир, который он оставил позади и выше, погоню, страшное воплощение самого себя, чтобы догнать его, схватить и приволочь обратно в теплый и ярко освещенный гроб, где он будет положен на отдохновение, с волей, пронзенной алюминиевой спицей и с гирляндой переменных токов, смиряющих дух.

— Ненавижу, — продохнул он сквозь сжатые зубы, и ветер отнес его слово назад; потом он рассмеялся, поскольку он всегда рефлекторно анализировал свои эмоции, и добавил: — Выходит Орест, безумец, преследуемый Фуриями...

Через некоторое время спуск прекратился, он достиг дна и был вынужден остановиться.

Затем он выкурил сигарету и поехал вверх на вершину, чтобы спуститься снова, на этот раз — с нетерапевтическими целями.

Тем же вечером он сидел перед огнем в большом лесном приюте, чувствуя, как его тепло впитывается в усталые мышцы. Джилл массировала ему плечи, а он играл в Роршаха с пламенем и пришел к пылающему кубку, который был в то же

мгновение вырван у него звуком его имени, произнесенного кем-то на противоположной стороне Зала Девяти Сердец.

— Чарльз Рендер, — произнес голос (только это больше звучало как «Шарлц Рандер»), и его голова мгновенно повернулась в том направлении, но в глазах плясало слишком много пост-образов, чтобы он мог выделить источник зова.

— Морис? — спросил он через мгновение, — Бартельмец?

— Айе, — пришел ответ, и Рендер увидел знакомую седую голову, посаженную без шеи и лысеющую над красным с синим мохнатым свитером, безжалостно натянутым на похожую на винный бочонок округлость человека, сейчас пробирающегося в их направлении, проворно обходящего разбросанные палки и сложенные в пирамиды лыжи, и людей, которые, как Джилл и Рендер, тоже презирали сидение на стульях.

— Ты поднабрал веса, — заметил Рендер, — это нездорово.

— Чепуха, это все мускулатура. Как ты живешь и чем сейчас занят? — Он взглянул на Джилл, и она улыбнулась ему в ответ.

— Это мисс Девилль, — сказал Рендер.

— Джилл, — сказала она.

Он слегка поклонился, отпустив наконец уже заболевшую руку Рендера.

— ...А это профессор Морис Бартельмец из Вены, — закончил Рендер, — углубленный последователь всех форм диалектического пессимизма и очень выдающийся пионер нейропартиципации — хотя, глядя на него, этого ни за что не угадаешь. Мне повезло быть в течение года его учеником.

Бартельмец согласно кивнул, беря фляжку, которую Рендер извлек из маленького пластикового пакета, и складную чашку, которую он наполнил до краев.

— Да, ты все еще хороший врач, — вздохнул он. — Ты моментально поставил диагноз и дал правильное предписание. На здоровье!

— Семь лет одним глотком, — заметил Рендер, заново наполняя стаканы.

Они уселись на полу, и огонь шумел в толстом кирпичном камине, и бревна, сгорая, вновь превращались в ветви, прутья, тонкие палочки, в годичное кольцо за кольцом.

Рендер подбросил дров.

— Я читал твою последнюю книгу, — сказал наконец Бартельмец, — года четыре назад.

Рендер подсчитал, что так оно и есть.

— А сейчас ты что-нибудь делаешь?

Рендер лениво поворошил огонь.

— Да, — ответил он, — что-то вроде того.

Он взглянул на Джилл, которая дремала, прислонившись щекой к подлокотнику огромного кожаного кресла, на котором лежала его сумка с аптечкой. На ее лице играли мерцающие малиновые отблески.

— Я тут наткнулся на довольно необычного субъекта и начал кое-какие махинации, о которых, может, при случае напишу.

— Необычного?

— Скажем, слепая от рождения.

— Ты используешь камеру?

— Да. Она собирается стать шейпером.

— Verfluchter!*. Ты знаешь о возможной отдаче?

— Конечно.

— А ты слышал о бедняге Пьере?

— Нет.

— Тогда это успешно замалчивалось. Пьер изучал философию в Парижском университете и писал диссертацию об эволюции сознания. Прошлым летом он решил, что ему необходимо исследовать сознание обезьяны, с целью сравнения со своим собственным, как я полагаю. Так или иначе, он раздобыл нелегальный доступ к камере и к мозгам нашего волосатого кузена. Насколько далеко он залез, подвергая обезьяну стимулам из имеющегося каталога, так и не выяснено, но предполагается, что животное испугали объекты, которые не должны быть немедленно транссубъектируемы между человеком и обезьяной — шум дорожного движения и тому подобное. Пьер все еще живет в камере с мягкими стенами и все его поведение в точности — поведение перепуганной обезьяны.

Так что, хоть он и не закончил своей диссертации, — заключил Бартельмец, — он вполне может стать важным материалом для чьей-нибудь еще.

Рендер покачал головой.

— Да, история, — сказал он тихо. — Но у меня нет ничего, что бы могло быть так драматично. Мне попалась удивительно стабильная личность, — кстати, она психиатр, которая уже имеет опыт обычного анализа. Она хотела заняться нейропартисипацией, но ее удерживал страх перед травмой видения. Я постепенно приучаю ее к полному набору визуальных явлений. К концу курса она должна совершенно привык-

---

* Здесь: Проклятье! (нем.)

нуть к тому, что видит, так, чтобы уделять полное внимание терапии, чтобы, условно говоря, видение ее не ослепило. У нас уже было четыре сеанса.

— И как?

— ...Все идет отлично.

— Ты в этом уверен?

— Да, насколько в этих материях вообще возможна уверенность.

— Хм, хм, — произнес Бартельмец. — Скажи мне, не находишь ли ты, что она обладает исключительно сильной волей? Я имею ввиду, скажем, картину притяжения-отталкивания чего бы то ни было, из того, что ей уже было показано.

— Нет.

— Ей когда-нибудь удавалось взять контроль над твоими фантазиями?

— Нет!

— Ты лжешь, — просто сказал он.

Рендер взял сигарету. Закурив ее, он улыбнулся.

— Старый мошенник и старый искусник, — признался он, — возраст не умерил твоей проницательности. Себя я могу обвести вокруг пальца, а вот тебя — никогда. Да, по правде говоря, ее очень трудно держать под контролем. Ей мало просто видеть. Она уже хочет сама формировать объекты. Это довольно понятно — и ей, и мне, но сознательное опасение и эмоциональная тяга никогда, похоже, не приходят к согласию в таких делах. Она начинала доминировать несколько раз, но мне удавалось восстанавливать контроль почти немедленно. В конце концов, я — хозяин банка.

— Хм, — размышлял Бартельмец. — Ты знаком с буддистским текстом — Катехизис Шанкары?

— Боюсь, что нет.

— Тогда я тебе сейчас прочту о нем лекцию. Он утверждает — естественно, не с терапевтическими целями — существование истинного эго и фальшивого. Истинное эго — это часть человека, которая бессмертна, и перейдет в нирвану — душа, если угодно. Очень хорошо. А фальшивое эго — это нормальное сознание, сплошь связанное иллюзиями, — то сознательное, которое ты, я и все мы знаем профессионально. Хорошо? Хорошо. Теперь, то, из чего это фальшивое сделано, они называют скандхами. Сюда входят чувства, восприятия, склонности, само сознание и даже физическая форма. Очень ненаучно. Да. Они не то же самое, что неврозы или одна из Ибсеновских жизненных лжей, или галлюцинаций — нет, да-

же несмотря на то, что все они ложны, даже изначально являясь частью фальшивой вещи.

Каждая из пяти скандхи является частью той эксцентричности, которую мы называем индивидуальностью, — тут, на ее поверхности, и появляются невроты и весь остальной мусор, возня с которым и составляет наш бизнес. О'кей? Я читаю тебе эту лекцию, потому что мне нужно драматическое выражение для того, что я скажу, ибо я хочу сказать что-то драматическое. Посмотри на скандхи, как на нечто лежащее на дне пруда; невроты, они — рябь на поверхности воды; истинное эго, если оно есть, зарыто глубоко под песком на дне. Итак, рябь на воде заполняет — э — *zwischenwelt** — между объектом и субъектом. Скандхи — часть субъекта, одна из основных и единственных в своем роде — часть его бытия. Пока следишь?

— Со многими оговорками.

— Хорошо. Я несколько определил свои понятия, а сейчас я их буду использовать. Ты играешь со скандхами, а не с простыми невротами. Ты пытаешься подправить у этой женщины ее всеобщую концепцию себя и мира. Ты используешь для этого камеру. Это то же самое, что заигрывать с психическим больным или с обезьяной. Может казаться, что все идет хорошо, но может случиться, что ты сделаешь что-то, покажешь ей какой-нибудь вид или еще что-нибудь такое, что вломится в ее самость, заденет скандху — и пухф! — это будет похоже на проламывание дна пруда. Образуется водоворот, утягивающий тебя — куда? Я не хочу иметь вас в пациентах, молодой человек, так что я тебе советую не продолжать этого эксперимента. Камера не должна использоваться таким образом.

Рендер щелчком отправил сигарету в огонь и принялся загибать пальцы:

— Во-первых, — сказал он, — ты возводишь мистическую гору из ничего. Я всего лишь подстраиваю ее сознание для принятия новой области восприятия. Во многом это просто трансференция с других чувств. Во-вторых, вначале ее эмоции были довольно интенсивными, потому что это повлекло травму, — но мы прошли уже эту стадию. Сейчас это для нее только новизна. Скоро это станет обыденностью. Третье, Эйлин сама психиатр, она образованна в этих делах и глубоко сознает деликатный характер того, что мы делаем. В четвертых, ее чувство индивидуальности и ее желания, или ее скандхи, или как тебе хочется их называть, такие же крепкие, как Гибралтарская скала. Ты представляешь себе, какое приле-

---

* Сложное слово, составленное из корней «между» и «мир» (нем.)

жание требуется слепому человеку, чтобы получить образование, которое она получила? Это потребовало воли из легированной стали и добавок эмоционального контроля аскета.

— И если что-то в этой твердыне вдруг сломается, — Бартельмец грустно улыбнулся, — да пойдут тени Зигмунда Фрейда и Карла Юнга рядом с тобой по долине мрака.

— И пятое, — внезапно добавил он, глядя Рендеру в глаза. — Пятое, — он выставил палец, — она красива?

Рендер перевел взгляд на огонь.

— Очень умно, — вздохнул Бартельмец. — С розовым сиянием от пламени на лице я не могу сказать, краснеешь ты или нет. Впрочем, чувствую, что да, что означает, что ты знаешь, что ты сам можешь быть источником возбуждающего стимула. Сегодня вечером я зажгу свечу перед портретом Адлера и буду молиться, чтобы он дал тебе силы успешно закончить твою дуэль с пациенткой.

Рендер посмотрел на Джилл, которая все еще спала. Он протянул руку и поправил прядь ее волос.

— И тем не менее, — сказал Бартельмец, — если тебе удастся и все пройдет хорошо, я буду с огромным интересом ждать твоей работы. Я говорил тебе, что я лечил нескольких буддистов и ни разу не обнаружил «истинное эго»?

Оба рассмеялись.

...Как я, но не как я, вот этот, на поводке, пахнущий страхом, маленький, серый и невидящий. Рраул, и он задохнется в своем ошейнике. Его голова пустая как плита до того, как она нажмет кнопку и готовит обед. Говорю, и они никогда не понимают, но они как я. Однажды я убью одного — зачем?... Здесь повернуть.

Три шага. Вверх. Стеклянная дверь. Ручку вправо.

Что? Впереди шахта лифта. Сад внизу, под. Хорошо пахнет, там. Трава, мокрая земля, деревья и чистый воздух. Я вижу. Но птицы — записаны. Я все вижу. Я.

Лифт. Четыре шага.

Вниз. Да. Хочу издать горлом громкие звуки, чувствую, глупо. Чисто, мягко, много деревьев. Бог... Ей нравится сидеть на скамейке, жевать листья, нюхать мягкий воздух. Не может видеть, как я. Может, сейчас немного...? Нет.

Плохой Зигмунд, я не может на траву, деревья, туда. Должен идти. Жалко. Лучшее место...

«Смотри на ступеньки».

Вперед. Справа, слева, справа, слева, деревья и трава сейчас. Зигмунд видит. Идти... Доктор с машиной даст ей глаза. Рраул, и он не задохнется. Не пахнет страхом.

Вырыть глубокую нору в земле, зарыть глаза. Бог слепой. Зигмунд — чтобы видеть. Ее глаза сейчас наполняются, и он боится зубов. Сделает, чтобы она видела, и заберет ее высоко в небо, чтобы видеть, далеко. Оставит меня здесь, оставит Зигмунда ни с кем, одного. Вырыть глубокую нору в земле...

Когда Джилл проснулась, было за десять утра. Ей не нужно было поворачивать голову, чтобы узнать, что Рендер уже ушел. Он никогда не спал допоздна. Она протерла глаза, потянулась, перекатилась на свою сторону и оперлась о локти. Она скосила глаза на часы на тумбочке, одновременно потянувшись за сигаретой и зажигалкой.

Затянувшись, она обнаружила, что нет пепельницы. Рендер, конечно, убрал ее на шкаф, он не одобрял курение в постели. Со вздохом, который закончился фырканьем, она встала и накинула халат, пока столбик пепла не слишком вырос.

Она ненавидела вставать, но сделав это, она позволяла дню начаться и течь без сбоев сквозь упорядоченную последовательность событий.

— Черт с ним. — Она улыбнулась. Ей хотелось завтрака в постель, но уже было слишком поздно.

Занятая мыслями о том, что ей надеть, она вдруг обнаружила стоящую в углу чужую пару лыж. На одну из них был наколот листок бумаги. Она подошла.

— Присоединись? — спрашивали каракули.

Она закачала головой в страстном отрицании, и ей стало немного грустно. Она стояла на лыжах дважды в жизни и боялась их. Она чувствовала, что ей нужно бы попробовать еще раз, после того, как он довольно хорошо повел себя с шато, но она не могла даже вспомнить о своем непристойном скольжении вниз, которое, в тех двух случаях, быстро поместило ее в сугроб, — без того, чтобы вздрогнуть и снова ощутить головокружение, охватывающее ее во время этих попыток.

Поэтому, приняв душ, она оделась и пошла вниз завтракать.

Когда она подошла к большому залу и заглянула внутрь, все девять каминов уже горели, издавая тихий гул. Несколько краснолицых лыжников держали руки высоко над пламенем центрального очага. Впрочем, людей было немного. На подставке стояло всего несколько пар капающих ботинок, яркие шапочки висели на колышках, влажные лыжи стояли ровно на своем месте у двери. Несколько человек сидели в креслах, ближе к центру зала, читая газеты, курия или тихо разговари-

вая. Она не заметила никого, кого бы знала, так что она прошла в столовую.

Когда Джилл проходила мимо регистрационной стойки, работающий там старик произнес ее имя. Она подошла к нему и улыбнулась.

— Письмо, — объяснил он, поворачиваясь к полке. — Вот оно, — объявил портье, протягивая ей конверт. — Похоже, что важное.

Оно пересылалось за ней по трем адресам, заметила она. Это был толстый коричневый конверт, и обратный адрес принадлежал ее адвокату.

— Спасибо.

Она отошла к стулу рядом с окном, которое смотрело на заснеженный сад, каток и далекую извилистую тропинку, усыпанную фигурками, несшими лыжи на плечах. Вскрывая конверт, она прищурилась от белизны.

Да, это было окончательно. Записка адвоката сопровождалась копией свидетельства о разводе. Она только недавно решила положить конец своим легальным отношениям с мистером Фотлоком, именем которого она прекратила называться пять лет назад, когда они разъехались. Сейчас, когда она получила развод, она не очень ясно представляла, что ей с ним делать. Для дорогого Ренди, однако, это будет чертовским сюрпризом, решила она. Ей нужно будет найти достаточно невинный способ довести до него эту информацию. Она извлекла зеркальце и поупражнялась в выражении «Ну что?». Что ж, для этого еще будет время, размышляла она, позже... Ее тридцатый день рождения, как большая черная туча, заполнял собой апрель, отстоящий не более чем на четыре месяца. Что ж... Она покрасила свои насмешливые губы, напылила больше пудры на свою родинку и заперла выражение лица в своей компактной пудре для дальнейшего использования.

В столовой она заметила доктора Бартельмеца, сидящего перед возвышающейся огромным холмом яичницей, длинными цепями сосисок темного цвета, кучками желтых тостов и наполовину опустошенным графином с апельсиновым соком. У его локтя дымился на плитке кофейник. Доктор слегка наклонился вперед, вращая вилкой, как крылом ветряной мельницы.

— Доброе утро, — сказала она.

Он поднял глаза.

— Мисс Девиль, — Джилл... Доброе утро. — Он кивнул на стул напротив себя. — Присоединяйтесь ко мне.

Она так и сделала, и когда официант подошел, кивнула и

сказала: «Я буду все то же самое, только на девяносто процентов меньше».

Затем она снова обернулась к Бартельмецу.

— Вы видели сегодня Чарльза?

— Увы, нет, — он развел руками, — а я хотел продолжить вчерашнюю дискуссию, пока его мозг находится еще на ранних стадиях бодрствования и несколько поддается воспитанию. К сожалению, — он сделал глоток кофе — тот, кто хорошо спит, входит в день где-то на середине второго акта.

— Что касается меня, я обычно появляюсь в антракте и выпрашиваю у кого-нибудь краткий пересказ того, что было, — продолжила она. — Так почему бы не продолжить дискуссию со мной? Я всегда воспитуема, и мои скандхи в хорошей форме.

Их глаза встретились, и он откусил кусок тоста.

— Да, — сказал он наконец. — Я так и думал. Что ж, хорошо. Что вы знаете о работе Рендера?

Она удобнее уселась на стуле.

— Мм. При том, что он является специальным специалистом в высоко специальной области, мне трудно достойно оценить то небольшое, что он о ней говорит. Иногда бы мне хотелось уметь заглядывать в мысли других людей — конечно, чтобы увидеть, что они думают обо мне — но я не думаю, что смогла бы задержаться там надолго. Особенно, — она притворно выразительно пожала плечами, — если в сознании кого-нибудь — проблемы. Боюсь, что я буду слишком сочувствовать или слишком напугаюсь, или еще что-нибудь. Тогда, согласно тому, что я читала — уф! — это как симпатическая магия, это станет моей проблемой.

— Впрочем, у Чарльза проблем не бывает, — продолжила она, — по крайней мере таких, о которых он мне говорит. Но недавно я заинтересовалась. Это слепая девушка с ее говорящей собакой, похоже, что это для него слишком много.

— Говорящая собака?

— Да, ее собака — поводырь — один из этих хирургических мутантов.

— Как интересно... Вы когда-нибудь встречались с ней?

— Никогда.

— Так, — принялся размышлять он.

— Иногда терапевт сталкивается с пациентом, чьи проблемы настолько сродни его собственным, что сеансы становятся исключительно острыми, — заметил он. — Со мной всегда так происходило, когда я лечил другого психиатра. Возможно, Чарльз видит в этой ситуации параллель чему-то, что беспокоило его лично. Я не производил его личного анали-

за. Я не знаю всех путей его сознания, даже несмотря на то, что он довольно долго был моим учеником. Он был всегда несколько скрытным, держал себя в руках; но при случае, однако, он мог бы быть довольно властным. А что еще занимает его внимание эти дни?

— Его сын Питер — постоянно беспокойство. За пять лет он поменял мальчику пять школ.

Прибыл ее завтрак. Она расправила салфетку и придвинула стул ближе к столу.

— И еще он недавно читал истории болезней самоубийц и все говорил и говорил о них.

— Для чего?

Она пожала плечами и принялась за еду.

— Он никогда не говорит, для чего, — сказала она, вновь поднимая глаза. — Может, он что-то пишет...

Бартельмец покончил со своей яичницей и подлил себе еще кофе.

— Вы боитесь этой его пациентки? — осведомился он.

— Нет... Да, — отозвалась она, — боюсь.

— Почему?

— Я боюсь симпатической магии, — сказала она, слегка краснея.

— Под это название может подпасть много вещей.

— Да, много, — признала она. Через мгновение она добавила: — Мы оба опасаемся за его состояние и едины в том, что представляет угрозу. Поэтому могу я попросить вас об услуге?

— Можете.

— Поговорите с ним еще раз, — сказала она. — Убедите его оставить этот случай.

Он сложил свою салфетку.

— Я намеревался сделать это после обеда, — объявил он, — потому что я верю в ритуалистическую ценность спасательных миссий. Они должны проводиться.

Дорогой папа!

Да, школа замечательная, моя нога проживает так же, мои одноклассники — конгениальная масса. Нет, я не испытываю недостатка в наличии, в поддержке и не имею трудностей во вписывании в новое curriculum*. О'кей?

Здание описывать не буду, потому что ты это мрачное сооружение уже видел. Окружающий пейзаж описывать не

---

* Здесь: Жизнеописание (лат.)

могу, потому что он в настоящее время скрыт холодным белым покрывалом. Брр! Быть любителем зимних искусств я поручаю тебе. Я не разделяю твоего энтузиазма по поводу антипода лета, кроме как заключенного в рамы картин или в виде эмблемы баров мороженого.

Щиколотка препятствует моей подвижности, и мой товарищ по комнате уехал на уикэнд домой — оба обстоятельства воистину благосклонны (речет Панглосс), потому что у меня теперь есть возможность подогнать кое-что из чтения. Я сделаю это немедленно.

Ваш блудный сын Питер.

Рендер наклонился погладить могучую голову. Она перенесла жест стойчески, затем повернулась к австрийцу, у которого Рендер попросил прикурить, будто спрашивая: «Должен ли я снести это оскорбление?» Человек засмеялся, захлопывая зажигалку с гравировкой, средним инициалом на которой была, заметил Рендер, маленькая буква «в».

— Спасибо, — сказал Рендер и обратился к собаке: «Как тебя зовут?»

— Бисмарк, — прорычал пес.

— Ты мне напоминаешь другого такого же, как ты, — сказал Рендер. — По имени Зигмунд, он друг и поводырь моего слепого друга, в Америке.

— Мой Бисмарк охотник, — сказал молодой человек. — Нет зверя, который мог бы его перехитрить, ни олень, ни пантера.

Уши пса поднялись, и он посмотрел на Рендера гордыми блестящими глазами.

— Мы охотились в Африке и на севере, и на юго-западе Америки. В центральной Америке тоже. Он никогда не теряет следа. Он никогда не сдается. Он красивый зверь, и зубы у него будто сделаны в Золингене.

— Вам повезло, что у вас такой товарищ по охоте.

— Я охочусь, — прорычал пес. — Я догоняю... Иногда я убиваю.

— Вы, вероятно, не знаете пса по имени Зигмунд и женщину, которую он водит, мисс Эйлин Шелот? — спросил Рендер.

Человек покачал головой.

— Нет. Бисмарк попал ко мне из Массачусеттса, сам я никогда в Центре не был. Я не знаком с другими обладателями мьютов.

— Понятно. Что ж, спасибо за огонек. Всего доброго.

- Всего доброго.
- Всего доброго...

Рендер медленно пошел вверх по узкой улице, держа руки в карманах. Он извинился и удалился, не сказав, куда идет. У него просто не было определенной цели. Вторая попытка Бартельмеца давать советы едва не заставила его произнести слова, о которых он бы пожалел потом. Легче было пройтись.

Повинуясь неожиданному импульсу, он зашел в маленький магазин и купил привлекшие его взгляд часы с кукушкой. Он был уверен, что Бартельмец примет подарок в нужном духе. Он улыбнулся и продолжал идти. А о чем было это письмо, ради которого, чтобы вручить его Джилл, регистратор у стойки предпринял специальное путешествие к их столику во время обеда? Оно трижды пересылалось за ними вдогонку, а обратный адрес принадлежал юридической фирме. Джилл даже не вскрыла его, но улыбнулась, дала старику слишком большие чаевые и засунула письмо в свою сумочку. Нужно будет тонко намекнуть ей на его содержимое. Его любопытство так задето, что она должна рассказать ему, хотя бы из жалости.

С севера налетел холодный ветер, и ему неожиданно показалось, что ледяные колонны, держащие небо, закачались. Рендер поднял плечи и глубже задвинул голову в воротник. Сжав часы с кукушкой, он заторопился по улице обратно.

Этой ночью змея, которая держит во рту свой хвост, отрыгнула его. Волк Фенрир подскочил к луне, маленькие часы сказали «ку-ку», и завтра пришло как последний бык Манолета, потрясая рогом и мыча обещание истоптать стаю львов в песок.

Рендер пообещал себе впредь воздерживаться от жирного.

Позднее, гораздо позднее, когда они пролетели по небу на похожем формой на коршуна рейсовике, Рендер посмотрел вниз на потемневшую Землю, ее полные звезд города, посмотрел вверх на небо, в котором они все отражались, посмотрел вокруг на телеэкраны, видя всех людей, которые смотрели в них, моргая, на автоматы с кофе, чаем и смесями, которые рассылали свои флюиды, чтобы воздействовать на людские желудки, которые в ответ требовали, чтобы те нажали на кнопки, потом посмотрел на Джилл, которую старые строения заставили ходить между своими стенами, потому что он знал, что она чувствовала, что она сейчас на нее посмотрит, — почувствовал требование своего кресла, чтобы он превратил его в ложе, сделал это и заснул.

Ее офис был полон цветов, она любила экзотические духи. Иногда она воскуряла ладан.

Она любила плавать в теплых прудах, гулять под падающим снегом, слишком много слушала музыку, играла ее, возможно, слишком громко, пила пять или шесть видов ликеров (иногда пахнущие анисом, иногда с горчинкой) каждый вечер. Ее руки были мягкими и немного в веснушках. Ее пальцы были длинными и утончались к концу. Она не носила колец.

«Пациент в основном жаловался на нервозность, инсомнию, желудочные боли, депрессию. В прошлом он неоднократно выписывался на короткие периоды: лечился в этом госпитале в 1995 г. с маниакально-депрессивным психозом депрессивного типа и вернулся сюда 02.03.96. Он лежал в другом госпитале с 20.09.97. Физическое исследование выявило кровяное давление 170/100. Ко дню осмотра, 11.12.98, пациент был нормально развит и хорошо упитан. В этот день пациент жаловался на хроническую головную боль, были замечены средней интенсивности симптомы алкогольного опьянения. Дальнейший физический осмотр не выявил патологии, за исключением того, что коленные рефлексы были слишком сильно выражены, но одинаковы. Эти симптомы являлись результатом алкогольного опьянения. Не психотичен, так же, как и не подвержен иллюзиям или галлюцинациям. Хорошо ориентируется в пространстве, времени и людях. Было исследовано психологическое состояние и обнаружено, что он несколько склонен к мании величия, излишне экспансивен и более чем несколько враждебен. Решено, что он является потенциальным источником опасности. Из-за имеющегося опыта работы поваром он был приписан к работе на кухне. Его общее состояние значительно улучшилось. Он менее напряжен и склонен к сотрудничеству. Диагноз — маниакально-депрессивная реакция (внешний провоцирующий стресс неизвестен). Степень психиатрического повреждения слабая. Способен нести ответственность за свои действия. Терапия и госпитализация будут продолжены».

Она выключила фонограф и засмеялась. Звук напугал ее. Смех — социальное явление, а она была одна. Она прокрутила запись, пожевывая уголок своего платка и слушая возвращающиеся к ней тихие, тесно нанизанные слова. После первой дюжины, или около того, она их уже не слышала.

Когда фонограф перестал говорить, она его выключила. Она была одна. Совсем одна. Она была так чертовски одна,

что маленькое пятнышко света, возникшее, когда она погладила себя по лбу и повернула голову к окну, неожиданно стало самой важной вещью в мире. Она хотела быть в океане света. Или стать маленькой, настолько, чтобы результат был тем же самым — она хотела утонуть в свете.

Было уже три недели, вчера...

— Я слишком долго ждала, — решила она. — Это невозможно! Но что, если он уйдет, как Рискомб? Нет! Он этого не сделает! Ничто не может его задеть. Никогда. Он всегда и весь закован в латы и вооружен. Но... но нам нужно было подождать начала следующего месяца. Три недели... Зрительное опьянение — вот что это. Слабеют ли воспоминания? Гаснут? (как выглядит дерево? Или облако? — Я не помню! Что красивее? Что зеленее? Боже! Это истерика! А я смотрю и не могу ее остановить! — прими таблетку! Таблетку!).

Ее плечи задрожали. Но она не приняла таблетку, а все сильнее кусала платок, пока ее острые зубы не прорвали ткань.

«Остерегайся, — произнесла она собственную заповедь, — тех, кто изголодался и изжаждался справедливости, ибо они удовлетворятся».

«И остерегайся покорных, — продолжала она, — ибо они попытаются унаследовать Землю».

«И остерегайся?..»

Раздался короткий сигнал телефона. Она отложила платок, сменила выражение лица и включила аппарат.

— Алло?

— Эйлин, я вернулся. Как ты жила?

— Неплохо, даже довольно хорошо. Как прошел отпуск?

— О, пожаловаться не могу. Я его долго ждал. Думаю, я его заслуживаю. Слушай, я привез кое-что тебе показать — Винчестерский Собор. Хочешь зайти на этой неделе? Я могу в любой вечер.

Вечером. Нет! Я слишком этого хочу. Если он увидит, это отбросит меня назад...

— Как насчет завтрашнего вечера? — спросила она. — Или послезавтра?

— Завтра — прекрасно, — ответил он. — Увидимся в «Куропатке», около семи?

— Да, это будет приятно. Тот же столик?

— Почему бы и нет, — я его зарезервирую.

— Отлично. Тогда до встречи.

— До свидания.

Связь прекратилась.

Тогда неожиданно, в этот момент, в ее голове снова завихрились цвета; и она увидела деревья — дубы и ели, платаны и сикоморы, — большие, зеленые и коричневые, цвета железа; она увидела вату клочковатых облаков на пастельном небе, которые будто окунули в горшки с краской, и пылающее солнце, и маленькую иву, и озеро глубокого, почти переходящего в фиолетовый, синего цвета. Она свернула свой порванный платок и отложила его.

Она нажала на кнопку рядом со столом, и офис заполнила музыка — Скрябин. Затем она нажала другую и прослушала запись, которую она надиктовала.

Пьер недоверчиво принялся к пище. Санитар убрал поднос и вышел, заперев за собой дверь. Огромный салат ждал на полу. Пьер опасливо приблизился, схватил пригоршню лагуны, проглотил его.

Ему было страшно.

Если бы только где-то в этой темной ночи сталь перестала сталкиваться и сталкиваться с другой сталью... Если бы только...

Зигмунд поднялся, зевнул, потянулся. Его задние ноги на мгновение вытянулись, затем он собрался и встряхнулся. Скоро она придет домой. Медленно виляя хвостом, он взглянул на висящие на уровне человеческого роста часы, которые подтвердили ожидания, потом пересек квартиру по направлению к телевизору. Он оперся одной из передних лап о стол, а другой нажал на кнопку.

Было то время, когда передают прогноз погоды; на дорогах может быть гололед.

«Я ехал через широкие кладбища, — писал Рендер, — огромные каменные леса, которые разрастались с каждым днем.

Почему человек так рьяно охраняет своих умерших? Не потому ли, что таков монументально демократический способ обессмертивания, окончательное утверждение способности наносить боль, так сказать, самой жизни, и из желания, чтобы так продолжалось вечно? Унамуно предполагал, что дело именно в этом. Если это так, то в прошлом году больший, чем ранее в истории, процент населения активно искал бессмертия...»

Тонг-тонг, тонга-тонг!

— Ты думаешь, они настоящие люди?

— Не-а, они слишком хороши.

Вечер был звездным. Рендер завел по спиральному спуску свой С-7 на холодную стоянку в подвале, нашел свое место и ткнулся в него носом.

Промозглый холод, источаемый бетоном, вгрызался в их тела, как крысиные зубы. Рендер повел Эйлин влево, и дыхание опережало их тающими облаками.

— Немного промозгло, — заметил он.

Она кивнула, закусив губу.

В лифте он вздохнул, развязал шарф, зажег сигарету.

— Дай, пожалуйста, и мне, — попросила она, почувствовав запах табака.

Он молча протянул ей сигарету.

Они поднимались медленно, и Рендер прислонился к стене, выпуская смесь дыма и кристаллизованной влаги.

— Я повстречался еще с одной овчаркой-мыкотом, — вспомнил он, — в Швейцарии. Большой, как Зигмунд. Он охотник, пруссак, каким только можно быть. — Он улыбнулся.

— Зигмунд тоже любит охотиться, — заметила она. — Дважды в году мы ездим в Нортвуд, и я его отпускаю. Иногда его не бывает по несколько дней, и он всегда очень доволен, когда возвращается. Никогда не рассказывает, что он делал, но никогда не бывает голодным. Давно, когда он у меня появился, я решила, что ему для равновесия нужны будут каникулы от человеческой жизни. Думаю, что я была права.

Лифт остановился, дверь открылась, и они вышли в холл, Рендер снова вел ее.

В офисе он щелкнул по термостату, и по комнате дохнуло теплым воздухом. Он повесил пальто в кабинете и выкатил огромное яйцо из гнезда за стеной. Он подсоединил его к пульту и переделал свой стол в контрольную панель.

— Сколько, по-твоему, это займет, — спросила она, проводя пальцами по гладким и холодным изгибам яйца. — Все вместе, я имею ввиду. Полная адаптация к зрению.

Он задумался.

— Понятия не имею, — произнес он, — пока ни малейшей идеи. Мы взяли хороший старт, но впереди еще многое. Думаю, реальные предположения я смогу сделать месяца через три.

Она задумчиво присвистнула, подошла к его столу и ощу- пала панель.

— Будь осторожна, не нажми на какую-нибудь.

— Не нажму. А сколько времени, по-твоему, у меня займет научиться управлять этой штукой?

— Три месяца на обучение. Шесть, чтобы в самом деле овладеть ею настолько, чтобы использовать ее на ком-нибудь. И еще шесть — под пристальным наблюдением, прежде чем тебе можно будет доверить делать это самой. Всего около года.

— У-гу. — Она взяла себе стул.

Рендер прикосновением вызвал к жизни времена года, фазы дня и ночи, дыхание суши, город, духов, скользивших горами между деревьев, дюжины образов, которыми он пользовался в построении миров. Он разбил часы времени и испытал семь или около того возрастов человека.

— О'кей, — повернулся он, — все готово.

Это пришло быстро и с минимумом направления со стороны Рендера. Один момент был серым. Затем пришел мертвенно-белый туман. Затем он рассеялся, будто поднялся сильный ветер, хотя он не слышал и не чувствовал ветра.

Он стоял рядом с ивой у озера, а она стояла полускрытая ветвями и решеткой теней. Солнце светило косо, был вечер.

— Мы вернулись, — сказала она, выходя с листьями в волосах. — Одно время я боялась, что этого никогда не произойдет, но я вижу все это снова и я все помню.

— Хорошо, — сказал он, — взгляни на себя. — Она заглянула в озеро.

— Я не поменялась, — сказала она, — я не поменялась...

— Да.

— Но ты поменялся, — продолжала она, подняв глаза на него. — Ты выше, и есть какая-то разница...

— Нет, — ответил он.

— Я ошибаюсь, — произнесла она быстро. — Я пока не понимаю всего, что вижу. Но я научусь понимать.

— Конечно.

— Что мы собираемся делать?

— Смотреть, — ответил он.

Вдоль гладкой бесцветной реки дороги, которую она только теперь заметила за деревьями, двигалась машина. Она появилась из самого дальнего уголка неба, перескакивая горы, с шумом съезжая с холмов, виляя среди прогалин и выплескивая на них краски своего шума — серую и серебряную; озеро задрожало от ее шума, и машина остановилась футами в ста, скрывая кустарником; она ждала. Это был С-7.

— Пойдем со мной, — сказал он, беря ее руку. — Мы едем кататься.

Они прошли среди деревьев и обошли последнюю заросль кустарника. Она коснулась гладкого кокона оболочки, антенн, шин, окон — и когда она это делала, окна стали прозрачными. Эйлин посмотрела сквозь них внутрь машины и кивнула.

— Это твой Спиннер.

— Да, — он придержал для нее дверь. — Заходи. Мы вернемся в клуб. Сейчас самое время. Воспоминания свежи, и они, я думаю, достаточно приятны или нейтральны.

— Приятны, — сказала она, забираясь внутрь.

Он закрыл дверь, затем обошел машину и сел в нее. Она смотрела, как он нажимал воображаемые координаты. Машина рванулась вперед; он удерживал проплывающий мимо ровный поток деревьев. Рендер ощущал нарастающее напряжение и поэтому не менял декораций. Она развернула свое сиденье и осмотрела внутренность машины.

— Да, — сказала она наконец, — я уже понимаю, что есть что!

Эйлин снова стала смотреть в окно. Она смотрела на проносящиеся деревья. Рендер выглянул наружу и снова ощутил ее возбуждение. Он затемнил окна.

— Хорошо, — сказала она, — спасибо. Этого вдруг оказалось слишком много, все это, уносящееся назад, будто...

— Конечно, — сказал Рендер, сохраняя ощущение движения вперед. — Я это предвидел. Но ты становишься крепче.

Через мгновение он произнес: «Расслабься, расслабься сейчас» — и где-то была нажата кнопка; она расслабилась, и они ехали дальше и дальше, и, наконец, когда машина начала останавливаться, Рендер сказал:

— Выгляни из своего окна, но только одним коротким взглядом.

Она выглянула.

Он задействовал все имеющиеся в запасе успокаивающие и расслабляющие стимулы, воссоздал вокруг машины город, сделав окна прозрачными, и она взглянула на силуэты башен и монолитные жилые кварталы, увидела три кафетерия быстрого обслуживания, дворец развлечений, аптеку, медицинский центр из желтого кирпича с алюминиевыми кадуцеями, установленными над арками, стеклянное здание высшей школы, свободное сейчас от учеников, пятидесятиколоночную заправочную станцию, другую аптеку, множество других машин, стоящих или с ревом пролетающих мимо, и людей, входящих и выходящих в двери, проходящих около зданий, садящихся в машины и выходящих из них; было лето, и свет позднего дня сочился сверху на цвета города и цвета одежд,

которая была на людях, идущих вдоль бульвара, сидящих без дела на террасах, пересекающих балконы, опирающихся о балюстрады и подоконники, появляющихся из киоска на углу, заходящих в него, стоя беседующих друг с другом; женщина, прогуливающая пуделя, свернула за угол; ракеты носились туда и сюда высоко в небе.

Потом мир распался; Рендер подхватил осколки.

Он опустил абсолютную темноту, приглушив все чувства, кроме чувства их движения вперед.

Через некоторое время возник слабый свет, и они все еще сидели в Спиннере, вновь с прозрачными окнами, и воздух, когда они его вдыхали, превращался в смягчающий бальзам.

— Боже мой, — сказала она, — мир такой тесный. Я действительно видела все это?

— Я не хотел делать этого сегодня вечером, но чувствовал твоё желание. Мне казалось, что ты готова.

— Да, — сказала Эйлин, и окна снова стали прозрачными. Она быстро отвернулась.

— Он исчез, — сказала он, — это был только один взгляд.

Она посмотрела. Снаружи теперь было темно, они проезжали высокий мост. Они двигались медленно. Других машин не было. Под ними были равнины, на которых время от времени вспыхивали, как маленький дремлющий вулкан, плавильные печи, испуская в небо потоки оранжевых искр; и было много звезд, они мерцали в текущей под мостом воде, усыпали булавочными проколами небо, нависшее над водой. Наклонные опоры моста равномерно пролетали мимо.

— Ты это сделал, — сказала она, — и я тебя благодарю.

Затем:

— Кто ты на самом деле?

Он, должно быть, ждал, что она это спросит.

— Я — Рендер.

Он засмеялся, и они продолжили свой извилистый путь по темному, теперь опустевшему городу, подъезжая, наконец, к клубу.

Внутри он исследовал все ее чувства, готовый заставить мир исчезнуть в одно мгновение. Но он не почувствовал необходимости это сделать.

Они оставили машину и пошли вперед. Вот и клуб, который, как он решил, сегодня вечером будет почти пустым. Их проводили к столику у стойки бара в маленькой комнате с железными латами, и они сели и снова заказали ту же еду.

— Нет, — сказал Рендер, посмотрев вниз, — их место там.

Латы снова появились рядом со столом, а он вновь оказался в своем сером костюме и черном галстуке с серебряной булавкой в форме веточки дерева.

Они рассмеялись.

— Я просто не из тех, кто носит жестяные костюмы, так что я хочу, чтобы ты перестала видеть меня таким.

— Извини, — улыбнулась она. — Я не знаю, как и зачем я это сделала.

— А я знаю. А кроме того, еще раз тебя предостерегаю. Ты сознаешь, что это все — иллюзия. Я должен был допустить это, чтобы ты получила максимальную пользу от того, что мы делаем. Но для большинства моих пациентов, в то время как они спят, сон — реальность. Это делает контр-травму даже более сильной. Ты, однако, в курсе правил игры, и хочешь ли ты этого или нет, это дает тебе в руки контроль несколько иного вида, чем тот, с которым я обычно имею дело. Пожалуйста, будь осторожна.

— Извини. Я не хотела.

— Я знаю. Вот несут то, что мы только что ели.

— Уф! Это выглядит ужасно! Мы все это ели?

— Да. — Он усмехнулся. — Это нож, это вилка, это ложка. Это ростбиф, это картофельное пюре, это бобы, это масло...

— Боже! Мне не очень хорошо.

— ...это салаты, а это дополнения к нем. Это речная форель, мм! Это поджаренный картофель по-французски. Это бутылка вина. Хмм — посмотрим — Романи-Конти, раз уж я за него не плачу — и бутылка Айкема к форе...? — Эй!

Комната пошла волнами.

Он очистил стол, он стер ресторан. Они снова были в долине. Сквозь прозрачную ткань мира он следил за рукой, движущейся вдоль панели. Нажимались кнопки. Мир снова стал материальным. Их опустошенный стол стоял теперь рядом с озером, был все еще вечер и лето, и скатерть была очень белой в свете нависающей над головами огромной луны.

— Это было глупо с моей стороны, — произнес он. — Ужасно глупо. Мне нужно было показывать тебе все это поочередно. Вид основных вкусовых стимуляторов может быть очень подавляющим для человека, видящего их впервые. Я так увлекаюсь шейпингом, что забываю о пациенте, — это просто пижонство! Извини меня!

— Мне уже хорошо. Правда!

Он вызвал с озера прохладный ветерок.

— ...А это — луна, — произнес он неуверенно.

Эйлин кивнула; она носила крошечную луну в центре лба, она светила. как та, что была над ними, и ее волосы и платье были будто из серебра.

На столе стояла бутылка Романи-Конти и два бокала.

— Откуда это взялось? — спросил Рендер.

Она пожала плечами. Он наполнил бокалы.

— Оно может оказаться слегка выдохшимся, — сказал он.

— Нет. Вот, — она протянула ему бокал.

Отпив, он ощутил вкус вина — фруктовый, вкус винограда островов, мягкий, плотный, чарну и капито, отцеженный из ароматов полей пылающих маков. При этом он знал, что его рука сейчас должно быть пересекает линию кнопок, гармонизируя трансференции и контр-трансференции, которые пришли к нему здесь, на берегу озера, и застали его совершенно врасплох.

— Нет, оно выдохлось, — уверенно сказал он, — а нам уже пора возвращаться.

— Так скоро.

Рендер повелел миру кончиться, и он кончился.

— Здесь холодно, — сказала она, одеваясь, — и темно.

— Я знаю. Я смешаю нам что-нибудь выпить, пока очищу установку.

— Прекрасно.

Он посмотрел на ленты и покачал головой. Потом пересек кабинет к бару.

— Это не вполне Романи-Конти, — заметил он, доставая бутылку.

— Ну и что? Я не против.

И на этот раз он тоже был не против. Он отключил установку, они выпили. Он помог ей надеть пальто, и они вышли.

Спускаясь на лифте, Рендер снова повелел миру исчезнуть, но тот не исчез.

Адрес по случаю присуждения степени,
Государственный Педагогический,
Колледж Брокен Рок,
Шотовер, Юта.

«В стране в настоящий момент примерно 1 триллион 800 миллионов человек и 560 миллионов личных автомобилей. Если человек занимает два квадратных фута земли, а машина примерно 120, то становится очевидным, что в то время как люди занимают 2 триллиона 160 миллионов квадратных футов

нашей страны, машины занимают 67,2 биллиона квадратных футов, т.е. — в 31 раз больше, чем человечество. Если, в настоящий момент, половина из этих машин находится в действии и содержит в среднем по два пассажира, то отношение более чем 47 к 1 в пользу машин.

Как только страна будет превращена в одну мощеную плоскость, и люди либо вернутся в моря, из которых они вышли, либо уберутся в подземные жилища или эмигрируют на другие планеты, тогда, вероятно, технологической эволюции будет позволено продолжаться в направлении, которое наметила для нее статистика.

Сибил К. Дельфи,

Заслуженный профессор в отставке

Пап,

Я дохромал из школы в такси, а из такси в космопорт, на местную выставку Воздушных Сил — «Вовне», так она называлась. (Ладно, насчет хромоты я преувеличил. Но некоторой внимательности это потребовало). Все дело, насколько я понял, предназначалось для вовлечения молодого человечества в пятилетнюю упряжку. Но это сработало. Я хочу к ним поступить. Я хочу полететь «Вовне». Как ты думаешь, они возьмут меня, когда я стану достаточно взрослым? Я имею ввиду «Вовне», а не какое-нибудь наращивание жирка за столом. Как ты считаешь?

Я думаю, что да.

Там был этот полковник (извиняюсь за выражение), который засек мальчишку, шатавшегося вокруг и прижимавшего нос к большим окнам, и решил запихнуть это ему в подсознание. Здорово! Он протащил меня по всей Галлерее и показал мне сувениры всех ВС-овских триумфов, от Лунной Базы до Марс-порта. Он рассказывал мне о Великих Традициях Службы, провел меня в комнату, где Воины невинно развлекались (в записи), борясь друг с другом при нулевом G, «это одно умение и никаких мускулов», и лепя в воздухе скульптуры из подкрашенной воды и все такое. Ох, потеха!

Впрочем, серьезно, я бы хотел быть там, когда они пойдут на Внешнюю Пятерку — и дальше, «Вовне». Не потому, что «великие рубежи» и тому подобная болтовня, я потому, что я думаю, что там должен быть кто-то, кто способен чувствовать, чтобы летописать все дело так, как нужно. Ну, знаешь, неприкрашенный фронтьер. Френсис Паркман, Мери Остин, в таком роде. Так что я решил, что полечу.

Парень из ВС с крылышками на плечах нимало не патро-

низировал, слава Богу. Мы стояли на балконе и смотрели, как отлетают корабли, и он сказал, чтобы я так держал и учился по-настоящему старательно, и тогда я, может, однажды их поведу. Я не побеспокоился сообщить ему, что я вряд ли интеллектуально отстал, и что у меня, пока еще буду не слишком стар, будет мой «бакалавр», с которым я смогу делать все, что вздумается, даже вступить в его корпус. Я просто посмотрел, как корабль взлетает, и сказал: «Через десять лет, считая с этого дня, я буду смотреть вниз, а не вверх». Потом он мне рассказал, каким трудным было его собственное обучение, так что я не спросил, как вышло, что его списали на Землю месить грязь. Когда думаю сейчас об этом, радуюсь, что не спросил. Он был больше похож на одного из рекламщиков, чем на настоящего служаку. Надеюсь, что я никогда не выгляжу, как рекламщик.

Спасибо за денежку, за теплые носки и за струнные квинтеты Моцарта, которые я слушаю прямо сейчас. Я бы хотел этим летом слетать вместо Европы на Луну. Возможно...? Вероятно...? Может стать...? Ха — если я разделаюсь с этим новым тестом, который ты для меня строишь...? В любом случае, подумай об этом, пожалуйста.

Твой сын Пит.

- Алло, Психиатрическая Клиника.
- Мне бы хотелось договориться об обследовании.
- Одну минуту, я соединю вас с приемной.
- Здравствуйте, приемная.
- Мне бы хотелось договориться об обследовании.
- Одну минуту... Какого рода обследование?
- Я хочу повидать доктора Шелот, Эйлин Шелот. Как можно быстрее.
- Я сверюсь с ее расписанием... Вас устроит в два часа в четверг?
- Это было бы прекрасно.
- Назовите, пожалуйста, ваше имя.
- Девилль. Джилл Девилль.
- Хорошо, мисс Девилль. В четверг, в два часа.
- Благодарю вас.

Человек шел пешком рядом с дорогой. По дороге проезжали машины.

Движение было слабым.

Было 10.30 утра, холодно.

Отделанный мехом воротник человека был поднят, его руки были в карманах, он наклонялся против ветра. Дорога за оградой была чистой и сухой.

Утреннее солнце было закрыто облаками. В грязном свете, в четверти мили впереди, человек увидел дерево.

Скорость, с которой он шел, не менялась. Его глаза не отрывались от дерева. Маленькие камешки постукивали и скрипели под туфлями.

Дойдя до дерева, он снял пальто и аккуратно сложил его.

Он положил сверток на землю и полез на дерево.

Перелезая на ветку, которая протягивалась над оградой, он посмотрел, чтобы убедиться, что приближающихся машин нет. Потом он обхватил ветку двумя руками, на мгновение повис и свалился на дорогу.

Эта половина трассы была шириной ярдов в сто.

Он посмотрел на запад, увидел, что машин, движущихся в его направлении, все еще нет, и зашагал к островку на середине. Он был уверен, что не дойдет до него. В это время дня машины на скоростной полосе двигались со скоростью примерно сто шестьдесят миль в час. Он продолжал идти.

Мимо наконец-то пронеслась машина. Человек даже не оглянулся. Если окна были затемнены, как бывает обычно, то пассажиры не знают, что он пересек их путь. Они услышат об этом позднее и осмотрят перед своей машины в поисках следов возможного столкновения.

Машина промчалась перед ним. Ее окна были прозрачны. Ему явилось мелькание пары лиц с ртами в форме буквы «О». Его лицо продолжало ничего не выражать. Еще две машины с затемненными стеклами пронеслись мимо. Он пересек, наконец, ярдов двадцать трассы.

Двадцать пять...

Что-то в ветре или под ногами подсказало ему, что машина приближается, однако он не повернул головы.

Что-то в поле зрения заверило его, что машина близко, но его походка не изменилась.

Сесил Грин держал окна прозрачным, потому что так ему нравилось. Его левая рука была у нее в блузке, ее юбка была задрана, а его правая рука лежала на рычаге, который должен был опустить сидения. Неожиданно она отпрянула, издав какой-то горловой звук.

Его голова дернулась влево.

Он увидел идущего человека.

Он увидел профиль лица, которое не успело повернуться

к нему в анфас. Он заметил, что походка человека не изменилось.

Потом он перестал его видеть.

Было легкое сотрясение и ветровое стекло начало очищаться. Сесил Грин продолжал гонку.

Он затемнил стекла.

— Как...? — сказала она, всхлипывая и снова оказываясь в его руках.

— Его не засек монитор...

— Он должно быть не касался ограды...

— Он должно быть был не в себе. Сошел с ума!

— Все равно, он мог бы выбрать способ полегче.

Это могло быть лицо любого человека!.. Мое?

Испуганный, Сесил опустил сидения.

— Привет, ребята. Закрывается та большая, широкая, подкрашенная табачком улыбка, которой я вас только что наградил. Сегодня вечером мы оставим нашу обычную неформальную форму. Мы начнем дотошно продуманное драматическое представление в последней струе искусства.

— Мы собираемся сыграть Миф.

— Только после долгого душевного копания и болезненной интроспекции мы решили сыграть для вас сегодня именно этот Миф.

— Тьфу!

— Да, жую табачок — Ред Мен, отличный сорт — это бесплатная жвачка.

— А теперь, когда я скачу вверх и вниз и поплеываю на сцену, кто первым узнает мою мистическую агонию? Но не бросайтесь все к своим телефонам. — Тьфу!

— Это верно, леди и джентльмены: я, Тифон — бессмертный, дряхлый, обращающийся в кузнечика.

— Тьфу!

— А сейчас для следующего номера мне нужно больше света.

— Еще больше света.

— Тьфу!

— Гораздо больше, чем сейчас...

— Ослепительного света!

— Очень хорошо.

— Тьфу!

— А теперь — в пилотской куртке, солнечных очках, в шелковом шарфе — вот! Где мой хлыст?

- Отлично, все на месте.
- Вверх, мои лайки! Оп! Оп! Иии! Гей! Гав! Гав! Гав! Гав! Выше! Выше! Выше! В воздух, бессмертные вы лошадки, вы! Пошли! Быстрее! Выше там!
- Больше света!
- Вперед, лошадки! Быстрее! Выше! Папа с мамой смотрят, и это там моя девочка, внизу! Пошли! Не опозорьтесь! Оп!
- Дьявол, оно летит на меня?! Оно похоже на молн... — аааааа!
- Ух! Это был Фазтон, вслепую кружащийся на солнечной колеснице.
- А теперь, вы, наверное, все слышали старую поговорку «Только Бог может сделать дерево». Что ж, этот Миф называется «Аполлон и Дафна».
- Погасить свет!

Чарльз Рендер писал главу «Некрополис» для книги «Недостающее звено — человек», которая должна стать его первой книгой более чем за четыре года. Со времени своего возвращения он освободил для работы над ней вторую половину каждого вторника и четверга, запираясь в своем офисе и заполняя страницы хаотической скорописью.

«Есть много разновидностей смерти, в противоположность умиранию», — писал он в момент, когда интерком зазвенел коротко, потом длинно, потом снова коротко.

— Да? — спросил он, надавив на кнопку.

— К вам посетитель, — между «вам» и «посетитель» был короткий вдох.

Он положил в боковой карман маленькую аэрозоль, поднялся и пересек кабинет.

Он открыл дверь и выглянул.

— Доктор... Помогите...

Рендер сделал три шага вперед и опустился на колено.

— В чем дело?

— Поедем, она больна, — прорычал он.

— Больна? Что с ней? Что случилось?

— Не знаю. Поедем.

Рендер заглянул в звериные глаза.

— Как больна?

— Не знаю, — повторил пес. — Не говорит. Сидит. Я... чувствую, она больна.

— Как ты сюда попал?

— Ехал. Знаю ко-ор-ди-на-ты... Машину оставил, внизу.

— Я позвоню ей прямо сейчас, — Рендер повернулся.

— Нет. Не ответит.

Он был прав.

Рендер вернулся в кабинет за пальто и аптечкой. Он выглянул из окна и увидел, что машина припаркована прямо на съезде на обочину, где монитор освободил ручное управление. Если никто ее не принимал, машина автоматически парковалась на нейтральной полосе. Остальные машины обводились вокруг.

«Так просто, что даже собака может ее водить, — подумал он. — Лучше спуститься, пока не прибыл обводчик. Она, вероятно, уже передала, где остановилась. Хотя, может, и нет».

Он бросил взгляд на огромные часы.

— Хорошо, Зиг, — крикнул он, — поехали.

Они спустились на лифте на первый этаж, вышли через переднюю дверь и быстро пошли к машине.

Мотор все еще работал на холостом ходу.

Рендер открыл пассажирскую дверь, и Зигмунд запрыгнул в нее. Он втиснулся на водительское сидение рядом с ним, но пес уже набирал лапой на адресном табло первичные координаты.

Выглядит так, будто я не на своем месте.

Он зажег сигарету. Машина устремилась вперед, в У-образную развязку. Она вынырнула на противоположной стороне, на мгновение застыла, затем присоединилась к потоку. Пес направил машину на скоростную полосу.

— Ох, — сказал пес, — ох.

Рендеру захотелось в этот момент погладить его по голове, но он, взглянув на него, увидел, что клыки его обнажены, и решил этого не делать.

— Когда она начала странно себя вести? — спросил он.

— Пришла домой с работы. Не ест. Не отвечает мне, когда я говорю. Просто сидит.

— Она была такой когда-нибудь раньше?

— Нет.

Что могло это спровоцировать? Хотя, может, у нее просто был плохой день? В конце концов, это просто собака — в некотором роде. Нет. Он бы понял. Но тогда — что?

— Какой она была вчера и сегодня утром, когда выходила из дому?

— Как всегда.

Рендер снова попытался позвонить. Ответа вновь не было.

— Это ты сделал, — произнес пес.

— Что ты имеешь в виду?

— Глаза. Видеть. Ты. Машина. Плохой.

— Нет, нет, — быстро произнес Рендер, и его рука легла на парализующий баллончик в кармане.

— Да, — сказал пес, снова поворачиваясь к нему. — Ты ей сделаешь хорошо...?

— Конечно, — сказал Рендер.

Зигмунд снова устремился вперед.

Рендер был возбужден и чувствовал свое непонимание. Он искал причину. Что-то в связи с этим делом беспокоило его еще со времени первого сеанса. В Эйлин Шелот было что-то тревожащее: комбинация высокого интеллекта с беспомощностью, решительности и уязвимости, обидчивости и язвительности.

«Нахожу ли я ее особенно привлекательной? — Нет. Это просто проклятая контр-трансференция, черт бы ее побрал!»

— Ты пахнешь страхом, — произнес пес.

— Так и запиши, — сказал Рендер, — и пошли дальше.

Они замедлились, сделали серию поворотов, снова набрали скорость, снова замедлились и снова ускорились. Наконец, они проехали по узкой улице в полужилом районе города. Машина свернула в переулок, проехала еще около полумили, за щитком управления что-то мягко щелкнуло, и она свернула на стоянку перед высоким кирпичным жилым домом. Щелкнул, вероятно, специальный сервомеханизм, берущий управление с того момента, как его оставляет монитор, потому что машина пробралась по стоянке, заехала под прозрачный навес и остановилась. Рендер выключил зажигание.

Зигмунд уже открыл дверь со своей стороны. Рендер последовал за ним в здание, и они поднялись на лифте на пятидесятый этаж. Пес бросился вперед по коридору, ткнул носом в установленную на раме панель и принялся ждать. Через мгновение дверь сдвинулась на несколько дюймов внутрь. Он распахнул ее плечом и вошел. Рендер последовал за ним, закрыв за собой дверь.

Квартира была большая, стены не особенно украшены, цветовые комбинации спокойные. Один угол занимала огромная библиотека записей, рядом — монстр радиоустановки. Перед окном стоял широкий стол с гнутыми ножками, у правой стены — низкая кушетка; рядом с диваном была закрытая дверь, проем слева вел, очевидно, в другие комнаты. Эйлин сидела на заваленном одеждой стуле в дальнем углу у окна. Зигмунд стоял рядом с ней.

Рендер пересек комнату и достал сигарету. Открыв щелч-

ком свою зажигалку, он держал пламя до тех пор, пока ее голова не повернулась в этом направлении.

— Сигарету? — спросил он.

— Чарльз?

— Верно.

— Да, спасибо... Я закурю.

Она протянула руку, взяла сигарету и приложила ее к губам.

— Спасибо. Что ты здесь делаешь?

— Благотворительный вызов. Я оказался рядом.

— Я не слышала звонка или стука.

— Ты, наверное, задремала. Зиг меня впустил.

— Да, вероятно. — Она потянулась. — Который час?

— Около пяти тридцати.

— Значит, я дома больше двух часов... Наверное, очень устала...

— А как ты сейчас?

— Прекрасно, — объявила она. — Тебя заинтересует чашка кофе?

— Не против, чтобы заинтересовала.

— А бифштекс, заодно?

— Нет, спасибо.

— «Бикарди» в кофе?

— Звучит хорошо.

— Тогда прошу прощения. Это займет одну минуту.

Она вышла в дверь рядом с диваном, и Рендер заметил большую блестящую автоматическую кухню.

— Ну как? — прошептал он псу.

Зигмунд покачал головой.

— Не как раньше.

Теперь уже Рендер покачал головой.

Он положил пальто на диван, аккуратно завернув в него аптечку, потом сел рядом и задумался.

Может, я дал ей за один раз слишком большой кусок видений? Может, у нее депрессивные побочные эффекты, скажем, подавлена память или нервное утомление? Может, я как-то возбудил сенсорно-адаптационный синдром? В любом случае, почему я шел так быстро? Спешить, по существу, было некуда. Мне что, так чертовски приспичило поскорее обо всем написать? Или я делаю так потому, что она хочет, чтобы я так делал? Может ли она быть настолько сильной, сознательно или бессознательно? Или я такой податливый?

Она позвала его на кухню принести поднос. Он поставил его на стол и сел напротив нее.

— Хороший кофе, — сказал он, обжигая губы.

— Умная машина, — ответила она, повернув лицо в направлении его голоса.

Зигмунд вытянулся на ковре рядом со стулом, опустил голову между лапами, вздохнул и закрыл глаза.

— Я тут думал, — произнес Рендер, — не имел ли последний сеанс каких-нибудь пост-эффектов — типа усиления синестезических ощущений, или снов, содержащих формы, или галлюцинации или...

— Да, — без выражения сказала она, — сны.

— Какого рода?

— Последний сеанс. Я видела его во сне снова и снова.

— От начала до конца?

— Нет, особого порядка не было. Мы то едем по городу, то по мосту, то сидим за столом, то идем к машине, — просто такие вспышки. Яркие.

— Какими они — вспышки — сопровождаются чувствами?

— Я не знаю. Все вмешано.

— Тебе страшно?

— Н-нет, не думаю.

— Хочешь сделать перерыв? У тебя нет чувства, что мы продвигались слишком быстро?

— Нет. Это совсем не то. Это — что ж, это похоже на то, как учишься плавать. Когда наконец получается, ты плаваешь и плаваешь, и плаваешь, пока не выдохнешься. Тогда ты просто валишься, глотаешь воздух, и вспоминаешь, как это было, пока твои друзья крутятся вокруг и едят тебя за то, что ты так переупражнялась — и это хорошее чувство, даже хотя ты дрожишь и у тебя булавками колет все мышцы. По крайней мере, это как я всегда делаю. Я чувствовала это после первого сеанса и после этого последнего. Первый раз — это всегда что-то особое... Но сейчас булавки исчезли, и я восстановила дыхание. Господи, я не хочу сейчас останавливаться! Я прекрасно себя чувствую!

— Ты обычно ложишься подремать днем?

Она потянулась, десять алых ногтей двинулась по поверхности стола.

— ...Устала. — Она улыбнулась, подавив зевок. — Половина персонала в отпуске или больны, и я всю неделю била за двоих. С ног валилась, когда уходила с работы. Но сейчас, когда я отдохнула, я чувствую себя хорошо.

Она двумя руками подняла чашку с кофе и сделала большой глоток.

— У-гу, — сказал он. — Хорошо. Я немного беспокоился о тебе. Рад видеть, что напрасно.

— Беспокоился? Ты читал заметки доктора Рискомба о моем анализе — и о попытке на камере — и ты думаешь, что я из тех, о ком нужно беспокоиться? Ха! У меня операционно-благотворный невроз по поводу моей адекватности как человеческого существа. Он фокусирует мою энергию, координирует мои попытки во всем. Он возбуждает мое чувство индивидуальности...

— У тебя чертовская память, — заметил он. — Это почти дословно.

— Конечно!

— Ты сегодня встревожила и Зигмунда.

— Зига? Как?

Пес напрягся, открыв один глаз.

— Да, — прорычал он, глядя на Рендера. — Его нужно отвезти домой.

— Ты снова водил машину?

— Да.

— После того, как я сказала тебе этого не делать?

— Да.

— Почему?

— Я боялся. Ты не, отвечала, мне, когда, я говорил.

— Я была очень уставшей — и если ты еще когда-нибудь возьмешь машину, я попрошу переделать дверь так, чтобы ты не смог заходить и выходить, когда захочешь.

— Извини.

— Со мной все в порядке.

— Я вижу.

— Ты никогда больше не должен этого делать.

— Извини. — Его глаз не отрывался от Рендера, он был как жгущая линза.

Рендер отвел взгляд.

— Не будь слишком строга с беднягой, — сказал он. — В конце концов, он думал, что ты больна и пошел за доктором. Представь, что он оказался бы прав? Ты бы должна была благодарить его, а не упрекать.

Зигмунд посмотрел еще мгновение и закрыл глаз.

— Ему нужно говорить, когда он неправильно поступает, — закончила Эйлин.

— Я согласен, — сказал он, допивая свой кофе. — Но, в любом случае, ничего не случилось. Вреда он не нанес. Раз уж я здесь, давай поговорим? Я кое-что пишу и хотел бы знать твое мнение.

— Здорово! Уделишь мне сноску?

— Две или три. Как по-твоему, различаются ли в разных культурах общие основные мотивации, которые приводят к самоубийству?

— Мое обдуманное мнение состоит в том, что нет, они не различаются, — ответила она. — Фрустрации могут приводить к депрессиям или безумиям; и если они достаточно сильны, они могут вызывать саморазрушение. Ты спрашиваешь о мотивациях, — я считаю, что они остаются одними и теми же. Мне кажется, что это над-культурный и над-временной аспект человеческого состояния. Не думаю, что его можно поменять, не меняя основной природы человека.

— Отлично. Шах. Теперь, а как насчет побуждающего элемента? — спросил он. — Пусть человек постоянен, но его окружение тем не менее перемененно. Если поместить его в сверхзащищающую жизненную среду, то как ты думаешь, труднее или легче будет подавить или стимулировать у него безумие, чем в не столь оберегающей среде?

— Хм. Поскольку я обычно ориентируюсь на конкретные случаи, я сказала бы, что это зависит от человека. Но я вижу, к чему ты клонишь: массовая предрасположенность выпрыгивать из окна по причине упавшей шляпы — окно даже само откроется по твоей просьбе — этакое восстание скучающих масс. Мне не нравится эта идея. Надеюсь, что она окажется неверной.

— Я тоже, но я думал и о символических самоубийствах — функциональных расстройств, которые появляются по самым мелким причинам.

— Ага! Твоя лекция в прошлом месяце — автопсихомикрия. У меня есть запись. Хорошо изложенная, но я не могу согласиться.

— Сейчас я и сам не могу. Я переписываю весь этот раздел. На самом деле это — инстинкт смерти, подвинутый ближе к поверхности.

— Если я дам тебе скальпель и труп, ты вырежешь этот инстинкт смерти и дашь мне его потрогать?

— Не смогу, — он вложил в голос улыбку, — в трупе он будет весь израсходован. Но достань мне добровольца, и он докажет, что я прав тем, что согласится.

— У тебя неприступная логика. — Она улыбнулась. — Принеси нам еще кофе, хорошо?

Рендер пошел на кухню, сполоснул и наполнил чашки, выпил стакан воды и вернулся в гостиную. Эйлин не шевелилась, Зигмунд тоже.

— Что ты делаешь, когда ты не занят тем, что являешься шейпером? — спросила она его.

— То же, что и большинство людей: ем, пью, сплю, разговариваю, навещаю друзей и не друзей, хожу в разные места, читаю...

— Ты умеешь прощать?

— Иногда. А что?

— Тогда прости меня. Я сегодня поспорила с женщиной по имени Девилль.

— О чем?

— Она обвинила меня в таких вещах, что лучше бы моей матери меня не рожать. Ты собираешься на ней жениться?

— Нет. Брак похож на алхимию. Он сыграл однажды важную роль, но не думаю, что сейчас его время.

— Хорошо.

— Что ты ей сказала?

— Я дала ей клиническую карточку с записью: «Диагноз — сука. Предписание — лекарственная терапия и тугой кляп».

— О, — сказал Рендер, выказывая интерес.

— Она разорвала ее и швырнула мне в лицо.

— Интересно, почему?

Она пожала плечами, улыбнулась, зашипнула пальцами скатерть.

— Отцы и старшие, я размышляю, — вздохнул Рендер. — что есть ад?

— Я утверждаю, что это страдание от того, что не можешь любить, — закончила она. — Достоевский был прав?

— Сомневаюсь. Лично я поместил бы его в группу терапии. Вот это и был бы для него настоящий ад — со всеми этими людьми, которые ведут себя как его персонажи и получают от этого удовольствие.

Рендер положил чашку и отодвинул свой стул от стола.

— Я думаю, ты собираешься сейчас уходить?

— Мне действительно нужно, — сказал Рендер.

— И я не могу заинтересовать тебя едой?

— Нет.

Она встала.

— Хорошо, я сейчас возьму пальто.

— Я сам доеду обратно, просто установив машину на возвращение.

— Нет! Меня пугает идея пустых машин, разъезжающих по городу. Ближайшие две с половиной недели мне будет казаться, что в ней живет нечистая сила.

— Кроме того, — сказала она, выходя в соседнюю комнату, — ты обещал мне Винчестерский Собор.

— Ты хочешь сегодня?

— Если можно тебя склонить.

Пока Рендер стоял, решая, Зигмунд поднялся. Он стал прямо перед ним и уставился ему в глаза. Он открыл пасть и закрыл ее, несколько раз, но никаких звуков не раздалось. Потом он повернулся и вышел из комнаты.

— Нет, — вновь раздался голос Эйлин, — ты будешь здесь до тех пор, пока я не вернусь.

Рендер поднял свое пальто и надел его, запихнув аптечку во внутренний карман.

Когда они шли к лифту, Рендеру показалось, что он слышит очень и очень далекий вой.

Рендер знал, что в этом месте, из всех мест, он властелин всего.

Он был дома в этих чужих мирах, в которых нет времени; мирах, где звезды в небесах ведут битву, падая на землю, истекая кровью, как столь многие разбитые вдребезги кубки; где моря отступают, вскрывая ведущие вниз лестницы, и из каверн появляются руки, размахивая факелами, которые пылают как текущие жидкие лица — кошмар ночи в середине зимы — потому что он посещал эти миры на профессиональной основе вот уже почти десять лет. Одним мановением пальца он мог заточать колдунов, приводить их на суд за измену королевству — айие, и мог казнить их и определить судьбу их последователей.

К счастью, сегодняшнее посещение было всего лишь визитом вежливости...

Он пошел вперед по ложине, ища ее...

Он чувствовал ее пробуждающееся присутствие повсюду вокруг себя.

Он пробрался сквозь ветви, встав около озера. Оно было холодным, синим и бездонным — озеро, отражающее стройную иву, которая стала местом ее прихода.

— Эйлин!

Ива качнулась к нему, потом обратно.

— Эйлин! Выйди!

Листья падали, плыли по озеру, тревожили его зеркальную гладкость, искажали отражения.

— Эйлин?

Все листья одновременно пожелтели и опали в воду. Дере-

во перестало качаться. В темнеющем небе звучал странный звук, похожий на гудение высоких проводов в холодный день.

Вдруг по небу поплыла двойная шеренга лун.

Рендер выбрал одну, потянулся и нажал на нее. Когда он сделал это, остальные исчезли, и мир просветлел; гудение замолкло.

Он обошел вокруг озера, чтобы отсрочить момент, когда ему придется отвечать на это отрицание. Он прошел вверх по еловой аллее к месту, где он хотел появления Собора. Теперь на деревьях пели птицы. Мимо него мягко пролетел ветерок. Он чувствовал ее присутствие довольно сильно.

— Сюда, Эйлин. Сюда.

Она шагала с ним рядом, зеленый шелк, бронзовые волосы, глаза цвета плавленого изумруда; изумруд был у нее и на лбу. Она шла в зеленых тапочках по еловым иголкам, спрашивая: «Что случилось?»

— Ты испугалась.

— Почему?

— Может, ты боишься Собора. Ты ведьма? — Он улыбнулся.

— Да, но у меня сегодня выходной.

Он засмеялся, он взял ее руку, они обошли холм листвы, и там стоял Собор, воссозданный им на песчаной возвышенности, пробиваясь вверх над ними и над деревьями, выдыхая органические ноты, отражая заблудившийся бродячий солнечный луч стеклянной плоскостью.

— Крепко держись за мир, — сказал он. — Вот идет экскурсия.

Они прошли вперед и вошли.

— ...Со своими колоннами от пола до потолка, похожими на множество могучих стволов, он жестко владеет своим пространством, — сказал он. — Я это взял из путеводителя. Это северный трансепт...

— «Гринсливз», — сказала она, — орган играет «Гринсливз».

— Да. Но я тут ни при чем. Взгляни на древние столицы...

— Я хочу подойти ближе к музыке.

— Хорошо. Тогда сюда.

Рендер чувствовал, что что-то не так. Но он не мог понять, что.

Все сохраняло свою устойчивость...

Что-то быстро пролетело потом высоко над Собором, издавая тихий гул. Рендер улыбнулся на это, теперь поняв; это

было как оговорка, он на мгновение спутал Эйлин с Джилл — да, это и было тем, что случилось.

Почему тогда...

Алтарь стал взрывом света. Он никогда и нигде не видел его раньше.

Стены вдруг стали темными и холодными. Свечи мерцали в углах и в высоких нишах. Орган под невидимыми руками издавал гром аккордов.

Рендер знал, что что-то не так.

Он повернулся к Эйлин Шелот, чья шляпка была зеленым конусом, возвышающимся башней в темноту. С неба свисали нити зеленой вуали. Ее горло было в тени, но...

— Это ожерелье. Где..?

— Я не знаю. — Она улыбнулась.

Кубок, который она держала, излучал розовый свет. Он отражался от ее изумруда. Он окатил его потоком холодного воздуха.

— Ты хочешь пить? — спросила она.

— Не двигайся! — приказал он.

Он повелел стенам пасть. Они сползли в тень.

— Не двигайся! — повторил он торопливо. — Ничего не делай. Старайся даже не думать.

— Падите! — закричал он. И стены разорвались во все стороны, и крыша была выброшена на вершину мира, и они стояли посреди нее, освещенные единственной свечкой. Ночь была черна, как смоль.

— Почему ты сделал это? — спросила она, все еще протягивая ему кубок.

— Не думай. Не думай ни о чем, — сказал он. — Расслабься. Ты очень устала. Как мерцает и затухает эта свеча, так затухает и твое сознание. Ты с трудом удерживаешься ото сна. Ты с трудом стоишь на ногах. Твои глаза закрываются. Здесь все равно не на что смотреть.

Он повелел свече погаснуть. Она продолжала гореть.

— Я не устала. Пожалуйста, выпей.

Он слышал сквозь ночь музыку органа. Другая мелодия, он не узнал ее сперва.

— Мне нужна твоя помощь.

— Хорошо. Все, что угодно.

— Посмотри! Луна! — Он показал.

Она посмотрела вверх, и луна появилась из-за чернильной тучи.

— ...И другая, и другая.

Луны, как нанизанные на нить жемчужины, двигались в темноте.

— Последняя будет красной, — заявил он.

Последняя была красной.

Он скользнул вдоль своего взгляда рукой и попытался коснуться красной луны.

Его руке было больно, она горела.

— Проснись! — закричал он.

Красная луна исчезла и белые тоже.

— Пожалуйста, выпей.

Он выбил кубок из ее рук и отвернулся. Когда он обернулся обратно, она все продолжала держать кубок перед ним.

— Выпей!

Он повернулся и бросился в ночь.

Это было похоже на бег по пояс в снегу. Это было неверно. Он усугублял ошибку тем, что бежал — сводил к минимуму свою силу, увеличивая ее. Это истощало его энергию, иссушало его.

Он неподвижно встал в центре черноты.

— Мир вокруг меня движется, — приказал он самому себе. — Я его центр...

— Пожалуйста, выпей, — сказала она, и он вновь оказался в ложине рядом с их столиком, стоящим около озера. Озеро было черным, а луна серебряной и высокой, и недостижимой для него. Одинокая свеча мерцала на столе, делая ее волосы такими же серебряными, как ее платье. Она несла на лбу луну. Бутылка Романи-Конти стояла на белой скатерти рядом с широким винным бокалом. Он был наполнен так, что из него вытекало, из этого бокала, и розовые пузырьки оседали на его краях. Он очень хотел пить, и она была прекраснее любой, кого он когда-нибудь раньше видел, и ее ожерелье лучилось, и с озера прилетел прохладный ветерок, и было что-то, что-то такое что он должен был вспомнить.

Он шагнул к ней, и его латы слегка зазвенели от движения. Он протянул руку к кубку, но его правая рука онемела от боли и повисла вдоль тела.

— Ты ранен!

Он медленно повернул голову. Кровь струилась из открытой раны на бицепсе, текла вниз по руке и капала с пальцев. Его латы были пробиты. Он заставил себя отвернуться.

— Выпей это, любимый. Это исцелит тебя.

Он стоял.

— Я подержу стакан.

Он смотрел на нее, в то время как она поднимала кубок к его губам.

— Кто я? — спросил Рендер.

Она не ответила ему, но ответило что-то в том, как выплеснулись на берег воды озера.

«Ты Рендер, формировщик».

— Да, я помню, — сказал он и, обратив свой ум на ложь, которая могла бы разрушить всю иллюзию, он заставил свою гортань произнести: «Эйлин Шелот, я ненавижу тебя».

Мир содрогнулся и поплыл вокруг него, был сотрясен, будто гигантским рыданием.

— Чарльз! — закричала она, и чернота опустилась на них.

— Проснись! Проснись! — закричал он, и его правая рука горела и кровоточила в темноте.

Он стоял один посреди белой равнины. Она была безмолвной, она была бесконечной. Она изгибалась вдаль к граням мира. Она испускала свой собственный свет, а небо было не небом, а ничем. Он был один. Его собственный голос вернулся к нему эхом, отразившись от края мира: «...ненавижу тебя, — произнес он, — ненавижу тебя».

Он упал на колени. Он был Рендер, формировщик.

Он хотел плакать.

Красная луна появилась над равниной, излучая мертвенный свет на все вокруг. Слева от него была стена гор, справа другая.

Он поднял правую руку. Он помог ей левой. Он сжал правый кулак, вытянул указательный палец. Он достал луну.

Тогда с гор раздался вой, ужасный вопль — получеловеческий, он был весь вызов, весь одиночество и весь раскаяние. Он увидел тогда попирающего горы хвостом, сбивающего снег с их высочайших вершин Волка Севера — Фенрира, сына Локи — восставшего против небес.

Он прыгнул в небо. Он проглотил Луну.

Он приземлился рядом с ним, и его огромные глаза заблестели желтым светом. Он пошел за ним на беззвучных лапах, через холодные белые поля, которые лежали между горами; Рендер пятился от него вверх на холмы и вниз в долины, над трещинами и расщелинами, по равнинам, мимо сталагмитов и горных вершин, над гранями ледников, мимо замерзших рек и всегда вниз — пока его горячее дыхание не омыло его и его пасть не распахнулась широко над ним.

Мир отскочил назад. Он заскользил по склонам. Вниз. Скорее.

Прочь...

Он оглянулся через плечо. Вдалеке скачками двигалась за ним серая тень.

Он чувствовал, что она может догнать его, если захочет. Ему нужно бежать быстрее.

Мир завертелся вокруг. Начал падать снег.

Он продолжал гонку. Впереди пятно, излом линии...

Он прорвался сквозь снежную вуаль, которая сейчас, казалось, падает вверх, с земли — как цепочки пузырьков.

Он приблизился к раздробленному остову.

Как пловец приблизился он — неспособный открыть рот и заговорить из страха утонуть — утонуть и не узнать, никогда не узнать.

Он не мог продолжать свое движение вперед; как приливной волной его несло к останкам. Наконец, он остановился перед ними.

Некоторые вещи не меняются никогда. Это вещи, которые давно перестали существовать как объекты и остались просто событиями вне той последовательности элементов, которая называется Временем.

Рендер стоял там и его не волновало, что Фенрир может вспрыгнуть ему на спину и выесть его мозг. Он закрыл глаза, но не мог перестать видеть. Сегодня — нет. Его не интересовало ничего. Мертвой у его ног перед ним лежала большая его часть.

Раздался вой. Мимо него проскользнула серая тень.

Исполненные злобой глаза и кровавая пасть погрузились в разбитую машину, сквозь сталь и стекло, чавкая, нащупывая внутри...

— Нет! Тварь! Поедатель трупов! — закричал он. — Мертвые священны! Мои мертвые — священны!

Тогда в его правой руке оказался скальпель, и он умело взрезал сухожилия, пучки мышц в напряженных плечах, мягкое брюхо, трубки артерий.

Плача, он расчленил монстра, сустав за суставом, и кровь все текла и текла, загрязняя машину и останки в ней животными соками, капающими и струящимися, пока вся равнина не покраснела и не стала корчиться под ними.

Рендер упал на разбитую крышу, и она стала мягкой и теплой, и сухой. Он рыдал на ней.

— Не плачь, — сказала она.

Тогда он оперся о ее плечо, держась на нем крепко, как там, у озера, черного под луной. Одинокaя свеча мерцала на их столе. Она поднесла стакан к его губам.

— Пожалуйста, выпей это.

— Да, дай мне его!

Он проглотил вино, которое было сама мягкость и легкость. Оно обожгло его. Он почувствовал, что его силы возвращаются.

— Я...

— Рендер, формировщик, — всплеснулось озеро.

— Нет!

Он повернулся и побежал снова, ища разбитую машину. Он должен был пойти обратно, вернуться...

— Ты не сможешь!

— Я смогу, — закричал он. — Я смогу, если буду пытаться...

Желтое пламя кольцом пробивалось сквозь густой воздух. Желтые змеи обвивались, сверкая вокруг его лодыжек. Потом сквозь мрак, двухголовый и возвышающийся как башня, приблизился его противник.

Маленькие камни трескали под ним. Удушливейший запах ворвался в его ноздри и в голову.

— Шейпер! — раздался рев одной из голов.

— Ты вернулся рассчитаться! — Вскрикнула другая.

Рендер смотрел на них, вспоминая.

— Между нами нет расчетов, Тамизль, — сказал он. — Я победил тебя и сковал тебя для Ротмана. Да, его звали Ротман — каballиста. — Он начертил в воздухе пентаграмму. — Возвращайся в Клифот. Я изгоняю тебя.

— Это место и будет Клифот.

— ...Именем Хамаэля, ангела крови, духами Серафимов, Именем Элохима Гебора я приказываю тебе исчезнуть!

— Как-нибудь в другой раз. — Обе головы рассмеялись.

Они двинулись вперед.

Рендер медленно пятился, его ноги сковывали желтые змеи. Он чувствовал, как за ним открывается бездна. Мир был разваливающейся на части головоломкой.

— Сгинь!

Гигант залился двойным смехом.

Рендер оступился.

— Сюда, любимый!

Она стояла в маленькой пещерке справа от него.

Он покачал головой и продолжал пятиться к бездне.

Тамизль бросился на него.

Рендер упал навзничь на краю.

— Чарльз! — закричала она, и с ее криком мир затрясся, разваливаясь на части.

Тогда Vernichtung*, — ответил он, падая. — Я присоединюсь к тебе, в темноте...

Все пришло к своему концу...

— Я хотел бы видеть доктора Чарльза Рендера.

— Извините, но это невозможно.

— Но я проделал всю дорогу специально, чтобы его поблагодарить. Я новый человек! Он изменил мою жизнь!

— Извините, мистер Эриксон. Когда вы звонили утром, я сказал вам, что это невозможно.

— Сэр, я Полномочный Представитель Эриксон — и Рендер однажды оказал мне большую услугу.

— Тогда и вы можете сейчас оказать услугу ему. Пойдите домой.

— Вы не можете со мной так разговаривать!

— Я только что это сделал. Пожалуйста, уйдите. Может, когда-нибудь, в следующем году...

— Но несколько слов могут сделать чудеса...

— Приберегите их!

— Я... — Извините...

Каким бы это ни было красивым, окрашенным розовым светом утра, в пузырящийся парной котел моря — он знал, что это должно кончиться. Поэтому...

Он сошел с лестницы высокой башни и вошел во двор. Он прошел в увитую розами беседку и посмотрел вниз на ложе, стоящее в ее середине.

— Доброго утра, милорд, — сказал он.

— Того же и тебе, — ответил рыцарь, кровь которого смешивалась с землей, цветами, травами, вытекаая из его раны, сверкая на его латах, капая с его пальцев.

— Не затяннулась?

Рыцарь покачал головой.

— Я пуст. Я жду.

— Ожидание ваше почти закончено.

— Что ты речешь? — Он сел прямо.

— Корабль. Он подплывает к гавани.

Рыцарь встал. Он прислонился к мшистому стволу. Он посмотрел на огромного бородатого прислужника, который продолжал говорить, словами, грубыми от варварских акцентов:

---

* Здесь: «Рассыпья» (нем.)

— Он идет как черный лебедь впереди ветра — возвращается.

— Черный, изрек ты? Черный?

— Паруса черны, Лорд Тристан.

— Ты лжешь!

— Вы хотите видеть? Видеть сами? — Тогда смотрите!

Он сделал жест рукой.

Земля содрогнулась, стена опрокинулась. Пыль взвилась и осела. С места, где они стояли, они видели корабль, приближающийся к гавани на крыльях ночи.

— Нет! Ты лжешь мне! Смотри! Они белы!

Заря танцевала на воде. От парусов корабля по воде бежали тени.

— Нет, ты глупец! Черны! Они должны...

— Белы! Они белы! — Изольда! Ты вернулась! Ты сохранила верность.

Он побежал к гавани.

— Вернись! — Ты ранен! Болен! — Стой!

Паруса белели под солнцем, которое было красной кнопкой, которой быстро коснулся прислужник.

Упала ночь.

СОДЕРЖАНИЕ

Бог Света. <i>Роман.</i>	5
Краткий словарь мифологических имен и понятий	246
Повелитель сновидений. <i>Роман.</i>	253

**Директор издательства А. Литвинов
Главный редактор С. Кубанцов
Литературный редактор О. Абышко
Зав. макетным отделом А. Игнатенко
Технический редактор И. Мальский**

**Сдано в набор 10.05.92. Подписано в печать 15.07.92. Формат 84×108¹/₃₂.
Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Печать офсетная. Печ. л. 12,0. Усл.
печ. л. 20,16. Тираж 100 000 экз. Заказ 8114. ФМБ «Пирал», ИКА «Тайм-
аут». Санкт-Петербург, Басков пер., д. 12. ГПП имени Ивана Федорова
Министерства печати и информации РФ. 191126. Санкт-Петербург,
Звенигородская, 11.**

В серии «ОРИОН» готовятся к печати:

Силверберг

Ночные крылья. Лабиринт

Нивен

Полет лошади

Пол

Проклятие волков

Век нерешительности

Рассказы

Ван Вогт

Мир ноль-А

Пешки ноль-А

Вечный дом

Железны

Создания света, создания тьмы

Остров мертвых